

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

3(178)

Июль — Август — Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1986

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова*,
чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
д. и. н. *В. И. Кузицин*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
д. и. н. *Л. П. Маринович*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный
секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

О ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНЕ РАБОТЫ «ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVII СЪЕЗДА КПСС

Решения исторического XXVII съезда КПСС знаменуют начало нового переломного этапа в развитии нашей страны. Огромная роль съезда в судьбах всего человечества определяется масштабностью, стратегическим характером его решений. В речи при закрытии съезда М. С. Горбачев отметил: «Принятая и утвержденная генеральная линия внутренней и внешней политики партии — линия на ускорение социально-экономического развития страны, упрочение мира на Земле — главный политический итог XXVII съезда КПСС»¹. В Политическом докладе ЦК КПСС, в новой редакции Программы партии и в других документах съезда даны ответы на важнейшие международные вопросы современности, поставлены новые практические задачи в совершенствовании развитого социалистического общества, выдвинуты новые теоретические проблемы, имеющие актуальное и перспективное значение.

«Съезд ленинской партии внес крупный вклад в теорию и практику научного коммунизма, в научное осмысление процессов мирового развития и задач совершенствования социалистического общества на основе ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса»², в сложный комплекс проблем, вытекающих из современного, переломного характера развития нашей страны и мира в целом. В соответствии с материалистическим пониманием исторического процесса стратегия ускорения выдвигает на первый план повышение темпов роста экономики, «...переход к экономике высшей организации и эффективности со всесторонне развитыми производительными силами, зрелыми социалистическими производственными отношениями, отлаженным хозяйственным механизмом»³.

Главным рычагом интенсификации экономики должно стать кардинальное ускорение научно-технического прогресса, широкое внедрение новейшей техники и технологии, обеспечивающих наивысшую производительность и эффективность производства. В связи с этим особенно возрастает роль науки в развитии производительных сил, в повышении производительности труда, усиливается ориентация фундаментальных научных исследований на решение научно-технических проблем народнохозяйственного значения, первоочередной задачей становится интеграция науки, техники и производства с тем, чтобы ускорить прохождение научных идей от зарождения до применения на практике. Необходима интенсификация самой научной деятельности, наука превращается не только

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 344.

² Федосеев Л. Наука на этапе ускорения.— Коммунист, 1986, № 5, с. 33.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 101—102.

в производительную, но и социальную силу. Концепция ускорения охватывает также социальную и духовную сферу жизни общества, поскольку их развитие определяется экономическими факторами и в то же время они сами оказывают воздействие на экономику и развитие общества в целом.

«Многогранные задачи ускорения,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС,— его взаимосвязанные аспекты — политические, экономические, научно-технические, социальные, культурно-духовные и психологические — нуждаются в дальнейшем глубоком и всеобъемлющем анализе. Мы испытываем настоятельную потребность в серьезных философских обобщениях, обоснованных экономических и социальных прогнозах, глубоких исторических исследованиях»⁴. М. С. Горбачев, критикуя научных работников в области общественных наук за известную отдаленность от вопросов жизни, подчеркивает, что время требует, чтобы «...ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику»⁵.

На основании глубокого анализа закономерностей развития стран социалистического лагеря, основных тенденций и противоречий современного мира в Политическом докладе ЦК КПСС, в новой редакции Программы партии и в других документах съезда сформулированы новые теоретические положения: о переломном характере нынешнего этапа истории, о диалектике современной эпохи, ее тенденциях и противоречиях, о движущих силах общественного прогресса, об ускорении социально-экономического развития как объективной закономерности движения социалистического общества к новому качественному состоянию, о диалектике постепенного перехода к коммунизму, о необходимости выработки в современных условиях нового образа мышления, новой психологии, новой ценностной ориентации. Новая концепция сущности современной эпохи получила четкую формулировку в резолюциях съезда: «В сочетании соревнования, исторического противоборства двух систем и нарастающей тенденции к взаимозависимости государств мирового сообщества — реальная диалектика современного мирового развития. Через борьбу противоположностей складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир»⁶. Съезд выдвинул целый ряд экономических, философских, социологических, правовых и исторических проблем современности, требующих дальнейшей научной разработки. Это прежде всего изучение диалектики производительных сил и производственных отношений в условиях научно-технической революции, социально-экономические и правовые проблемы научно-технического прогресса, проблемы взаимоотношения общества и природной среды, отношения производительных сил человека к производительным силам самой природы, ответственности людей за судьбу жизни на Земле; исследование проблем человека во всей их совокупности, разработка проблем международных отношений на мировом и региональном уровне и др.

«Сегодня в фокусе теоретической мысли партии,— сказал М. С. Горбачев,— сложный комплекс проблем, вытекающих из современного, переломного характера развития нашего общества, мира в целом»⁷ и в то же время показал, что их анализ базируется на творческом развитии марксистско-ленинского учения об обществе, на изучении общественного развития как единого, закономерного во всей громадной разносторонности и противоречивости процесса. В новой редакции Программы КПСС четко определены кардинальные задачи общественных наук. «Принципальной, выверенной основой естественнонаучного и социального познания была и остается диалектико-материалистическая методология.

⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 84—85.

⁵ Там же, с. 85.

⁶ Там же, с. 100.

⁷ Там же, с. 84.

Ее нужно и дальше творчески развивать, умело применять в исследовательской работе и общественной практике»⁸. Акцентируя внимание обществоведов на разработке теоретических проблем, возникающих на современном этапе развития человеческого общества, и прежде всего закономерностей становления коммунистической формации, Программа КПСС вместе с тем ставит перед общественными науками задачу изучения, всестороннего анализа и обобщения исторического опыта мирового развития. В Программе отмечается также, что важной задачей общественной науки была и остается борьба против буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма, что стилем научной работы должен быть смелый поиск, соревновение идей и направлений, плодотворные дискуссии. «Науке противопоказаны как схоластические рассуждения, так и пассивная регистрация фактов, чурающаяся смелых теоретических обобщений, конъюнктурщина, отрыв от реальности»⁹.

Неисчерпаемое богатство идей и теоретических разработок, содержащихся в документах XXVII съезда КПСС, является важным стимулом повышения эффективности научных исследований и надолго определит стратегию развития советской науки и в особенности общественных наук, в том числе и исторической науки в целом и истории древнего мира.

Претворяя в жизнь огромный творческий потенциал, заключенный в решениях XXVII съезда КПСС, необходимо критически оценить наши достижения в области изучения истории древнего мира, современный уровень наших исследований и наметить важнейшие, основные направления, требующие концентрации усилий специалистов для дальнейшей разработки теоретических и конкретно-исторических проблем истории древнего Востока, античного мира и племенной периферии.

В статьях Г. М. Бонгард-Левина и М. А. Дандамаева «Советская наука о древнем Востоке в 1981—1985 гг.» (ВДИ, 1986, № 1) и Е. С. Голубцовой «Историки античности к XXVII съезду КПСС (Об исследовании истории античного мира в 1981—1985 гг.)» (ВДИ, 1986, № 2) подведены итоги работы историков древнего мира за предыдущее пятилетие, рассмотрена проблематика коллективных обобщающих трудов и наиболее важных конкретно-исторических исследований, показана роль историографии древнего мира в изучении истории нашей страны, в расширении диапазона культуры советского человека, освещен вопрос о вкладе наших исследований по истории древнего Востока и античности в мировую историографию. Однако в свете решений XXVII съезда КПСС следует еще раз, более глубоко рассмотреть вопрос об основных направлениях и значениях наших исследований на современном этапе в условиях крутого перелома, серьезнейшей перестройки социально-экономической и идеологической жизни нашей страны. Очевидно, в первую очередь надо сосредоточить внимание на тех аспектах изучения древнего мира, которые имеют наиболее актуальное значение и непосредственный выход в практику современной идеологической и культурной жизни общества.

Это прежде всего разработка теоретических и конкретно-исторических проблем истории древнего мира, подтверждающих и обогащающих фактическими данными марксистско-ленинское учение о закономерностях развития человеческого общества, позволяющих конкретизировать его основные положения о характере общественно-экономических формаций на ранних этапах развития человечества. Именно вокруг этих проблем продолжается (и даже приобретает все большую остроту) борьба в зарубежной социологии, истории и философии, причем в ходе дискуссий между исследователями марксистского направления и их противниками, антимарксистами, немало внимания уделяется трактовке этих проблем в советской историографии. Важную роль в разработке теоретиче-

⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 167.

⁹ Там же, с. 168.

ских проблем древней истории с позиций марксистской методологии играют исследования наших коллег из стран социалистического лагеря и историков-марксистов Франции, Италии, Испании, в той или иной мере опирающихся на выводы советской историографии или полемизирующих с ними. И если четверть века тому назад буржуазная наука просто игнорировала марксистскую историографию, то сейчас вынуждена считаться с ней, вступать в непосредственную или скрытую дискуссию.

Интересна в этом плане недавно вышедшая работа К. Науманна¹⁰, сопоставившего марксистские и антимарксистские концепции по таким теоретическим вопросам, как историческое место античной формации (в плане сопоставления античности и древнего Востока); соотношение понятий: античная формация и рабовладельческое общество; античная формация в переходный период (упадок, разложение или революционная эпоха?); поздняя античность и проблема феодализации; диалектика взаимоотношений базиса и надстройки на материале полиса; проблема полиса как модели, определяющей всю структуру античности; социальная структура: соотношение понятий класс, сословие, социальный слой; проблемы классовой борьбы; проблема структуры Римской империи; процесс романизации в свете теории формации и ряд других. Большинство этих проблем уже ставились и получили какое-то решение в советской историографии, но поскольку они снова поднимаются в работах зарубежных ученых и тем более в работах наших идеологических противников, необходимо возвращение к ним на новом исследовательском уровне. Нужны не только специальные теоретические работы, но и — это особенно важно — постоянное внимание к методологическим и теоретическим вопросам в каждом конкретно-историческом исследовании.

Не меньшее значение имеет критический анализ исторических концепций наших оппонентов, методологии их исследований, основывающийся на противопоставлении анализируемым положениям аргументированных и обоснованных авторских установок.

Каждое исследование в области древней истории, выполненное на высоком теоретическом и исследовательском уровне, пополняет сокровищницу исторической науки, но вместе с тем вносит свою лепту в развитие общечеловеческой культуры. Интерес к истории и культуре древнего мира — одна из характерных черт нашего времени, об этом свидетельствуют тиражи книг по истории, искусству, филологии и философии древнего Востока и античности и растущее число подписчиков ВДИ. Это налагает обязательство на всех античников и востоковедов не только увеличить выпуск научно-популярных книг, но и сделать более доступными для читающей публики специальные исследования, более интересными учебники и учебные пособия, особенно для средней школы, сохранив при этом их высокий научный уровень.

Одним из важнейших условий повышения эффективности научно-исследовательской работы является продуманное и научно обоснованное планирование и координация исследований всех научных коллективов и всех специалистов в той или иной отрасли науки. Это особенно необходимо в такой области науки, как древняя история, где число исследователей сравнительно очень невелико, небольшие научные коллективы недостаточно связаны между собой, а многие специалисты — преподаватели вузов — работают в коллективах историков других специальностей и не имеют возможности повседневных контактов со своими коллегами-античниками и востоковедами.

Поэтому в целях разработки единой долговременной программы научных исследований истории древнего мира «Вестник древней истории» выносит на обсуждение авторского коллектива и читателей перспектив-

¹⁰ Naumann K. Probleme antiker Gesellschaftsformation. Wissenschaftsgeschichtliche Studien zur Geschichtsmethodologie. Köln, 1985.

ный тематический план, предполагая, что проблемы, включенные в этот план, привлекут внимание специалистов и тем самым будут способствовать координации научно-исследовательской работы.

Основные направления теоретического и общецисторического характера. Неравномерность и асинхронность всемирно-исторического процесса и проблемы периодизации. Проблемы прогресса и регресса, континуитета и дискретности в истории древнего мира; проблема переходных периодов. Проблема стадийного развития рабовладельческой формации; динамика взаимодействия производительных сил и производственных отношений; происхождение сословий, классов и государства в древних обществах. Проблема типологии древних обществ: соотношение общего и особенного, единства и многообразия в развитии экономики, социальной структуры и идеологии древневосточного и античного обществ. Формы социальной и идеологической борьбы в древнем мире. Социально-экономическая и политическая роль крестьянства в развитии древних обществ. Взаимосвязь античной и древневосточной цивилизаций; ее отражение в письменных и археологических памятниках. Роль племенного мира в развитии древних цивилизаций; проблема исторической интерпретации археологического материала. Проблема индоевропейской общности. Критический анализ основных направлений и школ в современной зарубежной историографии.

История древнего Востока. Типология городских и сельских поселений. Роль ремесленного производства и торговли в развитии древневосточных обществ; проблема интерпретации торговых связей. Специфика социальной структуры в странах древнего Востока; нерабские формы зависимости. Общее и особенное в развитии восточного и античного города. Формы социальной борьбы. Специфика взаимосвязи идеологии и социально-экономической и политической структуры древневосточных обществ и ее отражение в праве, литературе, искусстве, религии. Новые источники и новые интерпретации ранее известных документов и их значение для понимания исторического развития древневосточных обществ. Исследования малоизученных языков.

История древней Греции. Общество и государство в Микенской Греции по письменным и археологическим памятникам и его социологическая интерпретация. Роль миграционного процесса и колонизации в истории Греции и Восточного Средиземноморья. Типологические особенности в становлении и развитии греческих полисов в метрополии и колониях. Изменение социально-политической роли крестьянства в процессе развития и кризиса греческого полиса. Политические реформы и «политические революции» в Греции. Формирование государственного и частного права; теоретическое осмысление полиса как формы организации человеческого общества. Город как экономический центр и политический организм в древней Греции. Неравномерность социально-экономического развития греческих полисов; политическая роль развитых крупных и слабо развитых небольших городов. Взаимосвязь полисной структуры и классических форм рабства. Отражение характерных черт полисной структуры в политике, идеологии и культуре греческого общества. Интерпретация социально-экономической структуры греческих полисов и их кризиса в современной зарубежной историографии.

История эллинизма. Понятие «эллинизм» в современной советской и зарубежной историографии; предэллинизм и постэллинизм. Характер взаимодействия местных и эллинских элементов в различных регионах Средиземноморья и Передней Азии. Полисы и восточные города в составе эллинистических государств. Специфика социальной структуры и государственного устройства в центре и на периферии эллинистического общества. Земледельцы и мелкие землевладельцы в социально-экономической и политической структуре эллинистического общества. Союзы полисов классического и эллинистического периодов, их сущность и историче-

ская роль. Специфика социальной борьбы в эллинистическую эпоху. Особенности эллинистической культуры в их динамике; сущность так называемой «националистической реакции».

История Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Специфика экономического и социально-политического развития стран Закавказья, Западного, Северного и Восточного Причерноморья. Полисы Северного и Восточного Причерноморья и племенной мир в их взаимовлиянии. Динамика политических и экономических контактов Северного и Восточного Причерноморья с греческими полисами и эллинистическими государствами. Союзы племен и раннегосударственные образования на территории Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Синкретические черты в культуре Причерноморских полисов и племен. Средняя Азия в системе эллинистических государств; кушанская проблема.

История древнего Рима. Проблемы древнейшей римской государственности. Динамика развития форм землевладения и аграрных отношений в Республике, в эпоху принципата и в Поздней Римской империи. Римский крестьянин в Италии и провинциях, эволюция его социально-экономического положения и правового статуса. Роль ремесленного производства, торговли и денежных отношений. Историческая роль фамилии, сельской общины, *civitas* и муниципия в развитии римского общества. Общее и особенное в социально-экономическом, политическом и культурном развитии Римских провинций. Специфика социальной (сословной, классовой) борьбы на разных этапах истории древнего Рима; восстания рабов. Отражение развития римского рабовладельческого общества и государства в идеологии, культуре, религии; проблема взаимодействия культур. Римская империя и племенной мир: романизация периферии и варваризация империи как взаимообусловленный процесс. Ранние варварские государственные образования на территории Северо-Западной, Центральной и Восточной Европы. Проблема континуитета и римское наследие в средневековой Европе. Проблемы истории Рима и Римской империи в современной советской и зарубежной историографии.

Следует отметить, что целый ряд проблем, включенных в этот план, постоянно присутствует в перспективных планах журнала в том или ином аспекте и это вполне оправданно: исследование закономерностей развития древних обществ неисчерпаемо и в плане совершенствования методологии исследования и в плане накопления и привлечения нового фактического материала.

Целый ряд проблем несомненно требует дискуссионного обсуждения. В ближайшее время журнал предполагает провести дискуссии по вопросу о специфике города, его возникновения и развития в античном мире и странах древнего Востока, по проблеме возникновения государства в древнем мире, по проблеме эллинизма, планируется также провести обсуждение модели рабовладельческой формации на материале источников по истории Рима.

Творческое обсуждение теоретических проблем, разработка новых тем и новых концепций, настойчивая и повседневная устремленность к повышению идейно-теоретического уровня и профессионального качества исследовательских работ должны стать основными задачами в нашей дальнейшей работе.

«Атмосфера творчества, которую партия утверждает во всех областях жизни, — сказал М. С. Горбачев, — особенно плодотворна для общественных наук. Мы надеемся, что она будет активно использована нашими экономистами и философами, юристами и социологами, историками и литературоведами для смелой, инициативной постановки новых проблем, для их творческой теоретической разработки»¹¹.

¹¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 85.

Т. А. Моисеева

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ФРИГИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В VIII — НАЧАЛЕ VII в. до н. э.

Определение характера государственного образования, именуемого античными авторами Фригией и тождественного царству Миты Мушкского ассирийских текстов конца VIII в. до н. э., относится к числу наименее изученных вопросов истории Малой Азии первой половины I тыс. до н. э. Большинство публикаций о Фригии представляет собой издание нового археологического и эпиграфического материала или конкретные исследования отдельных аспектов фригийской истории и культуры¹. Типологическая сущность фригийской государственности в такого рода работах остается, как правило, вне поля зрения их авторов².

В немногих же обобщающих трудах о древней Анатолии и собственно Фригии, в частности принадлежащих таким крупным западным историкам, как А. Гетце³ и Р. Д. Барнетт⁴, фригийское общество определяется терминами и понятиями, ассоциирующимися с феодализмом. При этом «феодальный» характер Фригийского государства постулируется без сколько-нибудь обстоятельного теоретического и источникового обо-

¹ Исчерпывающий библиографический перечень исследований о Фригии доэллинистического периода занял бы слишком много места, поэтому ограничусь ссылкой на список трудов Р. С. Янга, возглавлявшего раскопки Гордиона с 1950 по 1974 г.: *From Athens to Gordion. The Papers of a Memorial Symposium for Young R. S. Philadelphia, 1980*, р. XVIII—XIX. В 1981 г. появился первый том итоговой публикации археологических материалов, полученных экспедицией Музея Пенсильванского университета в Гордионе: *The Gordion Excavations. Final reports. V. 1. Pennsylvania, 1981*; рец.: *Моисеева Т. А.* — ВДИ, 1984, № 2, с. 198—204. Особо следует отметить выход в свет самого полного и научно достоверного издания известных «старофригийских» надписей: *Brixhe C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paléophrygiennes. P., 1984*. См. об этом издании: *Mellink M. J. Archaeology in Anatolia.* — *AJA*, 1985, v. 89, № 4, p. 559 f.

² Не дает ответа на вопрос о характере Фригийского государства и Кейс Де Вриз, автор очень содержательной статьи, посвященной сравнению исторического развития фригийцев и греков в VIII в. до н. э.: *Greek and Phrygians in the Early Iron Age.* — In: *From Athens to Gordion...*, p. 33 f. Ему принадлежит первая серьезная попытка систематизации и интерпретации археологических данных, проливающих свет на социально-экономическое и политическое развитие Гордиона в докimmerийский период, на рубеже VIII—VII вв. до н. э. Но в своих выводах Де Вриз ограничился наблюдением о том, что раскопки Гордиона засвидетельствовали факт существования в период, когда у греков Ионии оформлялся гомеровский эпос, реального анатолийского общества, имевшего черты сходства с общественными отношениями, описанными в поэмах Гомера (с. 42).

³ *Goetze A. Kleinasien. München, 1957, S. 203.* В рецензии на этот труд, принадлежащей Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе и Э. А. Менабде, справедливо отмечено, что «при рассмотрении вопросов государственной и социальной структуры А. Гетце полностью стоит на позициях буржуазной методологии. Он не знаком с положениями советской исторической науки относительно существования рабовладельческого строя в древневосточных государствах» (ВДИ, 1961, № 3, с. 151).

⁴ *Barnett R. D. Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age.* — *САН*, v. II, pt. 2, *Cambr., 1975, p. 427.*

снования как результат вторжения воинственных пришельцев, всадническая знать которых, частично слившись с анатолийским жречеством, образовала слой крупных земельных собственников-феодалов, установивших свое господство над местным земледельческим населением. Точка зрения о фригийском обществе как «феодалном» априори распространяется и на интерпретацию вновь получаемого археологического материала. Так, Г. Ханфманн в одной из своих недавних работ, сравнивая докиммерийский Гордион с Сардами, говорит о первом как о центре сильной феодальной власти и патриархальной гомеровской жизни⁵.

В советской науке вопрос о характере Фригийского государства VIII — начала VII в. до н. э. не становился предметом специального исследования. Но принципиально важно, что советские ученые, в первую очередь И. М. Дьяконов, наметили подход к истории Фригии как закономерному этапу развития рабовладельческого общества на территории Малой Азии⁶. Реализуя этот подход, мы попытаемся представить генезис Фригийского государства и реконструировать его социально-экономический и политический облик в докиммерийский период, опираясь преимущественно на данные источников, относящиеся к Гордиону, который до настоящего времени остается наиболее изученным центром фригийской государственности.

Обращаясь к таящемуся в «темных» веках рубежа II — I тыс. до н. э. и не поддающемуся пока точной датировке началу фригийской истории⁷, мы сталкиваемся с бытующим в работах о Фригии упрощенным представлением о самом механизме возникновения этого анатолийского государства и этногенезе его создателей. Так, основным фактором, обусловившим появление Фригийского государства, считается переселение в Малую Азию на рубеже II — I тыс. до н. э. воинственных пришельцев из Европы. Данная трактовка происхождения фригийской государственности восходит к концу XIX в. и присутствует в работах В. Рамзея, который видел во фригийцах первых известных тогда носителей ин-

⁵ *Hanfmann G. M. A. On Lydian Sardis.* — In: *From Athens to Gordion...*, p. 107. При этом Г. Ханфманн ссылается на работу: *De Vries. Op. cit.*

⁶ Дьяконов И. М. Урарту, Фригия, Лидия. — В кн.: *История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 61—66.*

⁷ Согласно «Илиаде», фригийцы обитали в Малой Азии задолго до Троянской войны. Но едва ли можно воспринимать эту информацию как достоверную датировку. Ее следует интерпретировать лишь как указание на то, что жители Фригийского государства при Сангарии воспринимались греками как коренной малоазиатский этнос. Не исключено, что в представлении греков о фригийцах могли синтезироваться сведения о различных периодах истории населения долины Сансария, в том числе и относящиеся ко II тыс. до н. э. (см. об этом подробнее: *Моисеева Т. А. К интерпретации историко-географических представлений о Фригии в гомеровском эпосе.* — ВДИ, 1985, № 3, с. 69 сл.). По Ксанфу Лидийскому (FGrH, № 765, fr. 14), фригийцы переселились из Европы в Малую Азию только после Троянской войны. На это противоречие было обращено внимание уже в античности (*Strabo, XIV, V, 29*). Возможно, здесь нашла отражение многозначность термина «фригийцы» в античной традиции (ср. *Дьяконов И. М. Фригийский язык.* — В кн.: *Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 365*).

Не позволяя однозначно определить начало истории Фригийского государства и археологические материалы Гордиона, ибо нет возможности точно датировать здесь ни самую раннюю, «фригийскую» керамику (т. е. первую керамику раннего железного века), ни самую позднюю, «субхеттскую». Период же их сосуществования охватывает примерно временной промежуток между XII—X вв. до н. э. (*Young R. S. Gordion. A Guide to the Excavations and Museum. Ankara, 1975* (далее — *Gordion...*), p. 13). Не дают надежной хронологической идентификации начала истории фригийцев и лингвистические наблюдения (см., в частности, *Дьяконов И. М. Типы этнических передвижений в ранней древности с конца IV по начало I тыс. до н. э.* — В кн.: *Древний Восток. Вып. 4. Ереван, 1983, с. 19*). Самые ранние памятники фригийской письменности относятся приблизительно к концу VIII в. до н. э. Привлечение же данных восточных текстов (позднехеттских клинописных, ассирийских) для определения начального рубежа фригийской истории имеет второстепенное значение, ибо предполагает предварительное обоснование правомерности соотнесения с фригийцами Гордиона упоминаемых в этих источниках мушков и подданных правителя Миты из Паххувы.

доевропейских языков в Анатолии, отождествлявшихся им с исторически прогрессивными представителями «европейского» духа и «патриархального» пути развития⁸. Возникновение и история Фригийского государства, по В. Рамзею, — результат завоевания и конфликта носителей различных этнических («расовых» у Рамзея) и религиозных начал. Сначала «патриархальные» европейцы-фригийцы устанавливают свою власть над «матриархальным» анатолийским населением, оказывая тем самым большое влияние на развитие малоазийской истории и государственности, но затем, вынужденные смешиваться путем браков с местным населением, со временем теряют свою воинственность и воспринимают малоазийскую религию с ее развитым культом Великого женского божества.

Эта гипотеза В. Рамзея безнадежно устарела теоретически. Отражает она и ограниченную источниковую базу (скудные данные фригийского языка и вырезанные в скалах монументы Горной Фригии)⁹, которой располагала европейская наука для решения вопроса о начале фригийской истории в конце XIX в. Но ряд положений данной гипотезы априорно сохраняется и в современных публикациях о Фригии.

Это относится и к самому полному на сегодняшний день обобщающему обзору истории Фригии, принадлежащему Р. Д. Барнетту¹⁰. По его мнению, когда после падения Хеттской державы и разрушения Хаттусы «занавес поднялся вновь», Центральная Анатолия оказалась под властью воинственной всаднической аристократии вторгшегося этноса, известного грекам на западе со времени Гомера как фригийцы, а ассирийцам на востоке — как мушки и Табал (с. 417). Как археологическое свидетельство прихода в Малую Азию фригийцев и мизийцев Р. Д. Барнетт считает возможным с большой долей вероятности рассматривать появление грубых, сделанных без гончарного круга керамических изделий в Трое VIIb2 и Гордионе (с. 418). Район самого раннего обитания фригийцев в Анатолии локализуется Р. Д. Барнеттом близ последнего изгиба реки Сангарий, откуда они за короткое время (очевидно, в пределах XII в. до н. э.) распространились по западной части Анатолийского плато, частично изолировав лувийцев в Лидии и Ликии, частично изгнав их за Тавр и поглотив остальных. Уровень социального развития фригийцев-пришельцев определяется как полукочевой, с их вторжением связывается разрушение Бейчесултана около 1000 г. до н. э. и более чем вековой перерыв в жизни на Центральном плато (с. 418).

Р. Д. Барнетт допускает, что мушки-фригийцы могли быть союзниками касков в разгроме Хеттского государства, и истолковывает упоминание в новохеттских клинописных текстах враждебного хеттам правителя Паххуви Миты как указание на то, что фригийско-мушские атаки «уже тогда имели место на восточных границах при раннем носителе впоследствии знаменитого царского фригийского имени» (с. 420). Не замечая противоречия с ранее высказанным тезисом о длительном перерыве в развитии цивилизации в центре Малой Азии после падения Хеттской державы, Р. Д. Барнетт говорит о существовании уже в период XII — IX вв. до н. э. «Фригийской империи», представлявшей собой федерацию или коалицию племен, в которой фригийцы были западным элементом со столицей в Гордионе, а мушки — восточным (с. 421—422).

⁸ См., в частности, *Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics of Phrygia, Being an Essay of the Local History of Phrygia from the Earliest Times to the Turkish Conquest. V. 1, pt. 1. Oxf., 1985, p. XV, 7—9.*

⁹ О состоянии изученности памятников Фригии и фригийского языка к началу XX в. см.: *Ruge W., Friedrich J. Phrygia.* — RE, XX, Sp. 781—891; *Haspels C. H. E. Western Cognizance of Inner Phrygia in Earlier Days.* — In: *The Aegean and the Near East. N. Y., 1956, p. 313—322; Герознак В. П. К изучению фригийского языка: проблемы и результаты.* — В кн.: *Древний Восток. 2. Ереван, 1976, с. 165 сл.*

¹⁰ *Barnett. Op. cit., p. 417—442.*

Такова картина возникновения Фригийского государства, реконструируемая в современных исследованиях¹¹. Обращает на себя внимание эклектичность в сопоставлении разнородных и даже противоречивых источников данных, обусловленная в значительной степени приверженностью к априорной схеме генезиса Фригийского государства как результата миграции нового этноса — фригийцев, которые якобы принесли в Малую Азию социальный строй, характеризовавшийся властью всаднической аристократии пришельцев над местным анатолийским населением¹².

При этом можно отметить явную недооценку роли в процессе возникновения фригийской государственности местного малоазиатского населения, закономерно следующую из тезиса о длительном периоде исторического регресса в центре Анатолии, который якобы имел место после разгрома Хеттского царства.

Примечательно, что вышеизложенное представление о начальном периоде фригийской истории сочетается с непоследовательным и часто произвольным оперированием самим термином «фригийцы», при котором исследователи (историки, археологи, лингвисты) обнаруживают неоднозначное понимание его историко-этнического содержания. Так, содержание понятия «фригийцы» часто ограничивается лингвистическим отождествлением именовавшегося так этноса с македонскими бригами. Явная многозначность этнонима «фригийцы» в античной традиции, как правило, игнорируется, а правомерность соотнесения информации, черпаемой из других источников, с этими фригийцами часто не обосновывается должным образом.

В результате носителями индоевропейского языка, запечатленного глоссами у античных авторов и эпиграфическими памятниками «фригийской» буквенной письменности, объявляют то фригийцев, известных Гомеру в Малой Азии до Троянской войны, то фригийцев-пришельцев, ведших полуварварский образ жизни и появившихся в Анатолии после разгрома Трои. При этом последним приписывают и участие в разрушении Хеттского царства, и долгий период «кочевания» по центру Малой Азии, и создание своеобразного варианта анатолийской государственности и культуры, пережившего свой расцвет на рубеже VIII — VII вв. до н. э. Фригийцев отождествляют и с подданными Миты из Паххувы последнего периода существования Хеттской державы, и с мушками, в XII в. до н. э. обитавшими уже на востоке Анатолии, и с одноименным народом/государством, с которым столкнулся на границах Киликии Саргон II в конце VIII в. до н. э.¹³

С фригийцами связывают разнообразные категории археологических памятников как на территории Малой Азии (в частности, так называемую «шишечную керамику» Трои слоя VIIb2, расписную «раннефригий-

¹¹ Суммированно изложенная Р. Д. Барнеттом, эта картина присутствует с разной степенью полноты во многих работах его предшественников и современников, исследующих историю Фригии, см. *Körte G., Körte A. Gordion: Ergebnisse der Ausgrabung im Jahre 1900.* — *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Erg. 5. B., 1904, S. 1—27; Bittel K. Kleinasiatische Studien. Kimmerier, Phryger und Skythen in Kleinasien.* — *IM, 1942, 5, S. 66 f.; Goetze. Op. cit., S. 201 f.; Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. B., 1961, S. 6 f., 72f.; Metzger H. Anatolia II. L., 1969, p. 13 f. и др.*

¹² *Barnett. Op. cit., p. 427.*

¹³ Уже Г. Винклер (*Winkler H. Die Reiche von Cilicien und Phrygien im Lichte der altorientalischen Inschriften.* — *AF, 2. Reihe, B. I, Lpz. 1898, S. 135 f.*) обосновал правомерность отождествления фригийцев античной традиции именно с мушками, упоминаемыми в ассирийских клинописных текстах времени Саргона II. Историческая аргументация этой точки зрения усилена в работах И. М. Дьяконова (*Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 193 сл.; Фригийский язык..., с. 462*). Обзор различных мнений по вопросу об этнической принадлежности мушков восточных источников и отношении мушков к фригийцам античных авторов см., в частности, в работе: *Хазарадзе Н. В. Этнополитические проблемы древней истории Грузии (Месхи). Тбилиси, 1985, с. 29 сл.*

скую» керамику Алишар IV, серую монохромную «фригийскую» керамику, расписную «новофригийскую» керамику Гордиона и др., вырезанные в скалах монументы Горной Фригии, курганные захоронения Анатолии начала I тыс. до н. э.), так и Македонии¹⁴ и даже Центральной Европы, где фригийцам приписывают лужицкую археологическую культуру, относимую к постулируемой М. Гимбутас «курганной» этнической общности¹⁵. Дискутируется и вопрос о преимущественной генетической близости фригийского языка к древнегреческому или армянскому, а также его отношение к палеобалканским¹⁶. Примером произвольного обращения с лингвистическими и другими материалами источников о Фригии является гипотеза О. Хааза о существовании трех разных фригийских языков и соответствующих им трех фригийских народностей¹⁷.

Но новейшие археологические данные из Гордиона и других центров Малой Азии, которые по имеющимся источникам можно ассоциировать с носителями фригийского языка, наглядно демонстрируют основополагающую роль местных анатолийских традиций в облике цивилизации, существовавшей здесь в раннем железном веке. Поэтому Р. Д. Барнетт в рассматривавшейся выше работе (с. 426 сл.) пытается совместить тезис о фригийцах — пришельцах из Европы, принесших в Малую Азию новый социальный строй, с признанием того, что, хотя ранняя история Фригийского государства теряется в неизвестности, есть основание считать, что, несмотря на большие перемены, это государство, в конечном счете, сохранило и вобрало в себя очень многие традиции хеттского мира, частично возникнув на руинах царства Арцава и его менее значительных соседей.

Создается впечатление, что упрощенное представление о генезисе фригийского этноса и государства мешает исследователям анатолийской археологии и истории раскрыть содержание этого процесса как диалектику взаимодействия преемственности и новации. Об этом свидетельствует, например, схема развития фригийского искусства и истории, изложенная в упоминавшихся выше работах Э. Акургала, который считал фригийцев-мушков, воинственных пришельцев из Фракии, кочевавших по опустошенной Центральной Анатолии с 1200 по 800 г. до н. э., единственными, кто в VIII в. до н. э. возродил здесь цивилизацию и государственность, и поэтому необоснованно приписывал фригийцам античной традиции восточноанатолийскую археологическую культуру раннего железного века (Алишар IV). Но и Р. Янг, убедительно показавший, что археологический материал Гордиона доказывает преимущественно анатолийское происхождение этого фригийского центра, продолжает отождествлять фригийцев с пришедшим в Малую Азию этносом. Сходную позицию в этом вопросе занимает и М. Меллинк¹⁸.

Поэтому нам кажется вполне уместным попытаться рассмотреть генезис Фригийского государства не столько как результат вторжения и завоевания этноса, пришедшего на территорию Фригии извне, а прежде всего как закономерный этап истории самой анатолийской цивилизации в эпоху перехода от ранней древности к развитой, расценивая как су-

¹⁴ См., в частности, *Hammond N. G. L. Illyris, Epirus and Macedonia in Early Iron Age.* — САН, 2^d ed., v. III, pt. 1. Camb., 1982, p. 644 f.

¹⁵ *Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe.* The Hague, 1965, p. 339 f.

¹⁶ См., в частности, *Дьяконов И. М.* Место фригийского среди индоевропейских языков. — В кн.: *Древний Восток. 2.* Ереван, 1976, с. 158—163; *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, с. 7—20, 66 сл. и др. Следует ожидать, что появление новейшего корпуса «старофригийских» надписей позволит с большей определенностью и надежностью представить происхождение фригийского языка и этноса.

¹⁷ *Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler.* Sofia, 1966; *Хааз О.* Памятники фригийского языка. — В кн.: *Древние языки Малой Азии*, с. 378—408. Критику гипотезы О. Хааза И. М. Дьяконовым см. там же, с. 370 сл.

¹⁸ *Dark Ages and Nomads c. 1000 B. C.* Ed. Mellink M. J. Istanbul, 1964, p. 52 ff.

пественный фактор процесса возникновения фригийской государственности этническую и культурно-историческую преемственность с предшествующей малоазийской историей. Для того чтобы исследование происхождения государства, именуемого Фригией, и этноса, его создавшего, имело объективную основу, надо выяснить, какая реально существовавшая этническая и социально-политическая общность могла найти свое отражение в представлении о Фригии и фригийцах древних греков и римлян, запечатлевшись одновременно в информации о фригийцах в других источниках.

По нашему мнению, под фригийцами правомерно понимать прежде всего создателей анатолийского государства первой половины I тыс. до н. э. с центром в Гордионе, факт существования и социально-политический облик которого засвидетельствованы совпадением данных античной литературной традиции, фригийской эпиграфики, археологии и древневосточных текстов. При этом следует иметь в виду, что имеющиеся в нашем распоряжении источники относительно полно освещают историю Гордиона преимущественно со второй половины VIII в. до н. э. Таким образом, этнос, создавший государственность Гордиона раннего железного века, оказывается доступным изучению в период его политического и культурного расцвета как относительно сформировавшийся. И в качестве такого он предстает как продукт достаточно длительного процесса этнического и культурно-исторического взаимодействия местного западно-анатолийского субстрата, археологически фиксируемого в Гордионе с III тыс. до н. э.¹⁹, с другими этническими компонентами, в первую очередь с носителями неизвестного в Малой Азии II тыс. до н. э. индоевропейского языка²⁰.

Примечательно, что в то время как анатолийский субстрат заявляет о себе во многих особенностях материального и духовного развития фригийского Гордиона (подробнее об этом ниже), археологически идентифицировать появление здесь носителей фригийского языка крайне сложно. Дело в том, что такие археологически фиксируемые черты этноса, населявшего Гордион в первой половине I тыс. до н. э., как монохромная полированная керамика, преимущественно серая, геометрический «фригийский» стиль росписи, подкурганные погребения докиммерийского периода, хотя и отличают фригийский период истории этого центра от предшествующего, но в том виде, в каком они до нас дошли, кажутся в большей степени развившимися на малоазийской почве, чем привнесенными в чистом виде извне.

Так, Дж. Мелларт, считающий серые, красные и черные монохромные полированные изделия единственным типом керамики, «о которой мы можем с уверенностью заявлять, что она сделана фригийцами», ибо эти керамические изделия не только встречаются, но и преобладают в том районе Малой Азии, который античные авторы считали центром Фригии²¹, подчеркивает, что, несомненно, этот тип керамики является продуктом местной анатолийской традиции²². Западноанатолийское происхождение серой монохромной керамики Гордиона предполагают М. Меллинк и Р. Д. Барнетт²³. Отношение фригийской монохромной керамики к аналогичной керамике Трояды и Эолии, обнаруживающее как некоторые черты сходства, так и различия, еще недостаточно ясно²⁴.

¹⁹ См., в частности, *Young. Gordion...*, p. 12, 17 и др.

²⁰ *Young R. S. Old Phrygian Inscriptions from Gordion.— Hesperia*, 1969, v. 38, № 2, p. 252—296 и др.

²¹ *Mellaart J. Iron Age Pottery from Southern Anatolia.— Türk Tarih Kurumu. Belleten*, 1955, Cilt XIX, p. 126.

²² *Ibid.*, p. 126.

²³ *Mellink M. J. Rev.: Blegen C. W., Boulter C. G., Caskey I. L. Troy IV. Settlement VIIa, VIIb and VIII.— BiOr*, 1960, XVII, № 5/6, p. 251—252; *Barnett. Op. cit.*, p. 427.

²⁴ См., в частности, *Goldstream J. N. Greek Geometric Pottery. L.*, 1968, p. 378.

Не лишено вероятия предположение, что с фригийской серой монохромной керамикой связано проникновение в долину Саргария на рубеже II—I тыс. до н. э. этнического элемента из Западной Анатолии²⁵, принявшего участие в формировании фригийского этноса Гордиона.

Несомненно, что уже в Малой Азии возникла расписная (так называемая «новофригийская») керамика, присутствующая в докиммерийских слоях фригийского Гордиона, в орнаментации которой своеобразный вариант геометрического стиля росписи, отличный от греческого и иранского, сопоставляемый с орнаментом сделанной от руки керамики Западной Македонии (так называемый «Bobousti style»)²⁶, сочетается в ряде случаев с элементами анималистической орнаментации, имеющей восточное происхождение²⁷.

Что касается погребений под курганными насыпями, обнаруженных на некрополе Гордиона, Венидогана, Анкары и в других ассоциируемых с фригийцами центрах Анатолии первой половины I тыс. до н. э.²⁸, то, по мнению М. Меллинк, курганный обряд фиксируется здесь не ранее рубежа IX—VIII вв. до н. э. как вполне сформировавшийся, и его ближайший источник неизвестен²⁹. Разумеется, можно обнаружить черты сходства фригийских курганных погребений с курганными сооружениями Македонии и Евразии, как это делают М. Гимбутас, Н. Хэмонд, О. Хаас и мн. др. Но есть и существенные различия, создающие впечатление, что курганные насыпи докиммерийского Гордиона должны восприниматься скорее как социальный, нежели изначальный этнический признак. На это указывает тот факт, что рядовые фригийцы в VIII—начале VII в. до н. э. погребались в простых ингумационных захоронениях без насыпей. В курганах Гордиона нет ничего, что могло бы ассоциироваться с племенным миром Европы. Интерьер погребальных камер правителей докиммерийского времени отражает анатолийскую сакральную концепцию царской власти³⁰. Примечательно, что курганные насыпи над погребальными камерами как вероятный показатель социального престижа получили распространение в Лидии и Ликии, а также других частях Анатолии первой половины I тыс. до н. э.³¹ Следует иметь в виду и то, что захоронения разных типов под курганными насыпями были известны на Балканском полуострове и в Эгеиде по крайней мере с эпохи средней бронзы³². Поэтому курганные захоронения Малой Азии первой половины I тыс. до н. э. отнюдь не бесспорно обязаны своим появлением носителям фригийского языка, традиционно трактуемым как представители племенного мира Европы.

²⁵ А. Гюнтер, исследовавшая керамику бронзового века из Гордиона и зафиксировавшая полную стратиграфию от раннего бронзового века до поздней бронзы, отметила, что керамический материал Гордиона эпохи бронзы очень близок Богазкёю и показывает мало связей с Западной Анатолией. Это поразительно отличается от ситуации в Гордионе начала I тыс. до н. э., когда его керамика обнаруживает западноанатолийскую ориентацию (Recent Archaeological Research in Turkey.— AnSt, 1980, 30, p. 213).

²⁶ Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Praha, 1985, p. 193 f.

²⁷ Kenneth S. Phrygian Painted Animals: Anatolian Orientalizing Art.— AnSt, 1974, 24, p. 169 f.

²⁸ См. Körte G., Körte A. Op. cit.; Young R. S. Three Great Early Tumuli. Pennsylvania, 1981 и др.

²⁹ Mellink M. J. Conclusions.— In: Young R. S. Three Great Early Tumuli..., p. 264.

³⁰ Ср. ВДИ, 1984, № 2, с. 201 сл.

³¹ Hanfmann G. M. A. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Camb., 1983, p. 53 f.; Mellink M. J. Local, Phrygian and Greek Traits in Northern Lycia.— RA, fasc. 1, p. 21 f. Вероятно, что здесь курганный обряд распространился под фригийским влиянием, причем преимущественно в период, когда правители Гордиона утратили роль политических гегемонов Малой Азии.

³² В частности, см. Pelon Olivier. Tholoi tumuli et cercles funéraires. Recherches sur les monuments funéraires, de plan circulaire dans l'Égée de l'âge du Bronze (IIIe et IIe millénaires av. J.-C.). Athènes, 1976, p. 73—115.

Свидетельством переселения фригийцев в Анатолию считают и так называемую «шишечную керамику» («Buckelkeramik» или «Knobbed Ware») Трои VII62³³, для которой установлены балканские и даже центрально-европейские аналогии³⁴. При этом опираются в основном на античных авторов, говоривших о фригийцах как о пришельцах из Македонии³⁵.

То обстоятельство, что Малая Азия и Балканы представляли собой на протяжении многих веков и даже тысячелетий относительно единый историко-культурный регион интенсивных этнических контактов³⁶, позволяет считать проникновение носителей фригийского языка с севера Балканского полуострова в Анатолию на рубеже II—I тыс. до н. э. вполне реальным явлением. Но версия античных авторов о македонском происхождении фригийцев отражает скорее обобщенное знание греков и македонцев V в. до н. э. о переселениях, происходивших в эпоху до и после Троянской войны из Европы в Малую Азию и в обратном направлении³⁷, чем достоверную фиксацию конкретного исторического факта появления в долине Сангария и Малой Азии вообще этнически определенной волны пришельцев с Балкан, тождественной носителям фригийского языка.

Напомним в этой связи, что приводимая Геродотом (VII, 73) этимология названия Φρύγες от балканского βρύγες не имеет под собой лингвистического основания и этноним «фригийцы» едва ли мог быть самоназванием народа, говорившего на фригийском языке³⁸. Примечательно, что у Геродота (II, 2) и других античных авторов фригийцы фигурируют не только как воинственные варвары-пришельцы из Европы, но и как народ, соперничавший в древности происхождения с египтянами и аккумуляровавший в своем образе представления греков о более древнем, чем фригийцы, населении Малой Азии. Не случайно, видимо, считались фригийцами Пелопс, Ниоба и другие персонажи греческих мифов, отражавших в своеобразной форме память о контактах греков с Анатолией во II тыс. до н. э.³⁹

В Гордионе с носителями фригийского языка, пришедшими извне, можно связать только незначительное количество фрагментов сделанной без гончарного круга черной керамики, обнаруженной в ранних послехеттских слоях Гордиона⁴⁰. Ее сближают с упоминавшейся «шишечной керамикой» Трои VII62, хотя в гордионской отсутствуют характерные для «шишечной» выпуклые выступы и собственно Buckel ее считать нельзя. Подобная сделанная без гончарного круга керамика известна также

³³ Blegen C. W. Troy and Trojans. N. Y., 1963, p. 169—171.

³⁴ Ibid., p. 169 f.; Hammond M. A History of Macedonia, v. 1. L., 1968, p. 318 — 321; L'ethnogenèse des peuples balkaniques (Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 1969).— Studia balcanica, 5, Sofia, 1971, p. 85 — 87, 115—116.

³⁵ Попытку разбора сведений античной традиции о балканском происхождении фригийцев см., в частности, в статье: Carrington P. The Heroic Age of Phrygia in Ancient Literature.— AnSt., 1977, 27, p. 117 f.

³⁶ См., например, Bouzek. Op. cit., p. 13 f., 83 f., 193 f.

³⁷ О таких переселениях упоминают, в частности, Геродот (VII, 20), Страбон (XII, 8, 4) и др. В античной традиции была и версия о переходе фригийцев из Малой Азии в Македонию, см. Sandars N. K. Thracian, Phrygians and Iron.— In: Thracia, III, Sofia, 1976, p. 195—202.

³⁸ Дьяконова И. М., Герозник В. П. Очерк фригийской морфологии.— В кн.: Baltistica. 2 Priedas. M., 1977, с. 181. По мнению И. М. Дьяконова, самоназванием фригийцев могло быть Musai (там же).

³⁹ Barnett R. D. Ancient Oriental Influences on Archaic Greece.— In: The Aegean and the Near East. N. Y., 1956, p. 221 f.

⁴⁰ Young R. S. The Gordion Campaign of 1965.— AJA, 1966, v. 70, № 3, p. 276; см. также Bittel K.— In: Griechenland, die Ägäis und die Levante während der Dark Ages. Wien, 1983, S. 38 f.

в Греции в слоях «эгейского IIIС» периода ⁴¹. Историческое содержание феномена этой керамики еще достаточно не выяснено.

Таким образом, наши возможности исторически и археологически идентифицировать неанатолийский компонент фригийского этноса Гордиона, каковым можно считать носителей фригийского языка, пока крайне ограничены. Но ситуация Гордиона подтверждает важное теоретическое положение о том, что перенос языка на новых носителей может происходить при очень малом количестве первоначальных носителей этого языка ⁴², и что лингвистическая преемственность не адекватна преемственности культурно-исторической ⁴³. Иными словами, выяснение происхождения носителей фригийского языка не исчерпывает проблему генезиса этноса, создавшего цивилизацию и государственность Гордиона докimmerийского периода.

Отсутствие в Гордионе следов разрушений, синхронных пожару Хаттусы и разрушению Бейчесултана, и то обстоятельство, что черная, сделанная без гончарного круга керамика сосуществовала здесь продолжительное время со значительно преобладавшими первоначально изделиями субхеттского периода (причем можно проследить, с одной стороны, постепенное вытеснение местной анатолийской керамики бронзового века, так называемой «хеттской», керамикой раннего железного века, а с другой — развитие этой последней от грубой, сделанной без гончарного круга, к монокромной полированной «фригийской» ⁴⁴), позволяют расценивать появление носителей «грубой» керамики как «мирную и постепенную инфильтрацию» ⁴⁵, в процессе которой пришельцы могли практически слиться с анатолийцами бронзового века задолго до того, как Гордион достиг расцвета в конце VIII в. до н. э. ⁴⁶ Все это, как нам кажется, не дает основания постулировать вторжение в Гордион на рубеже II—I тыс. до н. э. многочисленных завоевателей извне.

Не следует преувеличивать и масштабы того исторического регресса, который якобы имел место в центре Анатолии на протяжении нескольких столетий после падения Хеттской державы. Отмеченный Р. Янгом факт, что пришельцы учились пользоваться гончарным кругом уже в Гордионе ⁴⁷, может быть интерпретирован как косвенное указание на то, что уровень социального развития носителей «грубой» керамики (отождествляем мы их с носителями фригийского языка или нет) мог быть ниже, чем у местного анатолийского населения Гордиона. Но не эти «пришельцы», как уже отмечалось выше, определяли исторический облик Гордиона начала I тыс. до н. э., и археологические исследования данного центра не обнаружили здесь каких-либо признаков «кочевого» уклада в начале фригийского периода ⁴⁸. Наоборот, следует подчеркнуть, что археологические материалы, полученные при раскопках столицы Гордиев-Мидасов, не укладываются в гипотезу, согласно которой период XII — IX вв. до н. э. был для Центральной Анатолии временем упадка и даже перерыва в развитии местной цивилизации ⁴⁹.

⁴¹ French E., Rutter J. The Handmade Burnished Ware of the Late Helladic III C Period: Its modern historical context.— AJA, 1977, v. 81, № 1, p. 110 f.

⁴² Дьяконов. Типы этнических передвижений..., с. 14.

⁴³ Он же. Предыстория армянского народа..., с. 9.

⁴⁴ Young. The Gordion Campaign of 1965..., p. 276.

⁴⁵ Idem. Gordion..., p. 13. Примечательно, что и появление носителей «пищечной керамики» в Трое VIIб тоже не отмечено следами разрушений (Blegen. Op. cit., p. 167).

⁴⁶ Ср. Mellink M. J. Postscript on Nomadic Art.— In: Dark Ages and Nomads c. 1000 B. C. Istanbul, 1964, p. 63—64.

⁴⁷ Young. The Gordion Campaign of 1965..., p. 276.

⁴⁸ Idem. The Nomadic Impact.— In: Gordion..., p. 52—57; Köhler E. L. Phrygian Animal Style and Nomadic Art.— In: Dark Ages and Nomads..., p. 58—61; Mellink. Postscript on Nomadic Art, p. 63—70.

⁴⁹ На это обращали внимание в своих рецензиях на труды Э. Акургала, сторонника данной гипотезы, М. Меллинк и Р. Янг: Mellink M. J. Rev.: Akurgal E. Phry-

Таким образом, все вышесказанное побуждает видеть в генезисе государственности Гордиона первой половины I тыс. до н. э. закономерный этап развития самой анатолийской цивилизации, подготовленный ее предшествующей историей, прослеживаемой для долины реки Сангария (где, очевидно, следует искать район складывания Фригийского царства⁵⁰) по археологическим данным из Гордиона, Горной Фригии, Демирджи-Гююка, Бозююка, Полатли с III тыс. до н. э.⁵¹

Археологический материал, в значительной степени фрагментарный, позволяет предполагать, что именно в III тыс. до н. э. население, обитавшее в долине Сангария по меньшей мере с эпохи неолита (VI — V тыс. до н. э.), достигает стадии раннеклассового общества. Разведочные раскопы, заложенные в юго-восточной части цитадели Гордиона, показали, что здесь под слоями фригийского времени находилось меньшее по размерам поселение ранней бронзы. Укрепленное поселение круглой планировки (диаметром 70 м) обнаружено в Демирджи-Гююке. Его развитие в III тыс. до н. э. представлено 17 строительными фазами, причем последние 16 свидетельствуют о преемственности культурно-исторического развития, зафиксированной и в Гордионе. Хотя раскопана только часть поселения, уже сейчас можно говорить о том, что в период ранней бронзы в Демирджи-Гююке располагался центр развитого земледелия, производивший зерно и в таком количестве, которое превышало потребности его непосредственных обитателей. Об уровне развития производительных сил можно судить по найденным орудиям труда из меди и бронзы, а также по свидетельствам развития гончарного и других ремесел. Фактором, благоприятствовавшим прогрессивному развитию цивилизации Демирджи-Гююка, являлось, очевидно, его географическое положение на естественных торговых путях через Анатолию. Различия в размерах строений и особенности застройки крепости интерпретируются археологами как признаки, предполагающие социальную дифференциацию местного анатолийского общества. Высказано предположение, что укрепленное поселение Демирджи-Гююка III тыс. до н. э. могло входить в состав раннеклассового государственного образования, располагавшегося в районе между позднейшими Фригией и Вифинией⁵². Складывание раннеклассового общества археологически фиксируется на месте считавшихся впоследствии фригийскими центрами к востоку и югу от излучины Сангария⁵³.

Дальнейшее историческое развитие анатолийского населения территории будущей Фригии освещается, правда весьма неравномерно, архео-

gische Kunst. Ankara, 1955.— AJA, 1957, v. 61, № 4, p. 392—395; Young R. S. Rev.: Akurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander (1200—300). B., 1961.— AJA, 1964, v. 68, № 1, p. 73—74. Основание для критического пересмотра гипотезы Э. Акургала дают и археологические материалы, полученные на востоке от Коньи — в Порсуке: Dupré S. Porsuk I. La céramique de l'âge du bronze et de l'âge du fer. P., 1983, p. 69 suiv.

⁵⁰ Определить территорию первоначального расселения носителей фригийского языка удается лишь приблизительно, опираясь на «фригийскую» топонимику на карте Малой Азии античного времени (см., в частности, Ruge W.— RE, XX, Sp. 781—867) и на географический находок «старофригийских» надписей. Но распространение последних, как, впрочем, и топонимы, объясняемые из фригийского языка, могут отражать не только процесс расселения носителей фригийского языка в начальный период их анатолийской истории, но и внешнеполитическое развитие Фригийского государства в конце VIII в. до н. э. С зоной формирования фригийского этноса ассоциируют территорию, где обнаружена монохромная «фригийская» керамика (см. Mellaart. Op. cit., p. 126). Но надо принять во внимание, что распространение этой керамики, курганных захоронений и «старофригийских» надписей не совпадают полностью между собой и с реконструируемыми по данным античной традиции границами Фригии.

⁵¹ Mellink M. J. Archaeology in Asia Minor.— AJA, 1971, v. 75, № 1, p. 166; 1976, v. 80, № 3, p. 267 f.; 1980, v. 84, № 4, p. 305, 505; 1985, v. 89, № 4, p. 553.

⁵² Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. B. 1; Korfmann M. Architektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein, 1983, S. 242 f.; Mellink. Archaeology... — AJA, 1976, v. 80, № 3, p. 267 f.

⁵³ В частности, в районе Анкары: Mellaart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, p. 148 f.

логическими находками, датированными II тыс. до н. э., в разных пунктах долины Сангария: в Битике, Ильдже, Демирджи-Гююке (слои средней бронзы), Афьоне, Полатли и, что для нас особенно важно, в Гордионе⁵⁴. Исследования на городище и некрополе последнего показали, что здесь на протяжении всего II тыс. до н. э. обитал этнос, который, судя по погребальному обряду (отсутствие кремации), отличался от собственно хеттов на востоке и населения Трои VI на западе Малой Азии. Примечательно, что материалы некрополя Гордиона позволяют, с одной стороны, предполагать преемственность населения II тыс. до н. э. местной культурно-исторической традиции эпохи ранней бронзы, а с другой — говорить о том, что современное хеттам население Гордиона включало в себя разные этнические компоненты, как восточно-, так и западноанатолийского происхождения⁵⁵.

Археологические данные о Гордионе II тыс. до н. э. делают вероятным предположение о том, что в хеттский период здесь мог располагаться достаточно крупный центр земледелия, ремесла и обмена, занимавший удобное положение над плодородной долиной, на торговой артерии, соединявшей Переднюю Азию с Эгейдой⁵⁶. Но судить о его социально-политическом облике по имеющимся археологическим материалам крайне сложно. Так, исследования на некрополе Гордиона хеттского времени прослеживают отраженное в погребальном инвентаре имущественное и социальное неравенство. Примечательны в этой связи погребения, где погребальные дары отсутствуют вообще. Но даже самые богатые захоронения Гордиона II тыс. до н. э., как отмечает М. Меллинк, не обнаруживают стремления к демонстративной роскоши⁵⁷, и обособление носителей государственной власти по данным погребального обряда в Гордионе дофригийского периода установить не удается. В то же время вероятно употребление иероглифической письменности здесь и в долине Сангария в целом во II тыс. до н. э.⁵⁸

Упоминание реки *Şahiriya*, отождествляемой с Сангарием, в хеттских клинописных текстах указывает на то, что хеттам была известна территория, прилегавшая к этой реке⁵⁹. Эта территория должна была входить в состав государственных образований Западной Анатолии, которые фигурируют в анналах хеттских царей, совершавших сюда походы. Гипотетично территорию будущей Фригии ассоциировали с Ассувой (Дж. Гарстанг), Арцавой (Р. Д. Барнетт) и другими упоминавшимися в хеттских текстах государствами II тыс. до н. э. на западе Анатолии. Но достоверное отождествление долины Сангария с теми или иными политическими образованиями Малой Азии хеттского времени пока не проведено.

Однако правомерно думать, что развитие малоазийской государственности к западу от Галиса шло во II тыс. до н. э. по тем же законам, что и в хеттском рабовладельческом обществе. Долина Сангария, таким об-

⁵⁴ *Lloyd S., Gökçe N.* Excavation at Polatly.— *AnSt*, 1951, 1; *Mellink.* *Archaeology*...— *AJA*, 1971, v. 75, p. 166; 1976, v. 80, p. 267.

⁵⁵ *Mellink M. J.* *A Hittite Cemetery at Gordion.* Philadelphia, 1956, p. 45 f.

⁵⁶ О том, что через долину Сангария проходили пути хеттов в Западную Анатолию см., в частности, *Garstang J.* *Hittite Military Roads in Asia Minor.*— *AJA*, 1943, v. XLVII, № 1, p. 40 f. По мнению Р. Янга, через Гордион проходил самый древний путь из Северо-Западной Эгейды и от побережья Мраморного моря на восток (*Young.* *Gordion*..., p. 9). Археологические находки близ Афьона свидетельствуют о том, что данный район был объектом интереса торговцев с Востока уже в период «Карум Iб», и указывают на значение во II тыс. до н. э. южного торгового пути, проходившего через Ковью и Афьон; см. *Mellink.* *Archaeology*...— *AJA*, 1976, v. 80, № 3, p. 267.

⁵⁷ *Idem.* *A Hittite Cemetery at Gordion*, p. 49.

⁵⁸ *Güterbock H. G.* Seal and Sealing in Hittite Lands.— In: *From Athens to Gordion*..., p. 51 f. О находках иероглифических надписей на территории Фригии см. *Nilüfer Boysan, Marazzi M., Nowicki H.* *Sammlungs Hieroglyphischer Siegel.* B. 1. Würzburg, 1983.

⁵⁹ См. об этом, в частности, *Garstang.* *Hittite Military Roads*..., p. 35 f.

разом, принадлежала государственным образованиям «номового» типа, которые, с одной стороны, служили объектом экономической, военной и дипломатической экспансии Хеттского царства в периоды усиления централизации последнего, а с другой, — стремясь противостоять давлению хеттов, периодически объединялись в более крупные территориальные образования. То, что участь Хатгусы и ряда других крупных центров Хеттского государства, разрушенных на рубеже II — I тыс. до н. э., миновала Гордион, должно было способствовать сохранению здесь основ местной государственности и ее дальнейшему развитию, модифицированному, как кажется, в незначительной степени появлением новых этнических компонентов.

Примечательно, что в Гордионе прослеживается не только постепенность перехода от «хеттского» поселения к фригийскому, но и установлено несколько фригийских строительных слоев, предшествующих культурному слою, который содержит следы пожара и разрушений, интерпретируемых как последствия «киммерийского» вторжения в начале VII в. до н. э., и соответствует периоду наивысшего внешнего и внутреннего расцвета Фригийского царства⁶⁰. Хотя установить соотношение этих ранних фригийских строительных слоев в абсолютной хронологии пока не удается, сам факт их существования служит доказательством непрерывного и прогрессивного развития государственности Гордиона от позднехеттского времени до начала VII в. до н. э.

Поэтому не имеет под собой оснований гипотеза Дж. Г. Маккуина⁶¹ о том, что фригийцы античной традиции — это мушки, мигрировавшие в долину Сангария с востока (где они якобы обитали под властью Миты в верховьях Тигра и Евфрата еще во времена Саргона II) под давлением киммерийцев в самом конце VIII в. до н. э. Этнос, создавший фригийскую цивилизацию Гордиона, сформировался на рубеже II — I тыс. до н. э. на основе местного западноанатолийского субстрата. Фригийская государственность Гордиона не могла быть принесена извне ни с запада, ни с востока.

Умозрительным выглядит и мнение, согласно которому фригийцы Гордиона участвовали в разгроме Хеттской державы и представляли западную часть «империи фригийцев-мушков», охватывавшей в XI — IX вв. до н. э. всю Центральную Анатолию. Это мнение основано на произвольном отождествлении фригийцев (=носителей фригийского языка) с упоминаемыми в ассирийских клинописных текстах мушками не только конца VIII в. до н. э., но и времени Тиглатпаласара I. Не касаясь спорной проблемы о возможной лингвистической принадлежности мушков, упоминаемых восточными текстами, подчеркнем, что с фригийцами Гордиона правомерно соотносить, преимущественно по историческим соображениям, только мушков правителя Миты, известного из ассирийских документов конца VIII в. до н. э. Причина, по которой в ассирийских и других древневосточных источниках многозначным термином «мушки» обозначали Фригийское государство с центром в Гордионе в эпоху его расцвета при Мидасе, отождествляемом с Митой, связывается с предполагаемым самоназванием носителей фригийского языка (*Musai)⁶² и экспансией Фригийского государства на восток Малой Азии (в ходе ко-

⁶⁰ В частности, ниже Мегарона 9, синхронного с периодом, непосредственно предшествующим слою «киммерийских» разрушений, и расположенного к северо-востоку от городских ворот за внутренней городской стеной, обнаружено более раннее фригийское здание, которое, по мнению Р. Янга, могло быть одним из первых строений Гордиона фригийского времени (ниже его — только керамика хеттского периода). Здесь прослежено семь фригийских строительных фаз, предшествующих разрушению Гордиона в начале VII в. до н. э. (Young. The Gordion Campaign of 1965..., p. 275). Развитие фригийского города в докиммерийский период отражают также перестройки городской стены и ворот Гордиона (Young. Gordion..., p. 27).

⁶¹ Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983, с. 55.

⁶² См. прим. 38.

торой фригийцы долины Сангария могли вступить в контакт с обитавшими там мушками⁶³), но остается до конца не выясненной.

Состояние имеющихся источников не позволяет однозначно определить, насколько типична была ситуация Гордиона для генезиса фригийской государственности в целом, но кажется правомерным допустить, что значительная степень преемственности с локальными вариантами анатолийской цивилизации предшествующего периода имела место на всей территории, которую античные авторы именовали Фригией.

Невозможна пока и сколько-нибудь удовлетворительная реконструкция раннефригийской истории Гордиона. В частности, неясно его положение до VIII в. до н. э. среди других центров, где обитали носители фригийского языка в Малой Азии, и те конкретно-исторические причины, которые обусловили превращение Гордиона, очевидно при первых представителях воцарившейся здесь династии Гордиев-Мидасов⁶⁴, в столицу государства, которое первым в I тыс. до н. э. объединило в своем составе большую часть Анатолии. Но само это превращение надо иметь в виду при определении степени исторической адекватности той картины социально-экономического и политического развития фригийского общества во второй половине VIII — начале VII в. до н. э., основным и практически единственным источником воссоздания которой являются археологические материалы Гордиона.

Прежде всего следует подчеркнуть, что фригийский Гордион докimmerийского времени предстает перед нами как развитый архитектурный ансамбль, расположенный внутри хорошо укрепленной цитадели на холме, поднимающемся примерно на 15 м над окружающей местностью. Этот ансамбль состоит из нескольких серий мегаронов, разделенных внутренними городскими стенами⁶⁵. Примечательно, что, будучи одним из самых ранних памятников анатолийской урбанистики I тыс. до н. э., Гордион показывает несомненную преемственность с традициями западноанатолийского градостроительства III — II тыс. до н. э. и может рассматриваться как его органическое продолжение⁶⁶.

Для определения характера фригийского города и его места в структуре фригийской государственности⁶⁷ принципиально важно, что наход-

⁶³ О существовании государства мушков на юго-востоке Малой Азии см.: *Хазардаге. Этнополитические проблемы...*, с. 27 сл.

⁶⁴ Об историчности этой династии см. *Моисеева Т. А.* Мидас как символ богатства в античной традиции. — ВДИ, 1984, № 4, с. 12—14. Анализ данных античной традиции о Гордионе как столице этой династии см. в статье: *Моисеева Т. А.* Царская власть у фригийцев (К интерпретации легенды о Гордиевом узле). — ВДИ, 1982, № 1, с. 122—123.

⁶⁵ План и описание докimmerийского комплекса, располагавшегося на главном городском холме Гордиона (500 × 350 м), см., в частности, в работе: *Young. Gordiopol...*, p. 5, 17, 23—42.

⁶⁶ На это указывает, в частности, мегаронная планировка зданий и техника возведения фортификационных сооружений докimmerийского Гордиона (*ibid.*, p. 31).

⁶⁷ Городской характер фригийской цивилизации, как представляется, нашел свое отражение в античной традиции начиная с «Илиады» (III, 400—401). Можно допустить, что по крайней мере часть городов Фригии, упоминаемых Геродотом (VII, 26—27, 30; VIII, 136) и другими античными авторами, существовала уже в VIII — начале VII в. до н. э. Представляют интерес для выяснения типологии фригийского города археологические материалы из Горной Фригии (*Haspels E. The Highlands of Phrygia. Sites and Monuments. V. 1—2. Princeton, 1971*). Новые перспективы для изучения фригийского города открывают раскопки турецких археологов близ селения Венидоган (15 км к северо-востоку от Полатли), проводящиеся с 70-х годов. Здесь были обнаружены остатки монументальных фортификационных сооружений и других построек фригийского города, располагавшегося в 20 км от Гордиона и превышавшего Гордион по размерам. Культурные слои фригийского времени здесь не покрываются более поздними наслоениями эллинистического и римского периодов. Пять курганных захоронений расположено в окрестностях. Предполагают, что здесь существовал пока безымянный, но важный центр Фригийского государства (см. *Mel-link. Archaeology...* — *AJA*, 1973, v. 77, № 2, p. 179. f.; 1974, v. 78, № 2, p. 117; 1975, v. 79, № 3, p. 210; 1976, v. 80, № 3, p. 272).

ки, происходящие из культурного слоя рубежа VIII — VII вв. до н. э. на основном городище и из исследованных курганных погребений докimmerийского периода, свидетельствуют о Гордионе как значительном центре экономического развития, пункте сосредоточения прибавочного продукта, производимого в сельском хозяйстве и ремесле⁶⁸. Так, в помещениях западной части цитадели (так называемые «Террасовое здание» и «Здание СС») были обнаружены следы хранения продуктов земледелия, в частности: кучи обуглившихся зерен пшеницы, ячменя, чечевицы, обуглившиеся фрагменты плетеных корзин, в которых хранилось зерно, приготовленное для обмолота, ямы, обмазанные глиной, и керамическая тара для хранения зерна или муки⁶⁹. Здесь же найдены орудия для обработки земли, зернотерки, ручные мельницы и печи, где выпекался хлеб⁷⁰. Засвидетельствовано также использование продуктов животноводства⁷¹.

Примечательно, что Гордион, как и другие известные фригийские центры в бассейне реки Сангария — районе в целом гористом, — располагался в небольшой аллювиальной равнине, удобной для земледелия⁷². Важно в этой связи, что археологические данные делают вероятным существование в докimmerийский период в непосредственной близости от основного городского холма Гордиона, на краю возвышенности, занятой некрополем, — поселения⁷³, входившего, очевидно, в орбиту хозяйственной и социальной жизни фригийской столицы. Возможно, жители этого поселения и обеспечивали цитадель Гордиона продукцией сельского хозяйства.

Археологические материалы убедительно свидетельствуют о том, что докimmerийский Гордион был местом сосредоточения разнообразных ремесленных изделий⁷⁴. Прежде всего обращает на себя внимание обилие обнаруженных предметов из металлов. Так, многочисленны бронзовые сосуды различного назначения, размеров и формы, а также бронзовые фибулы и другие изделия из бронзы найдены при раскопках цитадели и в погребальных камерах курганных захоронений докimmerийского периода⁷⁵. Основная их часть идентифицируется как продукция местного самобытного и весьма развитого металлообрабатывающего производства⁷⁶. Высокий уровень обработки бронзы у фригийцев косвенно подтверждается и тем, что фригийские изделия из бронзы имитировались и широко импортировались греческими городами Малой Азии, Эгеиды и Балканского полуострова⁷⁷.

Принципиально важно для определения характера фригийской государственности и ее экономической основы то, что в слоях докimmerий-

⁶⁸ Ср. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. — ВДИ, 1982, № 2, с. 3.

⁶⁹ Young R. S. Gordion Campaign of 1957: Preliminary Report. — AJA, 1958, v. 62, № 2, p. 147; 1964, v. 68, № 3, p. 285; 1966, v. 70, № 3, p. 269; 1974, v. 78, № 2, p. 117.

⁷⁰ Recent Archaeology Research in Turkey. — AnSt, 1974, 24, p. 31—33.

⁷¹ AJA, 1974, v. 78, № 2, p. 117; AnSt, 1974, 24, p. 31 ff.

⁷² Очевидно, и для Гордиона VIII—VII вв. до н. э. справедлива характеристика Фригии, данная Геродотом (V, 49), в которой подчеркивается ее богатство скотом и плодородие. Б. Даркот (География Турции. М., 1959, с. 27) отмечает, что район верхнего течения Сакарьи (= Сангарий) играет существенную роль в зерновом хозяйстве и современной Турции. Здесь же издавна разводятся овец с тонкой и блестящей шерстью (с. 96—97).

⁷³ Young. Gordion..., p. 17—18.

⁷⁴ Young R. S. Gordion. Problems of Western Phrygia. — In: Le Rayonnement des Civilisations Grecque et Romaine sur les Cultures Périphériques. P., 1965, p. 481—485; De Vries. Op. cit., p. 33—50; Barnett. Ancient Oriental Influences..., p. 431 f.

⁷⁵ Например, только в погребальной камере так называемого «Кургана Мидаса» было обнаружено 169 бронзовых сосудов и 172 бронзовые фибулы (они изданы в работе: Young. Three Great Early Tumuli..., p. 102—174).

⁷⁶ Muscarella O. Phrygian Fibulas from Gordion. L., 1967; Young. Three Great Early Tumuli..., p. 249—249, 265 f.

⁷⁷ См., в частности, Birmingham J. M. The Overland Route across Anatolia in the Eighth and Seventh Centuries B. C. — AnSt, 1961, 11, p. 186—190.

ского Гордиона было найдено большое число изделий из железа ⁷⁸, которые, хотя и не поддаются пока точной датировке ⁷⁹, но могут считаться одной из самых ранних известных серий железных орудий, знаменующих реальное начало железного века ⁸⁰. Очевидно, в области металлургии железа фригийцы были непосредственными наследниками хеттов и лувийцев и, вероятно, сыграли определенную роль в распространении техники его обработки в соседних районах древнего мира ⁸¹. Во всяком случае обработка железа и широкое внедрение железных орудий может рассматриваться как экономический фактор расцвета Фригийского государства в VIII в. до н. э.

Имеются свидетельства высокого уровня развития в Гордионе докиммерийского времени и других видов ремесла: прядения и ткачества ⁸², деревообработки ⁸³ и строительного дела ⁸⁴, изготовления керамики ⁸⁵ и др. При этом важно подчеркнуть, что во всех видах ремесленной деятельности прослеживается преемственность предшествующей анатолийской традиции.

Археологические источники представляют нам докиммерийский Гордион и как крупный центр обмена, преимущественно внешнего, что было обусловлено, как отмечалось выше, выгодным географическим положением этого города на одном из основных торговых путей, соединявших Эгеиду с Востоком. Импорт, обнаруженный на городище и некрополе, говорит о преобладании торговых связей фригийцев Гордиона с государствами Восточной Анатолии, Северной Сирии, Кипром, Ассирией ⁸⁶.

⁷⁸ На городище докиммерийского Гордиона обнаружено свыше 130 предметов из железа, включающих и орудия труда, а также зафиксировано присутствие железной руды и шлака (*Young. Three Great Early Tumuli...*, p. 250).

⁷⁹ *Waldbaum J. C. From Bronze to Iron. The Transition from the Bronze Age to the Iron in the Eastern Mediterranean. Göterborg, 1978, p. 14.*

⁸⁰ *Селимханов И. В., Иванов В. В. Металлы и славы древности.* — В кн.: Всеобщая история химии. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. М., 1980, с. 68; *Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов.* М., 1983, с. 45.

⁸¹ В греческой мифологии первыми, кто начал обрабатывать железо, считались Идейские Дактилы — фригийские служители Матери богов: Кельмис, Акмон и др. (*Strabo, X, 3, 22*). Предполагают, что эти мифологические представления своеобразно отразили факт фригийского влияния на развитие металлургии железа у греков (*Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 83*; см. также *Sandars. Thracians...*, p. 195—202).

⁸² Обнаружены остатки тканей из льна, висевших на стенах и покрывавших мебель в Мегароне 3, фрагменты одежды и тканей, покрывавших кровати и стены в погребальных камерах так называемых «царских» курганов. Большое число отвесов ткацких станков, веретена, железные ножи для обрезания нитей, остатки комков смотанных нитей были найдены в помещениях западной части цитадели докиммерийского Гордиона; см. *De Vries. Op. cit., p. 39. ff.*; *Bellinger L. Textiles from Gordion.* — In: *Bulletin of the Needle and Bobbin Club, 1962, v. 46, p. 5—33*; *Boehmer R. M. Phrygische Prunkgewänder des 8. Jahrhunderts v. Chr. Herkunft und Export.* — *Archäologischer Anzeiger, 1973, H. 2, S. 149—172*, и др.

⁸³ О том, что фригийцы Гордиона были искусными мастерами по обработке дерева, свидетельствуют деревянные погребальные камеры и фрагменты резной и инкрустированной мебели, найденные в захоронениях и мегаронах восточной части цитадели; см. *Young R. S. Phrygian Furniture from Gordion.* — *Expedition, 1974, v. 16, № 3, p. 2—13*; *Simpson E. Reconstruction of an Ancient Table.* — *Expedition, 1983, v. 25, № 4, p. 11—26.*

⁸⁴ *Young R. S. Phrygian Architecture and Construction.* — *Expedition, 1960, v. 2, № 2, p. 2—9*; *1962, v. 4, № 4, p. 2—12.*

⁸⁵ См., в частности, *idem. Three Great Early Tumuli...*, p. 32 ff., 173 ff., 212 ff., 266.

⁸⁶ Так, в погребальной камере кургана Р были найдены керамический сосуд кипрского происхождения (Р 50), изделия из голубого египетского стекла (Р 46 и 47), стеклянная ваза ассирийского происхождения (Р 48). Импортом из Северной Сирии являются бронзовые котлы с изображениями бычьих голов из «Кургана Мидаса» (ММ 2 и 3), инкрустированная слоновой костью упряжь из «Террасового здания» (ТВ 2). Подробно см. *The Gordion Excavations. Final reports. V. 1. О контактах Гордиона с Востоком см. также Kenneth. Phrygian Painted Animals...* p. 169—198.

Контакты же с Западом в докиммерийский период фиксируются лишь недавно обнаруженными фрагментами греческой керамики, датированной около 700 г. до н. э.⁸⁷ Но фригийский импорт был весьма популярен в греческом мире⁸⁸. К сожалению, мы фактически ничего не знаем об организации торговли в Гордионе. В этой связи интересна находка золотых слитков шаровидной формы без клейма, но определенного веса, побудившая Де Вриза высказать гипотезу о фригийской протомонете⁸⁹.

Существенно, что археологические исследования проливают свет на характер хозяйственной жизни Гордиона VIII — начала VII в. до н. э. Обращает на себя внимание в этом плане отсутствие на городском холме следов «нижнего» города⁹⁰, где обычно располагались кварталы ремесленников и торговая площадь. С другой стороны, примечательны две серии мегаронных сооружений, расположенные в западной части цитадели. Одна из этих серий — упоминавшееся выше «Террасовое здание» — состоит из девяти мегаронов, установленных в одну линию так, что два соседних имеют общую стену, а общая длинная стена всех девяти (ок. 100 м) отделяет западную часть цитадели от «дворцового» квартала на востоке⁹¹. «Террасовое здание» отделено улицей, на которую открываются все его мегароны, от зеркально сходного с ним «Здания СС»⁹², в котором открыто пока четыре помещения, хотя их число, возможно, равняется числу мегаронов «Террасового здания». Естественно предположить, что оба эти сооружения представляли единый комплекс, датированный самой поздней строительной фазой докиммерийского Гордиона. Очевидно хозяйственное назначение данного комплекса, в помещениях которого, как мы отмечали выше, археологически фиксируется прядение и ткачество, обмолот зерна, приготовление пищи (выпечка хлеба и др.). Здесь же располагались кладовые, в которых хранились запасы сельскохозяйственных продуктов, орудия труда, а также изделия из бронзы и даже драгоценных металлов. Кажется, можно проследить дифференциацию помещений по видам хозяйственной деятельности, осуществлявшимся в них. Например, ткачество сосредоточивалось в мегароне 7 «Террасового здания» и мегароне 3 «Здания СС», обмолот зерна — в помещениях 5, 6, 7 «Террасового здания» и др.

По подсчетам Де Вриза, который исходил из размеров помещений, числа археологически определяемых рабочих мест и количества обнаруженных орудий труда, в рассматриваемом комплексе, исключая кладовые, могло одновременно работать около 300 человек⁹³.

Такие масштабы централизованной в пределах относительно тесной рабочей зоны хозяйственной деятельности, по мнению исследователей Гордиона, предполагают, что комплекс в западной части города был создан для удовлетворения потребностей дворца и гарнизона⁹⁴. Действительно, рассмотренный хозяйственный комплекс («Террасовое здание» и «Здание СС») примыкал к связанному с ним коммуникацией, но отделенному длинной стеной «Террасового здания» кварталу на северо-востоке цита-

⁸⁷ *De Vries*. Op. cit., p. 33.

⁸⁸ Фригийские изделия VIII в. до н. э. обнаружены как в греческих центрах Малой Азии (Смирне, Родосе, Самосе, Хиосе и др.), так и в Балканской Греции (Дельфы, Олимпия, Спарта и др.). См., в частности, *Barnett*. Op. cit., p. 429. О фригийском влиянии на греков см. также: *Копейкина Л. В.* Ориентализирующий стиль, предпосылки и особенности его формирования в восточноионийской Греции.— ВДИ, 1975, № 1, с. 103—116 и др.

⁸⁹ *De Vries*. Op. cit., p. 34.

⁹⁰ *Young*. Gordion..., p. 18.

⁹¹ О раскопках «Террасового здания» см.: *AJA*, 1958, v. 62, № 2, p. 145—147; 1960, v. 64, № 3, p. 240—243; 1962, v. 66, № 2, p. 164—167; 1964, v. 68, № 3, p. 285—286; 1966, v. 70, № 3, p. 267—278.

⁹² *AnSt*, 1974, 24, p. 31 f.

⁹³ *De Vries*. Op. cit., p. 40.

⁹⁴ К этому выводу пришел уже Р. С. Янг (*AJA*, 1966, v. 70, № 3, p. 271; 1968, v. 72, № 3, p. 238).

дели докиммерийского Гордиона. Этот квартал был изолирован внутренними городскими стенами. При незначительных следах хозяйственной деятельности размеры и интерьер размещенных здесь свободно стоящих мегаронов, среди которых наиболее крупными являются так называемый Мегарон 3 («дворец») и Мегарон 4 («храм»), создают, по выражению Де Вриза, впечатление богатства и роскоши⁹⁵ и позволяют идентифицировать этот квартал как «дворцовый»⁹⁶. Именно здесь должна была сосредоточиваться общественная, административная и, возможно, религиозная жизнь докиммерийского Гордиона и осуществляться его функционирование как центра государственности. А комплекс на западе цитадели, таким образом, археологически фиксирует и воплощает существование дворцового хозяйства как части государственного сектора экономики.

Определяя цитадель Гордиона как «резиденцию царя, бюрократии и гарнизона вместе с населением, обслуживавшим нужды дворца»⁹⁷, Р. С. Янг считал, что «рядовое население в основной своей массе должно было жить вокруг в сельской местности, возможно, приходя в город на ярмарки и укрываясь за его стенами в случае опасности»⁹⁸. Выживший тип поселения бронзового века, представлявший собой агломерат нескольких деревень вокруг убежища-дворца, видит в Гордионе докиммерийского времени Г. Ханфманн⁹⁹, который, пытаясь определить своеобразие фригийского города, приходит к выводу, что докиммерийский Гордион показывает большее сходство с центрами дворцовой экономики бронзового века и новохеттскими царствами, чем с торгово-ремесленными городами Финикии и Греции¹⁰⁰.

Нам представляется, что гипотеза, предполагающая известное типологическое сходство фригийского Гордиона VIII — начала VII в. до н. э. с дворцовыми центрами II тыс. до н. э., а также с царскими городами Восточной Анатолии начала I тыс. до н. э., имеет под собой историческое основание. Археологически фиксируемая непрерывность обитания на холме Гордиона, восходящая по крайней мере к III тыс. до н. э., о которой мы говорили выше, делает вероятным сохранение здесь традиций местной западноанатолийской государственности и городской культуры, что и объясняет типологическую преемственность фригийского города с центрами эпохи бронзы, а также его сходство с городами новохеттского мира.

Но говоря о Гордионе как элементе фригийской государственности докиммерийского времени, следует иметь в виду, что имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы относятся преимущественно к рубежу VIII — VII вв. до н. э., т. е. к тому периоду, когда этот город превратился в столицу крупного государства, объединившего долину Сангария и далеко вышедшего за ее пределы. Это обстоятельство не могло не сказаться на всех сторонах жизни Гордиона, свидетельством чему может служить, в частности, тот факт, что именно к позднейшей строительной фазе докиммерийского периода относятся сооружение вышеупомянувшегося хозяйственного комплекса и перестройка «дворцового» квартала, сопровождавшаяся увеличением его площади. Поэтому нам кажется правомерным предполагать, что наиболее характерные и отличительные черты фригийского города, отражающие своеобразие его исторического развития, должны были наиболее рельефно проявиться именно на заключительном этапе существования докиммерийского Гордиона.

⁹⁵ *De Vries. Op. cit.*, p. 34 ff.

⁹⁶ *Young. Gordion...*, p. 31.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 17.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 31.

⁹⁹ *Hanfmann. On Lydian Sardis*, p. 102. По мнению М. Хэммонда (*Hammond M. The City in the Ancient World. Cambr., 1972, p. 144*), Гордион, подобно Бозазкёю, возник как царская цитадель.

¹⁰⁰ *Hanfmann. On Lydian Sardis*, p. 107.

Пытаясь выявить эти черты, мы должны признать, что возможность достоверной реконструкции социально-политического развития фригийского общества по материалам Гордиона пока крайне ограничены из-за отсутствия оригинальных письменных источников, которые проливали бы свет на хозяйственную жизнь и социальные отношения Фригии VIII — начала VII в. до н. э. Так, мы не можем, основываясь только на археологических данных, конкретизировать классовое и социальное положение тех, кто играл основную роль в сельскохозяйственном производстве докиммерийского Гордиона, и с определенностью сказать, принадлежали обитатели земледельческого поселения, археологически фиксируемого поблизости от цитадели, к классу/сословию свободных производителей фригийского общества или были зависимым от двorca населением. Это же относится и к ремесленникам, изготовлявшим многочисленные предметы из бронзы и железа, керамику, инкрустированную деревянную мебель, ткани и др., обнаруженные на городище и некрополе, хотя наиболее вероятной кажется связь ремесленников докиммерийского Гордиона с государственным (=дворцовым) сектором. Трудно определить однозначно и социальный статус тех, кто принимал участие в сооружении грандиозных курганных погребений. Здесь мог применяться труд как зависимых людей, так и свободных граждан фригийского общества, выполнявших государственную повинность.

Но принципиально важно, что имеются основания предполагать существование в Гордионе конца VIII — начала VII в. до н. э. класса зависимых людей рабского типа, трудившихся, в частности, в упоминавшемся выше хозяйственном комплексе в западной части цитадели. Это могли быть, судя по приводимым Де Вризом аналогиям древних обществ Восточного Средиземноморья и Эгеиды II — I тыс. до н. э.¹⁰¹, как мужчины, так и женщины, занимавшиеся обмолотом зерна, выпечкой хлеба, прядением, ткачеством и пр. О несвободном характере их труда косвенно свидетельствует теснота и замкнутость рабочей зоны при относительно большой численности работников¹⁰². Примечательно, что археологические данные указывают, как кажется, и на то, что трудившиеся в «Террасовом здании» и «Здании СС» могли располагать некоторым досугом и в таком случае их эксплуатация носила в определенном смысле патриархальный характер¹⁰³. Основным источником пополнения эксплуатируемого населения докиммерийского Гордиона были, очевидно, пленные, захваченные во время военных походов, осуществлявшихся фригийцами, в частности, как сообщают ассирийские тексты времени Саргона II, на юго-восток Анатолии¹⁰⁴. Но, возможно, рабов также и покупали¹⁰⁵.

Облик «дворцового» квартала и курганные погребения с их гигантскими могильными холмами и погребальными камерами, которые по размерам и богатству интерьера приближались к реальным дворцовым покоем, вполне определенно указывают на наличие во Фригии VIII — начала VII в. до н. э. экономически и политически господствовавшего класса, присваивавшего значительную часть общественно полезного труда и производившейся в земледелии и ремесле продукции. Во главе этого класса

¹⁰¹ De Vries. Op. cit., p. 40.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Де Вриз в этой связи предполагает сходство археологически реконструируемой картины жизни в хозяйственном комплексе цитадели докиммерийского Гордиона с хозяйствами басилеев гомеровского эпоса (op. cit., p. 42).

¹⁰⁴ АВИИУ, I, 46, 47; II, 53.

¹⁰⁵ О продаже фригийцами рабов в Тир упоминал автор VI в. до н. э. Езекииль (Ez. 27 : 10—15). И. М. Дьяконов (Урарту, Фригия, Лидия..., с. 62) высказал предположение о том, что естественными поставщиками рабов во Фригию докиммерийского времени в обмен на фригийские товары могли быть греческие мореходы, которые, как и финикийские, занимались пиратством. Гесикий сохранил фригийский термин, обозначающий раба: ζέμελεν-βάρβαρον ἀνδράποδον. Φρύγες (Герознак. Палеобалканские языки, с. 154).

фригийского общества должен был быть правитель, обозначавшийся у греческих авторов термином βασιλεύς¹⁰⁶, в ассирийских текстах — šar^{mat} muški, а в старофригийской надписи из «Города Мидаса» титулами *ванак* и *лавагет*, сходными с микенскими¹⁰⁷.

Важно подчеркнуть, что археологические материалы, полученные в Гордионе, дают возможность конкретизировать наши представления о характере власти фригийских царей. Так, рассмотренный выше хозяйственный комплекс цитадели докimmerийского периода является археологическим выражением экономической основы власти правителей, чьей резиденцией был Гордион. О военных функциях фригийских царей и роли военного сословия, которое нет никаких оснований отождествлять с всаднической знатью фригийцев-пришельцев из Европы, свидетельствуют изображения батальных сцен, обнаруженные в мегаронах «дворцового» квартала. Археологические данные позволяют предполагать, что фригийцы одними из первых в Передней Азии широко применили железное оружие¹⁰⁸ и конницу как род войска¹⁰⁹. Это, очевидно, и дало возможность фригийскому войску, состоявшему из пехоты¹¹⁰, комплектовавшейся, вероятнее всего, из рядовых фригийцев, и конницы, в которой служили представители знати, не уступать в боеспособности военным силам Ассирии и Урарту.

Геродот (1,14) упоминает о судебных функциях Мидаса. Но то обстоятельство, что в Гордионе (как и в Сардах) не обнаружен царский архив, хотя фригийская цивилизация обладала самой совершенной на древнем Востоке системой письма — алфавитной, которая по времени возникновения может быть сопоставлена только с древнегреческой¹¹¹, не позволяет сколько-нибудь конкретно охарактеризовать как фригийское судо-

¹⁰⁶ Ср. у Геродота:... περὶ Μίδων τὸν Γορδῖον, φρυγίης βασιλεῖα (I, 14) и др. Античные авторы сохранили и еще один предположительно фригийский термин, обозначающий царя: bal(l)ēn (Voc. Masc.); см. *Нерозанак*. Палеобалканские языки, с. 138 сл.

¹⁰⁷ *Lejeune M.* A propos de la titulature de Midas.— *Athenaeum*. Pavia, 1969, XLVII, p. 179—192 и др. М. И. Дьяконов склонен видеть в этих титулах очень раннее греческое влияние (Урарту, Фригия, Лидия..., с. 62—63).

¹⁰⁸ *De Vries*. Op. cit. p. 36.

¹⁰⁹ Изображения всадников в шлемах, вооруженных щитами и длинными копьями, на пластинах из дерева и слоновой кости были обнаружены в Мегаронах 3 и 4 (*Young R. S.* The Gordion Campaign of 1959.— *AJA*, 1960, v. 64, № 3, p. 240, pl. 60, fig. 25a—c; *idem*. The 1963 Campaign at Gordion.— *AJA*, 1964, v. 68, № 3, p. 287, pl. 89, fig. 22; *De Vries*. Op. cit., p. 35, fig. 8). В одном из помещений «Террасового здания» (ТВ 2) найдены фрагменты из железа и слоновой кости от упряжи четырехлошадной колесницы, определяемой как северосирийский импорт (см. *Young R. S.* The 1961 Campaign at Gordion.— *AJA*, 1962, v. 66, № 2, p. 165—167; pl. 46—48, figs. 20—26). Бронзовое изображение квадриги и маленькая деревянная фигурка лошади происходят из «Детского царского захоронения» (=Курган Р): *Young*. Three Great Early Tumuli..., p. 9, 21—26 (Tum. P 40); p. 51 (Tum. P 106) и др.

¹¹⁰ Изображение «фригийского пехотинца» видят на черепице из Пазарлы (VI в. до н. э.) — *Akurgal*. Phrygische Kunst, Taf. 45—49.

¹¹¹ Происхождение фригийского алфавита и его отношение к древнегреческому остается пока не до конца выясненной проблемой. Так, по мнению Р. С. Янга, фригийский и греческий алфавиты возникли параллельно из общего финикийского квази-алфавита, существовавшего в Киликии и Северной Сирии (*Young*. Old Phrygian Inscriptions..., p. 252 ff.). Н. В. Хазарадзе высказала предположение, что фригийский алфавит восходит к уже сформировавшемуся раннегреческому, берущему начало в «промежуточном» архаическом греческом, который был распространен в VIII в. до н. э. на Эгейских островах, а также в Киликии и Северной Сирии (*Хазарадзе Н. В.* К вопросу о генезисе старофригийского алфавита. — Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник, V. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.), с. 86—96, с. 96—97 — русск. резюме). И. М. Дьяконов считает, что фригийский алфавит по своим внешним формам «почти полностью совпадает с некоторыми вариантами древнейших греческих алфавитов на побережье Малой Азии, и вполне возможно, что он заимствован отсюда, а не непосредственно у финикийцев» (Комментарий. — В кн.: *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. М., 1982, с. 305). См. также: *Lejeune M.* Discussions sur l'alphabet phrygien.— *SNEA*, 1969, 10, p. 19—47, и др.

производство, так и функционирование государственной администрации в целом ¹¹².

Если верить Геродоту (I, 14, 35, 45; VIII, 138) и другим античным авторам, которые, упоминая фригийских царей, называют имена их отцов, царская власть во фригийском государстве наследовалась по мужской линии. Косвенное подтверждение этого можно видеть, как кажется, в так называемом «Детском царском захоронении» Гордиона (Курган Р), датированном самым концом докиммерийского периода, в котором, судя по размерам насыпи и богатству погребального инвентаря, был погребен мальчик очень высокого социального статуса, возможно, царевич ¹¹³. Но не исключена, как показывает интерпретация сохраненного современниками Александра Македонского фригийского предания о происхождении династии Гордиев-Мидасов ¹¹⁴, и определенная роль женщины царского рода (царицы-жрицы) в передаче царского достоинства у фригийцев.

Анализ данных античной традиции в комплексе с эпиграфическими и археологическими источниками, как мы уже отмечали ранее ¹¹⁵, достаточно убедительно предполагает наличие сакральных функций у правителей докиммерийского Гордиона. Правда, храм в архитектурном ансамбле цитадели VIII — начала VII в. до н. э. четко не выделяется. В качестве такового могло служить одно из мегаронных зданий «дворцового» квартала, в частности Мегарон 4, как думал Р. С. Янг. Но многочисленные фригийские святилища известны в Горной Фригии, Пессинунте и т. д. В ряде случаев их существование могло восходить к дофригийской эпохе. Примечательно, что некоторые из них, как показывают данные фригийской эпиграфики и античной традиции, были связаны с именем правителя Гордиона — Мидаса ¹¹⁶.

Все вышесказанное свидетельствует о преимущественно анатолийском характере и происхождении института царской власти у фригийцев ¹¹⁷. Имеющиеся источники, таким образом, не дают оснований отождествлять фригийских царей и господствующий класс фригийского общества в целом со всаднической знатью воинственных пришельцев. Не служит аргументом в пользу последнего, как мы отмечали выше, и присутствие на некрополе докиммерийского Гордиона курганных погребений, ассоциируемых с фригийскими царями (W, K-III, P, K-IV) ¹¹⁸. Действительно, их

¹¹² К сожалению, старофригийские надписи из Гордиона и других мест Фригии кратки по содержанию и дают очень скудную историческую информацию. Поэтому на их основании трудно составить правильное представление о степени применения буквенной письменности в социально-политической жизни фригийского общества докиммерийского периода. Хотя, в частности, дипломатические контакты Фригии с Ассирией и государствами Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии, зафиксированные источниками, подразумевают не только обмен послами, но и письменными посланиями. Возможно, алфавитная письменность только входила в употребление у фригийцев на рубеже VIII—VII вв. до н. э., а до этого они пользовались лувийской иероглификой (Дьяконов. Комментарий, с. 305) или писали основную массу текстов на каком-то непрочном писчем материале, например, как предполагает Р. Барнетт (op. cit., p. 433), на покрытых воском табличках (из дерева?).

¹¹³ Young. Three Great Early Tumuli..., p. 10.

¹¹⁴ Моисеева. Царская власть..., с. 127.

¹¹⁵ Она же. Мидас..., с. 28—30.

¹¹⁶ Особенно интересно в этом плане культовое сооружение из «Города Мидаса» со старофригийской надписью, упоминающей Мидаса.

¹¹⁷ На это указывает и тот факт, что правитель Фригийского царства со столицей в Гордионе Мидас носил дофригийское имя, упоминавшееся применительно к царю Паххуву в хеттских текстах XIII в. до н. э. Возможно, типологическую близость характера власти фригийских царей докиммерийского времени к статусу ахейских правителей предполагает и обозначение микенскими титулами Мидаса в вышеупомянутой надписи.

¹¹⁸ О курганах K-III, K-IV см. Körte G., Körte A. Op. cit., S. 39—104; о курганных погребениях W, MM, P см. Young. Three Great Early Tumuli... В «Заключении» к последнему изданию М. Меллик, выражая точку зрения археологов Пенсильванской экспедиции, пишет, что изучение курганных погребений на некрополе Гордиона указывает на их принадлежность представителям «привилегированных классов: или знати, или членам правящей семьи» (с. 263).

гигантские насыпи и наполненные предметами роскоши погребальные камеры предполагают столь значительные материальные и трудовые ресурсы, что располагать ими могли только лица, занимавшие самую высокую ступень в социальной иерархии фригийского общества.

Относительная хронология «царских» курганов Гордиона, самый ранний из которых (W) датируется приблизительно рубежом IX—VIII вв. до н. э., а наиболее поздние (MM, P) относятся к концу докиммерийского периода (конец VIII — начало VII в. до н. э.), свидетельствует о том, что сооружение курганных погребений должно было отражать прогрессирующее развитие фригийской государственности, сопровождавшееся закономерным усилением царского единовластия. Последнее достигает своего апогея, как кажется, лишь в последней трети VIII в. до н. э., воплощением чего может служить погребение MM, условно идентифицируемое с Мидасом I. Примечательно, что по размерам курганный насыпи и площади погребальной камеры оно более чем в два раза превышает другие, даже наиболее крупные «царские» захоронения Гордиона (W и K-III). Предполагают, что ребенок, погребенный под курганом P, и неизвестный из захоронения K-III могли быть современниками и родственниками царя, для которого был построен «Курган Мидаса» (MM), а в кургане W погребен правитель, принадлежащий к старшему поколению ¹¹⁹.

Таким образом, археологические материалы некрополя Гордиона подтверждают слова И. М. Дьяконова: «Расцвет Фригии при Гордии и при Мидасе, сыне Гордия, был быстрым и блестящим» ¹²⁰. Это, возможно, и объясняет ту демонстративную расточительность погребального обряда, которую позволяли себе правители докиммерийского Гордиона, спеша, очевидно, утвердить исключительность своего статуса не столько в глазах рядовых фригийцев, получавших простые ингумации, сколько по отношению к фригийской знати ¹²¹.

Содержанием же кажущегося внезапным подъема в развитии фригийской государственности следует считать превращение Гордиона из центра номового государства в столицу крупного территориального царства. Границы этого царства на рубеже VIII—VII вв. до н. э. можно реконструировать лишь предположительно, но, судя по данным античной традиции и географии размещения памятников археологии и эпиграфики ¹²², Фригийское государство эпохи его расцвета достигало на северо-западе побережья Мраморного моря, на западе политическое влияние фригийских царей простиралось на Троаду и Мисию и, возможно, на Эолию ¹²³ и Лидию ¹²⁴, на юго-западе и юге территория Фригии включала район Келен и достигала границ Ликии ¹²⁵. К востоку от Анкары фригийское присутствие фиксируется за Галисом, а археологические находки в Конье, в совр. Голлудаге, Порсуке (около Нигдэ) и Тепебаглари в сочетании со старофри-

¹¹⁹ Ibid., p. 272.

¹²⁰ Дьяконов. Урарту, Фригия, Лидия..., с. 61.

¹²¹ Интересно, что в период после возрождения Гордиона, разрушенного киммерийцами, курганные насыпи, правда меньших размеров, широко распространяются над погребениями разных типов, в том числе и над новыми для Гордиона кремациями (см. Köhler E. L. Cremations of the Middle Phrygian Period at Gordion.— In: From Athens to Gordion..., p. 65—90), содержащими богатый инвентарь, включающий и изделия из золота, не известные в курганных захоронениях докиммерийского периода. Возможно, в этом следует видеть своеобразное отражение упадка центральной власти правителей, резиденцией которых в VIII — начале VII в. до н. э. был Гордион.

¹²² Систематизацию данных о географических пределах Фригии см., в частности, у Р. Д. Барнетта (op. cit., p. 419).

¹²³ Косвенно на это указывают сообщения античных авторов о связях Мидаса с царской семьей эолийского города Ким. См. их интерпретацию в статье: Huxley G. L. Titles of Midas.— In: Greek, Roman and Byzantine Studies, 1959, 2, p. 94, ff.

¹²⁴ Археологические свидетельства о фригийском влиянии в Сардах см.: Hanftmann. Sardis from Prehistoric to Roman Times, p. 33, 82; Muscarella O. W. Phrygian or Lydian?— JNES, 1971, v. 30, № 1, p. 49—63.

¹²⁵ См., в частности, Mellink. Local, Phrygian and Greek Traits..., и др.

гийской надписью, упоминающей Мидаса, из Тианы свидетельствуют о фригийском влиянии на территории к югу и юго-востоку от излучины Галиса ¹²⁶. Это согласуется с сообщением ассирийских источников времени Саргона II о том, что в этот период царство Миты Мушкского граничало с Табалом ¹²⁷.

Столь значительное государственное образование не могло не оказать заметного влияния на внешнеполитическую историю Малой Азии рассматриваемого периода. Действительно, Мита Мушкский, отождествляемый с Мидасом, фигурирует в ассирийских источниках между 717—709 гг. до н. э., а если допустить датировку так называемого «Нимрудского письма» временем Тиглатпаласара III, то и ранее ¹²⁸. Обычно эту информацию интерпретируют в связи с характеристикой ассирийского вторжения в Восточную Анатолию, экономической причиной которого было стремление Ассирийской мировой державы обеспечить себе доступ к источникам металлов и важнейшим торговым путям ¹²⁹.

Но ассирийские тексты конца VIII в. до н. э., сообщающие о дипломатической и военной активности Миты/Мидаса в данном регионе, свидетельствуют о том, что столкновение Ассирии с Фригией (мушками) было обусловлено не только ассирийским давлением, но и очевидным стремлением фригийских царей утвердиться на юго-востоке и востоке Анатолии. Тот факт, что почти все государства, расположенные здесь, устойчиво ориентировались на союз с Фригией в борьбе против Ассирии в период наивысшего могущества последней при Саргоне II ¹³⁰, убедительно говорит о высоком престиже Фригийского государства и его значительном военном и экономическом потенциале.

Как серьезный противник воспринималось царство Миты, очевидно, и самой Ассирией. Не случайно Саргон II строил крепости на границе с государством мушков ¹³¹ и поспешил превратить царства Восточной Малой Азии и Северной Сирии в ассирийские провинции. Но примечательно, что и после этих мероприятий, а также после временного принуждения Миты к выплате дани власть ассирийцев в интересующем нас районе оставалась непрочной ¹³². О военно-политическом значении Фригийского царства свидетельствует и упоминавшееся «Нимрудское письмо», из которого следует, что мирные отношения с Митой Мушкским воспринимались Ассирией как желательные и выгодные ¹³³. Иными словами, Фригию следует рассматривать как крупную силу, определявшую в конце VIII — начале VII в. до н. э. наряду с Ассирией и Урарту внешнеполитическую ситуацию на востоке Малой Азии.

Но принципиально важно, что военные и дипломатические действия фригийских царей в Юго-Восточной и Восточной Анатолии могут быть объяснены как обусловленные потребностями экономического и социального развития Фригийского государства рубежа VIII—VII вв. до н. э., рассмат-

¹²⁶ *Pelon Olivier*. Rapport préliminaire sur la première campagne de fouilles a Porsuk-Ulukisla.— Syria, 1970, XLVII, p. 284; 1972, XLIX, p. 313; *Mellink M. J.* Midas in Tuana.— In: *Florilegium Anatolicum*. Ed. E. De Boccard. Mélanges E. Laroche, 1979, p. 249—257; *Dupré*. Porsuk I..., и др.

¹²⁷ АВИИУ, II, 53. По размерам своей территории, включавшей районы с различными анатолийскими культурами II — начала I тыс. до н. э., Фригийское государство может быть сравнено только с Хеттским царством; ср. *Metzger*. Op. cit., p. 36.

¹²⁸ *Postgate J. N.* Assyrian Texts and Fragments.— Iraq, 1973, 35, p. 21 ff.; *Mellink*. Midas in Tuana, p. 249.

¹²⁹ *Бацужева С. М.* Борьба Ассирии и Урарту за Сирию.— ВДИ, 1953, № 2, с. 17 сл.; *Дьяконов*. Предыстория армянского народа, с. 163—168; *он же*. Урарту. Фригия, Лидия..., с. 46 сл.; *Barnett*. Op. cit., p. 42 ff., и др.

¹³⁰ *Naster P.* L'Asie Mineure et l'Assyrie aux VIIIe et VIIe Siècles av. J.-C. Louvain, 1938, p. 29, f.; *Дьяконов*. Малая Азия и Армения..., с. 97, и др.

¹³¹ АВИИУ, I, 46 (178).

¹³² В частности, Асархаддон с тревогой запрашивал оракул о действиях Миты — АВИИУ, II, 68.

¹³³ *Postgate*. Op. cit., p. 21—34.

риваемого как рабовладельческое. Так, одной из причин фригийской экспансии на Восток было, очевидно, стремление к залежам металлов, диктовавшееся развитием металлургии в докиммерийском Гордионе, о котором убедительно говорят приведенные археологические данные. Уместно предположить, что фригийские правители желали обеспечить себе преимущества на территории, по которой проходили важнейшие сухопутные пути из Передней Азии в Эгеиду, а также обосноваться в портах Киликии. Ассирийские тексты, в частности, сообщают о захвате Митой трех укрепленных городов в Куэ, возвращенных Саргоном II около 715 г. до н. э.¹³⁴ Существенным стимулом походов фригийских царей следует считать и захват пленников, становившихся зависимыми людьми рабского типа различных категорий, например, работниками хозяйственного комплекса докиммерийского Гордиона.

Таким образом, можно думать, что Фригия рубежа VIII—VII вв. до н. э., в относительно короткий срок достигшая расцвета как крупное территориальное царство, делала попытки овладеть основными доступными рабовладельческому обществу экстенсивными источниками получения прибавочного продукта. Иными словами, в развитии Фригийского государства докиммерийского периода можно констатировать намечавшуюся тенденцию превращения в «мировую» державу¹³⁵.

Этим, очевидно, объясняются и противоречивые взаимоотношения Фригии с Урарту. Необходимость противостоять ассирийской агрессии побуждала оба государства к временным союзам¹³⁶, но стремление господствовать на «железном» пути порождало антагонизм, в котором обе стороны пытались, помимо прочего, использовать новый фактор международной жизни Передней Азии — киммерийцев. В результате спровоцированное Урарту при Русе II нападение киммерийцев на Гордион¹³⁷ положило конец политической гегемонии Фригийского государства в Малой Азии¹³⁸.

Данные античной традиции и археологии о связях Мидаса с Эолией и греческим миром в целом свидетельствуют, как кажется, и о западном направлении экспансии Фригийской державы рубежа VIII—VII вв. до н. э. — о попытках фригийских царей закрепиться на побережье Эгеиды.

Итак, Фригийское государство докиммерийского периода предстает перед нами как исторически закономерное продолжение анатолийской государственности предшествующего периода и в своей относительно краткой и неравномерно освещенной источниками истории позволяет проследить проявление основных закономерностей рабовладельческого общества на стадии перехода от ранней древности к развитой. История Фригийского государства с центром в Гордионе представляет интерес и как близкий в хронологическом и пространственном отношении, но типологически **отличный** от полисного вариант государственности древнего мира.

¹³⁴ АВИИУ, I, 46, 47, II, 53. На фригийское влияние в районе Кара-тепе указывают и изображения на рельефах; см., в частности, *Winter I. J. On the Problems of Karatepe: the Reliefs and their Context.* — *AnSt*, 1979, 29, p. 119, 141—143, 148.

¹³⁵ Дьяконов, Якобсон. Ук. соч., с. 7 сл.

¹³⁶ АВИИУ, II, 53, 54 (28).

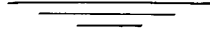
¹³⁷ АВИИУ, II, 68д; *Меликишвили Г. А.* Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту. — ВДИ, 1961, № 4, с. 39; Дьяконов. Урарту, Фригия, Лидия..., с. 65.

¹³⁸ Упоминание Фригии в перечне зависимых от Ассирии стран при Ашшурбанапале (АВИИУ, II, 71) около 660 г. до н. э. отражает, видимо, ослабление Фригийского царства после киммерийского разгрома.

THE PHRYGIAN STATE IN THE EIGHTH
AND EARLY SEVENTH CENTURIES B. C.

T. A. Moiseyeva

The author undertakes a reconstruction, based for the most part on the archaeological material of Gordium, of the origins and fundamental characteristics of the economic and socio-economic development of Phrygia in this period. She concludes that by the Phrygians who created that state should be understood, not the people who came from Europe, but a complex ethnos formed by a long period of interaction with the local western Anatolian substratum. This conclusion is archaeologically fixed at Gordium, beginning with the III millenium B. C., along with other ethnic components, the bearers of the Phrygian language and new features of material culture. Typologically determinative for the economic development of Gordium, the most thoroughly studied model of a Phrygian city, is the palace economy, whose archaeological embodiment is the economic complex in the western part of the citadel. In the author's view the character of the social structure of Phrygian society in Gordium allows the conjecture that this was a slave society. Putting together the archaeological data with information provided by ancient authors, Assyrian texts and Phrygian epigraphy, the author is able to arrive at a definite perception of the power held by the rulers of Gordium and also to support her thesis that at the turn of the 8th to 7th centuries this city was the capital of the largest kingdom in Anatolia, possessed of a considerable military potential. Gordium was able, in competition with Assyria and Urartu, to carry out an expansion of its territory to the east and southeast, an effort stimulated by economic needs.

С. Н. Муравьев

TRADITIO HERACLITEA (A)

СВОД ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКОВ О ГЕРАКЛИТЕ*

13. PLATO—ПЛАТОН

(427—347)

Testimonia de Heraclitismo eius
Свидетельства о влиянии на него Гераклита

(Plat.) 1

Т 88

(a) Diog. Laert. III, 5 (I, p. 123,1 Long) [→ *Diog. L. 5^a*]

ἐφιλοσόφει δὲ (sc. Πλάτων) τὴν ἀρχὴν [ἐν Ἀκαδημαίαι, εἴτα
ἐν τῷ κήπῳ τῷ παρὰ τὸν Κολωνόν, ὡς φησὶν Ἀλέξανδρος ἐν
3 Διαδοχαῖς,] καθ' Ἡράκλειτον.

Первоначально он (Платон) занимался философией [в Академии, затем — в саду в Колоне, как сообщает Александр в своих «Преемствах»,] по Гераклиту.

FGrH 273 (Alexander Polyhistor) F 89

[BPF] 1—3 ἐν — Διαδοχαῖς deleui ut ad § 7 pertinenta et hic falso inserta (cf. Usener, *Epicurea*, XXIV; Schwartz *RE V*, 748 s. = *GGs* 469; *Diog. L. uita Platonis* (Basileae, 1907) ad loc.; Jacoby *FGrH* ad 273 F 89; Hicks ad h. l. et al.) conl. → Т 89 || 2
παρὰ ΒF : περὶ Ρj

Т 89

(b) Apul. *De Plat.* I, 2, 185 (III, p. 84,3 Thomas; p. 61 Beaujeu) [→ Apul.]
et antea quidem (i. e. ante Socratem) Heracliti secta fuerat inbutus
(sc. Plato).

* Продолжение. Главы 1—10 (тексты Т 1—36) и 11—12 (Т 37—87) см. соответственно в ВДИ, 1984, № 4 и 1985, № 2—4.

А до этого (до Сократа) он (Платон) даже проникся учением Гераклита.

[BMVANPLF] 1 secta] senecta BMVA (sed ne exp. B) || Heracliti] heraclidis AFLN : heradidis P

(a) Arist. *Metaph.* A 6, 987^a29 (Ross;¹ Jaeger) [← T 22, T 39, T 74; → Arist.]

μετὰ δὲ τὰς εἰρημένους φιλοσοφίας ἡ Πλάτωνος ἐπε-
30 γένετο πραγματεία, τὰ μὲν πολλὰ τούτοις ἀκολουθοῦσα, τὰ
δὲ καὶ ἴδια παρὰ τὴν τῶν Ἰταλικῶν ἔχουσα φιλοσοφίαν.
ἐκ νέου τε γὰρ συνήθης γενόμενος πρῶτον Κρατύλῳ καὶ ταῖς
Ἡρακλειτείοις δόξαις, ὡς ἀπάντων τῶν αἰσθητῶν αἰεὶ ρεόν-
των καὶ ἐπιστήμης περὶ αὐτῶν οὐκ οὔσης, ταῦτα μὲν καὶ ὅστε-
b₁ ρον οὕτως ὑπέλαβεν. Σωκράτους δὲ περὶ μὲν τὰ ἡθικὰ
πραγματευομένου, περὶ δὲ τῆς ὄλης φύσεως οὐθέν, ἐν μέντοι
τούτοις τὸ καθόλου ζητοῦντος καὶ περὶ ὀρισμῶν ἐπιστήσαντος
πρῶτον τὴν διάνοιαν, ἐκεῖνον ἀποδεξάμενος διὰ τὸ τοιοῦτον
5 ὑπέλαβεν, ὡς περὶ ἐτέρων τοῦτο γιγνόμενον καὶ οὐ τῶν αἰσθη-
τῶν· ἀδύνατον γὰρ εἶναι τὸν κοινὸν ὄρον τῶν αἰσθητῶν
τινός, αἰεὶ γε μεταβαλλόντων.

После упомянутых философских учений появилась система Платона, в большинстве вопросов следующая за ними (пифагорейцами), но имеющая и свои особенности по сравнению с философией италийцев. Смолоду познакомившись близко первоначально с Кратилом и с (его) Гераклитовскими взглядами, согласно которым все чувственные вещи вечно текут и познание их невозможно, он и впоследствии придерживался этого взгляда о них. А так как Сократ занимался этическими предметами, а не всею природою, и так как искал он в них всеобщее и первый обратил свою мысль на определения, Платон, присоединившись к нему, признал по этой причине, что последние имеют своим предметом нечто иное, нежели чувственные вещи. Ибо не может быть общего определения для какой-либо из чувственных вещей, поскольку они постоянно изменяются.

^a30 τούτοις] sc. τοῖς Πυθαγορικοῖς

^a29 — b₁ ὑπέλαβόν] DK 65 A 3 || ^a32 — b₁ Mch 40 (b²) p. 198 = 140 s.

[EA^b] ^a31 ἴδια A^b, Asclep. in h. l. : ἰδία E, Alexander [→ T 92] || 32 τε om. A^b || συν. γεν. A^b Alex. : συγγενόμενος E Asclep. [→ T 94 συνεγένετο] || πρῶτον om. uersio Moerbekiana || b₁ οὕτως E || 5 γιγνομένων A^b || οὐ E Alex. : οὐ περὶ A^b uersio Moerb. || 5 s. αἰσθητῶν τινός E uers. Moerb. Alex. || 6 ὄρον A^b Alex. : λόγον E uers. Moerb.

(a¹) Alexandr. in Arist. *Metaph.* (987^a29) p. 49,18 (Hayduck) [← T 75; → Alex.]

ἔξης τὴν Πλάτωνος ἐκτίθεται (sc. Ἀριστοτέλης) δόξαν, καὶ τὰ
 μὲν πολλὰ φησι τοῖς. | Πυθαγορικοῖς αὐτὸν ἀκολουθεῖν, τὰ δὲ
 20 καὶ ἰδίαι θέσθαι. ὣν ἰδίων ἐν ἦν | αὐτοῦ καὶ τὸ περὶ τῶν ἰδε-
 ῶν. καὶ λέγει πόθεν ἐκινήθη ἐπὶ τὸ ἰδέας θέσθαι, καὶ
 ἱστορεῖ ὅτι παρὰ μὲν Κρατύλου ἔλαβε, συνήθης αὐτῷ γενόμενος
 | ὅτι Ἡρακλειτεῖω, ὅτι πάντα τὰ αἰσθητὰ ἐν ῥύσει ἐστὶ καὶ
 οὐδέποτε ἴσταται, καὶ ταύτην ἐφύλαξε τὴν δόξαν ὡς ἀληθῆ.
 Σωκράτους δὲ...

Затем он (Аристотель) излагает учение Платона и говорит, что он во мно-
 гом следовал за пифагорейцами, но имел и собственные воззрения, одно
 из которых — учение об идеях. И он указывает, откуда тот пришел к по-
 лаганию идей, и сообщает, что, познакомившись с Кратилом, который был
 гераклитовцем, он (Платон) воспринял от него убеждение, что все чувст-
 венные вещи текут и никогда не стоят, и держался этого мнения, считая
 его истинным. А поскольку Сократ...

21 ss. παρὰ μὲν etc. ≈ Asclep. in Arist. Metaph. (987^a32) p. 45, 19 (Hayduck)

[AMLF] 19 αὐτῷ ἀκολουθοῦσι F : non liquet L || 20 πόθεν ὁ Πλάτων ἐκ. LF || 21 s.
 παρὰ μὲν — Ἡρακλειτεῖω AM : παρὰ μὲν Κρατύλου Ἡρακλείτου ἀκουστοῦ γεγονότος,
 συνήθης αὐτῷ γενόμενος, τῷ Κρατύλῳ ἔλαβεν LF : νέος γὰρ ὑπάρχων συνεγένετο Κρα-
 τύλῳ τῷ Ἡρακλειτεῖω καὶ ὑπέλαβεν ὅτι Asclep. || 22 ῥύσει AM : ῥοῇ LF || ἐστὶ Alex. :
 ὑπάρχουσι Asclep. || 22 s. ἴσταται Alex. : ἴστανται Asclep.

T 92

(a²)^xAsclep. in Arist. Metaph. (987^a32) p. 44,22 (Hayduck) [← T 76;
 → Ascl.]

εἶτα ἱστορεῖ (sc. ὁ Ἀριστοτέλης) ὅτι πρότερον συνεγένετο ὁ
 23 | Πλάτων Κρατύλῳ τῷ Ἡρακλειτεῖω τῷ λέγοντι πάντα ἐν κι-
 νῆσει εἶναι, καὶ | ἠκολούθησε τῇ δόξῃ αὐτοῦ. εἶτα μετὰ
 ταῦτα συνεγένετο τῷ Σωκράτει, ὅς...

Далее он (Аристотель) сообщает, что Платон сначала общался с Кратилом
 гераклитовцем, утверждающим, что все движется, и придерживался его
 мнения. Затем он общался с Сократом, который...

[ABCD]

T 93

(b) Arist. Metaph. M 4, 1078^b12 (Ross; Jaeger) [← T 23; → Arist.]

συνέβη δ' ἡ περὶ τῶν εἰδῶν
 δόξα τοῖς εἰποῦσι διὰ τὸ πείσθηναί περὶ τῆς ἀληθείας τοῖς
 Ἡρακλειτεῖοις λόγοις ὡς πάντων τῶν αἰσθητῶν δεῖ βεόν-
 15 των, ὥστ' εἴπερ ἐπιστήμη τινὸς ἔσται καὶ φρόνησις, ἑτέρας
 δεῖν τινὰς φύσεις εἶναι παρὰ τὰς αἰσθητὰς μενούσας· οὐ γὰρ
 εἶναι τῶν βεόντων ἐπιστήμην.

Учение об идеях получилось у высказавших его из-за того, что относительно истины они дали себя убедить Гераклитовскими рассуждениями, согласно которым все чувственные вещи вечно текут, так что, если уж что-то поддается познанию и мышлению, то кроме чувственных вещей должны существовать еще какие-то иные, пребывающие сущности: ведь текущие вещи непознаваемы.

13 διὰ — 14 s. ῥεόντων] Mch 40 (b²) p. 198 = 141

[EJA^b]

T 94

(b¹) Alexandr. in Arist. *Metaph.* (1078^b12) p. 740,21 (Hayduck) [← T 24; → Alex.]

ἔχοντες γὰρ ὁμολογούμενον ὡς εἰσὶν ἐπιστῆμαι | καὶ φρόνησις,
 πεισθέντες δὲ καὶ τοῖς Ἡρακλειτείοις λόγοις ὡς ἀληθεῖσι
 τοῖς λέγουσιν ὅτι πάντα τὰ αἰσθητὰ ἐν συνεχεῖ ἐστὶ ῥύσει καὶ
 οὐδὲν | οὐδέποτε αὐτῶν ἐν ταυτότητί ἐστίν, ἐταράχθησαν (sc.
 25 οἱ Πλατωνικοί) καὶ ἠπόρουν τίνων ἔσονται αἱ ἐπιστῆμαι· τῶν
 γὰρ αἰσθητῶν ἀδύνατον· βεῖ γὰρ καὶ καθ' ὁμοιουμίαν μὲν εἰσὶν
 ὄντα, κυρίως δὲ μὴ ὄντα, αἱ δὲ ἐπιστῆμαι τῶν κυρίως | ὄντων
 καὶ τῶν ἀεὶ ὡσαύτως ἐχόντων εἰσὶ. λείπεται δὴ εἶναι ἄλλας
 τινὰς | ἐτέρας παρὰ τὰ αἰσθητὰ φύσεις, αἵτινες καὶ μένου-
 σαί εἰσι καὶ ἀεὶ ὡσαύτως | ἔχουσαι, ὧν ἔσονται αἱ ἐπιστῆμαι·
 ταῦτα δὲ ἐκάλουν ἰδέας.

Принимая в самом деле, что знания и мышление существуют, но дав себя убедить в том, что истинны Гераклитовские рассуждения, гласящие, что все чувственные вещи постоянно текут и что ни одна из них никогда не остается себе тождественной, они (платоники) оказались в затруднении и не знали, чего же тогда возможны знания. Ведь знания чувственных вещей невозможны, так как они текут, а существуют только в силу своей одноименности, в собственном же смысле не существуют, хотя знания вещей, существующих в собственном смысле и постоянно остающихся одинаковыми, все-таки возможны. Вот и получается, что помимо чувственных существуют некие иные сущности, которые находятся в покое и постоянно остаются одинаковыми и знания которых возможны: их они и называли идеями.

[ALM] 27 δὴ M : δὲ AL

T 95

(b²) Syrian. in Arist. *Metaph.* (1078^b12) p. 104,7 (Kroll) [← T 25; → Syr.]

ἐν τοῦτοις (sc. τοῦ Ἄριστοτέλους) τὸ μὲν ἐκ τῆς τῶν Ἡρα-
 κλειτείων δόξης ἐπὶ τὴν περὶ ἰδεῶν | ὑπόληψιν ἐλάττω τοῦς
 θεῖους ἄνδρας (sc. τοῦς Πλατωνικοὺς) ψευδῶς εἴρηται· οὔτε
 γὰρ Ἡρακλείτῳ | τέλος ὁμογνωμονοῦσι περὶ τῶν αἰσθητῶν οἱ
 10 ἀμφὶ Σωκράτη καὶ Πλάτωνα, | ὡς δηλοῖ καὶ ὁ θεαίτητος καὶ τὰ
 ἐν Κρατύλῳ ῥηθέντα· οὔτε διὰ τὸ ταῦτα | βεῖν ἐπὶ τὰς ὠρισμέ-

νας τῶν ὄντων ἦλθον αἰτίας, ἀλλὰ τούναντίον καὶ τὸ | τοῦτων
 συγκεχυμένον καὶ ἄστατον καὶ ἀβέβαιον καὶ πλημμελὲς ἐκ τῆς
 οὐσίας | ἐκείνης ὑπελάμβανον διακρίσεως καὶ ταυτότητος καὶ
 μονίμου καταστάσεως | καὶ εὐταξίας μεταλαγχάνειν, καθ' ὅσον
 15 αὐτῶι θέμις ἦν ὑπ' ἐκείνης κοσμεῖσθαι | τῆς αἰτιωτάτης τῶν
 ὄλων ἀρχῆς. τὸ δὲ μὴ εἶναι τῶν βέοντων ἐπιστήμην | οὐ μόνον
 Πλάτωνι καὶ Σωκράτει καὶ τοῖς Πυθαγορείοις, ἀλλὰ καὶ αὐτῶι |
 δοκεῖ τῶι ταῦτα γράφοντι· ἀλλὰ μηδὲ τῶν καθ' ἕκαστα, <ᾗ> εἴ-
 τε βέοι | κατὰ πᾶν, ὡς ὁ Ἡρακλείτου λόγος, εἴτε γίγνοιτο μὲν
 αἰὲ καὶ φθείροιτο, | διαμένοι δὲ κατὰ τὸ ἐαυτῶν ὄλον διὰ τὴν
 20 εἰδητικὴν αἰτίαν, ὡς Πλάτων | ἐθέλει, εἴτε καὶ ὄντα τις αὐτὰ
 κολοίη, ὡς Ἀριστοτέλης εἶπεν, εἴτε καὶ | μόνα εἶναι λέγοι,
 ὡς οἱ Στωικοὶ φασιν, ὅμως τό γε ἐπιστήμην εἶναι | τῶν ἀτόμων
 παρὰ πᾶσιν ἐστὶν ἀπεγνωσμένον, εἰ μὴ τις ἐπιστήμην ἐθέλοι
 καλεῖν | τὴν αἴσθησιν.

Здесь (у Аристотеля) ложно сказано, будто божественные мужи (платони-
 ки) пришли к предположению об идеях, исходя из мнения гераклитовцев.
 Ибо, во-первых, люди из круга Сократа и Платона отнюдь не разделяли
 мнений Гераклита о чувственных вещах, как это явствует из «Теэтета»
 и из того, что сказано в «Кратиле»; а во-вторых, не потому, что чувственные
 вещи текут, пришли они к предположению о существовании у сущих ве-
 щей определенных причин, а, напротив, исходя из этой их сущности, пред-
 положили, что то, что в них нечленораздельно, неустойчиво, непрочно
 и фальшиво, причастно раздельности, тождеству, устойчивому постоянст-
 ву и порядку, в соответствии с чем и могло быть упорядочено этим глав-
 нейшим началом из всех. А что текущие вещи непознаваемы, так считают
 не только Платон, Сократ и пифагорейцы, но и сам пишущий это (Аристо-
 тель), причем непознаваемы и вещи, взятые в отдельности, которые либо
 текут во всех отношениях, как это утверждает Гераклит, либо вечно воз-
 никают и погибают, но сохраняют собственную целостность благодаря
 своей идее-причине, как того желает Платон, либо кое-кем даже назы-
 ваются сущими, как обычно у Аристотеля, либо считаются единственными
 существующими, как говорят стоики; однако все отрицают какую-либо
 познаваемость отдельных вещей, разве что кто-нибудь желает называть
 ощущение познанием.

17 τῶν — 21 φασιν] SVF II nr. 361

[C] 17 ᾗ add. Usener²] 19 διαμένοι Bonitz : -νει C

T 96

(c) Petrarch. *Rerum memor.* I, 25, 4 (Billanovitch) [→ Petrarch.]

Heraclidis (sic) primum sectator fuerat (sc. Plato); deditus tandem Socrati...

Сперва он (Платон) был последователем Гераклида (сумай: Гераклита); а посвятив себя Сократу...

(a) Diog. Laert. III, 6.— Vide ← T 43 [→ Diog. L. 5^b]

T 98

(b) Anonym. *Proleg. in Plat. philos.* I, 3,15; 4,1.— Vide ← T 44 [→ Anon. Prol. 1]

T 99

(c) Olympiod. *Vita Plat.* 4.— Vide ← T 45 [→ Olymp.]

T 100

(d) Procl. *in Plat. Crat.* 10.— Vide ← T 42, T 54 [→ Procl.]

(a) Diog. Laert. III, 8 (I, p. 124, 11 Long) [→³Diog. L. 5^c]

μίξιν τε ἐποίησατο (sc. Πλάτων) τῶν τε Ἡρακλειτεῶν λόγων
καὶ Πυθαγορικῶν καὶ Σωκρατικῶν· τὰ μὲν γὰρ αἰσθητὰ καθ' Ἡρά-
3 κλειτον, τὰ δὲ νοητὰ κατὰ Πυθαγόραν, τὰ δὲ πολιτικὰ κατὰ Σω-
κράτην ἐφιλοσόφει.

Он (Платон) смешал учения гераклитовские, пифагорейские и сократовские: о чувственных вещах он философствовал по Гераклиту, [об умопостигаемых — по Пифагору, а о государственных — по Сократу.

[Hesych. Miles.] fr. 7, s. Πλάτων (FHG IV, p. 172)

[BPF]

T 102

(b) Apul. *De Plat.* I, 3, 187 (III, p. 85,4 Thomas; p. 62 Beaujeu) [→ Apul.]

nam quamuis de diuersis officinis haec ei (sc. Platoni) essent philosophiae membra suscepta — <ab Heracliteis> naturalis, a Pythagoreis
3 et Eleaticis rationalis, atque moralis ex ipso Socratis fonte —, unum tamen ex omnibus et quasi proprii partus corpus effecit....

Действительно, из каких только школ не воспринял он (Платон) части своей философии: <от гераклитовцев> — естественную, от пифагорейцев и элеатов — умозрительную, а этическую — от самого Сократа, — но породил он из всех единое тело как бы собственного чада...

[BMVANPLF] 2 < > add. Moreschini (conl. ← T 101) || 3 et Eleaticis scripsi post Goldbacher (ab *El-* in appar.) et Armini (*de El-*, acc. Redfors, Beaujeu) : *dialectica* codd., ret. Barra, del. Thomas

Excerpta de Heraclitea fluxus doctrina
Извлечения о Гераклитовской теории всеобщего течения

(Vide etiam ← T 5; T 90 — T 95, T 101, T 102)

Apud *Cratylum* — В «Кратиле»
(cf. etiam 397 C 8 — D 6)

(a) *Cratyl.* 401 D 4 — 402 C 3 (Burnet; Meridier)
(Socrates loquitur)

..ῶσοι δ' αὖτ' Ὀσίαν", σχεδόν τι αὖ οὔτοι καθ' Ἡράκλειτον
ἂν ἡγοῦντο τὰ ὄντα εἶναι τε πάντα καὶ μένειν οὐδέεν· τὸ
οὖν αἴτιον καὶ τὸ ἀρχηγὸν αὐτῶν εἶναι τὸ ὠθεῖν", ὅθεν
δὴ καλῶς ἔχειν αὐτὸ Ὀσίαν" ὠνομάσθαι. καὶ ταῦτα
E μὲν δὴ ταύτηι ὡς παρὰ μὴδὲν εἰδόντων εἰρήσθω· μετὰ δ'
Ἑστίαν οἰκαιον Ἑρέαν καὶ Κρόνον ἐπισκέψασθαι. καίτοι
τό γε τοῦ Κρόνου ὄνομα ἤδη διήλθομεν. ἔσως μέντοι
οὐδέεν λέγω.

5 EPM. τί δὴ, ὦ Σώκρατες;

ΣΩ. ὠγαθέ, ἐννεονόηκά τι σῆνος σοφίας.

EPM. ποῖον δὴ τοῦτο;

402 ΣΩ. γελοῖον μὲν πάνυ εἰπεῖν, οἶμαι μέντοι τίνα πιθανό-
τητα ἔχον.

EPM. τίνα ταύτην;

ΣΩ. τὸν Ἡράκλειτόν μοι δοκῶ καθορᾶν παλαί' ἄττα
5 σοφὰ λέγοντα, ἀτεχνῶς τὰ ἐπὶ Κρόνου καὶ Ἑρέας, ἃ καὶ
Ὅμηρος ἔλεγεν.

EPM. πῶς τοῦτο λέγεις;

ΣΩ. λέγει που Ἡράκλειτος ὅτι "πάντα χωρεῖ καὶ οὐδέεν
μένει", καὶ ποταμοῦ ῥοῆι ἀπεικάζων τὰ ὄντα λέγει ὡς "ὄρις
10 ἔς τὸν αὐτὸν ποταμὸν οὐκ ἂν ἐμβαίης".

EPM. ἔστι ταῦτα.

B ΣΩ. τί οὖν; δοκεῖ σοι ἀλλοιότερον Ἡρακλείτου νοεῖν ὁ
τιθέμενος τοῖς τῶν ἄλλων θεῶν προγόνοις Ὀρέαν" τε καὶ
"Κρόνον"; ἄρα οἶει ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου αὐτὸν ἀμφοτέροις
ῥευμάτων ὀνόματα θέσθαι; ὥσπερ αὖ Ὅμηρος Ὀκεανὸν τε
5 θεῶν γένεσίν" φησιν "καὶ μητέρα Τηθύν". οἶμαι δὲ καὶ
Ἡσίωδος. λέγει δὲ που καὶ Ὀρφεύς ὅτι

C Ὀκεανὸς πρῶτος καλλίρροος ἤρξε γάμοιο
ὅς βα κασιγνήτην ὁμομήτορα Τηθύν ὄκυλεν.

ταῦτ' οὖν σκόπει ὅτι καὶ ἀλλήλοις συμφωνεῖ καὶ πρὸς τὰ τοῦ
Ἡρακλείτου πάντα τείνει.

СОКРАТ. ...Что до тех, кто (назвал сущность) «осией», те почти по Герак-
литу считают, что *все существующие вещи бегут и ничто не стоит*, что,
стало быть, причина и первоначало им — толчок (to ὄθουν), откуда
следует, что ее удачно назвали «осия»... Но хватит болтать об этом таким
невеждам, как мы. Вслед за Гестией справедливо рассмотреть Рею и Кро-
носа. Правда, имени Кроноса мы уже касались... Хотя, возможно, я не то
говорил... — ГЕРМОГЕН. Как это так, Сократ? — СО. Милый ты мой,
во мне зашевелился рой мудрых мыслей. — ГЕР. Каких мыслей? — СО.
Смешно сказать, но что-то, по-моему, тут есть убедительное. — ГЕР. Что

именно? — СО. Мне кажется, будто я вижу Гераклита, изрекающего древние премудрости, восходящие чуть ли не ко временам самих Кроноса и Реи, какие высказывал и Гомер. — ГЕР. Как ты говоришь? — СО. Гераклит как будто говорит, что «*в с е б е ж и т и н и ч т о н е с т о у т*» и *уподобляя существующие вещи течению реки*, говорит, что «*д в а ж ъ ъ в о д н у и т у ж е р е к у т ы н е в о ъ д е ш ъ*». — ГЕР. Точно. — СО. Так что же? По-твоему, он думал иначе, чем Гераклит, тот, кто назвал «Реей» и «Кроносом» прародителей прочих богов? Или ты думаешь, что он по чистой случайности дал им имена, связанные с потоком [*ср. κροῦπος 'источник' и ροή 'течение'*]? И Гомер со своей стороны говорит: «Океан, родитель богов, и мать их Тефида». И Гесиод, кажется, тоже. Да и Орфей как будто говорит, что «Браку впервые начало дал Океан лепеструйный,/ Взвяхи Тефиду, сестру единоутробную, в жены». Все эти высказывания, как видишь, совпадают и все они клонят к мнению Гераклита.

401 D 4 Ὠσίαν] sc. τὴν οὐσίαν ἐπωνόμασαν || 402 A 8—10] Stob. I, 20, 1^b (I, p. 170, 6 Wachsmuth) || B 4 s.] *Il.* XIV, 201 = 302 || B 5 cf. *Hes. Theog.* 337

401 D 4 — 7] *Mch* 40 (b¹) p. 194 s. = 138 || 402 A 8—10] *DK* A 6^a, *Colli* A¹ 125, *Mch* 40 (b¹) p. 194 = 137, *Byw* ad 41 || A 9 s.] cf. *DK* B 91, *Colli* A 45 a, *Kahn* 51, *Byw* 41, *Schu* 42, *Mull* 21, *Schl* 20 || B 4 — C 1] *Orph. fr.* *DK* 1 B 2, *Colli* (I) 4 [A 35], *Kern* 15

[BTW] 401 E 2 ἐσίαν TW : ἐσ- B || 402 A 1 μὲν om. T || A 4 παλαι¹ cod. *Gud.* 44 : πάλαι BW : παλαι T || ἄττα BW : ἄττα TB^{mr} || [Stob. FP] A 8 λέγει που [Hr.] Ἡρ. φησὶ Stob. || A 9 ἀπεικάζων Stob. P || B 1 s. ὁ τιθέμενος BT^{mr} : ὅτι θέμενος TW || B 4 ρευμάτων om. T || B 5 φησιν B : φησὶ WB^{mr} : om. T || B 7 καλλίρροος cod. *Ven.* 185 m. r. : καλλιρόους B : καλλιρρόους T : καλλιρόου || B^{mr} : καλλιρρους T^{mr} : καλλιρούς W || C 1 ὁμομήτερα (sic) W || ὤπυεν BW || C 2 ἐπισκόπει W || ἀλλήλους TW : ἄλλοις B

T 104

(a¹) *Procl. in Plat. Cratyl.* (402 B) 142 (p. 80, 15 Pasquali)

ὅτι ἀσφαλῶς δεῖ νῦν ἀκούειν περὶ τῶν | ρευμάτων καὶ κινή-
σεων· οὐ γὰρ εἰς τὴν τοῦ Ἡρακλείτου ἔνυ|λον ῥοὴν ὁ Σωκράτης
κατέρχεται (ψευδὸς γὰρ καὶ ἀνάξιον | τοῦτο τῆς Πλάτωνος δια-
νοίας)· ἀλλ' ἐπεὶ ἀναλόγως τὰ θεῖα | δι' εἰκόνων οἰκείων ἐρ-
20 μνηνεύειν θέμις, εἰκότως τὰς πηγαίας | θεότητας καὶ Κρονίας
ἐν ταύτῳ παίζων ἅμα καὶ σπουδάζων | ὁ Σωκράτης ρεύμασιν ἀπ-
εικάζει διὰ τὸ ἀεὶ ἐποχετεύεσθαι τὰ | ἀγαθὰ ἐκ τῶν ἄνω τοῖς
κάτω. διὸ καὶ κατὰ τὴν τῶν ποτα|μῶν εἰκόνα μετὰ τὰς πηγαί-
ας θεότητας ἀεννάως τὰ ἀγαθὰ | βλυστανούσας αἱ ἀρχικαὶ
25 θεότητες ἀνυμνοῦνται· μετὰ γὰρ τὴν | πηγὴν τοῦ ποταμοῦ ἡ ἀρχὴ
αὐτοῦ θεωρεῖται.

О том, что надо без содрогания выслушать о течениях и движениях, ибо Сократ не опускается в материальный поток Гераклита (ведь это ложь и недостойно мысли Платона), но поскольку не возбраняется толковать божественные предметы путем аналогии при помощи подходящих образов, Сократ, одновременно и в шутку и всерьез, с полным правом сравнивает божеств источников и детей Кроноса с потоками ввиду того, что они все время сниспосылают блага из высших областей в низшие. Вот почему, что касается образа реки, под видом божеств источников, беспрестанно изливающих блага, воспеваются первичные божества, ибо за источником реки усматривается ее первоначало.

[ABFP] 21 ἀπεικάξει BFP : -εται A || 25 τοῦ ποταμοῦ del Pasquali || αὐτοῦ
scr. : αὐτῶν codd.

T 105

(b) *Cratyl.* 441 A 7 — C 10 (Burnet; Méridier)

ΣΩ. ...ἐπισκεπτέον, ὡς ἔοικε, φρόνησιν καὶ σύνεσιν καὶ
γνώμην καὶ ἐπιστήμην καὶ τᾶλλα δὴ ἅ φηις πάντα ταῦτα τὰ
B καλὰ ὀνόματα.

ΕΡΜ. πάνυ μὲν οὖν οὐ δεῖ ἡμᾶς προαποστῆναι.

ΣΩ. καὶ μὴν, νῆ τὸν κύνα, δοκῶ γέ μοι οὐ κακῶς μαντεύ-
εσθαι δ καὶ νῦν δὴ ἐνενόησα, ὅτι οἱ πάνυ παλαιοὶ
5 ἄνθρωποι οἱ τιθέμενοι τὰ ὀνόματα παντὸς μᾶλλον, ὥσπερ
καὶ τῶν νῦν οἱ πολλοὶ τῶν σοφῶν ὑπὸ τοῦ πυκνὰ περι-
στρέφεσθαι ζητοῦντες ὅπῃ ἔχει τὰ ὄντα εἰλιγγιῶσιν, κἀπειτα
αὐτοῖς φαίνεται περιφέρεισθαι τὰ πράγματα καὶ πάντως
C φέρεσθαι. αἰτιῶνται δὴ οὐ τὸ ἔνδον τὸ παρὰ σφίσιν πάθος
αἴτιον εἶναι ταύτης τῆς δόξης, ἀλλὰ αὐτὰ τὰ πράγματα
οὕτω πεφυκέναι, οὐδὲν αὐτῶν μόνιμον εἶναι οὐδὲ βέβαιον,
ἀλλὰ βεῖν καὶ φέρεσθαι καὶ μεστὰ εἶναι πάσης φορᾶς καὶ
5 γενέσεως ἀεὶ. λέγω δὲ ἐννοήσας πρὸς πάντα τὰ νῦν δὴ
ὀνόματα.

ΕΡΜ. πῶς δὴ τοῦτο, ὦ Σώκρατες;

ΣΩ. οὐ κατενόησας ἴσως τὰ ἄρτι λεγόμενα ὅτι παντά-
πασιν ὡς φερομένοις τε καὶ ρέουσι καὶ γιγνομένοις τοῖς
10 πράγμασι τὰ ὀνόματα ἐπίκειται.

СОКРАТ. ...Похоже, надо рассмотреть мышление, понимание, знание, науку и прочие, как ты сказал, прекрасные имена.— ГЕРМОГЕН. Действительно, нам нельзя отступать.— СО. Ей-богу, псом клянусь, я, кажется, недурно вещал, когда надумал давеча, что у древнейших людей, учреждавших имена, совсем как и у нынешних мудрецов, кружилась голова, так они вертелись, пытаюсь установить, как обстоит с вещами, вследствие чего им показалось, будто вещи несутся по кругу и уносятся прочь. Тому причиной они считают не свое собственное состояние, а воображают, что таково природное свойство вещей, что ни одна из них никогда не бывает устойчивой, но течет и несется и вечно исполнена порыва и становления. Я это говорю, имея в виду все сейчас названные имена.— ГЕР. Как это, Сократ? — СО. Или ты не понял, что мы только что говорили: что имена приданы вещам, исходя исключительно из того, что они несутся, текут и становятся...

B 5 — C 5] Mch 40 (b¹) p. 195 = 138

[BTW] A 8 ἅ φηις BT : ὁψ' ἴς W || B 7 εἰλιγγιῶσιν B : δεῖ εἰλιγγιῶσι T : ἀε
εἰλιγγιῶσι W : εἰλιγγιῶσιν B^{inf} || C 3 μόνιμον αὐτῶν transp. W || C 5 δὲ B : δ' W : δὴ
T || C 8 τὰ γὰρ ἄρτι W || C 9 φερομένας et γιγνομένας W

(c) 436 E 2—4 [← T 73]

ΣΩ. ...ὥς | τοῦ παντός ἰόντος τε καὶ φερομένου καὶ ρέοντος·
φαμεν | σημαίνειν ἡμῖν τὴν οὐσίαν τὰ δνόματα.

СОКРАТ. ...Мы сказали, что имена обозначают для нас сущность в том смысле, что всякая вещь движется, несется и течет.

Appar. uide s. ← T 73

T 107

(d) 437 C 5—8

5 ΣΩ. ...οἶμαι δὲ καὶ ἄλλα πολλὰ ἂν τις εἴροι εἰ πραγματεύοιτο,
ἐξ ὧν οἰηθεῖη ἂν αὖ πάλιν τὸν τὰ δνόματα τιθέμενον
οὐχὶ ἰόντα οὐδὲ φερόμενα, ἀλλὰ μένοντα τὰ πράγματα
σημαίνειν.

СОКРАТ. ...По-моему, если постараться, можно найти множество других примеров, из которых будет следовать наоборот, что учредитель имен обозначил вещи не как движущиеся или несущиеся, а как покоящиеся.

[BTW] C 8 σημαίνει W

T 108

(e) 439 B 10 — 440 D 7 [← T 38, → R (Plat.)]

10 ΣΩ. Ἔτι τοίνυν τόδε σκεψόμεθα, ὅπως μὴ ἡμᾶς τὰ
C πολλά ταῦτα δνόματα ἐς ταῦτόν τείνοντα ἐξαπατᾷ, εἰ τῷ
ὄντι μὲν οἱ θέμενοι αὐτὰ διανοηθέντες γε ἔθεντο ὡς ἰόντων
ἀπάντων ἀεὶ καὶ ρέοντων — φαίνονται γὰρ ἔμοιγε καὶ αὐτοὶ
οὕτω διανοηθῆναι — τὸ δ', εἰ ἔτυχεν, οὐχ οὕτως ἔχει, ἀλλ'
5 οὗτοι αὐτοὶ τε ὥσπερ εἷς τινα δίνην ἐμπεσόντες κυκῶνται
καὶ ἡμᾶς ἐφελκόμενοι προσεμβάλλουσιν. σκέψαι γάρ, ὦ
θαυμάσιε Κρατύλε, ὃ ἔγωγε πολλάκις ὄνειρώττω. πότερον
φῶμέν τι εἶναι αὐτό καλὸν καὶ ἀγαθὸν καὶ ἕν ἕκαστον τῶν
D ὄντων οὕτω, ἢ μῆ;

ΚΡ. ἔμοιγε δοκεῖ, ὦ Σώκρατες, εἶναι.

ΣΩ. "αὐτό" τοίνυν ἐκεῖνο σκεψόμεθα — μὴ εἰ πρόσωπόν τί
ἐστὶν καλὸν ἢ τι τῶν τοιοῦτων (καὶ δοκεῖ ταῦτα πάντα ρεῖν),—
5 ἀλλ' αὐτό, φῶμεν, τὸ καλόν· οὐ τοιοῦτον ἀεὶ ἐστὶν οἶόν
6 ἐστὶν; <ἄρα γινώσκειν αὐτό καὶ προσειπεῖν ὀρθῶς ὡς ἀεὶ
ἐστὶν οὐχ οἶόν τ' ἐστὶν;>

7 ΚΡ. ἀνάγκη.

ΣΩ. ἄρ' οὖν οἶόν τε προσειπεῖν αὐτὸ ὁρθῶς ὃ ἀεὶ
ὕπεξέρχεται, πρῶτον μὲν ὅτι ἐκεῖνό ἐστιν, ἔπειτα ὅτι
10 τοιοῦτον, ἢ ἀνάγκη ἅμα ἡμῶν λεγόντων ἄλλο αὐτὸ εὐθύς
γίγνεσθαι καὶ ὑπεξίέναι καὶ μηκέτι οὕτως ἔχειν;

ΚΡ. ἀνάγκη.

Ε ΣΩ. πῶς οὖν ἂν εἴη τι ἐκεῖνο ὃ μηδέποτε ὡσαύτως ἔχει
εἰ γὰρ ποτε ὡσαύτως ἔχει, ἔν γ' ἐκείνῳι τῷ χρόνῳ
δηλον ὅτι οὐδὲν μεταβαίνει· ὃ δὲ ἀεὶ ὡσαύτως ἔχει καὶ τὸ
αὐτὸ ἐστὶ, πῶς ἂν τοῦτό γε μεταβάλλοι ἢ κινούτο, μηδὲν
5 ἔξιτάμενον τῆς αὐτοῦ ἰδέας;

ΚΡ. οὐδαμῶς.

ΣΩ. ἀλλὰ μὴν οὐδ' ἂν γνωσθεῖη γε ὑπ' οὐδενός. ἅμα
440 γὰρ ἂν ἐπιόντος τοῦ γνωσομένου ἄλλο καὶ ἄλλοτον γίγνοιτο,
ὥστε οὐκ ἂν γνωσθεῖη ἔτι ὁποῖόν γέ τί ἐστιν ἢ πῶς ἔχω,
γνώσις δὲ δήπου οὐδεμία γινώσκει ὃ γινώσκει μηδαμῶς
ἔχον.

5 ΚΡ. ἔστιν ὡς λέγεις.

ΣΩ. ἀλλ' οὐδὲ γνώσιν εἶναι φάναι εἰκόσ, ὦ Κρατύλε, εἰ
μεταπίπτει πάντα χρήματα καὶ μηδὲν μένει. εἰ μὲν γὰρ
αὐτὸ τοῦτο, ἢ γνώσις, τοῦ γνώσις εἶναι μὴ μεταπίπτει, μένοι
τε ἂν ἀεὶ ἢ γνώσις καὶ εἴη γνώσις. εἰ δὲ καὶ αὐτὸ, τὸ εἶδος,
B μεταπίπτει, τῆς γνώσεως, ἅμα τ' ἂν μεταπίπτοι εἰς ἄλλο
εἶδος (ἢ) γνώσεως καὶ οὐκ ἂν εἴη γνώσις· εἰ δὲ ἀεὶ μεταπίπτει,
ἀεὶ οὐκ ἂν εἴη γνώσις, καὶ ἐκ τούτου τοῦ λόγου οὔτε τὸ
γνωσόμενον οὔτε τὸ γνωσθησόμενον ἂν εἴη. εἰ δὲ ἔστι μὲν
5 ἀεὶ τὸ γινώσκον, ἔστι δὲ τὸ γινωσκόμενον, ἔστι δὲ τὸ
καλόν, ἔστι δὲ τὸ ἀγαθόν, ἔστι δὲ ἔν ἕκαστον τῶν ὄντων,
οὐ μοι φαίνεται ταῦτα ὅμοια ὄντα, ἃ νῦν ἡμεῖς λέγομεν, ῥοῆι
C οὐδὲν οὐδὲ φορᾶι. ταῦτ' οὖν κότερόν ποτε οὕτως ἔχει ἢ
ἐκείνως ὡς οἱ περὶ Ἡράκλειτόν τε λέγουσιν καὶ ἄλλοι
πολλοί, μὴ οὐ ῥαϊδίον ἦι ἐπισκέψασθαι, οὐδὲ πάνυ νοῦν
ἔχοντος ἀνθρώπου, ἐπιτρέψαντα ὀνόμασιν αὐτὸν καὶ τὴν αὐτοῦ
5 ψυχὴν θεραπεύειν, πεπιστευκότα ἐκείνοις καὶ τοῖς θεμένοις
αὐτά, διισχυρίζεσθαι ὡς τι εἰδόμενα — καὶ αὐτοῦ τε καὶ τῶν
ὄντων καταγινώσκειν — ὡς οὐδὲν ὑγιὲς οὐδενός, ἀλλὰ πάντα
ὥσπερ κεράμια βεῖ, καὶ ἀτεχνῶς ὥσπερ οἱ κατάρρωι νόσοῦντες

D ἄνθρωποι οὕτως οἴεσθαι καὶ τὰ πράγματα διακεῖσθαι, ὑπὸ
 δειματός τε καὶ κατάρρου πάντα τὰ χρήματα ἔχεισθαι. Ἰσως
 μὲν οὖν δὴ, ὦ Κρατύλε, οὕτως ἔχει, Ἰσως δὲ καὶ οὐ. σκο-
 πεῖσθαι οὖν χρὴ ἀνδρείως τε καὶ εὖ, καὶ μὴ βαιδίως ἀποδέ-
 5 χεσθαι — ἔτι γάρ νεός εἰ καὶ ἡλικίαν ἔχεις — σκεψάμεναν
 δέ, ἔάν εὖρησις, μεταδιδόναι καὶ ἐμοί.

КР. ἀλλὰ ποιήσω ταῦτα. seq. ← T 50

СОКРАТ. Остережемся-ка еще, как бы эти имена, клонящие к одному и то-
 му же, не обманули нас, если учредившие их и впрямь их учредили, счита-
 я, что *все решительно постоянно уходит и течет* — по-моему, они тоже
 так считали,— а в действительности, чего доброго, дело обстоит не так
 и они сами, вступивши в этакий водоворот, барахтаются в нем и, увлекая
 за собой, и нас в него ввергают. Подумай-ка, чудесный Кратил, над тем,
 что мне часто снится. Скажем ли мы, что есть нечто с а м о п о с е б е
 прекрасное, благое и так далее для каждого из сущих, или что его нет? —
 КРАТИЛ. По-моему, что есть, Сократ.— СО. Тогда рассмотрим это «само
 по себе» — не для того, чтобы узнать, прекрасно ли то или иное лицо или
 еще что (и это все, по-видимому, течет), а, как мы сказали, с а м о п о с е б е
 прекрасное. Не всегда ли оно такое, какое оно есть? <И можно, не
 правда ли, распознать его и назвать его всегда правильно в соответствии
 с тем, какое оно есть?> — КР. Неизбежно.— СО. В таком случае можно
 ли правильно назвать то, что все время уклоняется, говоря сперва, что
 оно то-то, а потом — что такое-то, или в то время, как мы говорим, оно не-
 избежно сразу становится другим, ускользает и больше не пребывает
 в этом состоянии? — КР. Неизбежно.— СО. Как же тогда то, что никогда
 не пребывает в одном и том же состоянии, вообще будет чем-то? Ведь если
 оно вдруг останется в одном и том же состоянии, ясно, что в течение этого
 времени оно нисколько не переменится. А то, что всегда пребывает в одном
 и том же состоянии и тем же самым, как же оно изменится или придет в дви-
 жение, ничего не нарушив от своей природы («идеи»)? — КР. Никак.—
 СО. Но ведь тогда оно и познано никем не будет. Пока желающий познать
 его будет приближаться, оно будет становиться иным и иным, так что
 нельзя будет узнать, каково оно и в каком состоянии. Никакому знанию,
 очевидно, не познать предмета познания, ни в каком не пребывающего со-
 стоянии.— КР. Твоя правда.— СО. Но и о знании не может быть речи,
 Кратил, ежели *все предметы превращаются и ничто не пребывает*. Ведь
 если, с одной стороны, это «само по себе», знание, не превращается в не-
 что, отличное от знания, оно пребудет вечно и знание будет. Но если,
 с другой стороны, и эта природа («эйдос») знания превращается, она пре-
 вратится в природу иную, чем природа знания, и знания не будет; а если
 (к тому же) она превращается все время, то знания не будет никогда и, ста-
 ло быть, не будет ни кому познавать, ни чему быть познанным. Ежели,
 напротив, все время есть познающее, есть познаваемое, есть прекрасное,
 есть благое, есть каждое сущее в отдельности, то, представляется мне, все
 то, о чем мы говорим, не похоже ни на какое течение, ни на какой бег. Так
 ли обстоит со всем этим или так, как говорят Гераклиты и многие другие,
 не легко установить; но негоже человеку, обладающему разумом, отдавать
 себя самого и свою душу на попечение именам, доверяя их создателям,
 чтобы утверждать, как если бы он знал (и тем свидетельствовать против
 себя и против сущих вещей), что *нет ни в чем ничего прочного, а все течет*
 наподобие горшков, и вообще судить о вещах как о людях, страдающих
 насморком, заявляя, будто *все предметы во власти течения* и насморка.
 Может быть оно так, Кратил, а, может быть, и нет. Итак, надо все это смело

и тщательно рассмотреть, не соглашаясь ни с чем легкомысленно — ты еще молод и у тебя еще много времени перед тобой, — а рассмотревши, если что найдешь, поделиться и со мной. — КР. Так я и сделаю.

439 C 2—6, D 4, 440 A 6 s., B 7 — C 3, C 7 — D 2] Mch 40 (b¹) p. 196 = 138 s. || 439 C 5 κοκῶνται] uide → R (Plat.)

[BTW] 439 C 1 ἐξαπατᾷ, εἰ Wyttenbach : ἐξαπατᾷ καὶ T : ἐξαπατᾶται κα|| B || C 2 γε Ast : τε codd. || ἰόντων T : ἰόντων B : ἰόντων τε W || C 3 καὶ αὐτοῖ] αὐτοῖ W : καὶ αὐτῶν Heindorf || C 5 ἐμπ. WB^{mr}T^{mr} : ἐκπ- BT || C 7 ἐγὼ T || D 1 ἦ] ἦ B (sed corr. B^{mr}) || D 2 εἶναι om. B || D 4 καὶ — ρεῖν del. Schanz. || πάντα ταῦτα W || D 6 < > (uel sim.) suppleui || D 8 ὁ scr. : εἰ codd. || D 10 ἦ WB^{mr} : ἦ B : ἦ T ἰ E 3 ὁ scr. : εἰ codd. || E 3 s. τὸ αὐτὸ] αὐτὸ αὐτὸ W || E 7 γε om. W || π' — 440 A 2 γνωσθείη om. et in mg. add. W || A 2 γέ τι B^{mr} : γέτι B (ut uid.) : γέτι T : τέ τι W || A 8 μεταπίπτει T^{pc} : -τοι B (sed oi in ras.) : -τῆι T^{ac} || A 9 αἰεὶ ἢ γνώσις om. et in mg. add. T || B 1 <ῆ> suppleui || C 2 τε om. T || C 4 αὐτόν B : αὐ- TW || αὐτοῦ B : αὐ- TW || C 6 αὐτοῦ T : αὐτοῦ (sic) B : αὐτοῦ W (ut uid.) || τε] γε T || D 2 τᾶ om. TW || D 3 δὲ καὶ] δὲ W || D 4 οὖν] δὲ W || εὖ καὶ ἀνδρείως W || D 5 σκεψάμενος W

Apud *Theaetetum* — B «Теэтете»

6

T 109

(a) *Theaet.* 152 C 8—153 D 7 (Burnet; Diès) [← T 1, → R (Plat.)]

ΣΩ. ἄρ' οὖν πρὸς Χαρίτων πάσσοφός τις ἦν ὁ Πρω-
ταγόρας, καὶ τοῦτο ἡμῖν μὲν ἠνιξάτο τῷ πολλῶι συρφετῶι,
10 τοῖς δὲ μαθηταῖς ἐν ἀπορρήτῳ τὴν ἀλήθειαν ἔλεγεν;
D ΘΕΑΙ. πῶς δὴ, ὦ Σώκρατες, τοῦτο λέγεις;

ΣΩ. ἐγὼ ἐρῶ καὶ μάλ' οὐ φαῦλον λόγον, ὡς ἄρα ἐν
μὲν αὐτὸ καθ' αὐτὸ οὐδέν ἐστιν, οὐδ' ἂν τι προσείποις
ὀρθῶς οὐδ' ὀποιοῦν τι, ἀλλ' ἐὰν ὡς μέγα προσαγορεύῃς,
5 καὶ μικρὸν φανεῖται, καὶ ἐὰν βαρὺ, κοῦφον, ξύμπαντά τε
οὕτως, ὡς μηδενὸς ὄντος ἐνὸς μήτε τινὸς μήτε ὀποιοῦν·
ἐκ δὲ δὴ φορᾶς τε καὶ κινήσεως καὶ κρᾶσεως πρὸς ἄλληλα
γίγνεται πάντα & δὴ φαμεν εἶναι, οὐκ ὀρθῶς προσαγο-
E ρεῦοντες· ἔστι μὲν γὰρ οὐδέποτ' οὐδέν, αἰεὶ δὲ γίγνεται.
καὶ περὶ τούτου πάντες ἐξῆς οἱ σοφοὶ πλὴν Παρμενίδου
συμφερέσθων, Πρωταγόρας τε καὶ Ἡράκλειτος καὶ Ἐμπε-
δοκλῆς, καὶ τῶν ποιητῶν οἱ ἄκροι τῆς ποιήσεως ἑκατέρας,
κωμωδίας μὲν Ἐπίχαρμος, τραγωδίας δὲ Ὅμηρος, <ὅς>
εἰπῶν

'Ὀκεανὸν τε θεῶν γένεσιν καὶ μητέρα Τηθύν

πάντα εἴρηκεν ἔκγονα βροτῆς τε καὶ κινήσεως· ἢ οὐ δοκεῖ
τοῦτο λέγειν;

10 ΘΕΑΙ. ἔμοιγε.

153 ΣΩ. τίς οὖν ἂν ἔτι πρὸς γε τοσοῦτον στρατόπεδον καὶ
στρατηγὸν Ὅμηρον δύναίτο ἀμφισβητήσας μὴ οὐ κατα-
γέλαιστος γενέσθαι;

ΘΕΑΙ. οὐ βάλδιον, ὦ Σώκρατες.

5 ΣΩ. οὐ γάρ, ὦ θεαίτητε. ἐπεὶ καὶ τάδε τῶι λόγῳ
σημετα ἱκανά, ὅτι τὸ μὲν εἶναι δοκοῦν καὶ τὸ γίγνεσθαι
κίνησις παρέχει, τὸ δὲ μὴ εἶναι καὶ ἀπόλλυσθαι ἡσυχία· τὸ

γὰρ θερμόν τε καὶ πῦρ, ὃ δὴ καὶ τᾶλλα γεννᾷ καὶ ἐπιτρο-
πεύει, αὐτὸ γεννᾶται ἐκ φορᾶς καὶ τρίψεως· τούτῳ δὲ
10 κινήσεις. ἢ οὐχ αὗται γενέσεις πυρός;

Β ΘΕΑΙ. αὗται μὲν οὖν.

ΣΩ. καὶ μὴν τό γε τῶν ζώων γένος ἐκ τῶν αὐτῶν
τούτων φύεται.

ΘΕΑΙ. πῶς δ' οὐ;

5 ΣΩ. τί δέ; ἢ τῶν σωμάτων ἕξις οὐχ ὑπὸ ἡσυχίας μὲν
καὶ ἀργίας διόλλυται, ὑπὸ γυμνασίων δὲ καὶ κινήσεως ἐπὶ
τὸ πολὺ σώζεται;

ΘΕΑΙ. ναί.

ΣΩ. ἢ δ' ἐν τῇ ψυχῇ ἕξις οὐχ ὑπὸ μαθήσεως μὲν καὶ
10 μελέτης, κινήσεων ὄντων, κτᾶταί τε μαθήματα καὶ σώζεται
καὶ γίγνεται βελτίων, ὑπὸ δ' ἡσυχίας, ἀμελετησίας τε καὶ
C ἀμάθειας οὐσης, οὔτε τι μανθάνει, ἃ τε ἂν μάθῃ ἐπιλανθάνεται;

ΘΕΑΙ. καὶ μάλα.

ΣΩ. τὸ μὲν ἄρα ἀγαθὸν κίνησις κατὰ τε ψυχὴν καὶ
κατὰ σῶμα, τὸ δὲ τούναντίον;

5 ΘΕΑΙ. ἔοικεν.

ΣΩ. ἔτι οὖν σοι λέγω νηνεμίας τε καὶ γαλήνας καὶ
ἄσα τοιαῦτα, ὅτι αἱ μὲν ἡσυχίαι σήκουσι καὶ ἀπολλύασι,
τὰ δ' ἕτερα σώζει; καὶ ἐπὶ τούτοις τὸν κολοφῶνα, ἀναγκάζω
προσβιβάζων τὴν χρυσοῦν σειρᾶν ὡς οὐδὲν ἄλλο ἢ τὸν ἥλιον
D Ὅμηρος λέγει, καὶ δηλοῖ ὅτι ἕως μὲν ἂν ἡ περιφορὰ ἦι
κινουμένη καὶ ὁ ἥλιος, πάντα ἔστι καὶ σώζεται τὰ ἐν θεοῖς
τε καὶ ἀνθρώποις, εἰ δὲ σταίῃ τοῦτο ὥσπερ δεθέν, πάντα
χρήματ' ἂν διαφθαρείη καὶ γένοιτ' ἂν τὸ λεγόμενον ἄνω
5 κάτω πάντα;

ΘΕΑΙ. ἀλλ' ἔμοιγε δοκεῖ, ὦ Σώκρατες, ταῦτα δηλοῦν
ἄπερ λέγεις.

СОКРАТ. Но тогда, клянусь Харитами, возможно, что Протагор был весь-
ма хитроумным человеком и задал эту загадку нам, беспросветной массе,
а своим ученикам тайно сообщил всю Истину.— ТЕЭТΕΤ. Что ты этим
хочешь сказать, Сократ? — СО. Сейчас узнаешь. Учение это не из баналь-
ных: ничто не есть едино само по себе и ничего ты правильно не назовешь

и не определишь, и если ты о чем-то скажешь: «оно большое», оно окажется и малым, а если — «оно тяжелое», то легким, и так решительно со всем: ничто не есть едино, не есть нечто, не есть определенно; все, о чем, выражаясь неправильно, мы говорим, что оно есть, все это возникает из перемещения, движения и взаимного смешения. Ибо ничто никогда не есть, а все всегда возникает (становится). Насчет этого были согласны, кроме Парменида, все мудрецы подряд: и Протагор, и Гераклит, и Эмпедокл, из поэтов величайшие в каждом виде поэзии: в комедии — Эпихарм, а в трагедии — Гомер, который, сказавши: «И Океан, родитель богов, и мать их Тефида», охарактеризовал все вещи в качестве отпрысков течения и движения. Так ли ты его понимаешь? — ТЕЭ. Я — так. — СО. Кто же рискнет стать всеобщим посмешищем, бросив вызов такому воинству и военачальнику его Гомеру? — ТЕЭ. Нелегкая задача, Сократ. — СО. Да, нелегкая, Теэтет. Ибо вот еще убедительные доказательства того, что так называемое «быть» (бытие), как и возникновение (становление), — продукт движения, а «не быть» (небытие) и уничтожение — покоя. Ведь теплое, огонь, который порождает и направляет все прочее, сам — порождение перемещения и трения, которые оба суть движения. Ведь таково происхождение огня? — ТЕЭ. Таково. — СО. И род живых существ получает зачатие теми же способами. — ТЕЭ. Как же иначе? — СО. А это: здоровье тела, разве оно от покоя и лени не разрушается, а от гимнастики и движения большей частью сохраняется? — ТЕЭ. В самом деле — СО. А здоровье души, разве обучение и упражнение, т. е. движение, не дарят ей знаний, не сохраняют ее и не совершенствуют, а покой, то есть бездеятельность и невежество, ничему не обучает, а выученное стирает из памяти? — ТЕЭ. Совершенно верно. — СО. Стало быть, движение — благо и для души, и для тела, а покой — наоборот? — ТЕЭ. Видимо, так. — СО. Сказать ли тебе еще о безветрии и штиле, и обо всем подобном, что различные виды покоя разрушают и губят, а противоположные им движения спасают? И в довершение всего, заставить ли тебя признать, что под «златою цепью» Гомер имел в виду не что иное, как Солнце, и показал, что, покуда небосвод и Солнце будут подвижны, все существует и сохраняется, как среди богов, так и среди людей, а если бы они остановились, как бы привязанные, все вещи бы разрушились и все бы оказалось, как говорят, «вверх дном» (*букв.*: «вверх вниз»)? — ТЕЭ. По-моему, Сократ, он имел в виду то самое, что ты говоришь.

152 D 2 — 153 D 5] Stob. I, 19, 9 (I, pp. 168,6—169,24 Wachsmuth) || 152 D 7 — 153 A 3] Euseb. *Praep. eu.* XIV, 4, 1 s. (VIII/2, p. 263,9 Mras) || 152 E 7] *Il.* XIV, 201 = 302 || 153 B 5 ἢ τῶν — C 1] Stob. III, 29, 97 (III, p. 659 Hense) || C 8 — D 5] cf. *Il.* VIII, 18-29 (et Eustath. *in h. l.*)

152 C 8 — E 3 s. Ἐμπ.] Mfo C 8^b || D 7 — E 7] Mch 40 (b¹)¹p. 195 = 138 || E 1 ἔστι — 5] DK 23 A 6 || E 1 ἔστι — 3 s. Ἐμπ.] Colli A¹ 124^a || 153 A 5 καὶ τότε — D 7] Mfo A 6

[BTWY (et pap. Berol. 9782 = Anon. *in Pl. Theaet.*) {Stob. FP, Euseb. BION(D)}] 152 D 4 ὁποιοῦν] ὁποιοῦν οὖν Stob. P¹ : ὁποιοοῦν οὖν F¹ (οὖν del. F^y) : ὁποιοῦν P² || *προσαγορεύεις τι* Stob. F : *προσαγορεύεις τι* P || D 5 μικρὸν Stob. || ἐὰν om. T || βάρυ τι Stob. || D 6 ὁποιοῦν] ὁποιοῦ Stob. F¹P (corr. F^y) || D 7 δῆ φ.] *διαφορᾶς* Eus. || D 8 γίν- Eus. || E 1 γίν- Eus. BI || E 2 τοῦτου] τοῦ Stob. F¹P¹ (corr. F^yP²) || ἐξῆς οἱ TY Stob. : ἐξαίσιοι BW Eus. : ἐξαίσιοι οἱ Berol. || E 3 ξ/συμφερέσθων B (ut uid.) Y Stob. F^y mg : -φέρεσθων TW Berol. Eus. : *συμφέρονται* Stob. F¹ : *συμφέρονται* P || E 4 ἐκατέρως — E 10 ἔμοιγε om. Eus. B || E 5 < > add. Heindorf || E 7 ἔργονα Stob. || ἡ οὐ — 10 om. Stob., sed add. F^y mg || 153 A 1 τσοῦτο Berol. || A 2 μῆ οὐ W Eus. : ἰμῆ BTY Stob F¹P (sed οὐ supra μῆ add. F^y) || A 5 γάρ] *ράδιον* Stob. || A 6 δοκοῦν del Schanz || A 9 τοῦτω B²YW Berol. : τοῦτο BT Stob. || A 10 κινήσεις] *κίνησις* T : ἡ *κίνησις* Stob. || ἡ — B 1 μὲν οὖν om. Stob., sed add. F mg || B 2 γε τὸ B¹ || B 6 ἀπόλλυται W || *κινήσεως* W¹ Stob. : -εων BTYW || B 6 s. ἐπὶ τὸ πολὺ BW Stob.₁ : ὡς ἐπὶ πολὺ T (sed ὡς supra lin.) : ὡς *πιπολὺ* Y : ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ Stob.₂ || B 10 κινήσεων ὄντων] -σεων οὐσῶν Stob.₂ : -σεων *κόντων* Buttmann || τε om. Stob. || C 1 ἄτε] οὔτε Y || C 3 τὸ] τὸ

Stob. F : τω P || C 4 κατὰ τὸ σῶμα Stob. || τὸ] τῶ Stob. F¹P (sed corr. F^V) || C 5 ἄ. εἰκεν. ἔτι] εἰκέναι τι Stob F¹P (sed corr. F^V) || C 6 γαλήνας] ἡ-ης W || C 7 ἀπολλύουσι] ἀπόλλουσι Stob. F¹P : ἀπολλούουσι F^V || C 8 τὸν] τὸ Stob. P || ἀναγκάζω del. Cobet || C 9 προσβιβάζων] προβιβάζων B Stob. : προσβιβάζω Cobet || D 1 ἡ π. ἡ] ἡ π. ἡ Stob. F¹P (sed corr. F^V) || D 2 τὰ om. Stob.] || D 3 δεθέν TW : δεθέν BY Stob. || D 4 ἄνω] τὰ ἄνω Stob.

T 110

(b) 155 E 3 — 156 A 5

ΣΩ. ἄθρει δὴ περισκοπῶν μὴ τις τῶν ἀμυήτων ἐπακούη. εἰσὶν δὲ οὗτοι οἱ οὐδὲν ἄλλο οἰόμενοι εἶναι ἢ οὐ ἂν δύνωνται
5 ἀπρίξ τοῦν χεροῦν λαβέσθαι, πράξεις δὲ καὶ γενέσεις καὶ πᾶν τὸ ἄορατον οὐκ ἀποδεχόμενοι ὡς ἐν οὐσίᾳ μέρει.

ΘΕΑΙ. καὶ μὲν δὴ, ὦ Σώκρατες, σκληρούς γε λέγεις καὶ
156 ἀντιτύπους ἀνθρώπους.

ΣΩ. εἰσὶν γάρ, ὦ παῦ, μάλ' εὖ ἄμουςοι. ἄλλοι δὲ πολὺ κομψότεροι, ὧν μέλλω σοι τὰ μυστήρια λέγειν. ἀρχὴ δέ, ἐξ ἧς καὶ ἂ νυνδὴ ἐλέγομεν πάντα ἤρτηται, ἥδε αὐτῶν, ὡς
5 τὸ πᾶν κίνησις ἦν καὶ ἄλλο παρὰ τοῦτο οὐδέν...

СОКРАТ. Смотри-ка, как бы кто непосвященный не подслушал. Есть такие люди, которые считают, что существует только то, за что можно крепко ухватиться руками; события, возникновения и все невидимое они не признают причастным существованию.— ТЕЭТЕТ. Ты говоришь о тупых и противных людях, Сократ.— СО. Они действительно весьма бескультурны, сын мой. Но есть другие, более тонкие, чьи таинства я тебе сейчас поведаю. Начало, на котором все, о чем мы говорили, держится, у них такое: *все есть движение и нет ничего кроме него...*

156 A 4 ὡς — A 5] Mch. 40 (b¹) p. 196 = 139

[BTWY] E 4 οἱ — οἰόμενοι] οἱ — οἰομαί B || 156 A 2 ἄλλοι δέ] ἄλλοι δέ Burnet : ἄλλ' οἷδε Schleiermacher || πολὺ B : πολλοὶ TYW || A 4 ἐξ ἧς WB^{int} : ἐξ ἧς BTY || A 5 ἦν del. Schanz

T 111

(c) 156 C 3—8

ΣΩ. ...τί δὴ οὖν ἡμῶν βούλεται οὗτος ὁ μῦθος, ὦ θεαίτητε, πρὸς τὰ πρότερα; ἄρα ἐννοεῖς;

5 ΘΕΑΙ. οὐ πάνυ, ὦ Σώκρατες.

ΣΩ. ἀλλ' ἄθρει ἐὰν πῶς ἀποτελεσθῆι. βούλεται γὰρ δὴ λέγειν ὡς ταῦτα πάντα μὲν, ὥσπερ λέγομεν, κινεῖται, τάχος δὲ καὶ βραδυτῆς ἐνὶ τῇ κινήσει αὐτῶν...

СОКРАТ. ...Что же нам хочет сказать этот миф, Теэтет, в отношении предшествующего? Ты догадываешься?— ТЕЭТЕТ. Нисколько, Сократ.— СО. Смотри, не удастся ли нам продолжить его до конца. Он ведь хочет сказать нам, что, хотя, как говорим мы, *все эти вещи движутся*, однако их движению свойственны быстрота и медленность...

C 4 μῦθος] i. e. 156 A 5 — C 3

[BTWY] C 7 δὴ om. W || μὲν om. T

(d) 157 A 7 — C 2

ΩΩ. ...ὥστε ἐξ ἀπάντων τούτων,
 ὅπερ ἐξ ἀρχῆς ἐλέγομεν, οὐδὲν εἶναι ἐν αὐτὸ καθ' αὐτό, ἀλλὰ
 В τίνι ἀεὶ γίνεσθαι, τὸ δ' εἶναι πανταχόθεν ἐξαιρετέον, οὐχ
 ὅτι ἡμεῖς πολλὰ καὶ ἄρτι ἠναγκάσαμεθα ὑπὸ συνηθείας καὶ
 ἀνεπιστημοσύνης χρῆσθαι αὐτῷ. τὸ δ' οὐ δεῖ, ὡς ὁ τῶν
 σοφῶν λόγος, οὔτε τι συγχωρεῖν οὔτε του οὔτ' ἐμοῦ οὔτε
 5 τόδε οὔτ' ἐκεῖνο οὔτε ἄλλο οὐδὲν ὄνομα ὅτι ἂν ἰσθῆι, ἀλλὰ
 κατὰ φύσιν φθέγγεσθαι γινόμενα καὶ ποιούμενα καὶ ἀπολ-
 λύμενα καὶ ἀλλοιούμενα· ὡς ἐάν τί τις στήσῃ τῷ λόγῳ,
 εὐέλεγκτος ὁ τοῦτο ποιῶν. δεῖ δὲ καὶ κατὰ μέρος οὔτως
 λέγειν καὶ περὶ πολλῶν ἀθροισθέντων, ὡς δὴ ἀθροίσματι
 C ἀνθρωπὸν τε τίθενται καὶ λίθον καὶ ἕκαστον ζῴον τε καὶ
 εἶδος.

СОКРАТ. ... Из всего этого следует, как мы говорили с самого начала, что ничто не есть единое само по себе, но все постоянно для кого-то возникает (становится), а слово «есть» надо отовсюду изгонять, пусть нам часто, как и сейчас вот, приходится пользоваться им по привычке и из-за своей непоследовательности. А этого, согласно рассуждению мудрых людей, делать нельзя, как нельзя разрешать такие слова как «нечто», «его», «мое», «это» и вообще какое бы то ни было имя, которое останавливает вещи, а надо в соответствии с природой говорить о возникающем, свершающемся, гибнущем и изменяющемся. Ибо если кто что остановит своей речью, его легко будет в том уличить. И надо так говорить и об отдельных вещах, и о собраниях многих вещей, каковые собрания называют человеком, камнем, таким-то животным или такой-то фигурой.

A 7 ἀπάντων τούτων] cf. 156 C 8—157 A 7

[BTWY] В 4 του οὔτ' ἐμοῦ] τοῦτο Schanz : σοῦ οὔτ' ἐμοῦ Hirschig || В 8 καὶ om. T || C 1 s. ζῴον τε καὶ ἕκαστον εἶδος transp. Schanz

T 113

(e) 160 D 5 — E 2

5 ΩΩ. παγκάλως ἄρα σοι εἴρηται ὅτι ἐπιστήμη οὐκ ἄλλο
 τί ἐστίν ἢ αἴσθησις, καὶ εἰς ταύτῳ συμπέτωκεν, κατὰ μὲν
 Ὅμηρον καὶ Ἡράκλειτον καὶ πᾶν τὸ τοιοῦτον φύλον οἶον
 ρεύματα κινεῖσθαι τὰ πάντα, κατὰ δὲ Πρωταγόραν τὸν
 σοφώτατον πάντων χρημάτων ἀνθρωπὸν μέτρον εἶναι, κατὰ
 E δὲ θεαίτητον τούτων οὔτως ἐχόντων αἴσθησιν ἐπιστήμην
 γίνεσθαι.

СОКРАТ (Теэтету). Ты прекрасно сказал, что знание — не что иное, как ощущение, причем к одному и тому же у нас свелись и мнение Гомера, и Гераклита, и всего этого племени, что *все вещи движутся подобно потоку*,

и мнение мудрейшего Протагора, что мера всех вещей — это человек, и мнение здесь присутствующего Теэтета, что в таком случае знание оказывается ощущением.

D 6 κατὰ — 8 πάντα] Colli A¹ 124^b, Mch 40 (b¹) p. 195 = 138, Mfo A 6

[BTWY]

T 113A

(e¹) 168 B 2—6

ΣΩ. ...ἐὰν οὖν ἐμοὶ πεῖθῃ, δ καὶ πρότερον ἐρρήθῃ, οὐ
δυσμενῶς οὐδὲ μαχητικῶς ἀλλ' ἔλεω τῆι διανοίαι συγκαθεῖς
ὡς ἀληθῶς σκέψῃ τί ποτε λέγομεν, κινεῖσθαι τε ἀποφαινό-
5 μενοι τὰ πάντα, τό τε δοκοῦν ἐκάστωι τοῦτο καὶ εἶναι ἰδιώτηι
τε καὶ πόλει.

СОКРАТ. ...Итак, если ты меня послушаешься, как прежде было сказано, то, сидя здесь со мной, вдумайся-ка без неприязни и запальчивости, но в благожелательном расположении духа: что же мы в действительности хотим сказать, когда утверждаем, что вещи движутся и что, что каждому кажется, отдельно ли человеку или городу, то так оно и есть?

[BTWY]

T 114

(f) 177 C 6 — D 2

ΣΩ. οὐκοῦν ἐνταῦθα που ἤμεν τοῦ λόγου, ἐν ᾧ ἔφαμεν
τοὺς τὴν φερομένην οὐσίαν λέγοντας, καὶ τὸ ἀεὶ δοκοῦν
ἐκάστωι τοῦτο καὶ εἶναι τούτῳι ᾧ δοκεῖ, ἐν μὲν τοῖς ἄλλοις
ἐθέλειν διισχυρίζεσθαι καὶ οὐχ ἥκιστα περὶ τὰ δίκαια, ὡς
D παντὸς μᾶλλον ἢ ἂν θῆται πόλις δόξαντα αὐτῆι, ταῦτα καὶ
ἔστι δίκαια τῆι θεμένῃι, ἕωσπερ ἂν κέηται.

СОКРАТ. Мы остановились на том месте в нашем рассуждении, когда было сказано, что говорящие, будто *сущее несется* и что как все каждому представляется, так все для него и есть, любят утверждать это и относительно других вопросов и в немалой степени и относительно справедливости, считая, что, какие бы государство ни приняло постановления для себя, они справедливы для него, пока имеют силу.

C 8 καὶ — D 2] cf. 172 A — C (et ← T 70)

C 7 τοὺς — λέγοντας] Mch 40 (b¹) p. 196 = 139

[BTWY] C 9 τὰ om. B || D 2 τῆι θεμένῃι] τιθεμένηι TY

T 115

(g) 179 D 1—180 D 7 [← T 17]

D ΣΩ. ...προσιτέον οὖν ἐγγυ-
τέρω, ὡς δ ὑπὲρ Πρωταγόρου λόγος ἐπέταττε, καὶ σκεπτέον
τὴν φερομένην ταύτην οὐδίαν διακρούοντα εἶτε ὑγιᾶς εἶτε
σαθρὸν φθέγγεται· μάχη δ' οὖν...

180 [D 4 — 180 C 5 ← T 17]

С 5 ΘΕΟ. ...αὐτοὺς δὲ (sc. τοὺς Ἡρακλειτεῖους) δεῖ παραλαβόντας ὡς περ πρόβλημα ἐπισκοπεῖσθαι.

ΣΩ. καὶ μετρίως γε λέγεις. τὸ δὲ δὴ πρόβλημα ἄλλο τι παρειλήφαμεν παρὰ μὲν τῶν ἀρχαίων μετὰ ποιήσεως D ἐπικρυπτομένων τοὺς πολλούς, ὡς ἡ γένεσις τῶν ἄλλων πάντων Ὀκεανός τε καὶ Τηθύς ρεύματα τυγχάνει καὶ οὐδὲν ἔστηκε, παρὰ δὲ τῶν ὑστέρων ἄτε σοφωτέρων ἀναφανδὸν ἀποδεικνυμένων, ἵνα καὶ οἱ σκυτοτόμοι αὐτῶν τὴν 5 σοφίαν μάθωσιν ἀκούσαντες καὶ παύσωνται ἡλιθίως οἰόμενοι τὰ μὲν ἐστάναι, τὰ δὲ κινεῖσθαι τῶν ὄντων, μαθόντες δὲ ὅτι πάντα κινεῖται τιμῶσιν αὐτούς;

СОКРАТ. ...Итак нам надо приблизиться — как велит наше рассуждение о Протагоре — к этому *несущемуся существу* и рассмотреть его, постукав по нему, чтобы проверить по звуку, цело оно или надтреснуто. Баталия... [Далее см. ← Т 17.] — ФЕОДОР. ...За них (гераклитовцев) надо взяться и исследовать их как проблему. — СО. Верно сказано. А от кого мы получили эту проблему, как не от древних, скрывших от толпы в поэзии свое убеждение, что родители всего остального, Океан и Тетфида, лишь потоки и что *ничто не стоит*, и не от более поздних и более мудрых, которые ее объявили открыто, чтобы и башмачники, услышав это, усвоили их мудрость и перестали наивно считать, будто одни из сущих вещей стоят, а другие движутся, но узнав, что движутся все, прониклись к ним уважением?

Euseb. *Praep. euang.* XIV, 4, 3-5 (VIII/2, p. 263,21 Mras) || D 3 διακρούοντα etc. cf. ← Т 108 (440 С 8)

[BTWY {Euseb. BION(D)}] 179 D 2 ὁ οὐ Eus. BO* (corr. gr.? m.) || ὑπὲρ] παρὰ Eus. BON || D 3 διακρ.] ἀκούοντα Plat. B || [← Т 17] || 180 C 7 γε om. YW || τὸ δὲ Eus. : το δὲ W : τὸ γε BTY || C 8 παρὰ] ἢ παρὰ Y || D 2 ρεύματα] καὶ ρεύματα W : ρεύματα Eus. : ρεύματα <όντα> Burnet || D 6 μαθόντες δὲ om. TY

Т 116

(h) 181 A 3-6

ΣΩ. ...δοκεῖ οὖν μοι τοὺς ἐτέρους πρότερον σκεπτέον, ἐφ' οὗσπερ ὠρμήσαμεν, τοὺς ῥέοντας, καὶ 5 ἐὰν μὲν τι φαίνωνται λέγοντες, συνέλεξομεν μετ' αὐτῶν ἡμᾶς αὐτούς, τοὺς ἐτέρους ἐκφυγεῖν πειρώμενοι.

СОКРАТ. ...Итак, по-моему, надо сперва рассмотреть других, тех, с которых мы начали, текущих, и если окажется, что они говорят что-то дельное, мы поможем им привлечь нас на свою сторону, а от других попытаемся уберечься.

A 6 τοὺς ἐτέρους] sc. Eleatas (cf. 180 D 7—181 A 3)

A 4 τοὺς ῥέοντας] Mch_40_(b¹) p. 196 = 139

[BTWY]

(i) 181 B 8 — C 4

ΣΩ. ...δοκεῖ
 C οὖν μοι ἀρχὴ εἶναι τῆς σκέψεως κινήσεως πέρι, ποῖόν τι
 ποτε ἄρα λέγοντές φασι τὰ πάντα κινεῖσθαι. βούλομαι δὲ
 λέγειν τὸ τοιόνδε· πότερον ἔν τι εἶδος αὐτῆς λέγουσιν ἢ,
 ὥσπερ ἐμοὶ φαίνεται, δύο;

СОКРАТ. ... По-моему, начать исследование движения надо с вопроса: о чем собственно говорят те, кто утверждает, что *все движется*? Я вот что хочу сказать: говорят ли они об одном виде движения или, как мне кажется, о двух?

C 2 τὰ — κινεῖσθαι] Mch (b¹) p. 196 = 139

[BTWY] C 2 φασι om. TY

T 118

(k) 181 D 8—182 A 2

ΣΩ. τοῦτο τοίνυν οὕτω διελθόμενοι διαλεγόμεθα ἤδη τοῖς
 τὰ πάντα φάσκουσιν κινεῖσθαι καὶ ἐρωτῶμεν· πότερον πᾶν
 E φατε ἀμφοτέρως κινεῖσθαι, φερόμενόν τε καὶ ἀλλοιούμενον,
 ἢ τὸ μὲν τι ἀμφοτέρως, τὸ δ' ἑτέρως;

ΘΕΟ. ἀλλὰ μὰ Δί' ἔγωγε οὐκ ἔχω εἰπεῖν· οἶμαι δ' ἂν
 φάναι ἀμφοτέρως.

5 ΣΩ. εἰ δέ γε μή, ὧ ἐταῖρε, κινούμενά τε αὐτοῖς καὶ
 ἔστῳτα φανεῖται, καὶ οὐδὲν μᾶλλον ὀρθῶς ἔξει εἰπεῖν ὅτι
 κινεῖται τὰ πάντα ἢ ὅτι ἔστηκεν.

ΘΕΟ. ἀληθέστατα λέγεις.

ΣΩ. οὐκοῦν ἐπειδὴ κινεῖσθαι αὐτὰ δεῖ, τὸ δὲ μὴ κινεῖσθαι
 182 μὴ ἐνεῖναι μηδενί, πάντα δὴ πᾶσαν κίνησιν δεῖ κινεῖται.

ΘΕΟ. ἀνάγκη.

СОКРАТ. Теперь, что мы провели это различие (между перемещением и изменением), продолжим разговор со сторонниками всеобщего движения и спросим их: утверждаете ли вы, что *все движется* обоими способами — перемещаясь и изменяясь — или что одно — обоими, а другое нет? — ФЕОДОР. Клянусь Зевсом, не знаю, что и говорить. Наверное, они скажут: обоими. — СО. А не то, дружище, движущееся у них окажется заодно и покоящимся, и утверждать, что *все движется* будет ничуть не правильнее, чем — что все покоится. — ФЕО. Совершенно верно. — СО. Так что, поскольку вещам надо двигаться, а отсутствие движения не свойственно ни одной из них, то *все всегда движется* всеми возможными способами. — ФЕО. Неизбежно.

181 D 8 διελθόμενοι] cf. 181 C 6 — D 6

182 A 1 πάντα — κινεῖται] Mch 40 (b¹) p. 196 = 139

[BTWY] 181 E 5 μὴ] μοι Y || αὐτοῖς W : ἑαυτοῖς BTY || 182 A 1 ἐνεῖναι W: ἐν εἶναι BTY

ΣΩ. ...οὐ δ' ἔνεκα λέγομεν, τοῦτο μόνον φυλάττωμεν, ἐρωτῶντες· κινεῖται καὶ βρεῖ, ὡς φατε, τὰ πάντα; ἢ γάρ;

5 ΘΕΟ. ναί.

ΣΩ. οὐκοῦν ἀμφοτέρας ἄς διειλόμεθα κινήσεις, φερόμενά τε καὶ ἀλλοιούμενα;

ΘΕΟ. πῶς δ' οὐ; εἴπερ γε δὴ τελέως κινήσεται.

ΣΩ. εἰ μὲν τοίνυν ἐφέρετο μόνον, ἡλλοιοῦτο δὲ μή, 10 εἴχομεν ἄν που εἰπεῖν οἷα ἅττα βρεῖ τὰ φερόμενα· ἢ πῶς λέγομεν;

ΘΕΟ. οὕτως.

D ΣΩ. ἐπειδὴ δὲ οὐδὲ τοῦτο μένει, τὸ λευκὸν βρεῖν τὸ βέον, ἀλλὰ μεταβάλλει, ὥστε καὶ αὐτοῦ τούτου εἶναι ῥοήν, τῆς λευκότητος, καὶ μεταβολὴν εἰς ἄλλην χροάν, ἔνα μὴ ἀλῶι ταύτη μένον, ἄρα ποτε οἶόν τέ τι προσειπεῖν χρώμα, ὥστε 5 καὶ ὀρθῶς προσαγορεύειν;

ΘΕΟ. καὶ τίς μηχανή, ὦ Σώκρατες; ἢ ἄλλο γέ τι τῶν τοιούτων, εἴπερ ἀεὶ λέγοντος ὑπεξέρχεται ἅτε δὴ βέον;

ΣΩ. τί δὲ περὶ αἰσθήσεως ἐροῦμεν ὁποιασοῦν, οἶον τῆς 12 τοῦ ὄραν ἢ ἀκούειν; μένειν ποτὲ ἐν αὐτῷ τῷ ὄραν ἢ ἀκούειν;

ΘΕΟ. οὐκ οὐκ δεῖ γε, εἴπερ πάντα κινεῖται.

ΣΩ. οὔτε ἄρα ὄραν προσρητέον τι μᾶλλον ἢ μὴ ὄραν, οὐδέ τιν' ἄλλην αἰσθησιν μᾶλλον ἢ μή, πάντων γε πάντως 5 κινουμένων.

ΘΕΟ. οὐ γὰρ οὖν.

ΣΩ. καὶ μὴν αἰσθησίς γε ἐπιστήμη, ὡς ἔφαμεν ἐγὼ τε καὶ θεαίτητος.

ΘΕΟ. ἦν ταῦτα.

ΣΩ. οὐδέν ἄρα ἐπιστήμην μᾶλλον ἢ μὴ ἐπιστήμην ἀπεκρινά- 10 μεθα ἐρωτῶμενοι ὅτι ἐστὶν ἐπιστήμη.

183 ΘΕΟ. εἰοίκατε.

ΣΩ. καλὸν ἄν ἡμῖν συμβαίνοι τὸ ἐπανόρθωμα τῆς ἀπο- κρίσεως, προθυμηθεῖσιν ἀποδεῖξαι ὅτι πάντα κινεῖται, ἔνα δὴ ἐκείνη ἢ ἀπόκρισις ὀρθῆ φανῆι. τὸ δ', ὡς ἔοικεν, ἐφάνη, εἰ 5 πάντα κινεῖται, πᾶσα ἀπόκρισις, περὶ ὅτου ἄν τις ἀποκρίνηται, ὁμοίως ὀρθῆ εἶναι, οὕτω τ' ἔχειν φάναι καὶ μὴ οὕτω, εἰ δὲ βούλει, γίγνεσθαι, ἔνα μὴ στήσωμεν αὐτοὺς τῷ λόγῳ.

ΘΕΟ. ὀρθῶς λέγεις.

ΣΩ. πλὴν γε, ὦ θεόδωρε, ὅτι "οὐτω" τε εἶπον καὶ
10 "οὐχ οὐτω". δεῖ δὲ οὐδὲ τοῦτο "οὐτω" λέγειν — οὐδέ.
B γὰρ ἂν ἔτι κινοῖτο "οὐτω" — οὐδ' αὖ "μὴ οὐτω" —
οὐδὲ γὰρ τοῦτο κίνησις — ἀλλὰ τιν' ἄλλην φωνὴν θετέον τοῖς
τὸν λόγον τοῦτον λέγουσιν, ὡς νῦν γε πρὸς τὴν αὐτῶν ὑπό-
θεσιν οὐκ ἔχουσι ῥήματα, εἰ μὴ ἄρα τὸ "οὐ δέ πως" μάλιστα
5 [δ' οὐτως] ἂν αὐτοῖς ἀρμόττοι, ἀπειρον λεγόμενον.

ΘΕΟ. οἰκειοτάτη γοῦν διάλεκτος αὕτη αὐτοῖς.

ΣΩ. οὐκοῦν, ὦ θεόδωρε, τοῦ τε σοῦ ἐταίρου ἀπηλ-
λάγμεθα, καὶ οὐπω συγχωροῦμεν αὐτῶι πάντ' ἄνδρα πάντων
C χρημάτων μέτρον εἶναι, ἂν μὴ φρόνιμός τις ἦ· ἐπιστήμην
τε αἴσθησιν οὐ συγχωρησόμεθα κατὰ γε τὴν τοῦ πάντα
κινεῖσθαι μέθοδον, [ἦ] εἰ μὴ τί πως ἄλλως θεαίτητος ὀδε
λέγει.

СОКРАТ. ...Но не будем терять из виду то, ради чего мы рассуждаем, и спросим: «Вы утверждаете, что *все движется и течет*, не так ли?»— ФЕОДОР. Так.— СО. Стало быть обоими движениями, о которых шла речь: и перемещаясь, и видоизменяясь?— ФЕО. Как же иначе, если движение должно быть абсолютным?—СО. Если бы все только перемещалось, но не изменялось, мы еще могли бы сказать, каково это перемещающееся текущее; так ли я говорю?— ФЕО. Так.— СО. Но поскольку даже то не пребывает неизменным, что текущее течет, оставаясь белым, а изменяется и это, так что налицо течение и самой белизны, ее изменение в другой цвет (ибо иначе ее можно было бы обвинить в постоянстве), можно ли обозначить текущее каким-то цветом так, чтобы это название было правильным?— ФЕО. Каким образом, Сократ? Да и любую другую подобную вещь? Ведь куда мы говорим, оно постоянно течет и ускользает.— СО. А что мы скажем о любом ощущении вроде зрения или слуха? Пребывает ли оно самим собой в качестве зрения или слуха? — ФЕО. Не должно было бы, ежели все движется.— СО. И тогда ни оно не сможет называться зрением более, чем незрением, ни любое другое ощущение — ощущением более, чем не-ощущением, поскольку все они всячески движутся.— ФЕО. В самом деле.— СО. А ощущение ведь — знание, как сказали мы с Теэтетом? — ФЕО. Было дело.— СО. Тогда и знание, о котором мы высказались в ответ на вопрос «что такое знание?», не более знание, чем незнание? — ФЕО. Похоже, что так.— СО. Хорошенький результат мы получили, исправив наш ответ и попытавшись показать, что все движется, с тем, чтобы доказать правильность этого ответа. А выходит, что доказали мы вот что: если все движется, всякий ответ, о чем бы ни был вопрос, одинаково верен, говорим ли мы, что дело обстоит так или не так, или (если предпочитаешь) что оно становится таким или не таким, чтобы не остановить самих себя своей речью.— ФЕО. Правильно.— СО. За исключением того, Феодор, что я сказал «так» и «не так». А ведь нельзя говорить ни «так» — ибо то, что «так», уже больше не будет двигаться,— ни «не так» — ведь и это исключает движение,— но надо будет учредить какое-то новое наречие для тех, кто будет пользоваться этим рассуждением, поскольку сейчас у них нет слов, согласующихся с их основным положением, кроме разве что «как-то никак», выражения, лучше всего гармонирующего с ними ввиду своей неопределенности.— ФЕО. Во всяком случае,

это самое подходящее для них выражение.— СО. Итак, Феодор, мы с твоим другом квити и больше с ним не согласимся, что первый встречный есть мера вещей, даже если он не умен. И что знание — это ощущение, мы тоже не согласимся, если это предполагает следование методу «все движется». Разве что наш Теэтет предложит что-нибудь другое.

182 C 3 κινεῖται — 4 πάντα et 183 A 4 εἰ — 6 εἶναι] Mch 40 (b¹) p. 196 = 139

[BTWY] 182 C 3 τὰ om. W || C 11 λέγωμεν B || D 1 τοῦτο] τότε T || D 2 τοῦτου] τοῦ T || E 4 οὐδέ] οὔτε Dissen || E 9 γ' ταῦτα om. T || 183 A 7 αὐτοῦς Schanz : αὐτοῦς (sic) B : αὐτοῦς TWY || A 8 ἄρθως]-ότατα W || A 10 et B 1 <τὸ> οὕτω (bis) Schleiermacher, acc. Burnet || B 4 οὐ δέ πως ser. : οὐδ' ἔπως BT (et Y? — hanc u. l. omisit Diès) : οὐδ' οὕτως W, edd. : οὐδ' οὐδέπως ci. Cornford (PTK 100₂) || B 4 s. ἄλιστα' ἄν W : ἄλιστα ὁ οὕτως (« correctione lectionis οὐδ' ἔπως ortum » Burnet) ἄν BTY || B 6 γοῦν edd. : γ' οὔν BW : οὔν TY || B 8 οὕτω B || C 2 τε] τε καὶ W || C 3 εἰ W : ἦ εἰ BTY || τι del. Schanz (ut partem glossematis ἦ τι)

Alibi — В других диалогах

7

T 120

a) *Phaed.* 90 B 4 — C 6 (Burnet; Robin)

Socrates loquitur: ἀλλὰ ταύτη μὲν οὐχ ὅμοιοι οἱ λόγοι
 5 τοῖς ἀνθρώποις, ἀλλὰ σοῦ νῦν δὴ προάγοντος ἐγὼ ἐφεισπόμην,
 ἀλλ' ἐκείνηι ἦι, ἐπειδὴν τις πιστεύσει λόγῳ τινὶ ἀληθεῖ
 εἶναι ἄνευ τῆς περὶ τοὺς λόγους τέχνης, κάπειτα ὀλίγον
 ὕστερον αὐτῷ δόξει φευδῆς εἶναι, ἐνίοτε μὲν ὦν, ἐνίοτε δ'
 οὐκ ὦν, καὶ αὔθις ἕτερος καὶ ἕτερος· καὶ μάλιστα δὴ οἱ
 C περὶ τοὺς ἀντιλογικοὺς λόγους διατρίψαντες οἴσθ' ὅτι τελευ-
 τῶντες οἴονται σοφώτατοι γεγονέναι καὶ κατανενοηκέσθαι
 μόνοι ὅτι οὔτε τῶν πραγμάτων οὐδενὸς οὐδὲν ὑγιᾶς οὐδέ
 βέβαιον, οὔτε τῶν λόγων, ἀλλὰ πάντα τὰ ὄντα ἀτεχνῶς ὥσπερ
 5 ἐν Εὐρίπωι ἄνω κάτω στρέφεται καὶ χρόνον οὐδένα ἐν
 οὐδενὶ μένει.

(Говорит Сократ:) Но не в этом сходство между рассуждениями и людьми — я сейчас следовал за тобой, куда ты вел, — а в том, что, поверив сперва доказательству и признав его истинным без привлечения искусства рассуждать, можно малое время спустя решить, что оно ложно, — когда по заслугам, а когда и незаслуженно, и так не раз и не два. Особенно, как ты знаешь, это бывает с теми, кто упражняется в противоречивых речах: в конце концов они начинают думать, будто стали мудрее всех и одни только постигли, что ни в вещах никаких нет ничего здравого или прочного, ни в речах, но что все, что ни есть, шатается туда сюда (букв.: вверх вниз), как в Эврипе, и ни на миг не остается на месте.

C 1 ἀντιλογιῶδες] cf. 101 E 1 οἱ ἀντιλογικοὶ || C 3 οὐδὲν ὀγιές] cf. 89 E 1 s. κατ' ἡγεῖται (sc. ὁ μισάνθρωπος) οὐδενός οὐδὲν ὀγιές εἶναι τὸ παράπαν, 90 E 1 s. ... ὡς τῶν λόγων κινδυνεύει οὐδὲν ὀγιές εἶναι

B 9 καὶ μάλιστα — C 6] Mch 40 (b¹) p. 196 s. = 139

[BTWY] B 4 οἱ BT : om. W : ? Y (hanc u.l. omisit Robin) || B 5 ἀνθρώποις] ἄ. εἰσὶν TW || ἐφρασόμεν TB² (ὁ in mg.): -οίμην BWY || B 6 ἢ secl. Madvig || ἀληθῆ W (sed corr. W²) || B 7 s. ὕστερον ὀλίγον TW || B 8 δόξει W || C 2 καὶ] τε καὶ BY || C 4 οὔτε τ. λ.] οὐδὲν τῶν ὄντων add in mg. B², sed postea deleta || τὰ B² (supra uersum) WY : om. BT || C 5 κάτω] καὶ κ. BY

T 121

(b) *Sophist.* 249 B 8 — D 4 (Burnet; Diès)

ΣΕ. καὶ μὴν ἐὰν αὖ φερόμενα καὶ κινούμενα πάντ' εἶναι
συγχωρῶμεν, καὶ τούτῳ τῷ λόγῳ ταῦτόν τοῦτο ἐκ τῶν ὄντων
10 ἐξαιρήσομεν.

ΘΕΑΙ. πῶς;

ΣΕ. τὸ κατὰ ταῦτά καὶ ὡσαύτως καὶ περὶ τὸ αὐτὸ δοκεῖ
C σοι χωρὶς στάσεως γενέσθαι ποτ' ἔν;

ΘΕΑΙ. οὐδαμῶς.

ΣΕ. τί δ'; ἔνευ τούτων νοῦν καθορᾶις ὄντα ἢ γενόμενον
ἀν καὶ ὄκουσιν;

5 ΘΕΑΙ. ἦκιστα.

ΣΕ. καὶ μὴν πρὸς γε τοῦτον παντὶ λόγῳ μαχετέον, ὅς
ἀν ἐπιστήμην ἢ φρόνησιν ἢ νοῦν ἀφανίζων ἰσχυρίζεται περὶ
τινος ὄπλιον.

ΘΕΑΙ. σφόδρα γε.

10 ΣΕ. τῷ δὴ φιλοσόφῳ καὶ ταῦτά μάλιστα τιμῶντι πᾶσα,
ὡς ἔοικεν, ἀνάγκη διὰ ταῦτα μήτε τῶν ἐν ἢ καὶ τὰ πολλὰ.
D εἶδη λεγόντων τὸ πᾶν ἐστηκός ἀποδέχεσθαι, τῶν τε αὖ
πανταχῆ τὸ ὄν κινούντων μηδὲ τὸ παράπαν ἀκούειν, ἀλλὰ
κατὰ τὴν τῶν παίδων εὐχὴν, ὅσα ἀκίνητα καὶ κεκλιμμένα,
τὸ ὄν τε καὶ τὸ πᾶν συναμφοτέρα λέγειν.

ЭЛЕЙСКИЙ ГОСТЬ. А если, напротив, мы примем, что *все несется и движется*, мы и таким рассуждением изгоним этот же самый ум из числа существующих вещей. — ТЕЭТЕТ. Как это? — ЭЛ. Разве себе тождественное, пребывающее в одном и том же состоянии, относящееся к одному и тому же предмету может, по-твоему, существовать без покоя? — ТЕЭ. Никоем образом. — ЭЛ. Вот именно. А ты можешь себе представить, чтобы ум мог бы где бы то ни было быть, или возникнуть, не будучи всем этим? — ТЕЭ. Ничуть. — ЭЛ. Так вот, если есть кто, с кем следует спорить любыми средствами, так этот тот, кто, утверждая что бы то ни было, упраздняет тем самым знание, разумение или ум. — ТЕЭ. Несомненно. — ЭЛ. В таком случае философу, который выше всего ценит именно это, пожалуй, нельзя ни соглашаться со сторонниками единого, или даже многочисленных форм,

в том, что все покоится, ни сколько-нибудь внимать и тем, кто, напротив, приводит сущее во всевозможные движения, а необходимо ему, как ребенку, поставленному перед выбором, предпочесть и то, и другое и заявить, что сущее и всецелое и неподвижно, и подвижно.

В 9 ταῦτόν τοῦτο] sc. τὸν νοῦν (В 6)

В 8 ἐάν — 9 συγχωρῶμεν] Mch 40 (b¹) p. 196 = 139

[BTWY] C 1 ποτ' τὸτ' В || C 4 ἄν] αὖ В || C 6 πρὸς] πρὸ W (sed in ras.) || τοῦτον] τοῦτων W || C 11 τῶν] τὸ В || D 1 τῶν] τὸν В || D 2 ἀκούειν — 4 τε καὶ in mg. habet W || D 3 παιδῶν] παιδικῶν W || ἴσα — κεινημένα secl. Bedham (teste Diès) seu Schanz (teste Burnet)

T 122

(c) *Phileb.* 42 E 7 — 4⁸ A 6 (Burnet; Diès)

ΣΩ. εἰ δ' οὖν μὴ γίγνοιτο, ὦ Πρώταρχε, φήσω, τὸ τοιοῦτον, τί ποτε ἀναγκαῖον ἐξ αὐτοῦ συμβαίνειν ἡμῖν;

ΠΡΩ. μὴ κινουμένου τοῦ σώματος ἐφ' ἑκάτερα φήεις;

10 ΣΩ. οὕτως.

ΠΡΩ. ὀηλον δὴ τοῦτό γε, ὦ Σώκρατες, ὡς οὔτε ἡδονὴ γίγνοιτ' ἂν ἐν τῷ τοιοῦτῳ ποτὲ οὔτ' ἂν τις λύπη.

43 ΣΩ. κάλλιστ' εἶπες. ἀλλὰ γάρ, οἶμαι, τότε λέγεις, ὡς αἰεὶ τι τούτων ἀναγκαῖον ἡμῖν συμβαίνειν, ὡς οἱ σοφοὶ φασιν. αἰεὶ γὰρ ἅπαντα ἄνω τε καὶ κάτω ῥεῖ.

ΠΡΩ. λέγουσι γὰρ οὖν, καὶ δοκοῦσί γε οὐ φαύλως λέγειν.

ΣΩ. πῶς γὰρ ἂν, μὴ φαυλοὶ γε ὄντες;

СОКРАТ. Допустим, скажу я, что ничего такого не происходит (т. е. что наше тело не испытывает ни нарушений, ни восстановления своей природы), что же, Протарх, мы неизбежно должны испытать? — ПРОТАРХ. Ты хочешь сказать: если в теле не происходит никакого движения? — СО. Да. — ПРО. Ясно, Сократ, что в таком случае никогда не возникло бы ни удовольствия, ни страдания. — СО. Прекрасно сказано. Но я полагаю, что по твоему мнению мы всегда что-то такое неизбежно испытываем, ибо, как говорят мудрые люди, *все постоянно течет туда и сюда* (букв.: вверх и вниз). — ПРО. Они действительно, говорят это и, похоже, это не банальное высказывание. — СО. Еще бы, ведь они и сами не банальные люди!

42 E 7 τὸ τοιοῦτον] cf. C 9 — D 10 || 43 A 3 ἄνω τε καὶ κάτω] cf. 43 B 8 αἱ μεταβολαὶ κάτω τε καὶ ἄνω γιγνόμεναι || A 5 οὐ φαύλως] cf. ← T 109 (152 D 2) οὐ φαῦλος λόγος, *Phileb.* 43 BC

43 A 2 οἱ — 3] Mch 40 (b¹) p. 197 = 140

[BTWY] 42 E 10 οὕτως В : οὕτω TW || 43 A 3 ῥεῖν ci. Paley

De concordia discordantium
О согласии разногласных

8

T 123

Sympos. 186 E 4 — 187 C 5 (Burnet; Robin)

Eryximachus loquitur:

ἢ τε οὖν ἰατρική, ὥσπερ λέγω, πᾶσα διὰ τοῦ θεοῦ τούτου
187 κυβερνᾶται. ὡσαύτως δὲ καὶ γυμναστική καὶ γεωργία. μουσική
δὲ καὶ παντὶ κατάδηλος τῷ καὶ σμικρὸν προσέχοντι τὸν νοῦν,
ὅτι κατὰ ταῦτά ἔχει τούτοις — ὥσπερ Ἴσως καὶ Ἡράκλειτος
βούλεται λέγειν, ἐπεὶ τοῖς γε ῥήμασιν οὐ καλῶς λέγει. "τὸ
5 ἐν" γὰρ φησι "διαφερόμενον αὐτὸ αὐτῷ ἐυμφέρεσθαι,
ὥσπερ ἁρμονίαν τῶξου τε καὶ λύρας". ἔστι δὲ πολλή
ἀλογία ἁρμονίαν φάναι "διαφέρεσθαι", ἢ ἐκ διαφορομένων ἔτι
εἶναι. ἀλλὰ Ἴσως τότε ἐβούλετο λέγειν ὅτι ἐκ διαφορομένων
B πρότερον τοῦ ὀξέος καὶ βαρέος, ἔπειτα ὕστερον ὁμολογή-
σάντων, γέγονεν ὑπὸ τῆς μουσικῆς τέχνης. οὐ γὰρ δῆπου
ἐκ διαφορομένων γε ἔτι τοῦ ὀξέος καὶ βαρέος ἁρμονία ἂν
εἴη. ἢ γὰρ ἁρμονία συμφωνία ἐστίν, συμφωνία δὲ ὁμολογία
5 τις· ὁμολογίαν δὲ ἐκ διαφορομένων, ἕως ἂν διαφέρωνται,
ἀδύνατον εἶναι. — "διαφερόμενον" δὲ αὐτὸ καὶ μὴ ὁμολογοῦν ἀδύ-
νατον ἁρμόσαι. — ὥσπερ γε καὶ ὁ ῥυθμὸς ἐκ τοῦ ταχέος καὶ
C βραδέος, ἐκ διενηγεμένων πρότερον, ὕστερον δὲ ὁμολογη-
σάντων γέγονε. τὴν δὲ ὁμολογίαν πᾶσι τούτοις, ὥσπερ
ἐκεῖ ἡ ἰατρική, ἐνταῦθα ἡ μουσική ἐντίθησιν, ἔρωτα καὶ
ὁμόνοιαν ἀλλήλων ἐμποίησασα· καὶ ἔστιν αὐτὴ μουσική περὶ
5 ἁρμονίαν καὶ ῥυθμὸν ἐρωτικῶν ἐπιστήμη.

(Из речи Эриксимаха) Итак, по-моему, врачебное искусство всецело подчинено этому богу (Эроту). Так же обстоит и с гимнастикой, и с земледелием. Что до музыки, каждому мало-мальски сообразительному человеку совершенно ясно, что и с ней обстоит точно так же, как с этими искусствами. — Это, наверное, то, что хочет сказать Гераклит, хотя выражается он неудачно. «*Ἐδινοερίζαο ἑαυτὴν*», говорит он, «*само собою сходится, как гармония лука и лиры*». Но весьма нелепо утверждать, будто гармония «различается», то есть продолжает состоять из различных элементов. Видимо, он хотел сказать, что музыкальное искусство производит ее из высокого и низкого (тонов), которые сперва были различными, а затем пришли к согласию. Ведь гармония — это созвучие, а созвучие — это некое согласие, а из (многих) различных элементов, пока они различаются, никакого согласия быть не

может. — Да и (одно) «различающееся», если оно не согласное, не может стать гармоничным. — Точно так же и ритм родился из быстрого и медленного, которые сперва были различными, а затем пришли к согласию. Согласие между всеми этими элементами устанавливает в одном случае врачебное искусство, а в другом аналогично — музыка, насаждая между ними любовь и единодушие. Итак, музыка — это наука о любовных началах гармонии и ритма.

186 E 4 τοῦ θεοῦ τούτου] sc. Ἐρωτος (cf. 185 E 6—186 E 3) || 187 A 6 τέξου] cf. fort. RP IV, 439 B 9—12 [→R (Plat.)]

186 E 4—187 A 6 λύρας] Colli A¹ 122 || 187 A 1 μουσική — B 4 εἶη] Mch 27 (b) || A 1 μουσική — B 2 τέχνης] Wzr ad B 51 || A 1 μουσική — 6 λύρας] Byw ad 45 || A 3 ὡσπερ — 6 λύρας] Mull ad 37, Schl p. 411 || A 4 τὸ ἐν — 6 λύρας] Qui F 11 || A 5 διαφερόμενον — 6 λύρας] cf. DK B 51; Colli A 4; Diano 20 & 26; Kahn 78; Man⁴⁻² 48; Rou 28; Mch 27; Qui F 9-11 & 13; Kirk p. 203; Byw 45 & 56; Schu 80; Mull 38 & 93; Lass I 107_n, I, 90, II 253; Schl 27, 34; Steph p. 137 s.

[BTWY] 186 E 4 τοῦ θεοῦ secl. Badham || 187 A 1 καὶ γεωργία del. Sauppe || A 2 σμικρόν] -κρῶι W || προσέχοντι τὸν] ἔχοντι Hirschig || A 3 ταῦτά T : ταῦτά WY : ταῦτα B || A 5 ὄν] ὄν uel potius πάν ci. Ast || ξυμ-] συμ- Burnet || B 1 τέχνης <ἡ ἀρμονία> Ficin. Steph. || B 4 ἔστιν] -τι WY (in T compendium) || B 6 δὲ αὐ] δὲ δὴ Schanz : ὃ ὄν Rohde || B 6 s. ὁμολογεῖν ἀδύνατον] ὄν. δυνατὸν Susemihl : ὁμολογεῖν ἀδυνατοῦν δυνατὸν Bury || C 1 ἐκ om. Y Schanz Hug || C 3 ἡ om. Y || C 4 ὁμοίαν] ἀρμονίαν F.A.Wolf || ἀλλήλων] -λοις TW || περι] τῶν περι] Ast || C 5 ἐρωτικῶν] -κῆ Y

Sophist. 242 C 4 — 243 A 2 (Burnet; Diès)

ΞΕ. εὐκόλως μοι δοκεῖ Παρμενίδης ἡμῖν διειλέχθαι καὶ
5 πᾶς ὅστις πῶποτε ἐπὶ κρίσιν ὤρμησε τοῦ τὰ δυντα διορίσασθαι
πόσα τε καὶ ποῦτᾶ ἐστίν.

ΘΕΑΙ. πῆι;

ΞΕ. μῦθόν τινα ἕκαστος φαίνεται μοι διηγεῖσθαι παισὶν
ὡς οὔσιν ἡμῖν, ὁ μὲν ὡς τρία τὰ δυντα, πολεμεῖ δὲ ἀλλήλοις
D ἐνίοτε αὐτῶν ἄττα πηι, τοτὲ δὲ καὶ φίλα γιγνόμενα γάμους
τε καὶ τόκους καὶ τροφὰς τῶν ἐκγόνων παρέχεται. δύο δὲ
ἕτερος εἰπῶν, ὑγρὸν καὶ ξηρὸν ἢ θερμὸν καὶ ψυχρὸν, συνοι-
κίζει τε αὐτὰ καὶ ἐκδίδωσι. τὸ δὲ παρ' ἡμῖν Ἐλεατικὸν ἔθνος,
5 ἀπὸ Ξενοφάνους τε καὶ ἔτι πρόσθεν ἀρξάμενον, ὡς ἐνός δυντος
τῶν πάντων καλουμένων οὕτω διεξέρχεται τοῖς μύθοις. Ἰάδες
δὲ καὶ Σικελαὶ τινες ὕστερον Μοῦσαι ξυνενόησαν ὅτι συμ-
E πλέκειν ἀσφαλέστατον ἀμφοτέρα καὶ λέγειν ὡς τὸ ὄν πολλὰ
τε καὶ ἔν ἐστίν, ἔχθραι δὲ καὶ φιλίας συνέχεται. "διαφερομε-
νον" γὰρ "ἄει συμφέρεται", φασὶν αἱ συντονώτεραι τῶν Μουσῶν·
αἱ δὲ μαλακώτεραι τὸ μὲν "ἄει" ταῦτα οὕτως ἔχειν ἐχάλασαν,
5 ἐν μέρει δὲ τοτὲ μὲν ἐν εἰναί φασι τὸ πᾶν καὶ φίλον ὑπ'
243 Ἀφροδίτης, τοτὲ δὲ πολλὰ καὶ πολέμιον αὐτὸ αὐτῷ διὰ
Νεῦκος τι.

ЭЛЕЙСКИЙ ГОСТЬ. По-моему, Парменид очень уж легкомысленно обошелся с нами, как и все, кто пытался определить, сколько сущих и каковы они. — ТЕЭТЕТ. Как это? — ЭЛ. У меня такое впечатление, будто каждый из них рассказывает нам какую-то сказку, словно детям. Один утверждает, что сущих — три, что какие-то из них, случается, друг с другом как-то воюют, а иногда, сдружившись, выставляют нам на обозрение свои бракосочетания, свои роды и кормление своих отпрысков. Другой, заявив, что их — два, влажное с сухим или горячее с холодным, поселяет их вместе и друг за друга выдает. Наше же элейское племя, начиная с Ксенофана, а то и раньше, вещает в своих сказках, будто так называемое «всё» — это единое сущее. Позднее некие ионийские и сицилийские Музы сообразили, что всего вернее объединить то и другое и утверждать, что сущее — и множественно, и едино, и держится благодаря вражде и дружбе. Ибо «*расходящаяся всегда сходится*», говорят более твердые Музы; а более рыхлые ослабили утверждение, будто так обстоит «всегда», и говорят, что все попеременно то — едино и дружно силою Афродиты, то — множественно и самому себе враждебно из-за какого-то Раздора.

Euseb. *Praep. euang.* XIV, 4, 8 (VIII/2, p. 265 Mras) || C 4 — E 2 ξυνέχεται] Theod. *Gr. aff. cur.* II, 17 (Canivet) || D 6 ἰάδες — 243 A 2] Simpl. *in Arist. Phys.* p. 50,15 (Diels) [et. cf. ib. p. 50,7 ss. (→Simpl.)] || Μοῦσαι] cf. → Diog. L. 12 (IX, 6), Clem. (Str. V, 59, 4), Simpl. *l. c.* ἰάδας καὶ συντονώτερας τὰς Ἡρακλείτου καλεῖ μοῦσας.

C 6 — 243 A 2] DK 31 (Empedocles) A 29 || D 6 ἰάδες — 243 A 2] Colli A¹ 123, Mch 27 (c), Mfo A 10 (in extenso), DK A 10 (abbreviatum) || D 6 ἰ. — 243 A 1 πολλά Schl. p. 469 s. || D 6 ἰ. — E 2] Byw ad 45 || E 2 s. citatio] Mull 30, Schl 27, cf. DK B 51 (et ← T 123, app. II)

[BTWY(et. al.) {Euseb. BION(D), Theodor., Simplific. DEF}] || C 5 ὅστις] ὅστις ἡμῖν Eus. BI || ἐπι — C 8 ἕκαστος in mg habet Y || C 6 πόσα τε] πότε Eus. ON || C 7 om. Eus. || D 1 ἅτα πη] ἀγάπη B || και om. TY || φίλα om. Eus. I || D 2 ἐγγόνων Eus. || D 3 και] τε και W || ψυχρόν και θερμόν W || D 4 ἡμῖν corr. Paris. 1808, Eus. BIN, Theod. : ἡμῶν BTWY, Eus. O, ret. Diels FVS, DK («von uns ausgehend») || ἔθνος] ἔ. ἅπαν Eus. || D 6 τοὺς μύθους Theod. || D 7 δέ] δέ τινες Eus. || Σικελία] B, Simpl. : σικελικαὶ TYW Eus. Theod. Simplifici ed. Aldina || ξυννεοήχασιν B || D 7 s. συμπλέκειν] ἐμπλ- W || E 1 ἀσφαλέστερον Eus. || ἀμφοτέρως Simpl. E || E 2 ἔστι και ἔχθρα Simpl. Ald. || δέ] τε] Simpl. DE : om. Ald. || συνέχεται Simpl. E || E 3 ἀει] δὴ Simpl. || φησιν Eus. ON || E 4 ταῦτ' Eus. ON : om. Simpl. ἔχειν οὕτως Eus. BON || E 5 τοτέ] ποτέ Eus. B || ἐν] ὄν B || E 5 s. ὄπ' Ἀφ. om. Eus. B || 243 A 1 τοτέ] ποτέ Eus. B || δέ] δέ και TY || πολέμιον] -μία Eus. I || αὐτὸ αὐτῶι] αὐτῶι αὐτό B : αὐτὸ αὐτῶι Eus. B, Simpl. F Ald. : αὐτὸ αὐτῶι Eus. 10*N, Simpl. DE

De pulchritudine simiae

Об обезьяньей красе

10

T 125

Hipp. mai. 288 E 4 — 289 B 7 (Burnet; Croiset-Bodin)

ΣΩ. οὐκοῦν και χύτρα, φήσει, καλὴ καλόν; ἀπο-
5 κρίνου.

ΙΠ. ἀλλ' οὕτως, ὦ Σώκρατες, ἔχει, οἷμαι· καλόν μὲν και
τοῦτο τὸ σκευδός ἐστιν καλῶς εἰργασμένον, ἀλλὰ τὸ δλον τοῦτο
οὐκ ἔστιν ἄξιον κρίνειν ὡς ὄν καλόν πρὸς ἔππον τε και
παρθένον και τᾶλλα πάντα τὰ καλὰ.

289 ΣΩ. εἶεν· μανθάνω, ὦ Ἰππία, ὡς ἔρα χρή ἡμᾶς ἀντιλέγειν
πρὸς τὸν ταῦτα ἐρωτῶντα τάδε· ὦ ἄνθρωπε, ἀγνοεῖς ὅτι τὸ
τοῦ Ἡρακλείτου εὔ ἔχει, ὡς ἔρα πιδήκων ὁ κάλλιστος αἰ-

συχρός ἀνθρώπων γένει συμβάλλειν", καὶ χυτρῶν ἡ καλλίστη
 5 αἰσχροῦ παρθένων γένει συμβάλλειν", ὡς φησιν Ἴππίας ὁ
 σοφός. οὐχ οὕτως, ὡ Ἴππία;

Π. πάνυ μὲν οὖν, ὡ Σώκρατες, ὀρθῶς ἀπεκρίνω.

ΣΩ. ἄκουε δὴ· μετὰ τοῦτο γὰρ εὖ οἶδ' ὅτι φήσει· τί
 δέ, ὡ Σώκρατες; τὸ τῶν παρθένων γένος θεῶν γένει ἂν τις
 Β συμβάλλῃ, οὐ ταῦτόν κείσεται ὅπερ τὸ τῶν χυτρῶν τῷ τῶν
 παρθένων συμβαλλόμενον; οὐχ ἡ καλλίστη παρθένος αἰσχροῦ
 φανεῖται; ἢ οὐ καὶ Ἡράκλειτος ταῦτόν τοῦτο λέγει, ὅν σὺ
 ἐπάγει, ὅτι "ἀνθρώπων ὁ σοφώτατος πρὸς θεὸν πίθηκος
 5 φανεῖται" καὶ σοφίαι καὶ κάλλει καὶ τοῖς ἄλλοις πᾶσιν;
 ὁμολογήσωμεν, ὡ Ἴππία, τὴν καλλίστην παρθένον πρὸς
 θεῶν γένος αἰσχροῦ εἶναι;

СОКРАТ. «А разве красивый горшок, это не красиво?» — скажет он (воображаемый оппонент Сократа). — «Отвечай!» — ГИППИЙ. Вот, по моему, как тут обстоит, Сократ. Конечно, этот прицендал красив, если его красиво сработали, но в целом все-таки нельзя судить о нем как о чем-то красивом рядом с кобылой, девушкой и всеми прочими красивыми предметами. — СО. Допустим. Насколько я понимаю, Гиппий, возражать тому, кто задает подобные вопросы, нам следует так: «Друг мой, ты не знаешь удачного изречения Гераклита о том, что *прекраснейшая из обезьян уродлива в сравнении с родом человеческим*». И прекрасный горшок уродлив в сравнении с родом девичьим, как утверждает мудрый Гиппий». Не так ли ты ответишь, Гиппий? — ГИП. Так точно, Сократ, и правильно отвечу. — СО. Так слушай. Но я отлично знаю, что на это скажет он: «Как же так, Сократ? Если сравнить род девичий с родом богов, не случится ли то же самое, что и при сравнении рода горшков с родом девичьим? Не покажется ли уродливой прекраснейшая девушка? Разве Гераклит, на которого ты ссылаешься, не говорит того же самого, а именно, что *мудрейшая из людей обезьяной рядом с богом покажется*» — и по мудрости, и по красоте, и по всему остальному?» Так согласимся ли мы, Гиппий, что прекраснейшая девушка уродлива рядом с родом богов?

289 A 3 s.] cf. Plot. VI, 3 [44], 11, 24 s. (Henry & Schwyzer) [→ Plot.], Arist. Top. Γ 2, 117^b18 [→ R(Arist.)]]

289 A 2 ὦ — 6 σοφός] Mch 92 (b), W² ad B 82, Byw 99 || A 2 ἀγνοεῖς/ὅτι/τὸ — 5 συμβάλλειν] Colli B 1, Kahn 56, Mull 42, Lass I p. 139, Schl 38 (p. 422) || A 3 s. citatio] DK B 82, Diano 72, Man¹⁻² 60, Qui I 38, Schu 15 || A 8 — B 7] Wzr ad B 83 || A 10 τὸ — B 7] Mch 92 (b) || B 3 ἢ — φανεῖται] Mull 43, Schl 38 (p. 422) || B 3 ἢ — 5 πᾶσιν Kahn 56, Byw 98, Lass I p. 139, || B 4 s. citatio] DK B 83, Colli B 2, Diano 72, Man¹⁻² 59, Qui I 39, Schu 15

[TWF(Ang.)] 288 E 4 φήσει TWF² : φής εἰ F || E 7 τὸι om. TW || E 8 ὃν TWF² : ἂν F || 289 A 1 μανθάνω TWF² : -νων F : om. Ang. || ἡμᾶς deest ap. Burnet || A 3 s. αἰσχροῦ TWF² : ἐχθροῦ F || ἀνθρώπων ci. Bekker (confl. Arist. I. c.), acc. edd. : ἄλλωι (ci. e. ἄνων] Diels FVS)]codd., ret. Byw., Zeller⁵⁻⁶, Zilles ('ZEF', RHM 62 [1907] 59), Heidel (Class. Philol. 5 [1910] 246), H. Gomperz, Bollack—Wismann, H. G. Schwyzer : ἐτέρωι Plotin. I. c. : ἀνθρωπίωι Sydenham, -πίνωι Heinsdorf (sic teste Bekker et edd. uett.; nice uersa teste Byw., Burnet et edd. rec.), acc. Burges (?), Schleierm., Lassalle (-πίνωι), Bekker, Bernays, Hermann, Zeller³⁻⁴, Schuster (-πειωι) : ἀνδρῶν Th. Gomperz (ZöG [1866] 698 = Hellenika [Lips., 1912] II p. 231) et A. Goldbacher ('FH', ZöG [1876] 496) : ἀλωπέων (uel ἀλώπεκι, omisso γένει) Hüsckhe || A 5 αἰσχροῦ] vai. ἐχθροῦ F (αἰσχροῦ corr. F²) : vai αἰσχροῦ Ang. || A 7 ἀπεκρίνω TWF² : -νου F || B 1 συμβάλλῃ TWF² : -βάλλαι F : -βάλλῃ ἢ Ang. || τῷ] τὸ T || B 3 ταῦτόν hab. Bekker, Croiset, ταῦτό TW : αὐτό F, Burnet || B 5 σοφίη erratim Marcovich || B 6 ὁμολογήσωμεν W : -σομεν TF || ὦ codd. rec. (Coisl.), Croiset : om. TWF, Burnet

(a) *Rei publ.* VI, 497 E 5 — 498 B 1 (Burnet; Chambry)
Socrates loquitur

5 σκόπει δὲ καὶ νῦν ὡς προθύμως καὶ παρακινδυνευτικῶς μέλλω
λέγειν, ὅτι τούναντίον ἢ νῦν δεῖ τοῦ ἐπιτηδεύματος τούτου
πόλιν ἄπτεσθαι.

Πῶς; (rogavit Adimantus)

Νῦν μὲν, ἦν δ' ἐγώ, οἱ καὶ ἀπτόμενοι μειράκια ὄντα ἄρτι
498 ἐκ παιδῶν τὸ μεταξὺ οἰκονομίας καὶ χρηματισμοῦ πλησιά-
σαντες αὐτοῦ τῷ χαλεπωτάτῳ ἀπαλλάττονται, οἱ φιλοσοφώ-
τατοι ποιοῦμενοι (λέγω δὲ χαλεπώτατον τὸ περὶ τοὺς λόγους),
ἐν δὲ τῷ ἔπειτα, εἰ καὶ ἄλλων τοῦτο πραττόντων παρα-
5 καλούμενοι ἐθέλωσιν ἀχροαταὶ γίγνεσθαι, μεγάλα ἡγούνται,
πᾶρεργον οἰόμενοι αὐτὸ δεῖν πράττειν· πρὸς δὲ τὸ γῆρας
ἐκτὸς δὴ τινῶν ὀλίγων ἀποσβέννυνται πολὺ μᾶλλον τοῦ
B Ἡρακλειτείου ἡλίου, ὅσον αὐθις οὐκ ἐξάπτονται.

[Сократ:] — Гляди, как настойчиво и бесстрашно я сейчас заявлю, что в противоположность нынешнему своему состоянию город должен *заняться* ее (философии) изучением. — Как это? [— спросил Адимант.] — Ныне, — ответил я, — те, кто ею *занимается* — т. е. подростки, едва вышедшие из детства, между домоводством и торговлей, — бросают ее, как только дойдут до труднейшего, хотя и строят из себя великих философов («труднейшим» я называю то, что относится к умозаклучениям). А впоследствии, если по совету других, делающих то же самое, они пожелают стать учениками, то страшно этим гордятся, хотя и считают, что делать это надо между делом. А к старости, за редкими исключениями, *они гаснут куда скорее, чем Гераклитово солнце, так как снова не занимаются (загораются)*.

497 E 6 τοῦτου] sc. τῆς φιλοσοφίας (497 D 8 — E 4)

497 E 6 τούναντίον — 7 ἄπτ., 9 νῦν — ὄντα] Mch 58 (c) || 498 A 6 πρὸς — B 1] Mch 58 (c), Wzr ad B 6, Mull ad 33, Schl p. 392; cf. DK B 6, B 30

[ADFM(W Mon)] 497 E 6 δεῖ A² (teste Burnet : εἰ in ras. A teste Chambry) DFM : δὴ A (teste Burn.) || 498 A 7 ἀποσβέννυνται] -υται F || μᾶλλον πολὺ F || B 1 ἥρακλει-
τείου] -του F

T 127

(a¹) *Schol. in Plat. Rem publ.* (VI, 498 B) p. 409 Bekker (p. 240 *Greene)
[→ Sch. Pl.]

Ἡράκλειτος δ' Ἐφέσιος, φυσικὸς ὢν, ἔλεγεν ὅτι ὁ ἥλιος ἐν
τῇι οὐτικῇι θαλάσσηι ἐλθὼν καὶ καταδύς ἐν αὐτῇι σβέννυται,
3 εἶτα διελθὼν τὸ ὑπὸ γῆν καὶ εἰς ἀνατολὴν φθάσας ἐξάπτε<τα>ι
πάλιν, καὶ τοῦτο αἰεὶ γίγνεται.

Гераклит Эфесский, который был философом природы, сказал, что Солнце, дойдя до западного моря и погрузившись в него, погасает, а затем, пройдя через подземное пространство и достигнув востока, снова загорается, и что это происходит вечно.

Mch 58 (b³), Kirk p. 267, Wzr ad B 6

[sine apparatus ap. Bekker] 3 ἐξάπτεται hab. Bekker, Walzer, Marcovich : ἐξάπτει Kirk

Vide etiam → Traditio (B) s. Plat. [respectus et imitationes]

14. ANTIPHANES—АНТИФАН

(408/5—334/1

Fragmentum — Фрагмент

(Antiphan.) 1)

T 128

Fr. 113 (Kock, II) ap. Athen. IV, 134 B (I, p. 304,23 Kaibel) [→ T 131]

μήποτε δὲ καὶ Ἀντιφάνης ἐν Κερσί κατὰ τὸ Ἀττικὸν ἔθος [τῆς
ὀρχήσεως] κωμωιδεῖ τινα τῶν σοφῶν ὡς παρὰ δεῖπνον ὀρχούμενον
3 λέγων οὕτως·

6 οὐχ ὄραίς ὀρχούμενον
ταῖς χερσὶ τὸν βᾶκλον; οὐδ' αἰσχύνεται
ὁ τὸν Ἡράκλειτον πᾶσιν ἐξηγούμενος,
ὁ τὴν Θεοδέκτου μόνος ἀνευρηκῶς τέχνην,
ὁ τὰ κεφάλαια συγγράφων Εὐριπίδῃ;

Разве Антифан в комедии «Кариийцы» не высмеивает тоже — согласно аттическому обычаю — какого-то мудреца за то, что тот плясал во время пира? Он говорит о нем так:

Ужель не видишь ты скопца,
Того, что машет ручкой? Не стыдно как ему,
Хотя он и Гераклита всем-всем истолковал,
Хотя он и Теодекта искусство сам открыл
И к пьесам Эврипида конспекты написал?

2 τινα τῶν σοφῶν] i. e. Heraclidem Ponticum intellex. Meineke et alii plures (vide Wehrli VII, 61 et cf. → T 129, T 130)

Heraclid. Pont. fr. 10 (Wehrli, VII)

[A(BP)] 2 s. τῆς ὀρχήσεως del. Kaibel || 7 Εὐριπίδῃ] Εὐριπίδου inutile ci. Wehrli

15. HERACLIDES PONTICVS—ΓΕΡΑΚΛΙΔ ΠΟΝΤΙΥΣΚΙΥ
(~ 390—~ 310)

Testimonia — Свидетельства

(Heraclid.) 1

T 129

(a) Diog. Laert. V, 86-88 (I, pp. 242, 12; 243, 17; 27 Long) = Heraclid. fr. 39 (Wehrli, VII) [← M 43^b; → Diog. L. 6]

φέρεται δ' αὐτοῦ (sc. 'Ηρακλείδου τοῦ Ποντικῶ) συγγράμμα-
τα κάλλιστά τε καὶ ἄριστα· διάλογοι, ὧν ἠθικὰ μὲν... (87)
3 ...καὶ μουσικὰ δέ... (88) ...'Ηρακλείτου ἐξηγήσεις δ'...

Следующие его (Гераклида Понтийского) прекрасные и замечательные сочинения находятся в обращении, в том числе этические:... (87)... и мусические: ...(88) ... «Толкование Гераклита» в 4-х книгах...

[BPF]

T 130

(b) Diog. Laert. IX, 15 (II, p. 444, 1 Long) — Heraclid. fr. 39 (Wehrli, VII) [← M 43^a; → Diog. L. 12]

πλεῖστοί τε εἰσιν ὅσοι ἐξηγῆνται αὐτοῦ (sc. 'Ηρακλείτου) τὸ
σύγγραμμα· ...καὶ 'Ηρακλείδης ὁ Ποντικὸς...

Толкованием его (Гераклита) сочинения занимались многие: ... и Гераклид Понтийский...

DK A 1 (15); Byw, p. 60,1

[BPF]

T 131

(c) Antiphanes fr. 113 (Kock, II) — Vide ← T 128.

*

Appendix

a. Loci ubi nomen Heracliti lapsu pro
Heraclidis scriptum esse uidetur

- (1) Diog. Laert. I, 76 [→ Diog. L. 2]?
 - (2) Diog. Laert. VIII, 60 = fr. 77 (Wehrli, VII) [→ Diog. L. 11A]
 - (3) Doxogr. II, 4, 3 [→ Dox.]
 - (4) Doxogr. II, 13, 15 = fr. 113b (Wehrli, VII) [→ Dox.]
 - (5) Doxogr. II, 25, 13 = fr. 114a-c (Wehrli, VII) [→ Dox.]
 - (6) Doxogr. III, 17, 1 = fr. 117 (Wehrli, VII) [→ Dox.]
 - (7) Doxogr. IV, 3, 6 = fr. 98a, 98d (Wehrli, VII) [→ Dox.]
 - (8) Macrob. in Cic. Somn. Scip. I, 2, 20 [→ Macr.]
 - (9) Macrob. in Cic. Somn. Scip. I, 14, 19 = fr. 98b (Wehrli, VII) [→ Dox., Macr.]
 - (10) Orion. Etymol. s. u. κάμηλος = Etym. Gud. p. 295, 44 (Sturz) [→ Etym.]
 - (11) Plut. Adu. Colot. 1115 A = fr. 68 (Wehrli, VII) [→ Plut.]
 - (12) Plut. De Is. et Os. 361 E = fr. 139 (Wehrli, VII) [→ Plut.]
 - (13) Schol. in Rhos. 346 = fr. 159 (Wehrli, VII) [→ Sch. Rh.]
- Vide: Wehrli VII, p. 89; Marcovich E 409—411 (et. cf. HEM 602 s.)

b. Loci ubi nomen Heraclidis erratim pro
Heracliti restitutum fuisse uidetur

- (1) Arist. *fr.* 71 Rose³ (= *fr.* 86 [Wehrli, VIII]) [→ T 132]
Cf. Marcovich *HEM* 604 = *E* 412
(2) Theophr. *De sens.* 1 (Ἡρακλεσιδῆν Longrigg) [→ Theophr.]

c. Loci ubi nomen Heracliti ex Heraclidis restituendum est

- (1) Apul. *De Plat.* I, 2, 185 [← T 89] codd. AFLN
(2) Fr. Petrarch. *Rerum memorandum* I, 25, 4 [← T 96, → Petra:ch.]
Vide Marcovich *E* 412

(Продолжение следует)

INDEX AUCTORUM

capitulum 1—15

- Aeschynus Socraticus — T 46.
Alcimus — T 5, T 6.
Alexander Aphrodisiensis — T 24, T 40, T 75, T 78, T 91, T 94.
Alexander Polyhistor — T 88.
Ammonius — T 56, T 82.
Anonymi in *Platonis Theaetetus commentarium* — T, 1, T 2, T 109.
Anonymi *Prolegomena in Platonis philosophiam* — T 44, T 98.
Antiphanes — T 128, (cap. 14) T 131.
Antisthenes Heracliteus — T 29—32 (cap. 6).
Antisthenes Rhodius — T 32.
Antisthenes Socraticus — T 31.
Apuleius — T 89, T 102.
Aristo Ceius — T 9—11, T 16.
Aristoteles — T 20, T 22, T 23, T 39, T 46, T 74, T 77, T 89, T 93.
[Aristoteles] — T 27, T 28.
Asclepius — T 40, T 41, T 75, T 76, T 79, T 92.
Athenaeus — T 128.
Chrysippus — T 3.
Cratylus — T 37—86 (cap. 11)
Croto — T 12.
Dauid — T 15, T 83.
Diogenes Laertius — T 5—7, T 10—12, T 16, T 29, T 30, T 32—36, T 43, T 88, T 96,
T 101, T 129, T 130.
Dionysius — T 35 (cap. 9).
Elias — T 14.
Epicharmus — T 1—6 (cap. 1).
Euripides — T 8, T 9 (cap. 3).
Eusebius — T 1, T 17, T 31, T 51, T 109, T 124.
Georgius Pachymeres — T 85.
Gregorius Corynthius — T 51.
Heraclides Ponticus — T 128, T 129—131 (cap. 15).
Heraclitei anonymi — T 16—28 (cap. 5).
[Hesychius Milesius] — T 101.
Hieronymus Rhodius — T 36.
Ioannes Philoponus — T 84.
Melissus — T 7 (cap. 2).
Nicomedes — T 34 (cap. 8).
Olympiodorus — T 45, T 99.
Papyrus Orphicus ex Derveni — T 87 (cap. 12).
Pausanias Heraclitista — T 33 (cap. 7).
Petrarcha — T 96.

Plato — T 1, T 17, T 37, T 38, T 48—53, T 57—73, T 88—127 (cap. 13).
 Plutarchus — T 3, T 4.
 Proclus — T 19, T 26, T 42, T 47, T 54, T 55, T 100, T 104.
Scholia in Georg. Pachymer. — T 86.
Scholia in Platonem — T 18, T 127.
 Scythinus — T 36 (cap. 10).
 Seleucus — T 12.
 Simplicius — T 124.
 Socrates — T 10—15 (cap. 4).
 Stobaeus — T 1, T 109.
Suda — T 9, T 10, T 12, T 13, T 43.
 Syrianus — T 21, T 25, T 80, T 81, T 95.
 Tatianus — T 8.
 Theodoretus — T 17, T 31, T 124.

ADDEND ET CORRIGENDA

AD CAP. 1 — 12 (T 1 — T 87)

VDI 1984 N° 4 171 = cap. 1—10 (T 1 — T 36)

- 31 (T 1, tit.) *pro* Plat. 6^a *lege* T 109 — (D 8) *lege* εἶναι — (E 4) *lege* οὐδέν δεῖ
 32 (T 1, app. 2) *post* Mfo A 6 *adde* (cf. C 8^b) — (T 2, app. 2) *adde* 14—15
 ἐκμεμάθηκεν Sedley (fort. recte) — (ad l. 22—23) *pro* Λ... *lege* Λ..
 33 (T 4, app. 1, l. 7) *ante* Edelstein *insere* p. 102, 13 — (T 5, app. 1) *pro* Plat. 5—7
lege T 103 — T 122
 34 (T 6, l. 12) *lege* καθύς — (post uers. ross.) *adde* app. 1 Cf. Arist. *Metaph.*
 1063^a22—24, 35—37 — (app. 3, ad l. 5) *lege* στερον B /O/ *cum stigmatē pro sigma*
 35 (T 7, app. 1) *ante* Luria *insere* LXXVII, LXXIX, LXV (DK 68 A 14, A 10,
 A 2, —) — (app. 2) *adde* ; Democr. nr. LXXXVIII Luria — (T 9, app. 2 (a)) *adde* Byw p.
 58,27
 36 (T 10, l. 2) *lege* συνῆκα sine ä — (T 11, l. 1) *lege* τὰ — (app. 1) *adde* ; Byw p.
 58,27 — (T 12, tit.) *lege* p. 442,12 *et* M 41^d — (app. 2) *adde* ; Byw p. 58,28
 37 (T 13, l. 3) *lege* κολουβητής — (T 17) *post* M 40^b *adde* → T 104
 38 (T 17, 179 E 4) *lege* ὄσοι — (180 A 8) *lege* εἶναι — (B 6) *lege* οἶμα
 39 (T 17, app. 3, ad E 6) *post* καὶ *adde* Y — (ad 180 A 1) *lege* μελ.ει una — (ad
 B 1) *lege* ἐν τῷ λόγῳ W — (ad C 3 s., ult. lin.) *lege* Eus. IO ἔπερ α (sic duobus punc-
 tis subscriptum) — (T 19, uers. ross.) *pro* Crat. 7^a *lege* T 51 — (post T 19) *lege* Cf.
 etiam → T 102 (Apuleius) *ab Heracliteis* (ex conl.), T 108 (440 C 2) οἱ περὶ Ἡράκλειτον —
 (T 20, tit.) *post* T 77 *adde* T 150
 40 (T 22, tit. et app.) *pro* Plat. 2^a *lege* T 90 — (T 22 et T 23, app.) *lege* uide ad —
 (T 23, tit. et app.) *pro* Plat. 2^b *lege* T 93 — (T 24, tit.) *lege* [→ T 94, Alex.] — (T 25,
 tit.) *lege* [→ T 95, Syr.] — (T 26, tit.) *adde* [→ T 47, Procl.] — (T 27, tit.) *adde*
 [→ Ps.-Arist.]
 41 (T 27, l. 34) *lege* ξηρανομένου — (app. 1, l. 2 et 4) *lege* Vitruu. VIII, 2, 3—5
et [→ Arist.] — (T 28, l. 34) *lege* ποιεῖ
 42 (T 30, app. 1) *adde* ; Byw p. 60,1 — (T 31, app. 2) *lege* 2 s. Antisth. Socrat. *fr.*
 108 E [et cf. *frr.* 108 A — F] (Decleva, Caizzi), *fr.* 31 Paquet, *fr.* 65 Mullach
 43 (T 32, app. 2) *adde* ; Byw p. 57,9

VDI 1985 N° 2 (173) = cap. 11 (T 37 — T 64)

- 17 (T 45, tit.) *post* Hermann) *adde* = *in Alc.* 2, 86—89 (*Westerink) — (l. 6) *lege*
 ἔσχε
 20 (T 49, B 7) *lege* ποιησαίμην — (T 51, B 6) *lege* δέ — (B 7) *lege* ὄνομα
 21 (T 51, app. 2) *lege* ἅπασιν — (T 53, l. 6) *lege* μῆ
 22 (T 55, l. 4) *lege* τὰ

- 24 (T 57, 430 A 1) *lege* ἀληθῆ — (A 3) *lege* γάρ
 26 (T 59, D 2) *lege* δὲ — (E 10) *lege* ἄλφα
 28 (T 64, app. 1) *lege* ψοφεῖν]

VDI 1985 № 3 (174) = cap. 11 (T 65 — T 76)

33 (T 71, app. 1) *pro* Caizzi *lege* Declava Caizzi

VDI 1985 № 4 (175) = cap. 11 (T 77 — T 86) et 12 (T 87)

35 (T 77, app. 1) *post* 11 *insere* Theaet 157 B 3 [→ T 112]

37 (T 78, app.) *lege* -λέγουσιν

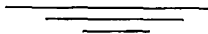
39 (T 82, app.) *lege* T 84

41 (T 87, app. 2, ad l. 9) *lege* .I.

TRADITIO HERACLITEA (A)
 CORPVS FONTIVM VETERVM DE HERACLITO

Serge N. Mouraviev

The present fifth fraction of *Traditio Heraclitea* (A) consists of three chapters: Plato (ch. 13), Antiphanes (ch. 14), Heracleides Ponticus (ch. 15), to which is appended an *Index auctorum* of all the 15 chapters published so far. (See ch. 1—10 = texts T 1—36 and ch. 11—12 = texts T 37—87 in *VDI* 1984, 4 and 1985, 2—4.) The next chapter will be devoted to Aristotle's evidence about Heraclitus.

В. Н. Андреев

ПРОБЛЕМА НЕСТАБИЛЬНОСТИ КРУПНЫХ АФИНСКИХ СОСТОЯНИЙ V — IV вв. до н. э.*

«Богатство ненадежно и легко может быть утрачено» — эта идея постоянно повторяется в греческой литературе¹. Большею частью в такого рода сентенциях присутствует мысль об игре случая, капризах судьбы. Как кажется, самая идея превратностей судьбы в значительно меньшей степени свойственна современному обществу, взятому в целом. Если она стала органической частью мировоззрения древних греков, то это, вероятно, отражало реальные условия их существования.

Эта игра случая, приводящая человека к разорению и гибели, конкретизируется в одном из отрывков комедиографа Антифана (fr. 204 K). «Сильно ошибается тот смертный, — говорит здесь неизвестный персонаж, — кто считает надежным владение каким-либо имуществом» (ἀσφαλές τι κτήμα' ὑπάρχειν τῷ βίῳ λογίζεσθαι). Его может «огрбить» военный налог (эйсфора), разоряет судебный процесс, он остается должником после отправления стратегии, ходит в лохмотьях, блестяще выполнив хорегию, вешается по окончании триерархии, попадает в плен во время морского плавания... Словом, прочно только то, что с удовольствием потребляешь изо дня в день, то, что съедено и выпито.

V речь Исея содержит любопытный пассаж (§ 43—45): куда Диоген истратил состояние, так что теперь жалуется на бедность? Он не издержал деньги на город или на друзей, не разорился от содержания лошадей² или упряжек мулов, не выкупил никого из плена, не израсходовал значительных средств на литургии — общественные повинности — или на посвящения богам, не выполнял триерархию и не вносил крупных сумм в качестве военного налога. Очевидно, с точки зрения оратора, такого рода расходы послужили бы оправданием Диогену. Но он растратил состояние «дурно и постыдно» (κακῶς καὶ αἰσχρῶς διολύλεσθαι): здесь, по-видимому, содержится намек на «расточительство». Этот последний способ разорения раскрывается в еще одном отрывке Антифана: ни один старик не проел отцовского имущества, не растратил его по безрассудству, не выкупил продажную женщину, не уплатил штраф за вторжение в чужой дом (fr. 239 K).

В этих трех местах как будто специально собраны почти все возможности потери имущества, известные нам из других источников. Такими они представлялись античным авторам, и нет оснований полагать, что афинские писатели не умели или не хотели нарисовать достаточно полную и

* Статья, представляющая собой часть большой работы В. Н. Андреева, публикуется посмертно.

¹ См., например, *Dem.*, I, 23, ср. 11; *Alexid.*, fr. 281 K; *Philem.*, fr. 213 K; *Hipparch.*, fr. 2 K; *Men.*, fr. 94 K (Georg., fr. 1 Körte); *Com. flor.* 75—76, fr. 62, 740 Körte; ср. характерное рассуждение в P. Didot, 19—32; ср. *Suid.*, E 3576, II 1797.

² Ср., кстати, *Aristoph.*, *Nub.*, особенно 33—35, 437—438; *Xen.*, *Oecon.* III, 8.

объективную картину того общества, к которому они сами принадлежали. То обстоятельство, что в поле их зрения находились, разумеется, главным образом состоятельные и богатые слои гражданства, только облегчает нашу задачу.

Достаточно представить себе, как об этом же предмете применительно к своему обществу рассуждал бы наш современник, чтобы заметить некое лежащее на поверхности принципиальное различие. Конечно, Антифан мог добавить к своему перечню, например, кораблекрушение или неуплату долгов. Но остается несомненным, что «ненадежность» богатства в его глазах была обусловлена причинами, весьма мало связанными с экономикой.

Очевидно, и в этом случае для более основательных выводов необходимо рассмотреть возможно большее число конкретных примеров потери состояния, причем я буду здесь широко использовать материал, собранный в фундаментальной работе Дэвиса³.

Дэвис в своем «Регистре» отмечает полное разорение или крупные финансовые потери приблизительно четырех десятков богатых афинян. Заметим сразу же, что это довольно высокая пропорция, сама по себе в какой-то мере подтверждающая мнение о непрочности богатства, характерное для афинской литературы. Ведь о подавляющем большинстве из приблизительно 800 персонажей, вошедших в «Регистр», у нас нет достаточно подробных сведений.

Итак, известный только по одному фрагменту Исея Гагнотей растратил крупное состояние, унаследованное от отца⁴. Собственность Аксиоха из Скамбонидов и Алкивиада из Фегунта была конфискована по процессу гермокопидов⁵.

Более сложной представляется «имущественная биография» знаменитого Алкивиада, сына Клиния, — отчасти, может быть, просто потому, что мы гораздо больше знаем о нем. Дэвис приводит обширный материал о его громадных тратах на исполнение общественных повинностей, содержание лошадей, личное потребление и т. д. Он предполагает, что все это должно было серьезно затронуть основные ресурсы Алкивиада. В 415 г. его собственность была конфискована по процессу гермокопидов, в 407 г. возвращена или возмещена, а затем снова потеряна: во всяком случае, не досталась его сыну⁶. К этому следует добавить, что Алкивиад уже за пределами Афин потерял значительную часть имущества, приобретенного во Фракии⁷, а то, что оставалось, утратил, очевидно, вместе с жизнью. Таким образом, Алкивиад терял состояние дважды или трижды.

Оратор Андокид, имевший знатных и богатых предков, впал в бедность в конце Пелопоннесской войны (может быть, в результате конфискации) и был вынужден заняться торговлей, опираясь на свои «международные» связи⁸. Очень вероятно, семейное имущество уже было уменьшено его расточительным отцом⁹. Во всяком случае, Эвполид прямо обвиняет последнего в том, что тот растратил состояние на гетеру Миррину (fr. 44К). Возможно, второй раз Андокид потерял свое состояние в связи с окончательным изгнанием из Афин.

Иимущественная биография Андротиона выглядит в освещении Дэвиса непрерывно благополучной: это был богатый человек, вероятно землевладелец. Поскольку он и его отец обучались у софистов, богатство семьи восходило к V в.¹⁰ Но для нас-то существенны как раз другие моменты.

³ Davies J. K. Athenian Propertied Families 600—300 B. C. Oxf., 1971. Рец.: Андреев В. Н. — ВДИ, 1973, № 1, с. 208—216.

⁴ Ibid., p. 4.

⁵ Ibid., p. 16 f.

⁶ Ibid., p. 20 f.

⁷ Plut., Alcib. XXXVII, 6—7; Nep., Alcib. 9.

⁸ Davies. Op. cit., p. 31.

⁹ Ibid., p. 30.

¹⁰ Ibid., p. 33 f.

Андрон, отец Андروتриона, был государственным должником и долго сидел в тюрьме ¹¹. Самого Андروتриона Демосфен обвиняет в «воровстве» ¹². Он был осужден, также стал государственным должником, сумма штрафа была умножена ¹³. В дальнейшем Андروتрион оказался изгнанником в Мегарах ¹⁴. Здесь очень мало остается от богатого преуспевающего землевладельца, не правда ли? Но ведь именно эти события составляли, может быть, наиболее реальную сторону жизни Андروتриона из Гаргета...

Один из вождей демократии Анит потерял много денег в период правления «Тридцати», а впоследствии был изгнан из Афин ¹⁵. Правда, к концу IV в. его тезка и, по всей вероятности, если не прямой потомок, то близкий родственник снова появляется как богатый человек в списках триерархов (*ibid.*). Но даже Дэвис, вообще склонный переоценивать устойчивость богатства, осторожно говорит о «возвращении» семейного благосостояния, не усматривая здесь, по-видимому, прямой преемственности. Судя по той характеристике, которую Ксенофонт дает сыну Анита (*Apol.* 31), этот субъект вряд ли был способен сохранить отцовское имущество.

Архедем из Ойона, явно состоятельный человек (*Isae.*, VII, 7—9), в конце Пелопоннесской войны попал в плен и, как кажется, потерял большую часть своего имущества, хотя рассказ Исея об этих событиях не отличается точностью ¹⁶.

Аристолах, сын Харидема, трапедзит, потерпел банкротство около середины IV в. и лишился, по всей вероятности, почти всего состояния ¹⁷. Остается неясным, может ли этот Аристолах быть идентифицирован с Аристолахом из Эрхин, семь раз исполнявшим триерархию и, очевидно, очень богатым человеком. Для Дэвиса решающим оказывается то обстоятельство, что деятельность «банкира» могла послужить источником богатства и создать, таким образом, экономические предпосылки для исполнения триерархии. В результате он (правда, с некоторыми оговорками) поддается соблазну отождествить «банкира» с триерархом. Судьба «банкира» Аристолаха может, очевидно, рассматриваться в совершенно противоположном ключе — как свидетельство того риска, которому подвергались профессиональные «финансисты». Однако принятая Дэвисом идентификация все же вполне возможна. Если с ней согласиться, перед нами появляется несколько странная, но, я думаю, в афинских условиях ничуть не невероятная фигура — «банкир», накопивший крупное состояние и тратящий его на ревностное служение городу! Комбинируя все, что известно об Аристолахе, мы можем предположить, что бремя общественных повинностей оказалось для него непосильным. Кроме того, он не вовремя приобрел земельный участок и потерпел в конце концов финансовое крушение, не в силах расплатиться со своими кредиторами ¹⁸.

Макартат из Проспальты (человек, впрочем, не более чем состоятельный), оставив мирную жизнь, продал свою землю, купил триеру, отправился на Крит (взяв с собой «имущество», т. е. прежде всего, по-видимому, наличные деньги) и погиб вместе с триерой ¹⁹. Дэвис резонно сомневается в том, что Макартат не оставил никакого наследства, но понесенный им ущерб — даже чисто материальный — был, несомненно, велик.

Деметрий Фалерский, возвысившийся из полного ничтожества до положения правителя Афин и в качестве такового распоряжавшийся государственными доходами (к ссылкам Дэвиса можно добавить *Ael.*, VII,

¹¹ *Dem.*, XXII, 33—34, 56, 68; XXIV, 125, 168.

¹² *Dem.*, XXII, 49; XXIV, 162; ср. 8, 111.

¹³ *Dem.*, XXIV, 9, 82 sq., 120.

¹⁴ *Plut.*, *Mor.* 605 C.

¹⁵ *Davies.* *Op. cit.*, p. 41.

¹⁶ *Isae.*, VII, 7—9; *Davies.* *Op. cit.*, p. 44.

¹⁷ *Davies.* *Op. cit.*, p. 60.

¹⁸ *Dem.*, XXXVI, 50; [*Dem.*], XLV, 64.

¹⁹ *Isae.*, XI, 48—49; *Davies.* *Op. cit.*, p. 85.

IX, 9), затем — беглец в Египет, снова живший в богатстве благодаря покровительству Птолемея, впавший, наконец, в немилость и погибший вдали от родины ²⁰, — разве не доставляет примеры столь же грандиозных потерь, как и приобретений? По-видимому, биография Деметрия может рассматриваться не только как исключение, но и как некий образец тех превратностей судьбы, которые испытали многие афинские политические деятели «международного» калибра. Эти люди держали в своих руках, утрачивали и снова приобретали где-то в другом месте колоссальные суммы, рядом с которыми кажутся совершенно мизерными все кропотливо отмеченные Дэвисом траты на литургии или доходы от земельных участков. Разумеется, лишь в исключительных случаях их постигала участь тирана Дионисия. Обычно, сохраняя связи и авторитет, они просто не могли опуститься ниже какого-то (немалого для Атики) уровня богатства. И, конечно, кое-что из золотого (или серебряного) дождя перепало их друзьям, родственникам и наследникам. Так, одному из ближайших потомков Деметрия еще удалось прослыть «расточителем» ²¹.

Афоб, один из опекунов Демосфена, был присужден к уплате 10 талантов в пользу своего подопечного. Хотя вся сумма, вероятно, никогда не была выплачена полностью, а многие обстоятельства дела остаются неясными, Дэвис справедливо предполагает, что потери Афоба оказались значительными ²². Брат Афоба Эсий также, может быть, утратил немалую часть имущества в результате аналогичной судебной тяжбы ²³.

При всей пристрастности, с которой Демосфен освещает действия своих опекунов, все-таки ясно, что он по сути дела потерял состояние, оставленное его отцом ²⁴. Вероятно, есть доля истины и в нападках Эскина, много позднее обвинявшего Демосфена в расточительности ²⁵. Следует прибавить многочисленные и щедрые траты его на общественные нужды, скрупулезно перечисленные Дэвисом ²⁶. В связи с этим едва ли оправданно замешательство Дэвиса в связи с тем, что после 341 г. Демосфен почти не упоминается в числе граждан, выполнявших литургии. Дэвис объясняет это тем, что Демосфен, по-видимому, уже мало различал свое личное состояние и те общественные деньги, которые находились в его распоряжении ²⁷. Само по себе это предположение вполне реалистично. Я добавил бы только, что в этом отношении в судьбе Демосфена нет ничего исключительного. Более того, здесь не требуется никакого специального объяснения, если в качестве эталона принять, скажем, Фемистокла и Клеона, а не Нельсона Рокфеллера или семью Кеннеди. Афинские политики имели одно главное «предприятие» — свои общественные функции и все, что было с ними связано. Естественно, их материальное благосостояние варьировалось в соответствии с перипетиями их политической карьеры и состоянием государства в целом. Здесь были неизбежны периоды «процветания» и «депрессии». Демосфен, как известно, оказался не в состоянии уплатить штраф в 30 или 50 талантов, наложенный на него в связи с делом Гарпала. Я не понимаю сомнений Дэвиса по этому вопросу: поводом к ним, по-видимому, явилась ошибочная интерпретация в самом деле не совсем ясных сообщений о смягчении штрафа ²⁸. Между тем финансовые затруднения оратора в конце его жизни вполне понятны с той точки зрения, которая здесь изложена. Следует, наконец, отметить еще одно обстоятельство, не обсуждаемое Дэвисом: имущество Демосфена, по всей вероятности, было конфи-

²⁰ *Davies. Op. cit.*, p. 107 ff.

²¹ *Ibid.*, p. 109.

²² *Ibid.*, p. 119.

²³ *Ibid.*, p. 120.

²⁴ *Ibid.*, p. 127 f., 132 f.

²⁵ *Aeschin.*, III, 173, cp. 240; *Din.*, I, 36; [*Plut.*], *Mor.* 847 E.

²⁶ *Davies. Op. cit.*, p. 135 ff.

²⁷ *Ibid.*, p. 137 f.

²⁸ *Ibid.*, p. 135; cp. также *Dem.*, *Ep.* III, 38—41.

ковано в результате смертного приговора, вынесенного ему народным собранием (Plut., Dem. XXVIII, 2).

Состояние Диодота после его смерти было присвоено его братом Диогитоном, так что прямые наследники ничего не получили²⁹. Эпикрат, разбогатевший за счет персидских подарков, был осужден и приговорен к смерти, что должно было сопровождаться конфискацией имущества³⁰. Неизвестный по имени богатый афинянин, о котором сообщается в XIX речи Лисия, якобы истратил 2/3 своего состояния на выполнение государственных повинностей³¹. В интересах оратора было продемонстрировать патриотизм этого гражданина, но сама цифра расходов (в общей сложности немного меньше 10 талантов) не могла быть особенно сильно преувеличена. В оценке оставшегося имущества, разумеется, возможно очень существенное преуменьшение.

Федр из Мирринунта обеднел в результате осуждения и конфискации имущества по процессу гермокопидов. Он вернулся из изгнания, но остался бедняком. Мы не можем быть уверены, что Федр до своего разорения был богат. Сохранившийся в «Аттических стелах» перечень некоторых статей его имущества, проданного после конфискации, по мнению Дэвиса, «not very informative» (с. 201). Это в общем верно в том смысле, что материал, содержащийся в «Стелах», не свидетельствует о *богатстве*. Но он вместе с тем оставляет впечатление по меньшей мере *состоятельности*. Это хорошо согласуется с тем времяпрепровождением и кругом знакомств, которые следует предположить для Федре на основании диалогов Платона.

Конфискации подверглось также имущество Никофема и Аристофана, во всяком случае та его часть, которая находилась в Аттике³². Конфисковано было и огромное (в 80 или 100 талантов) состояние Фемистокла³³. Правда, Фемистокл сохранил какую-то часть своих денег, а впоследствии стал, вероятно, еще более богатым человеком, но это обстоятельство не меняет сути дела. Что касается богатств, приобретенных Фемистоклом в Персии, то после его смерти они, очевидно, вернулись в руки персидского царя.

Вождь афинской демократии Фрасибул из Стейрии потерял значительную часть имущества при «Тридцати тиранах» (по-видимому, в результате конфискации) и не получил ее обратно после победы демократов³⁴. Похоже, что он разбогател снова во время военной экспедиции в малоазиатские воды (Lys., XXVIII, 4, 5). Его сын Фрасибул II впоследствии был оштрафован на 10 талантов³⁵. Таким образом, эта семья также может служить примером резких колебаний в имущественном благосостоянии.

Собственность Теодора, отца Исократы, была потеряна во время Пелопоннесской войны. Дэвис высказывает предположение, что ближайшей причиной этого краха могло явиться бегство рабов в Декелею³⁶. С его точки зрения, Теодор — преуспевающий «фабрикант», извлекающий доходы из производства флейт: лишившись рабочей силы, он неминуемо разоряется. Пожалуй, в качестве альтернативы можно предположить естественное сокращение рынка для сбыта флейт в условиях войны. Но это означало бы согласие с позициями, которые представляются мне ошибочными в принципе. Сомнительно, чтобы эргастерий с (допустим) одним-двумя десятками рабов, делающих флейты, мог доставить своему владельцу богатство. Маловероятно, чтобы собственность состоятельного гражданина

²⁹ Davies. Op. cit., p. 151—154.

³⁰ Ibid., p. 181.

³¹ Ibid., p. 200.

³² Ibid., p. 202.

³³ Ibid., p. 215.

³⁴ Ibid., p. 240.

³⁵ Ibid., p. 241.

³⁶ Ibid., p. 246.

ограничивалась эргастерием. Не верится, чтобы бегство нескольких (или даже всех по какой-то особой прихоти судьбы) рабов явилось для него невозместимой потерей. Что касается «утраты состояния», о которой говорит Исократ (XV, 161), то в условиях Декелейской войны для нее нашлись бы и иные причины.

Богатейшую афинскую семью Каллиев — Гиппоников Дэвис рассматривает как своеобразную «горнопромышленную династию», создавшую огромное состояние путем эксплуатации Лаврийских серебряных рудников. Отсюда естественным образом вытекает предположение о том, что одной из причин общеизвестного катастрофического разорения Каллия III было падение дохода от рудников в период Декелейской войны. Вторую причину Дэвис, правда, видит в многократно засвидетельствованном источниками «мотовстве» Каллия (с. 260 сл.).

Эта, — разумеется, не подтвержденная источниками — картина представляется результатом какой-то наивной модернизации социально-экономических отношений в древних Афинах. В греческом обществе концентрация богатства не имела ни предпосылкой, ни результатом концентрацию средств производства. Это была почти исключительно концентрация денег. Соответственно и потеря такого богатства заключалась преимущественно в изъятии или трате денег (или легко реализуемого имущества). Эта процедура не требует другого объяснения, кроме того, которое в данном случае прямо заключено в источниках: Каллий попросту растратил семейное состояние — вполне в духе той эпохи.

То же самое относится к Исхомаху, который у Дэвиса превращается в «аграрного предпринимателя», понесшего крупные убытки в результате спартанских вторжений во время Пелопоннесской войны³⁷. Эта конструкция основана на идентификации двух персонажей, носящих имя Исхомаха. Один выступает в «Экономике» Ксенофонта как теоретизирующий сельский хозяин. Другой упомянут Лисием в существенном для нас контексте: при его жизни считалось, что его состояние превышает 70 талантов, а двум своим сыновьям он оставил меньше чем по 10 талантов каждому (Lys., XIX, 46). Дэвис, мне кажется, вполне справедливо усматривает за сообщением Лисия реальное уменьшение состояния, а не только ошибочность первой оценки. Возможно также, что правильна самая идентификация. Но, во-первых, в условиях Аттики второй половины V в. просто невозможно представить себе земельные владения такого размера, чтобы их цена могла под влиянием опустошений военного времени уменьшиться на несколько десятков талантов. Во-вторых, сущность сообщения Лисия и его лексика могут быть гораздо успешнее поняты при допущении, что речь шла преимущественно о наличных деньгах. В-третьих, Дэвис не принимает во внимание некоторые детали той характеристики, которую интересующий нас персонаж получает у Ксенофонта. Здесь Исхомах между прочим заявляет, что он подвергается жестоким нападкам сикофантов и что ему неоднократно предлагали обмен имуществом по поводу триерархии и хорегии (Oecon. XI, 21, VII, 3). Наконец, он дает понять, что тратит деньги на пышные жертвоприношения, на помощь друзьям и на общественные нужды (Oecon. XI, 9; ср. 10, 13, 22). Все это создает настолько отчетливый образ, что я не вижу, почему бы свидетельством о каком-то Исхомахе, богатство которого погубили прихлебатели (Athen., XII, 537 C), не могло относиться к тому же самому человеку. Словом, «экономическое» объяснение опять оказывается и не подтвержденным источниками, и попросту излишним, хотя оно, разумеется, может заключать в себе долю истины.

Политическая карьера Агиррия закончилась, по-видимому, судебным процессом по обвинению в казнокрадстве и длительным тюремным заключением — до выплаты долга. После этого Агиррий уже нигде не упоминает-

³⁷ Ibid., p. 265—268.

ся. Дэвис не включает (с. 278) Агиррия в число богатых афинян, так как в источниках нет сведений о выполненных им литургиях или других прямых свидетельствах о богатстве. Но учитывая причастность Агиррия к кругу тех лиц, которые фактически руководили Афинами после восстановления демократии, а также некоторые события его биографии, кажется маловероятным, чтобы его имущество в лучшие времена не превышало каких-нибудь 3—5 талантов, достаточных для выполнения общественных повинностей. В схолиях к *Aristoph., Plut.* 176 Агиррий прямо назван богатым. Правда, это указание сильно обесценивается тем обстоятельством, что тут же содержится другое замечание, согласно которому, он был беден. Если оба эти сообщения восходят к каким-то реальным свидетельствам современников, они могут быть примирены допущением, что Агиррий разбогател в результате политической деятельности. Но вернее, пожалуй, что схолиаст (как и во многих других случаях) просто пытался объяснить недостаточно понятные слова Аристофана, не располагая никаким дополнительным фактическим материалом.

Только мельком Дэвис упоминает о штрафе в 50 талантов, наложенном на знаменитого Мильтиада и так и не выплаченном до конца его жизни, между тем это означало исчезновение очень большого состояния и финансовое крушение богатейшей семьи, нашедшее некоторое отражение в наших источниках³⁸. Сын Мильтиада Кимон снова разбогател, — надо полагать, преимущественно за счет военной добычи. Дэвис обратил внимание на тот факт, что ни один из потомков Кимона не известен как исполнитель литургий: он высказывает догадку, что Кимон широко использовал свое имущество в политических целях. Можно, пожалуй, пойти дальше и предположить, что такого рода затраты были почти неизбежны для каждого крупного военного и политического деятеля, а для Кимона они, по-видимому, особенно характерны. Наконец, Кимон не однажды подвергался тяжелым обвинениям; не исключено, что безнадежная путаница, возникшая уже в древности относительно наложенного на Мильтиада штрафа в 50 талантов, объясняется тем, что Кимон был также оштрафован³⁹.

Хармид (если его портрет у Ксенофонта вполне реален) обеднел во время Пелопоннесской войны, потеряв заморские владения и лишившись дохода от тех, которые располагались в Аттике⁴⁰. Из соответствующего места у Ксенофонта видно, что прежде Хармид был богат (*Symp.* IV, 30, 32). Этот же человек позднее занимал высокую должность при «Тридцати» и, надо полагать, имел возможность приобщиться к их недолговечному обогащению (*Xen., Hell.* II, 4, 19).

Стратег Леосфен был присужден к смерти, имущество его было конфисковано⁴¹. Впрочем, он бежал к Филиппу, находился у него в большой чести и, разумеется, пользовался соответствующими материальными благами (*Schol. Aeschin.* II, 24).

Конфискована была собственность Памфила. Какое-то представление о том, что это был богатый человек, дают размеры приданого, полученного его дочерью (1 или 1 2/3 таланта), и — очень косвенно — тот факт, что после его смерти остался невыплаченный долг в 5 талантов⁴².

Упадок семьи Алкмеонидов — по крайней мере с конца V в. — прослеживается вполне отчетливо (теперь к прежним его признакам можно добавить весьма скромный надгробный памятник Мегаклу из Алопеки, опубликованный Виллемсеном)⁴³. Дэвис видит причину этого упадка в обстановке Пелопоннесской войны вообще, а в частности — в крупных дол-

³⁸ *Davies.* Op. cit., p. 303; 314; *Herod.*, VI, 136; *Plut.*, Cim. IV, 4; *Diod.*, X, 30; *Plut.*, Cim IV, 8; *Diod.*, X, 32.

³⁹ *Dem.*, XXIII, 205; *Schol.* Aristid. 515.

⁴⁰ *Davies.* Op. cit., p. 331.

⁴¹ *Ibid.*, p. 342; *Diod.*, XV, 95, 3.

⁴² *Davies.* Op. cit., p. 365.

⁴³ *AM*, 1970, Bd. 85, S. 91—93.

гах Мегакла V (с. 384 сл.). Что касается задолженности, то она, конечно, скорее результат, чем причина обеднения. В целом же, как кажется, здесь снова дают о себе знать заблуждения Дэвиса относительно всей афинской имущественной элиты. С его точки зрения, основу ее богатства составляла какая-то «продуктивная» собственность: для Алкмеонидов это были обширные земельные владения в пригородных демах (с. 384). По такой логике обеднение должно было заключаться в потере этой недвижимости (см. осторожные, но отвлеченные от источников рассуждения Дэвиса на с. 384 сл.). Если же допустить, что богатство афинских «миллионеров» создавалось и заключалось главным образом в деньгах, все сообщения источников приобретает вполне реальный смысл. Предположим, что обогащение Алкмеонидов действительно берет начало с авантюры Алкмеона (Herod., VI, 125). Ясно, что в течение VI—V вв. их состояние должно было сильно пострадать в ходе политической борьбы и в результате различных превратностей, которым подвергались представители этой семьи. Какая-то его часть, унаследованная Мегаклом V, могла быть просто растрочена им, как резонно предполагает схолиаст (ad Aristoph., Ach. 614). Все, что известно о стиле жизни Мегакла, превосходно вписывается в эту картину.

Совершенно аналогичен подход Дэвиса (с. 403—406) к той эволюции, которую претерпели имущественные обстоятельства еще одной богатейшей афинской семьи V в. до н. э. — семьи Никия и Никерата из Кидантидов. Относительно Никия хорошо известно, что он получал большие доходы от Лаврийских серебряных рудников. По словам Лисия, состояние Никия оценивали не меньше чем в 100 талантов, а Никерат оставил своему сыну имущество, не превышавшее 14 талантов. Эти факты, удостоверенные источниками, получают у Дэвиса примерно такое истолкование: начало семейному богатству положил, вероятно, отец Никия Никерат I, приступивший к эксплуатации рудников в начале V в. до н. э., когда это дело стало развиваться. Семейное предприятие было продолжено Никием и достигло при нем наибольшего размаха. Относительное обеднение Никерата II объясняется тем, что в период Декелийской войны из рудников происходило массовое бегство занятых там рабов (эта точка зрения широко распространена). Но, строго говоря, никто не может утверждать, что большинство или даже значительная часть перебежавших к спартам рабов была из района рудников. Соответствующее место у Фукидида (VII, 27, 5) скорее может быть понято противоположным образом.

Эта гипотеза в какой-то мере подтверждается тем, что потомки Никерата уже в IV в. владели землей в районе Лаврия, хотя они как арендаторы рудников не зафиксированы, да и появление представителей разных поколений одной семьи среди рудничных «предпринимателей» вовсе не обязательно означает прямую преемственность в экономической активности.

Справедливости ради следует отметить, что мы ничего не знаем о каких-либо экономических интересах Никерата I и II. Вместе с тем вполне возможно, что Дэвис в какой-то степени прав и ухудшение общей ситуации в рудниках сыграло свою роль в уменьшении состояния Никия. Однако вернемся к источникам. По словам Лисия, считалось, что имущество Никия заключалось преимущественно в наличных деньгах, это подтверждается и сообщением Плутарха (Nic. IV, 2). Далее, по Лисию, Никерат как раз золота и серебра не оставил: 14 талантов стоило остальное имущество. Между тем бегство рабов и иные неприятности с рудниками привели бы, очевидно, только к некоторому сокращению доходов.

Таким образом, предположение Дэвиса в сущности ничего не объясняет. А ведь нужные факты лежат, можно сказать, под боком. Дэвис сам приводит материал о больших тратах Никия на отправление общественных повинностей и посвящения богам (сюда следует прибавить расходы, связанные с пресловутым страхом перед доносчиками⁴⁴). Исходя из общего

⁴⁴ Plut. Nic. IV, 3—4; ср. V, 5.

представления об этом человеке и его деятельности, можно предположить, что и участие в военно-политических предприятиях Афинского государства было связано для него с немалыми расходами. Что касается Никерата, то период Декелейской войны наверняка усилил финансовое давление государства на богатых граждан (о расходах Никерата в частной жизни ср. Xen., Symp. III, 6).

Имущество Никида из Мелиты, так же как и Эония, было конфисковано и продано по «процессу гермокопидов»⁴⁵. Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что какая-то часть имущества Эония (по всей вероятности, земельные владения) была продана за исключительно большую сумму — более 80 талантов. Дэвис отмечает с понятным оттенком удивления, что Эоний, таким образом, был одним из богатейших афинских граждан, а вместе с тем он совершенно не известен по другим источникам.

Я допускаю, что и в этом случае обнаруживается специфика афинского «сверхбогатства». Это было нередко богатство «шальное», случайно приобретенное, а следовательно, почти неизвестное и столь же внезапно и случайно выплывшее на свет. Разумеется, подобные Эонию фигуры не могли быть «типичными» для Афин хотя бы в чисто количественном отношении. Но спорадическое появление таких персонажей в известном смысле «закономерно», так что мы столь же нечаянно можем натолкнуться еще на кого-то из них.

Еще характернее, пожалуй, тот факт, что собственность Эония, о которой идет речь, находилась не в самой Аттике, а на острове Эвбея. «Аттические стелы», фиксирующие продажу конфискованного имущества, вообще содержат немало указаний на собственность за границей. С тех позиций, каковые я пытаюсь здесь сформулировать, представляется совершенно естественным наличие среди афинских «миллионеров» лиц самого незаметного происхождения, чье состояние было создано или находилось за пределами Аттики. Такое имущество было не только легче скрыть, но и легче приобрести. Земельные владения ценой в 80 талантов в пределах собственно афинской территории были бы, мне кажется, величайшим исключением (если допустить, что они вообще были возможны).

Относительно братьев Навсимаха и Ксенопейта Дэвис пишет, что благосостояние их семьи было непродолжительным вследствие их «демонстративного потребления» (*conspicuous consumption* — с. 416). Он не ссылается здесь на соответствующее место в источниках, так что остается не вполне ясным, о каких расходах идет речь. На с. 418 Дэвис говорит только об исполнении литургий и о том, что в дальнейшем члены семьи уже не встречаются среди лиц, выполняющих общественные повинности (последнему обстоятельству я не стал бы придавать какое-нибудь значение). Кажется, эта акцентировка — не самая правильная. В самом деле, Демосфен приписывает Навсимаху и Ксенопейту типичное расточительство. По его словам, братья растратили имущество в пирах и попойках (τὰ . . . ὄντα κατεσθίουσας καὶ παροικουύσας . . . ἀνηλωθέναι — Dem., XXXVIII, 27, ср. 25). Разумеется, выдвигаемые в судебных речах обвинения сплошь и рядом заключают в себе элемент инсинуации. Но нужно принять во внимание, что в условиях Афин, где проживало, может быть, всего 10—12 тысяч граждан, как раз об образе жизни каждого было бы трудно (и нерасчетливо) сообщать заведомую неправду. Так, облик Аполлодора во многих отношениях получается однозначным в речах, написанных против него и от его собственного лица. Что касается Навсимаха и Ксенопейта, то судебные авантюры братьев являются некоторым подтверждением той характеристики, которая дается им в речи Демосфена. Стоит также отметить, что братья «прожигали жизнь» в кругу людей того же сорта. Двое их собутыльников — Аристократ и Диогнет — названы поименно.

⁴⁵ Davies. Op. cit., p. 408, 419.

Примечательно что о случаях «мотовства» Дэвис обычно сообщает мельком, иногда вообще опуская их, иногда подыскивая какое-то альтернативное объяснение. Это понятно: «чистое» расточительство настолько противоречит его «экономическому» подходу к афинскому частному богатству, что должно казаться чем-то нетипичным, малозначащим и даже, вероятно, едва ли заслуживающим серьезного обсуждения.

Ну а если представить себе расточительство не просто в качестве более или менее постоянного атрибута античности, но как один из важнейших факторов всей тогдашней социально-экономической системы? Дюпоны вряд ли способны «проесть» свое состояние, и не только ввиду его величины, но и по многим другим причинам, не последнюю роль среди которых играют психологические стандарты эпохи. Что же до Навсимаха и Ксенопейта, то я не сомневаюсь, что они были в состоянии это сделать, — и они сами, и Аристократ, и Диогнет, и «другие такие же», которых имел в виду Демосфен.

К числу «расточителей» относится и упомянутый выше Аполлодор, сын богатейшего афинского «банкира» Пасиона. Дэвис отмечает три основные причины его финансовых потерь: экстравагантные траты на личное потребление, расходы на отправление литургий, иногда чрезмерно щедрый, и судебные издержки (с. 440, 442). Сомнения Дэвиса в точности сообщений относительно этих расходов естественны, но все же создается отчетливое впечатление, что Аполлодор в самом деле из очень богатого человека постепенно превратился просто в состоятельного (к ссылкам у Дэвиса можно добавить Dem., XXXVI, 52, XLV, 73—75, 85, где об этом говорится в общей форме, и ряд мест из [Dem.], L и LIII, где речь идет о конкретных материальных затруднениях Аполлодора).

Возможно, в результате конфискации потерял свою собственность Акумен⁴⁶. Полистрат и его сыновья, по-видимому, понесли большие убытки в результате Декелейской войны (т. е. ущерба, нанесенного их земельным владениям?), расходов на выполнение общественных повинностей и взносов эйсфоры и, как кажется, очень крупного денежного штрафа⁴⁷. Хотя здесь было бы естественно ожидать преувеличений, все-таки похоже, что семья действительно утратила прежнее благосостояние (см. Lys., XX, 33).

С вполне оправданным сомнением (прямые свидетельства здесь отсутствуют, а идентификация далеко не бесспорна) Дэвис допускает (с. 471), что пристрастие Пронапа к содержанию лошадей привело к обеднению семьи, так что сын — предположительно этого самого — Пронапа, если доверять комедии, был уже бедняком.

Состояние Стефана, сына Талла, при его жизни оценивалось в 50 талантов, а после его смерти оказалось имуществом на сумму около 11 талантов⁴⁸. В соответствующем месте у Лисия (XIX, 45—48) приведено несколько аналогичных случаев, и они объединены общей мыслью о том, что размеры состояний часто преувеличиваются молвой. Строго говоря, здесь, таким образом, вовсе не обязательно предполагать, что состояние фактически уменьшилось. Но из всего контекста явствует, что Лисию было в сущности совершенно безразлично, откуда происходила разница в цифрах. Поэтому кажется правильным допущение, что во всех этих случаях дело заключалось не только (и, может быть, не столько) в ошибках общественного мнения, но и в реальном уменьшении состояний. В силу каких причин сократилось состояние Стефана — неизвестно.

Мимоходом (на с. 534) Дэвис упоминает некоего Дифила, о котором мы знаем только, что он был осужден и казнен за злоупотребления при разработке рудников, а имущество его подверглось конфискации. Этот

⁴⁶ Davies. Op. cit., p. 462 f.

⁴⁷ Ibid., p. 467, cp. Lys., XX, 14, 18.

⁴⁸ Davies. Op. cit., p. 491.

случай заслуживает, пожалуй, несколько большего внимания. Прежде всего, известно, что состояние Дифила равнялось по меньшей мере 160 талантам (Plut., Mor. 843). Это очень большая цифра даже для второй половины IV в., и если есть сомнения в ее точности, то разве что в сторону увеличения. Далее, это огромное состояние было разделено между гражданами. На мой взгляд, в этом эпизоде как будто умышленно сфокусирована история афинского богатства вообще...

Были конфискованы скороспелые состояния Эргокла и Филократа⁴⁹. Относительно полководца Хабрия и его сына Ктесиппа формулировки Дэвиса (с. 560 сл.) мне кажутся чрезмерно осторожными. Дэвис отмечает богатство Хабрия и его крупные расходы. Что касается Ктесиппа, то о нем сообщается только, что он унаследовал богатство и недостатки своего отца без его достоинств — следуют ссылки на античных авторов, но содержание их не раскрыто. Наконец, указывается, что после 322/1 г. Ктесипп уже не упоминается в источниках, а о каких-либо других потомках Хабрия ничего не известно. Здесь, очевидно, содержится только отдаленный намек на возможность исчезновения состояния этой семьи. Такая сдержанность, проявляемая Дэвисом почти повсюду, где речь идет о «мотовстве», только затемняет существо дела. Ведь Ктесипп в античной литературе фигурирует как один из типичнейших «расточителей» (к ссылкам у Дэвиса можно добавить Plut., Phoc. VII, 3). Было бы естественно считать, что он по меньшей мере сильно потрепал большое состояние Хабрия⁵⁰.

«Тридцать тиранов» конфисковали большое состояние оратора Лисия и его брата Полемарха. Неизвестно, сколько Лисий сумел впоследствии вернуть обратно, но потери его в любом случае были, несомненно, значительны⁵¹. Наконец, безмянные афиняне, известные из XXV речи Лисия и XLII речи Демосфеновского корпуса, потеряли собственность в результате конфискации⁵². Во втором случае, впрочем, могли сыграть роль также какие-то неизвестные нам обстоятельства, в результате которых понесли убытки все арендаторы рудников (см. [Dem.], XLII, 3).

К этим случаям, о которых можно почерпнуть более или менее определенные сведения из «Регистра» Дэвиса, следует прибавить еще несколько фактов, отмеченных Дэвисом бегло и недостаточно. Аристократ, сын Скеллия, был осужден и казнен после сражения при Аргинусах⁵³, имущество его было конфисковано (Xen., Hell. I, VII, 10, 20, 22). Той же участи подверглись пять других стратегов: Диомедонт, Эрасинид, Фрасилл, Лисий и Перикл II — сын знаменитого Перикла. Потомки их вообще неизвестны (впрочем, имена Лисия и Фрасилла нередки в Аттике). Аристократ и Перикл принадлежали к богатым семьям. Относительно имущественного положения остальных мы ничего не знаем (Фрасилл, возможно, был когда-то беден — см. Athen., 534 E). Но у всех у них было немало возможностей поживиться во время успешных действий в водах и на побережье Малой Азии (см. об обвинении Эрасинида в присвоении общественных денег)⁵⁴.

Гилон был осужден на смерть, а имущество его, надо полагать, подверглось конфискации⁵⁵. Сам Гилон, правда, бежал и разбогател на Боспоре, но позднее в Афинах он считался государственным должником, и это обстоятельство, может быть, причиняло некоторые неудобства его родственникам⁵⁶.

⁴⁹ Ibid., p. 542.

⁵⁰ См. особенно *Men.*, fr. 303 Körte; *Athen.*, 165 E, 166 B.

⁵¹ *Davies.* Op. cit., p. 589.

⁵² Ibid., p. 595.

⁵³ Ibid., p. 57.

⁵⁴ *Xen.*, Hell. I, VII, 2; Schol. ad Aristoph., Ran. 1196.

⁵⁵ См. подробнее *Davies.* Op. cit., p. 121.

⁵⁶ Ibid., p. 128 f.

Само собой разумеется, что конфисковано было недвижимое имущество тирана Гиппия и его родичей после их изгнания (ср. о продаже имущества Писистрата Herod., VI, 121, 2).

«Банкир» Архестрат, бывший хозяин Пасиона (РА 2405), или его сын Антимах (РА 1113) разорились по неизвестным нам причинам⁵⁷. Дэвис упоминает Архестрата только в связи с биографией Пасиона. Между тем этот человек был в свое время достаточно богат, чтобы выступить поручителем на сумму в 7 талантов (Isocr., XVII, 3)⁵⁸. Несомненно, он заслуживал бы включения в «Регистр» под своим собственным именем.

Вероятно, конфисковано было имущество казенного вместе с Фокионом Пифокла⁵⁹. Харикл, сын Аполлодора, один из «Тридцати тиранов», подвергся изгнанию и, очевидно, конфискации имущества (может быть, даже дважды⁶⁰). В качестве одного из главарей «Тридцати» он на какое-то время должен был стать очень богатым человеком. Другой Харикл, зять Фокиона, мельком упомянутый Дэвисом (с. 560), был заочно приговорен к смерти (Plut., Phoc. XXXV, 4). О том, что он, по-видимому, получил кое-что из денег Гарпала, см. *ibid.*, XXII, 1—2.

Полководец Тимофей был подвергнут разорительному штрафу, впоследствии уменьшенному и выплаченному его сыном Кононом III, оставшимся очень богатым человеком, судя по внушительному списку выполненных им литургий⁶¹. Знаменательно, что здесь, оказавшись перед лицом очевидных фактов, Дэвис отмечает заметную «экономическую нестабильность», характеризующую биографию Тимофея. Он даже добавляет, что такой же нестабильности были подвержены и другие крупные общественные деятели (с. 509). Это абсолютно верное наблюдение. Я думаю, что если бы мы могли познакомиться с цифрами доходов и расходов каждого из афинских военно-политических руководителей, вскрылась бы, пожалуй, просто поразительная картина. Но этим признанием Дэвис в сущности подрывает ту самую точку зрения, которой в целом придерживается. Кроме того, его собственный анализ ясно показывает, что благосостояние Тимофея зависело не от земельных владений (или иного «производительного» имущества), которыми тот обладал. Это благосостояние определялось тем, какие денежные средства Тимофей приобретал и тратил во время своих походов. Все это так далеко от рачительного хозяйствования, что мне иногда кажется не совсем безрассудным для уяснения соответствующего «психологического климата» обращаться к ситуациям типа «золотой лихорадки» или азартной карточной игры. При всей рискованности такого рода аналогий они, может быть, ближе подводят нас к пониманию природы античного «сверхбогатства», чем сравнения, в глубине которых лежат особенности буржуазно-пуриганской практики и морали.

В свой перечень я включил лиц, так или иначе упомянутых в «Регистре» Дэвиса (за исключением нескольких стратегов — коллег Аристократа). Здесь всего 62 человека. Из них только Лисий был метэком, остальные — афинские граждане. Главные события жизни их всех, кроме Гиппия, относятся к V—IV вв. до н. э. 39 из них определяются Дэвисом как богатые преимущественно на основе формального и довольно жесткого критерия — исполнения литургий. На мой взгляд, к богатым можно отнести еще 9 человек: Агиррия, Хармида, Эргокла, Филократа, Эрасинида, Перикла «II», Гиппия, Архестрата и Харикла-«тирана», таким образом доведя их число до 48.

Сюда следует присоединить еще несколько персонажей, не упомянутых Дэвисом, но, вероятно, богатых. Так, в числе прежде богатых и знатных

⁵⁷ *Ibid.*, p. 428 f.

⁵⁸ Я подозреваю, что смысл этого места улучшится при минимальной конъектуре (τῶν вместо τόν).

⁵⁹ См. о его богатстве и о возможной идентификации *Davies. Op. cit.*, 485.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 502 f.

⁶¹ *Ibid.*, p. 510 f.

граждан, разорившихся в результате нашествия Ксеркса, Плутарх называет Агасия из Ахарн (Кирхнер в РА 115 принимает чтение Ἀγασίας, но ср. РА 96, Ἀγασίας Ἀχαρ(νός) — казначей в надписи IV в. с Само-са — Michel, 832) и Эскина из Ламптр (РА 357; Plut., Aristid. XIII, 3 и 1). Казначей полководца Тимофея Антимах (РА 1110), имущество которого было конфисковано и продано в 373 г. до н. э. (Dem., XLIX, 10 и 45), подвергся этой участи, надо полагать, не за мелкие хищения.

Оратор Антифонт (РА 1304) был казнен с конфискацией имущества (Plut., Mor. 834 A, ср. 833 A). По-видимому, античный биограф спутал его с другим Антифонтом, приписав ему выполнение триерархии⁶². Но есть другие основания считать, что Антифонт был богат, — его деятельность логографа и приписываемое ему корыстолюбие⁶³. Судьбу Антифон-та разделил Архептолем, сын знаменитого архитектора Гипподама (РА 2384). Сомнения относительно происхождения Архептолема представляются мне неосновательными: Гипподам имел достаточно возможностей получить для себя или для своего сына афинское гражданство. До тех пор пока мы не знаем Гипподама из Агрилы, неидентичного с архитектором Гипподамом, было бы правильно считать последнего отцом Архептолема. Но и независимо от этого обстоятельства активная политическая деятельность Архептолема в 420—410-х годах позволяет рассматривать его как человека по меньшей мере состоятельного. Правда, сообщения схолиаста (ad Aristoph., Eq. 327) об Архептолеме и Гипподаме безнадежно перемешаны между собой. Может быть, прав Фабрициус (RE, VIII, Sp. 1733), предположивший, что замечание схолиаста о доме в Пирее, якобы уступ-ленном (Гипподамом?) государству, должно быть связано с домом Архе-птолема, после его казни конфискованным и разрушенным. Такая поправка значительно прояснила бы ситуацию⁶⁴.

Рассказ об Аристархе, происходившем «из богатого дома» и приго-воренном к изгнанию⁶⁵, наверное, в общем соответствует действитель-ности, хотя содержащееся в нем сообщение о трех талантах, будто бы присвоенных Демосфеном, выглядит несколько тенденциозным.

Как известный расточитель упоминается некий Диодор (отсутствует в РА), в два года промотавший отцовское имущество⁶⁶. Остается, разуме-ется, открытым вопрос, реальны ли эти лица. Аналогичные упреки дела-лись по адресу братьев Автокла (РА 2718) и Эпикла (РА 4844) (Athen., XII, 537 C), Полиевкта⁶⁷, Никия из Пергасы⁶⁸.

Каллимах (РА 7996) потерял (по-видимому, значительное) имущество, конфискованное при «Тридцати тиранах» (Isocr., XVIII, 6, 35; ср. 41, 48). Вообще совершенно ясно, что время «тирании» ознаменовалось крупными перемещениями собственности, приведенными к исчезновению немалого числа больших состояний, несмотря на последующую попытку восста-новить status quo ante. Вернуть, вероятно, удавалось главным образом недвижимость, а не денежные средства⁶⁹. Если же согласиться, что бо-гатство создавалось преимущественно в денежной форме, легко себе пред-ставить масштабы его необратимого «перелива» из одних рук в другие в условиях террористического режима «Тридцати».

Тимагор (РА 13595), разбогатевший за счет персидских подарков⁷⁰, был привлечен к суду и казнен (Dem., XIX, 31, 137, 191). Разумеется,

⁶² Ibid., p. 327.

⁶³ [Plut.], Mor. 832 C; Philostr., Vit. soph. I, XV, 2; [Plut.], Mor. 833 C.

⁶⁴ См., например, Burns A. Hippodamus and the planned city. — Historia, 1976, v. 25, p. 414—428.

⁶⁵ РА 1656; Aeschin., I, 171—172; ср. II, 166; Din., I, 30.

⁶⁶ Alexid., fr. 105 K; ср. fr. 246 об Эпихариде.

⁶⁷ Может быть, РА 11950; Anaxandrid., fr. 45 K.

⁶⁸ РА 10821; Athen., 537 C; Ael., VH, IV, 23.

⁶⁹ Lys., XXXIV, 5; P. Оху. XIII, 1606, ll. 38—48.

⁷⁰ Демосфен говорит о 40 талантах — XIX, 137; ср. Plut., Artax. XXII, 9—1; Pelop., XXX, 9—1.

он потерял и свои деньги. Строго говоря, Дэвису следовало включить его в «Регистр».

Дэвис не ставит вопроса о судьбе большого состояния Гипербола (с. 417). Хотя остракизм не сопровождался конфискацией имущества, естественно было бы предположить, что он мог привести к материальным затруднениям. О каких-то потерях Гипербола, может быть, идет речь в комедии (*Plato com.*, fr. 169 K). Так или иначе изгнание и смерть Гипербола на чужбине и отсутствие каких-либо сведений о его потомках в Аттике — все это позволяет думать об исчезновении его состояния.

Филократ из Гагнунта, известный оратор и политический деятель (РА 14599), оказался в изгнании, а имущество его было конфисковано. Филократ, несомненно, был достаточно богат, чтобы найти себе место в «Регистре» Дэвиса. Разумеется, и в изгнании он оставался богатым человеком, но для нас существенно то обстоятельство, что конфискации подверглась разнообразная недвижимость, принадлежавшая ему в Аттике.

Комбинация (не очень, правда, надежных) сообщений о Формионе, стратеге V в. (РА 14958), позволяет предположить, что он был разорен штрафом и расходами, связанными с исполнением должности⁷¹. Конфисковано было имущество Фриниха⁷² и Писандра⁷³. Принимая во внимание их (довольно сходную) политическую биографию, надо думать, что к моменту конфискации они были далеко не бедняками.

Гражданин из дема Холлидов, имя которого не сохранилось (по контексту — богатый человек), был разорен гетерой Антигоной⁷⁴.

Наконец, я не вижу, почему бы не оказаться в общих чертах верным традиционному рассказу о «мизантропе» Тимоне (РА 13845), разорившемся в результате «мотовства» и «филантропии». Рассказ этот сохранился, правда в поздней литературе⁷⁵.

Таким образом, к нашему списку добавилось еще 20 (или 15, если исключить пятерых «расточителей») имен. Получается, что мы знаем примерно около 80 богатых афинян, практически утративших свои состояния (случаев потери состояния известно несколько больше, потому что некоторым из перечисленных лиц это удавалось не однажды).

Было бы неосторожно рассматривать эту подборку как полноценный статистический материал, поскольку здесь явно нет случайной выборки. В то же время она достаточно представительна — прежде всего благодаря своей абсолютной величине, которая может быть определена как весьма значительная. В самом деле, по самому придиричному подсчету получается, что нам более или менее точно известна судьба примерно 1/20 тех крупных состояний, которые зарегистрированы Дэвисом (с моими дополнениями эта пропорция еще благоприятнее). Но ведь (не говоря уже о том, что число состояний должно быть несколько меньше, чем численность их владельцев) очевидно, что разорению подверглась только какая-то часть богатых афинских граждан. Это значит (говоря почти наугад, но в верном направлении), что нашу пропорцию нужно поднять, например, до 1/5 или еще выше. Такая пропорция с точки зрения статистики была бы очень высокой. Таким образом, сделанная выше подборка может быть весьма успешно использована, особенно на фоне более широкого дополнительного материала.

Первое, что бросается в глаза, — это абсолютное, удивительно отчетливо выраженное преобладание «внеэкономических» причин обеднения. За исключением двух-трех спорных и нескольких недостаточно ясных случаев, все эти люди потеряли свою собственность вне зависимости от ее

⁷¹ *Paus.*, I, XXIII, 10; *Schol. ad. Aristoph.*, Pax, 347.

⁷² РА 15011; *Schol. ad Aristoph. Lysistr.* 313.

⁷³ РА 11770; *Lys.*, XII, 4.

⁷⁴ *Hyper.*, III; [*Athen.*], col. I, 3.

⁷⁵ *Luc.*, Tim. V, VII; *Alciph.*, II, 32; *Tzetz.*, Chil. VII, 273—286.

состава, от источников постоянных доходов, от личных деловых качеств и т. д.

Приблизительно 2/3 перечисленных лиц подверглись прямому воздействию государственной власти — конфискации, штрафам, изгнанию. Разумеется, это в значительной степени обусловлено состоянием и характером наших источников. Если, скажем, исполнение литургий приводило к некоторым имущественным потерям, то конфискация означала социальное уничтожение. Это было изменение качественного порядка, общеизвестное и бесспорное, регистрируемое самим государством и уже в силу этого обстоятельства привлекавшее преимущественное внимание. Кроме того, около половины наших подопечных — это политические и военные деятели, для которых угроза эйсангелии — политического обвинения и привлечения к суду за взятки или хищения общественных средств — была чуть ли не необходимым элементом карьеры.

В связи с этим стоит сказать здесь несколько слов об одной попытке защитить афинян от обвинения, сформулированного уже в древности, — обвинения в том, что они были «тяжелым народом», так что «выдающиеся люди» из их числа предпочитали держаться подальше от отечества (см. Теопротр. ар. Athen. 532 В). Я имею в виду статью Поля Клоше⁷⁶. Феопомп, правда, говорил главным образом о военных, а Клоше — исключительно о политических деятелях, но речь в сущности идет об одном и том же явлении, а метод и выводы работы Клоше весьма поучительны и имеют общее значение.

Клоше попытался проверить заново тот распространенный в историографии взгляд, что афинские политики подвергались постоянному давлению сикофантов и судебных процессов со всеми сопутствующими этому последствиями. Он сомневается в обоснованности этого мнения и обращается от субъективных оценок древних авторов к тому материалу источников, который касается персональных судеб афинских политических деятелей. Все это можно только приветствовать. По сути дела Клоше прибегает к статистике, и это тоже — по крайней мере в принципе — представляется вполне правильным.

Подборка Клоше включает 40—50 человек — ведущих политических деятелей IV в. О 12 из них нет сведений о том, что они участвовали в судебных процессах. Относительно 16 известно, что они судились однажды. В два процесса были вовлечены 10 человек, в три — двое, о шестерых есть сведения, что они выступали обвинителями или подвергались обвинению многократно (Клоше не выделяет тех, кто известен только в качестве обвинителя, их — 8 человек из 35 участвовавших в процессах).

Вторая статистическая операция, осуществленная Клоше, — подсчет количества сильно пострадавших в результате судебных дел. Их оказывается всего 15—16 человек, т. е. меньшинство (примерно 1/3 общего числа рассматриваемых персонажей). Из крупнейших политиков сюда входят шестеро: Андокид, Эпикрат, Каллистрат, Демад, Демосфен и Фокион. Что касается восьми других видных государственных деятелей: Кефала, Архина, Кефисодота, Гегесиппа, Эмбула, Ликурга, Гиперида и, по-видимому, Фрасибула из Стейрии, то они или вовсе не участвовали в процессах, или не подвергались осуждению.

Эти две операции очень неравноценны и должны быть рассмотрены каждая в отдельности. Первая просто поражает своим легкомыслием. Дело не в том, что при расширении хронологических рамок подборки на V в. и последние десятилетия IV в. доля привлеченных к суду увеличилась бы довольно существенно. Можно смириться также с некоторой субъективностью в самом выборе заслуживающих внимания политических деятелей (почему, например, в список вошел Аристокл, один из пос-

⁷⁶ Cloché P. Les hommes politiques et la justice populaire dans l'Athènes du IVe siècle. — *Historia*, 1960, IX, p. 80—95.

лов в Спарту, но не включены ораторы Питей и Гагнонид, первый из которых, кстати, подвергся изгнанию, а второй — смертной казни?). Суть дела в том, что здесь нет почвы для «любовых» статистических операций. Действительно, надо обратить внимание на то, что из «не подвергавшихся суду» 12 человек о 10 (кроме, пожалуй, Кефала и Кефисофонта) сохранилось вообще чрезвычайно мало сведений. Что мы знаем о Ликефе, Демотионе, Аристокле, Демострате или Эсимае? Среди лиц «с одним процессом» таких почти неизвестных персонажей несколько меньше. И все-таки, кроме Фокиона, ни о ком из них не сохранилось более или менее полных биографических сведений. И так далее — вплоть до того, что из восьми лиц, вовлеченных в три или больше процессов, для четырех (Эсхина, Ликурга, Гиперида и Демосфена) мы располагаем связными биографиями, о Каллистрате и Демаде сохранилось довольно много всякого рода свидетельств, относительно Аристофонта случайно уцелело сообщение, что он привлекался к суду по эйсангелиям 75 раз, и только Эвбул (якобы выступавший только в качестве обвинителя) известен вообще очень мало. Получается, что чем полнее мы знаем биографию афинского политика, тем больше у нас шансов встретить его в качестве участника судебных процессов. Разве не очевидно, что «статистика» Клоше ложна в своей основе, потому что ее «фундамент» составляет просто-напросто недостаточность фактического материала?

Подборка Клоше если вообще о чем-либо свидетельствует, то только об одном: по меньшей мере 3/4 афинских послов и ораторов участвовали в судебных процессах, как минимум, однажды, об остальных (за редкими исключениями) сведений слишком мало. Если же учесть мнение и свидетельства самих ораторов⁷⁷, становится ясно, что они прекрасно сознавали рискованный характер своей деятельности. Наконец, если им нередко удавалось избежать привлечения к суду или осуждения, то мы можем только догадываться о том, каких усилий, компромиссов и материальных затрат им это стоило.

Немногом лучше обстоит дело со второй операцией, осуществленной Клоше, — подсчетом числа осужденных политических деятелей. Правда, сам по себе этот подсчет (в отличие от первого) статистически оправдан: смертная казнь, конфискация и изгнание выдающихся людей — это такие события, которые редко ускользают от внимания современников. Впрочем, и здесь нужно иметь в виду возможный недостаток сведений. Так, об осуждении четырех послов 391 г. стало известно только в 1906 г., после обнаружения нового фрагмента Филохора. Кто может поручиться, что благополучно окончили свою жизнь десятки других политических деятелей, о которых сохранились не более чем отрывочные биографические сведения? В сущности найдется всего десятка полтора-два афинских государственных мужей IV в., относительно которых мы осведомлены достаточно полно: это примерно те 14, которых Клоше выделяет как наиболее крупных. Из них насчет Ликурга известно точно, что он не пострадал⁷⁸. С чуть меньшей уверенностью это можно сказать о Кефале, Архине, Эвбуле. Кефисодот и Гегесипп должны быть оставлены в списке «уцелевших» только под знаком вопроса. Фрасибула из Стейрии, может быть, только смерть спасла от участи Эргокла, его ближайшего сподвижника (см. *Lys.*, XXVIII, 4, 8). Гиперида вряд ли правильно числить среди благополучно избежавших опасностей политической карьеры. Его трагическая смерть, — правда, под давлением внешней силы, но по постановлению народного собрания (*Plut.*, *Dem.* XXVIII, 2, 4), — конечно, была прямым результатом того риска, которому подвергались афинские политические деятели.

⁷⁷ См., например, *Dem.*, XVIII, 249, XXII, 66 = XXIV, 173; *Din.*, I, 100; ср. [*Dem.*], X, 70.

⁷⁸ Но см. [*Plut.*], *Mor.* 842 A, F — о нем самом; *ibid.*, 842 E; *Dem.*, *Ep.* III, 7, 10, 13 — о его сыновьях.

Но в конце концов попробуем согласиться с подсчетами Клоше, имея, однако, в виду, что поправки ослабят его аргументацию. Допустим, что «только» $1/3$ (если не $1/2$) афинских государственных деятелей кончила свою карьеру смертной казнью, изгнанием, разорительным штрафом или тюремным заключением. Много это или мало? Наверное, найдутся другие общества и эпохи, в которые такой пропорцией трудно было бы кого-нибудь удивить. Но в условиях сравнительно стабильной демократической системы, какую представляли собой Афины IV в., при всей разнице во вкусах надо признать ее, пожалуй, очень высокой. И я думаю, что усилия Клоше оказываются полезными прежде всего в том отношении, что собранный им материал подкрепляет точку зрения, противоположную его собственной.

В одном отношении позиция Клоше, по-видимому, может быть поддержана. Судебные процессы и даже осуждение отнюдь не означали окончательного политического крушения. Смертная казнь фактически сводилась к изгнанию, штраф мог быть выплачен, уменьшен или прощен, конфискация имущества не приводила к полному разорению. Имелось, очевидно, немало средств как-то приспособиться к свирепости судов, и «политики» обнаруживали иногда в этой обстановке поразительную живучесть, пока непоправимая ошибка или неблагоприятное стечение обстоятельств не приводили их к гибели.

Вне рамок работы Клоше остались афинские стратеги. Между тем эта категория граждан (обладавшая чуть ли не наибольшими возможностями обогащения) была, наверное, не меньше подвержена опасности народного гнева, чем ораторы и послы⁷⁹. Со времени Греко-Персидских войн (Plut., Aristid. XXVI, 5; ср. 2) и кончая правлением Лахара (P. Oxy, XVII, 2082, fr. 2) известны десятки случаев привлечения стратегов к суду. В последний момент в мое поле зрения попала работа Хансена, собравшего материал о процессах, явившихся результатом эйсангелий — обвинений в государственных преступлениях⁸⁰. В 34 случаях эйсангелии вносились против стратегов — больше, чем против других должностных лиц (19) и политических деятелей (17). В подавляющем большинстве случаев дело кончалось осуждением, обычно смертным приговором, реже крупным штрафом. Таким образом, эйсангелии были оружием, которое народ направлял преимущественно против своих военачальников⁸¹. Можно только присоединиться к этому выводу Хансена. Вместе с тем его работа заставляет еще раз вспомнить, сколь часто обсуждалось политическое значение этих бесчисленных судебных процессов и как редко — если когда-нибудь вообще — в качестве отдельной проблемы — привлекала внимание их социально-экономическая сторона. Между тем именно для политических и военных деятелей особенно характерно быстрое и радикальное обогащение. С этой точки зрения обвинения против ораторов и стратегов можно рассматривать как своего рода реакцию на возникновение «сверхбогатства». Очевидно, что в таком небольшом обществе, как Афины, конфискация имущества нескольких десятков (а может быть, нескольких сотен?) богатых людей означала перераспределение собственности в довольно широких размерах.

Разумеется, казни, конфискации имущества и штрафы не ограничивались узким кругом ораторов и высших должностных лиц. Сведения о репрессиях — массовых и индивидуальных — во множестве рассеяны в афинской литературе (см. общую сентенцию Isocr., XV, 160), а в какой-

⁷⁹ См. в общей форме: *Aristoph.*, Eq. 288; *Plato*, Resp. 553 B; [*Plato*], Alcib. II, 141 E — 142 B; *Dem.*, IV, 47; [*Dem.*], XIII, 5; ср., впрочем, *Dem.*, II, 29; *Hyper.*, IV; [*Euxen.*], 2.

⁸⁰ *Hansen M. H.* Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B. C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975.

⁸¹ *Ibid.*, p. 58—65.

то мере и документально засвидетельствованы «Аттическими стелами» и «Отчетами полетов».

Сравнительно скромное место в нашей коллекции занимают выполнение литургий и тем более уплата военного налога. В научной литературе по этому вопросу в общем преобладает некая срединная точка зрения: выполнение общественных повинностей требовало значительных затрат и могло привести к временным материальным затруднениям, но по большей части не было разорительным. Подразумевается, по-видимому, что оно осуществлялось за счет доходов, а не «основного капитала». Если мы читаем о случаях, выпадающих из этой картины, то здесь сказываются либо какие-то исключительные обстоятельства, либо легкообъяснимое стремление преувеличить расходы отдельных граждан на государственные нужды.

Вероятно, нужно согласиться с этой позицией умеренного скептицизма, но с одной оговоркой. В чем бы ни состояла пресловутая «тимема» — оценка имущества, представляется самоочевидным, что денежные средства, заключались ли они в наличных деньгах или в ссудах, легко ускользали от обложения. Вероятно, это обстоятельство лежало в основе различия между *ὄσία φαυρά* и *ὄσία ἀφανής* — «видимым» и «невидимым» имуществом. Наложение литургий в значительной степени зависело от доброй воли богатого человека — именно от того, какую часть своих денежных средств он готов был сделать «видимой» и, следовательно, подлежащей литургиям. Это означало, что «тимема» во многих случаях совершенно не соответствовала реальной величине имущества, причем в наиболее выгодном положении оказывался тот, кто обладал богатством в преимущественно денежной форме. Понятно, что жертвами такой системы должны были оказаться как раз не очень богатые люди, в имуществе которых большее место занимали недвижимость, рабы и т. д. Для них литургии могли представлять весьма тяжелое бремя. Иначе невозможно понять частые ссылки на разорительность триерархии⁸², хорегии⁸³, литургий и взносов в целом⁸⁴. В тех случаях, когда речь идет о разорении в ходе войны, также, вероятно, имеются в виду (по крайней мере отчасти) литургии и взносы. О финансовых затруднениях, сопряженных с триерархией, по-видимому, свидетельствуют частые указания на задолженность бывших триерархов, имеющиеся в отчетах попечителей верфей (надписях типа *tabulae curatum navalium*), особенно, конечно, те, где сообщается о взыскании через суд удвоенной суммы.

Разумеется, степень того ущерба, который претерпевали крупные состояния в результате исполнения литургий, определялась очень конкретными обстоятельствами. Если, например, в период Декелийской войны этот урон мог оказаться разорительным (см. *Isocr.*, XVIII, 62—64), то в обычные времена, надо полагать, он мог привести к временным затруднениям, займам (*[Dem.]*, L, 17, 56), закладу собственности (*Dem.*, XLVII, 54; *[Dem.]*, L, 7, 13, 61), лишь иногда — к продаже (характерно, что у *Dem.*, XLVII, 54, говорится о продаже домашних вещей). Складывается впечатление, что эти расходы, как правило, не приводили к потере недвижимости, но на денежные средства они могли повлиять довольно сильно.

С этой точки зрения поучительны некоторые сообщения Лисия. Во-первых, персонаж из XIX речи якобы истратил на нужды государства 2/3 своего состояния. Во-вторых, из той же речи видно, что Аристофан, сын Никофема, израсходовал попавшее в его руки большое состояние (около

⁸² См. например, *Aristoph.*, Eq. 912—918; *Lys.*, XXIX, 4; *Xen.*, Vect. III, 8; *Isocr.*, XVIII, 62—64; *Aeschin.*, III, 19; *Dem.*, XVIII, 102 sqq.; *Hyper.*, fr. 43 (134); а также о бесконечных затруднениях Аполлодора: *[Dem.]*, L, passim.

⁸³ *Dem.*, XXI, 61; *Plut.*, Mor. 349 B.

⁸⁴ *Xen.*, Oecon. II, 5—7; *Lys.*, XXVI, 22; XIX, 9, 59; ср. XIX, 42; *Isae.*, V, 43, fr. 29 [H.]; *Isocr.*, VIII, 128; *Theophr.*, Char. XXVI, 6; ср., правда, *Dem.*, XXXVIII, 26, ср. 25, но и *Dem.*, XXI, 189.

15 талантов ⁸⁵) следующим образом: пять с чем-то талантов пошло на покупку недвижимости, около трех потребовали литургии, почти семь было истрачено на экспедиции в Сицилию и на Кипр. Очень любопытное соотношение! Подробно перечисляет свои расходы на литургии подсудимый в XXI речи Лисия ⁸⁶ (около 10,5 талантов за срок приблизительно в 10 лет). Дэвис, может быть, правильно вычисляет по размерам уплаченного военного налога возможную общую стоимость имущества, определяя ее в 20—30 талантов. Пожалуй, эту цифру следует воспринимать как минимальную. Но в расчетах Дэвиса предполагается, что траты осуществлялись из дохода, так что состояние сохраняло свои размеры. Подтверждение этому он видит в том факте, что гражданин, для которого была написана речь, нигде не упоминает (как это нередко случалось в афинской судебной практике) об уменьшении своего имущества в результате затрат на общественные нужды.

В этом конкретном случае Дэвис в конце концов может оказаться прав. Но независимо от этого весь его подход к делу представляется мне сомнительным в самой своей основе. Дэвис, по-видимому, убежден, что собственность нашего афинянина была (хотя бы в основном) продуктивной собственностью, а между доходами и расходами соблюдался некий разумный с нашей точки зрения баланс. В действительности для афинского «сверхбогатства» этот «коммерческий» ход рассуждений приемлем только в очень ограниченных пределах. Я бы сказал, что в каждом отдельном случае мы можем ожидать каких угодно отклонений: собственность сплошь и рядом оказывалась абсолютно непродуктивной, а баланс доходов и расходов привел бы в отчаяние современного бухгалтера. Что касается подсудимого в XXI речи Лисия, то, если можно опираться на эту необязывающую формулировку, он как раз указывает, что тратил на общественные нужды «отцовское наследие» (τὴν πατρῶαν οὐσίαν — § 22). Развивать эту тему ему было непелесообразно, потому что сама его защита построена в значительной части на обещании и впредь служить государственным интересам (§ 14). Не лишним будет заметить, что этому человеку — как и множеству других! — в случае проигрыша дела грозила потеря состояния.

Дэвис полагает, что небезопасно считать эту «литургическую карьеру» типичной для афинского высшего класса, поскольку у подсудимого были, по-видимому, особые основания угодить государству и сам он подчеркивает, что расходовал много больше нормы. Это довольно тонкое и, вероятно, верное соображение. Но дело-то в том, что «особые основания» находились достаточно часто, чтобы самим стать в определенном смысле типичными, хотя они, разумеется, могли быть одними у персонажа из XXI речи Лисия, другими — у Аристофана, сына Никофема, третьими — у Аполлодора, четвертыми — у опекунов Демосфена, может быть, пятыми — у того афинянина, который якобы истратил на литургии всю свою собственность, оставшуюся незаложенной (Isae., fr. 29 Ih.). Одним из наиболее распространенных мотивов было, наверное, стремление приобрести репутацию патриота на случай возможных жизненных осложнений (как с наивной откровенностью разъясняет Лисий в XXV, 13; ср. XXVI, 3—4). Но не последнее место занимало и то, что греки называли φιλοτιμία — понятие, очень приблизительно переводимое как «благородное честолюбие». Любопытно (и звучит несколько комично в современных условиях), что Аристотель предлагает удерживать от лишних трат богатых людей, желающих выполнить хорегии и т. п. дорогостоящие, но бесполезные общественные повинности ⁸⁷.

⁸⁵ Davies. Op. cit., p. 202.

⁸⁶ О нем см. ibid., p. 592 f.

⁸⁷ Arist., 1309 a 14—20; ср. Isocr., VII, 53; Dem., XXI, 61; Cic., De off. II, 56 — со ссылкой на мнение Теофраста и чрезвычайно характерной его критикой.

Тяжесть литургий для богатых в сущности не поддается измерению как раз потому, что она варьировалась в каждом отдельном случае. Очевидно, что иногда литургии в самом деле оказывались разорительными. Но общественные повинности в целом — это только часть определенной системы социального балансирования. Другим ее звеном были крупные штрафы и конфискации имущества. Третьим была деятельность сикофантов, естественно, касающаяся в первую очередь богатых граждан. Разумеется, сикофанты обычно ограничивались «пощипыванием» крупных состояний, но размеры вымогательств могли быть и очень значительными. Страх Никия перед сикофантами и его готовность откупиться за них деньгами высмеивались в комедии (Plut., Nic. IV). Сикофанты нападали на Каллия (Aristoph., Av. 285—286), Хармида (Xen., Symp. IV, 30), Критона (Xen., Mem., II, 9, 1), Исхомаха (Xen., Oecon. XI, 21), богатого подсудимого в XII речи Лисия (§ 21), даже на крупнейшего государственного деятеля Ликурга (Plut., Mor. 842 A). Наконец, в афинских условиях очень большую роль если не в ликвидации, то в дроблении и перераспределении крупных состояний должны были играть судебные решения по имущественным процессам. Мы по большей части не знаем их содержания, но ясно, что во многих случаях тот или иной результат тяжбы обогащал одну сторону за счет другой.

Для оценки этой системы существенны два обстоятельства. Очевидно, что ее действию подвергались преимущественно крупные состояния. Это само собой разумеется, в отношении литургий с оговоркой, сделанной выше, и деятельности сикофантов, как хорошо понимали уже сами древние⁸⁸. Конфискации или штрафу могли подвергнуться, разумеется, граждане самого различного имущественного уровня. Но здесь вступали в силу по крайней мере три фактора, превращавшие богатых в главный объект репрессий: сам характер судебных дел, связанных в значительной части с предполагаемым или действительным присвоением общественных средств; атмосфера суда и народного собрания, где недоброжелательство к богатым оказывалось вполне естественным⁸⁹; чисто финансовые соображения⁹⁰.

Социальный смысл давления на крупные состояния был ясен современникам. Это давление препятствовало безграничной (а главное — устойчивой) концентрации собственности⁹¹. Не столь однозначен ответ на другой вопрос — какую пользу получал демос от суровых судебных приговоров. Лисий (XVIII, 16—18) и Платон (Resp. 565 A—C) подчеркивают, что большая часть средств, которые давали конфискации, попадала в руки ораторов и демагогов. Следует, наверное, предположить, что это обвинение содержит в себе как долю истины, так и сильный элемент тенденциозности.

Разумеется, рядовые афинские граждане получали непосредственные материальные выгоды в тех случаях, когда конфискованное имущество подвергалось прямому разделу⁹², и косвенные — когда за счет его продажи обеспечивалась уплата жалованья (Lys., XXVII, 1) или иные расходы, производимые в интересах гражданства в целом. Нормальная процедура заключалась в распродаже конфискованного имущества. Отчеты о продаже сохранили слишком мало материала, чтобы на их основании можно было делать какие-то выводы о социальном составе покупателей.

⁸⁸ Xen., Mem. II, 9, 1, 5; ср. IV, 2, 35; Symp. IV, 30; Oecon. XI, 21; Isocr., XXI, 5; [Dem.], LVIII, 65.

⁸⁹ Aristoph., Vesp. 240—244, 286—289, 575; Lys., XXI, 15; XXVII, 11; Isocr., XV, 31, 154; Isae., XI, 37—38; Hyper., IV [Euxen.], 32; Arist., Polit. 1320 a 10—11; ср. 13—14; ср. [Xen.], Resp. Athen. I, 13 и 16. О социальном составе гелиэи см. Андреев В. Н. Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии. — ВДИ, 1960, № 4, с. 142—144.

⁹⁰ Lys., XIX, 11, 50—51; XXVII, 1; XXX, 22; Arist., Polit. 1320 a₁₇₋₂₂.

⁹¹ Isocr., XV, 156; ср. VIII, 130; [Xen.], Resp. Athen., I, 13.

⁹² См. [Plut.], Mor. 843 D; ср. Plato, Resp. 565 A.

В нашем распоряжении, однако, есть группы документов, представляющих собой близкую аналогию этим отчетам: надписи типа *rationes centesimarum*, отчасти надписи об аренде рудников и — в несколько меньшей степени — об аренде общественной недвижимой собственности. Во всех этих случаях, по-видимому, наряду с богатыми афинянами, располагавшими свободными денежными средствами, в операциях принимала участие — пусть на более скромном уровне — значительная масса граждан. Представляется очень вероятным, что положение с покупкой конфискованных имуществ было в общем сходным. Это значит, что демос осуществлял в сущности экспроприацию крупных собственников, исходя из собственных, сугубо материальных интересов. Может быть, в социально-психологическом отношении не менее важен тот моральный выигрыш, который конфискации предоставляли народу (см. характерное место у Аристофана — *Vesp.* 550—558, ср. 575). Понятно, что политика конфискаций оценивалась как проводимая демагогами и ораторами «в угоду демосу»⁹³.

Было бы, пожалуй, известным упрощением усматривать во всем этом целенаправленную и последовательную «политическую линию» афинской демократии. В этой области рассуждения по аналогии с современностью толькo же чреваты ошибками, как и в вопросах, касающихся античной экономики. «Социальная политика» Афинского государства складывалась стихийно и почти всегда сохраняла значительную долю весьма консервативного оппортунизма. Вместе с тем, я думаю, можно считать систему литургий, штрафов, конфискаций и т. д. своеобразным проявлением классовой борьбы, нацупанной афинским демосом формой имущественного нивелирования и перераспределения собственности без радикальной ломки общественных отношений.

Есть один способ утраты состояния, о котором Дэвис, как мы уже не раз имели случай наблюдать, говорит чрезвычайно сдержанно и, пожалуй, только в тех случаях, когда этого совершенно невозможно избежать. Я имею в виду то явление, которое греки обозначали словом *ἀσούτια*, т. е. распущенность, расточительность, «мотовство». Позиция Дэвиса понятна: обвинения в расточительности напоминают инсинуации или имеют анекдотический привкус, проверить их, как правило, невозможно, конкретные факты и цифры здесь обычно не приводятся.

Между тем в нашей подборке траты на непроизводительные цели, будь то чрезмерное патриотическое честолюбие, разные виды «филантропии» или безрассудная роскошь личной жизни, занимают второе место после конфискаций и штрафов. Я насчитываю приблизительно 13 такого рода случаев, хотя было бы смешно настаивать здесь на какой-то точной цифре. Это число может быть увеличено за счет лиц, обладавших состоянием среднего размера или недостаточно твердо засвидетельствованных в качестве богатых, а также за счет тех, о ком нет сведений, что они в результате своего «мотовства» подверглись окончательному разорению⁹⁴. Однако, по-видимому, при таком перечислении мы ни на шаг не продвигаемся дальше тривиального вывода о том, что немалое число афинских граждан, справедливо или не совсем, приобрело репутацию «расточителей». Суть проблемы состоит, наверное, в том, можно ли рассматривать это многообразное «мотовство» как некое социальное явление, присущее древним Афинам (или античному миру в целом?) в более широких масштабах, чем другим обществам или по крайней мере большинству из них. Не обладало ли оно здесь, так сказать, большей результативностью?

⁹³ *Dem.*, VIII, 69; ср. 71; *Arist.*, *Polit.* 1320 a₄₋₆.

⁹⁴ См., например, о Гегесаядре — *Aeschin.*, I, 95; о Тимархе — *Aeschin.*, I, 95, 98—99; ср. 154; об Алкивиаде «Младшем» — *Lys.*, XIV, 27; о Критоне — [*Dem.*], XL; о Ксенэвете II — *Isae.*, X, 25; О Фоке, сыне Фокиона, — *Athen.*, 168 E.

Эта проблема может быть решена только на фоне и в связи со всей социально-экономической жизнью Афин V—IV вв. до н. э. И я убежден, что ответ на только что сформулированные вопросы должен быть безусловно положительным. Кажется, уже обилие терминов, обозначающих непроеизводительные расходы, само по себе говорит в пользу этого взгляда. Но, разумеется, гораздо важнее для нас тот обширный материал, который может быть почерпнут из афинской литературы.

В самом деле, «расточитель», чаще всего молодой человек, получивший или еще не получивший наследства, — это один из типичных персонажей комедии⁹⁵. Нередко это обвинение направлено против вполне (или предположительно) реальных лиц: против оратора Каллисфена, PA 8090 — Antiphan., fr. 26 K; Полиевкта, может быть, PA 11950 — Anaxandrid., fr. 45 K; Диодора — Alexid., fr. 105 K; Эпихарида — idem., fr. 246 K; ср. о Критоне, PA 8817 — [Dem.], XL, 58. В сущности эта тема в античной литературе почти неисчерпаема. Люди, растратившие состояние, иногда воспринимались как своего рода «социальная прослойка»⁹⁶.

Эта весьма неполная подборка (я фиксировал преимущественно те места, где выражена идея разорения в результате «мотовства»), как кажется, вполне достаточна для нашей цели: очевидно, случаи расточительства были достаточно многочисленными, чтобы современники оценивали их как широко распространенное явление, признак и болезнь своего века. Они делали это с более или менее отчетливой (нередко вовсе не ощущаемой) гримасой осуждения и насмешки.

В оценке «мотовства» древними авторами сказались, может быть, общественно-психологические установки, противоположные тем, на которых была впоследствии вскормлена ранняя буржуазия. Здесь достаточно отметить, что сами эти античные взгляды выросли на почве очень специфичной социально-экономической реальности. В этой реальности «расточительность» как таковая незаметно переходила в общепризнанные гражданские добродетели. Афинские авторы предполагают возможность разорения в результате трат на друзей⁹⁷ и вообще «благотворительности»⁹⁸. Имеются бесчисленные свидетельства добровольных и превышающих обычные стандарты расходов, произведенных в угоду личному и полисному честолюбию, ради популярности и поддержания престижа и т. д., причем литературные источники находят здесь сильное подтверждение в материалах эпиграфики. Кстати говоря, кочующая со времен Демосфена идея о возрастающем нежелании богатых граждан тратиться в интересах государства представляется далеко не бесспорной. Что касается личного потребления, то его неуклонный рост, как кажется, никем не оспаривается. Цицерон нарисовал однажды прямо-таки драматическую картину той в конечном счете безнадежной борьбы, которую вели государственные деятели Афин, пытаясь ограничить роскошь погребений (De leg. II, 26, 64, 66). Такие же попытки предпринимались и в других областях греческого мира.

Расточительность, роскошь и филантропия появляются, вероятно, повсюду, где достигнут определенный уровень материального благосостояния и имущественного неравенства. Речь может идти, по-видимому, только о масштабах и, так сказать, «органичности» этих явлений. Если взять их во всей совокупности, создается впечатление, что в древних Афинах они составляли характернейшую черту общественной жизни.

⁹⁵ См., например, *Aristoph.*, Nub. 12—18, 438—439 и passim; *Plut.*, 242—244; *Men.*, fr. 287 Körte; *Anaxipp.*, fr. 1 K, Adesp., fr. 848 K.

⁹⁶ См. *Lys.*, XIX, 10; XXIV, 19; *Xen.*, Mem. I, 2, 22; *Oecon.* I, 20, 22; *Hell.* VI, 3, 16; *Plato*, Resp. 555cd, 572e, 573a, 573e, 574a; *Phaedo* 82c; *Protag.* 353 cd; *Isocr.*, VIII, 4, XII, 140, ср. XV, 305; *Aeschin.*, I, 30, 194—195; ср. *Hegesipp.*, fr. I K, ll. 29—30.

⁹⁷ См., например, *Aristoph.*, *Plut.* 829—833; *Isae.*, V, 43.

⁹⁸ *Xen.*, *Oecon.* II, 5; ср. *Plut.*, Sol. II, 1; [*Dem.*], XXV, 86.

Это обстоятельство может получить удовлетворительное объяснение с тех позиций, которые я ныне пытаюсь обосновать. «Сверхпотребление» было естественным результатом «сверхбогатства», и здесь действовало несколько факторов.

1. Относительная легкость приобретения и, с другой стороны, утраты состояния не способствовала ни самому процессу накопления, ни торжеству психологии бережливости. Пожалуй, скупость в собственном смысле слова получила в античной литературе непропорционально скудное отражение. И не на любой социально-экономической основе могло развиваться учение киренаиков.

2. Если образованные греки ценность богатства видели прежде всего в его использовании, а щедрость весьма высоко котировалась у них в шкале добродетелей (в пользу этих тезисов можно привести немало аргументов, начиная с этимологических), — это также находит, я думаю, очень материальное объяснение. В греческом обществе «классической» эпохи не было единственной серьезной альтернативы «жизни на широкую ногу» — не было возможности вложить деньги в производство, добиться его расширения, установления монополии и т.п. Простая концентрация средств производства в одних руках была затруднительна, политически небезопасна и, наверное, не давала ощущения контроля над экономикой и власти над людьми. Способ производства, свойственный грекам (или древним народам вообще?), по необходимости оставлял им как возможную реализацию денежного богатства главным образом накопление сокровищ или непроизводительные траты самого разнообразного характера.¹

3. Греческие *φιλότητις*, *μεγαλοπρέπεια* и *φιανδρωπία* кажутся, так сказать, «нерентабельными» только с нашей современной точки зрения. Для самих греков они имели, вероятно, немалый практический смысл. Они давали выигрыш в виде популярности, приобретения сторонников, дружеских связей и т. п. Таким образом, они становились своего рода «страхованием», резервом на случай внезапных политических и финансовых катастроф. Мне кажется, что хотя бы отчасти такое же значение имели многочисленные займы, нередко дружеские и беспроцентные, иногда предоставляемые за пределы государства. Во всяком случае, менее всего это были «вложения в промышленность и торговлю», по крайней мере с позиций кредиторов. Может быть, и развитие отношений гостеприимства следует в какой-то мере отнести на счет того же самого стремления обеспечить себе пространство для дальнейшего маневрирования?

Пожалуй, самая объективная и глубокая основа античного «мотовства» состояла просто в том, что «капитал», накопленный в денежной форме и несколько не «сросшийся» с производством, как бы самой природой был предназначен именно для такого рода «реализации». Изъятие его из кубышки не влекло за собой никаких серьезных социально-экономических последствий. «Расточение» с этой точки зрения представляется единственной возможной формой его «использования».

Итак, как кажется, огромные непроизводительные траты, сплошь и рядом ведущие к значительному уменьшению (а то и исчезновению) крупных состояний, — это социальный феномен, порождаемый античностью неизбежно и в размерах, может быть, более широких, чем в любом другом обществе.

Я не рассматриваю здесь вопрос о дроблении больших состояний в результате наследования. Этот процесс, по-видимому, не является характерным для афинского богатства. Не видно, чтобы распыление имущества в итоге раздела между наследниками воспринималось самими афинянами как сколько-нибудь болезненная социальная проблема. Здесь могли действовать, пожалуй, следующие причины.

1. При всей неполноте соответствующего материала все же создается впечатление, что средние афинские семьи были невелики. Население в це-

лом росло незначительно, а в IV в. даже уменьшилось по сравнению с V в.

2. Индивидуальные отклонения от этого правила регулировались с помощью таких институтов, как совместное владение имуществом и удивительно широко распространенный обычай усыновления чужих детей.

3. «Лишним» сыновьям предоставлялись многообразные возможности создания собственного хозяйства без ущерба для интересов семьи. Возможно, как раз относящимися сюда соображениями отчасти объясняется присутствие афинян из богатых семейств среди клерухов, колонистов, эмигрантов и наемников.

Какое же место мы должны отвести экономическим факторам в процессе исчезновения крупных состояний? Совершенно ничтожное — такой по сути дела ошеломляющий ответ подсказывает наша подборка. Действительно, только несколько человек могут быть с большей или меньшей долей вероятности причислены к разорившимся в силу экономических причин. Это — Аристолах (см. выше), Каллий и Никерат, причем две последние атрибутации, как я пытался показать, не основаны на материале источников.

Можно возразить, конечно, что экономические затруднения не отразились в источниках достаточно полно в силу самой их специфики. Такого рода разорение не было, как правило, быстрым и окончательным (в отличие, например, от разорения в результате конфискации). Оно, так сказать, не бросалось в глаза. Оно не давало авторам комедий столь выигрышного материала, как расточительность. В суде ссылки на траты в интересах общества звучали, конечно, несравненно внушительнее и т. д. Эти возражения были бы вполне резонны, а наша подборка, таким образом, в этом отношении недостаточно «репрезентативна». Очевидно, нужно рассмотреть вопрос более широко, на фоне всей социально-экономической жизни Афин и с привлечением возможно более разнообразных источников.

В греческой литературе неоднократно упоминается разорение в результате войны. По сообщению Плутарха, значительная часть афинской богатой знати обеднела в результате персидского нашествия (Aristid., XIII, 1—2). Разумеется, таково же было влияние Пелопоннесской войны (Dem., XX, 10; ср. Isocr., XV, 319). Во время войны лишились имущества Полистрат и его сыновья (Lys., XX, 33), отец Эсхина АтрOMET (Aeschin., II, 147), Теодор и Исократ (XV, 161; ср. [Plut.], Mor. 837 A). Такие же жалобы раздавались по поводу Коринфской войны (Lys., XXVIII, 3—4).

Но что здесь, собственно, имеется в виду? Обеднение было в этих случаях, по-видимому, прямым следствием двух главных обстоятельств: опустошения земельных владений неприятелем и увеличения финансового бремени, налагаемого на богатых граждан государством. Может быть, сюда нужно прибавить бегство рабов, а также потерю заграничных владений⁹⁹. Таким образом, хотя война сама по себе в известном смысле экономическое явление, ближайшие причины потери или уменьшения состояний оказываются явно не экономическими. Правда, в число этих причин могла входить и общая неблагоприятная конъюнктура, создаваемая военными условиями, что в какой-то мере подтверждается весьма любопытными, хотя и несколько гротескными эпизодами в «Мире» Аристофана (см. особенно 1210, 1212—1213, 1250—1252 о разорении оружейников и торговцев оружием после заключения мира). Нужно, впрочем, принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, колебания спроса должны были сказываться преимущественно на мелких ремесленниках, значительно меньше затрагивая людей, обладавших крупными денежными средствами и разнообразным доходным имуществом. Во-вторых, влияние античных войн на движение цен (за исключением таких относительно кратковременных явлений,

⁹⁹ Xen., Mem. II, VIII, 4; Symp. IV, 31; [Dem.], VII, 10.

как осада и морская блокада городов) столь мало прослеживается в источниках, что благоразумнее всего считать его не очень существенным¹⁰⁰.

Еще более отчетливое впечатление создается, если обратиться к торговле. В самом деле, торговля постоянно рассматривалась как занятие выгодное, но рискованное. Здесь было, может быть, легче нажать состояние, чем в любой другой отрасли хозяйства, но легче и потерять его. Но вот что характерно: нет ни одного свидетельства о том, чтобы купец разорился в силу конкуренции, неудачных торговых операций или неблагоприятной экономической конъюнктуры. Речь идет совсем о другом. Так, рисуя опасности морской торговли, Андокид говорит о неприятельских триерах и пиратах, о плене и кораблекрушениях (I, 137—138). Лисий в аналогичном случае несколько «ближе к экономике»: он также упоминает разбойников, «убыток» (*ζημία*, — по-видимому, в этом контексте невозможно определить, что именно имеется в виду) и долг кредиторам (XXII, 1, 29). Наконец, Патэк в комедии Менандра из состоятельного человека превратился в нищего, когда потонул его корабль (или корабль с принадлежащими ему товарами — *Pericir.*, 376—381). Несомненно, если не в античности вообще, то по крайней мере в Греции V—IV вв. до н. э. неприятности морской торговли ассоциировались в первую очередь с нападениями пиратов и кораблекрушениями. Ведь рынок сбыта для греков был практически неограниченным. Это в сущности подразумевается в речи Лисия против хлебных торговцев (см. особенно § 14—15) и в широко известном месте у Ксенофонта (*Oecon.* XX, 27—28). Афинские законы о торговле представляли собой, пожалуй, довольно неуклюжую и не совсем обычную для античности попытку преодолеть понятные неудобства именно такого положения вещей.

Участие в эксплуатации серебряных рудников, по свидетельству античных авторов, иногда приводило к крупным финансовым потерям, а иногда и к разорению «предпринимателей»¹⁰¹. Речь идет главным образом о не оправдавших себя затратах на организацию работ (*IDem.*], XLII, 3, 21)¹⁰².

В области кредита богатство оказывалось подверженным, может быть, наибольшему риску¹⁰³. Очевидно, однако, что денежные потери, связанные с займами, и в частности банкротства трапедзитов, не столько были обусловлены общим состоянием афинской экономики, сколько зависели от личных качеств заимодавцев и должников, от политических событий (типичная ситуация — *Isocr.*, XXI, 2—3, 7; ср. *Polyaen.*, VI, 2, 2), от превратностей морской торговли и т. д. Здесь нет аналогии с современностью: денежное богатство, составлявшее источник кредитования, было в общем невелико, изолировано и не связано органически с «промышленностью», а формы кредита недостаточно развиты. Можно, наверное, предположить, что опасность представляли преимущественно «морские» займы, займы «иностранцам» и т. п., т. е. операции, имеющие оттенок профессионализма. Между тем граждане в общем мало участвовали в профессиональном кредитовании.

Все эти факторы, разумеется, приобретают экономическое значение. Но они не «вырастают» из экономики, а в основном, так сказать, привносятся в нее извне. И отнюдь не создается впечатления, что они, за исклю-

¹⁰⁰ Ср. о независимости арендной платы от событий политической истории: *Kent J. The Temple Estates of Delos, Rheneia and Mykonos.* — *Hesperia*, 1948, XVII, p. 307.

¹⁰¹ *Xen.*, *Vect.* IV, 28—29; *Athen.*, VI, 233 E; ср. *Strabo*, III, 2, 9 (p. 147); *Diod.*, X, 37.

¹⁰² *Андреев В. Н.* Лаврийские серебряные рудники как источник частного обогащения в V—IV вв. до н. э. — *ЛГПИ им. Герцена*, XXX Герценовские чтения, 1977, с. 103—107.

¹⁰³ См. характерное рассуждение *Dem.*, XXXVI, 11; ср. [*Dem.*], XLIX, 68 и соответствующий материал в статье: *Глушкина Л. М.* О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н. э. (Афинские трапедзиты). — *ВДИ*, 1970, № 3, с. 17—43.

чением, пожалуй, военных действий с их ближайшими и отдаленными последствиями, сколько-нибудь существенно отражались на благополучии афинской имущественной элиты.

Итак, мы получили чисто негативный результат, и он возвращает нас к исходному пункту рассуждений. Нет таких материалов, которые позволяли бы предполагать обеднение сколько-нибудь значительной части афинской имущественной элиты в силу причин экономического характера. Более того, не видно тех предпосылок, которые могли бы привести к подобному процессу. И еще больше — вряд ли в античности существовали такие хозяйство и общество, в которых могли бы сложиться самые эти предпосылки.

Отсюда следует, что огромное преобладание случаев «внеэкономического» разорения не может быть целиком (или даже в основном) отнесено на счет неполноты наших источников, чем бы последняя ни была обусловлена. Это преобладание, по-видимому, в общем верно отражает действительность. В этом отношении, как и во многих других, лучше всего уловили и выразили особенности своего общества сами древние греки.

THE INSTABILITY OF WEALTH IN FIFTH AND FOURTH CENTURY ATHENS

V. N. Andreyev,

The author bases his conclusions on particular instances, gleaned from the sources, of financial ruin suffered by wealthy and less wealthy citizens, and on a study of the causes of such disasters as presented in the ancient literature. When Athenians discuss this problem it does not occur to them to lay the blame on general economic upsets or on competition: they talk about taxes and obligations, court trials, of ransoming captives, money spent on helping friends, «excessive consumption», and the like. J. K. Davies takes note in his «Register» of the complete or partial impoverishment of approximately 40 wealthy Athenians. The present author, in considering this list, proposes some additions and corrections. He finds that Davies is inclined to «improve on» economic elements in the material. As for the particular instances, Davies misses some and leaves certain persons out entirely. If these were taken into account, the numbers of ruined or seriously impoverished rich or well off citizens would rise to 80. Almost all the bankruptcies recorded in the sources are due to extra-economic factors and two thirds of all of them result from direct state pressure. About 13—15 (or more) large fortunes vanished or were greatly reduced by nonproductive expenditure on public and personal needs.

Е. С. Богословский

СТАТУЯ СОВРЕМЕННОКА ТХУТМОСЕ IV В МУЗЕЕ ЗАРУБЕЖНОГО ИСКУССТВА ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Статуя инв. № СК-95 поступила в Музей зарубежного искусства Латвийской ССР (г. Рига) ¹ по акту от 28 июля 1950 г. из Краеведческого музея (бывший Курляндский провинциальный музей) в г. Елгава (Митау) (см. рис. 1—6). По сообщению сотрудников музея в Риге и Краеведческого музея в Елгаве других документов о ее происхождении нет. Можно лишь предположить, что она попала в Митау, когда город был еще столицей Курляндского герцогства (до 1795 г.), т. е. по меньшей мере в XVIII в. Если предположение подтвердится, то статуя будет первым специально коллекционным древнеегипетским памятником, привезенным на территорию СССР. Все прочие египетские древности были привезены в XIX в. ² (не считая, разумеется, тех, которые найдены в ходе археологических исследований в XIX—XX вв.).

В 1931 г. статуя была опубликована известным египтологом В. Врешински ³; тогда она находилась в Курляндском провинциальном музее в г. Митау. Согласно публикации, В. Врешински не видел статуи и подготовил издание на основе фотографий, предоставленных ему Курляндским обществом литературы и искусства. Египетский текст в публикации передан типографским набором с опечатками, так как начитанный в источниках участник создания словаря египетского языка В. Врешински, например, не мог сделать явной ошибки, отмеченной в прим. 11 к тексту (см. ниже).

Целью нового издания, основанного на изучении самого оригинала, является, во-первых, устранение многочисленных неточностей старой публикации, в частности — благодаря результатам реставрационной расчистки (детали знаков закрыты цементом уже на фото в публикации В. Врешински); во-вторых, реконструкция всего текста целиком; в-третьих, определение художественной ценности статуи, которая выяснилась только сейчас благодаря тому, что памятник можно датировать очень узко.

¹ Приношу искреннюю благодарность Дз. Циммермане, А. Белмане и директору музея И. Рунковскису за предоставленную возможность обследовать памятник, помощь в изготовлении фотографий и разрешение издать его. Фотографии выполнены Л. Балодисом.

² *Mathe M. Э., Ланус И. А.* Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969, с. 5—8.

³ *Wreszinski W.* Die Statue eines hohen Verwaltungsbeamten.— ZAS, 1931, 67, S. 132 f., Taf. IX—X. По изданию В. Врешински текст был переписан в корпус: *Helck W.* Urkunden der 18. Dynastie. Ht. 19. B., 1957, S. 1614 и переведен в кн.: *Urkunden der 18. Dynastie. Übersetzung zu den Heften 17—22.* Bearb. und übers. von W. H. Helck. B., 1964, S. 177.

Рис. 1. Статуя современника Тхутмосе IV. Музей зарубежного искусства Латвийской ССР, № СК-95 (вид спереди)

Рис. 2. То же (вид слева)

Рис. 3. То же (вид справа)

Рис. 4. То же (вид сзади)

Рис. 5. Голова статуи (анфас)

Рис. 6. Голова статуи (вид в 3/4)

Рис. 7. Надпись на статуе современника Тхутмосе IV. Музей зарубежного искусства Латвийской ССР, № СК-95. Автография Е. С. Богословского

Описание. Скульптура стелофорного типа (стоящий на коленях мужчина держит перед собой стелу с текстом молитвы Солнцу); надпись продолжается спереди на пьедестале; изготовлена из темно-серого с белыми кварцевыми включениями гранита. Поверхность отполирована. В сущности статуя составлена из больших, не совсем удачно совмещенных кусков, скрепленных цементом и шпаклевкой. Сзади пьедестал сделан из того же цемента. Спереди часть пьедестала вместе с надписью утрачена. И все-таки можно сказать, что статуя находится в хорошем состоянии. Утраченная часть надписи содержит религиозную формулу, может быть восстановлена без особого труда. Три последних (сейчас утраченных) иероглифа надписи видны на фото в публикации В. Врешински. Дополнительных как произведения искусства, ни чтению надписей и учету их палеографических особенностей. Редко бывает, чтобы время настолько удачно наложило свой отпечаток на памятник «возрастом» в тридцать пять столетий.

Общая высота скульптуры — 71 см. Размеры стелы — 38,5 × 20 × 3,5 см. Размеры пьедестала — 40 × 23,5 × 16,5 см. Опора сзади (скульптура сугубо фронтальна) шириной 9,5 см.

Итак, перед нами второе по величине изображение египтянина в круглой скульптуре, хранящееся в музеях СССР⁴.

Надпись: (см. рис. 7).

Перевод:

- ¹ «Восхваление¹ Рэ, когда он восходит, государем² —
² — князем³, кастеляном царя Нижнего Египта⁴, другом единствен-
ным (царя)⁵, водителем (к пище) праздника
³ Амуна⁶, управителем дома царя Верхнего Египта великим⁷ mṛj-rꜥ;
он говорит:
⁴ „(Да) светится лик твой, Рэ, владыка вековечности, творящий правду⁸,
⁵ один-единственный⁹, владыка всего сущего¹⁰,
⁶ отец богов! Дал я тебе хва-
⁷ лы¹¹, превознес¹² я, восхвалил¹³
⁸ я персону величества¹⁴ твоего. (Да) дашь ты пожалования мои (т. е. мне)
⁹ пред царем Верхнего Египта (и) любовь мою (т. е. ко мне) владыки обеих
земель.
¹⁰ (Да) дашь¹⁵ ты, (чтобы) соединился¹⁶ я с Западом добрым (и чтобы)
соеди[нился¹⁷ с]
¹¹ местом моим вечности (???)¹⁸ (т. е. дай мне благополучное погребение),
подобно делаемому тобою [на]¹⁹
¹² земле“. Управитель обоих домов золота, управитель обоих домов се-
ребра²⁰, управитель дома (царя)²¹ [mṛj-rꜥ]²²».

Комментарии:

¹ Идеографическое (без выписанных грамматических показателей) начертание скрывает форму слова как части речи. Однако по введению субъекта (титло человека) предлогом in и по более подробным аналогичным начертаниям ясно, что перед нами инфинитив глагола в новоегипетской форме dw't, используемой для передачи повествования (см. Wb. V 428, 11; Černý. Grammar, p. 189).

² Титул rꜥ't не имеет аналога в русском языке, а возникновение его в египетском достоверно не объяснено (irj-p't?). Отдельно взятый титул rꜥ't/rꜥ'tt бывает приложен как к каждому из целой вереницы царевичей,

⁴ См. [Тураев Б. А.] Описание египетского собрания, I. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания. Пг., 1917; *Матье, Ланис.* Ук. соч., с. 79—82, 94—96; самая большая египетская статуя в музеях СССР — изображение богини Сахм из Карнака, а самая большая скульптурная группа египтян — статуя градоначальника Нэ Аменхеба, его жены и матери (№ 149 и 740 Эрмитажа). О последней статуе см. также *Матье М. Э.* Эрмитажная скульптурная группа Аменхеба. — В сб.: Древний мир. Академику В. В. Струве. М., 1962, с. 144—154. В других египетских собраниях вне Москвы и Ленинграда имеются только небольшие статуэтки или их части, а также бесчисленные, нередко превосходные по качеству ушебти.

так и к царицам и иногда царевнам, как к высшим сановникам, возглавлявшим штатскую администрацию, так и к полководцам, как к египтянам, так и к вождям мелких иноземных племен. Насколько можно проследить по таким разным словоупотреблениям, титул gr^t обозначает наиболее влиятельных в государстве лиц, не передается по наследству и не обязательно входит в титулатуру вообще, являясь скорее эпитетом держателя высшей власти (но не фараона), а иногда даже просто начальника. Иное дело у богов. Такой власти, как «младший бог» (=фараон) над людьми, одни боги над другими, конечно, не имели, поэтому старейшим титулом Кэба и был титул « gr^t богов». Титул «царь богов» исторически поздний, поэтому он и сопровождается у Хора титулом gr^t (gr^t , «царь богов»), так как в принципе «царя богов» не должно было существовать, мог быть только « gr^t богов» — старейшина богов, почтеннейший из богов. Только в середине древнеегипетской истории Амон-Рэ достиг той власти над богами, какой царь над людьми, да и то не полностью: он ведь не был божеством для богов. Богини получили титул gr^tt , когда история фараоновского Египта уже кончилась.

³ Слово h^tj^c (букв. «передний рукою») близко по передаваемому понятию к слову «князь», так как во времена распада Египта (Первый, Второй, Третий промежуточные периоды), во времена относительной слабости центральной власти (Среднее царство, Поздний период) оно обозначало наследственного владельца и господина области и могло рассматриваться как личный титул. Во времена Старого и Нового царств, когда чиновники назначались на любую, даже самую мелкую должность от имени царя, в том числе и на «должность князя» области, оно превращалось в должностное наименование наместника области, который к тому же имел поместья, разбросанные по всему Египту.

Однако все это касается только отдельного употребления титулов, что упускают из вида многие египтологи. Слитное употребление двух титулов власти ($gr^t h^tj^c$) лишает их почвы и ставит в зависимость от занятия реальной должности (LÄ, II, 7, 1042). Более того, именно к лицам, занимавшим важную должность, и прилагался составной титул, т. е. должностные звания превратились в эпитеты крупного чиновника. Начиная с какой должности по египетской «табели о рангах» в состав титула включался эпитет «государь-князь», — пока не установлено. Ясно только, что эпитет носили одновременно несколько десятков сановников.

⁴ Титул (не должностное звание) «кастеляна царя Нижнего Египта» тоже стоял на пути к превращению в эпитет, но с ним стоит обращаться осторожнее, чем принято. Э. фон Бергманн, а затем В. Врешински издали надписи на стеле № 75 из бывшего музея дворца австрийских императоров ⁵. Надписи упоминают государя-князя, царского писца владыки обеих земель (т. е. реального секретаря фараона), управителя кастелянов $mrj-r^c$. Очень может быть, что он тождествен $mrj-r^c$ — современнику и управителю хозяйства Тхутмосе IV. Если на самом деле так, то надписи статуи отражают более высокую ступень служебной карьеры $mrj-r^c$. Впрочем, великий управитель хозяйства $sn-n-mwt$ (при царице Хашепсофе) в одном и том же тексте назван и управителем кастелянов, и просто кастеляном царя Нижнего Египта (Stat. BM 174) ⁶.

⁶ Т. е. руководитель тех людей, которые обеспечивают пищевую сторону праздника Амуна. См. LÄ, 10, 192—194. Это должностное звание сопутствовало должности «великий управитель дома царя» по меньшей

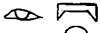
⁵ Bergmann von E. *Inchriftliche Denkmäler der Sammlung ägyptischer Altertümer des Osterr. Kaiserhauses.* — RT, 1887, 9, S. 46; Wreszinski W. *Aegyptische Inschriften aus dem K. K. Hofmuseum in Wien.* Lpz, 1906, S. 46—47.

⁶ Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, etc., in the British Museum. Pt. V. L., 1914, pl. 32.

мере у четырех хозяйственных руководителей — sn-n-mwt, dhwtj-htpw, mrg-r^c, jmn-htpw ⁷.

⁷ Великих управителей дома (=хозяйства, включая полевые и ремесленные работы) бывало по несколько даже в хозяйстве сановника. Как установил Ю. Я. Перепелкин в неизданной до сих пор книге «Хозяйство староегипетских вельмож», то были управители, которым подчинялись руководители отдельных хозяйств, разбросанных по разным областям отдельно Верховья и Низовья, либо одной области. При каждом из них работала управа из писцов и хранителей документации. Из текстов Старого царства так или иначе можно понять, какой круг хозяйств подчинялся великому управителю дома. Иное дело с великим управителем дома царя в центре царских владений, т. е. на Севере. Это было особо доверенное лицо царя, имевшее в подчинении не меньшую управу, чем описанная Л. Борхардтом ⁸.

⁸ В. Врешински (а за ним, естественно, и В. Хелк) не смог рассмотреть

на воспроизведении это словосочетание и скопировал его неверно

«творящий небо». Его не смутил странный эпитет солнца как творца неба без земли. Есть мифы, которые утверждают, что, наоборот, небо сотворило солнце ⁹. Понять как «сотворенный небом» в данном случае невозможно, и уж если видеть здесь «небо», то причастие jrj должно иметь активную, а не пассивную форму, так что верно переводили воображаемое написание В. Хелк ¹⁰ и, возможно, В. Врешински.

Однако на стеле четко, без повреждений написано jrj m^ct «творящий правду». Настойчивое внедрение культа истины заметно в надписи на палетке BM 5512 ¹¹, принадлежавшей twpn — писцу нашего mrg-r^c, — в эпитете Амон-Рэ 'nh m m^ct «живущий правдой», который умножился в годы правления Аменхотпа III и стал отличительным эпитетом в титуле Аменхотпа IV ¹². Слово jrj может иметь оттенок «жить» (ср. jrj hrw nfr «проживать день добрый» и др.); в таком случае допустим вариант перевода «творящий правдой», но его существованию препятствует отсутствие предлога m (должно быть jrj m m^ct).

⁹ Иначе говоря, единственный в своем роде, каких больше не существует на свете. См. Lesko L. H. A Dictionary of Late Egyptian. V. I. Berkeley, 1982, p. 106.

¹⁰ nb tmw В. Врешински переводит «Herr der Menschheit», но поскольку к слову tmw нет определителя «люди», правильнее перевод В. Хелка «Herr des Alls». Ср. Wb. V, 305, 6, 15.

¹¹ К слову j'w В. Врешински ошибочно дал определитель вмес-

то .

¹² Глагол šk^c в новоегипетском потерял слабый конечный алеф (>skj); йод, конечно, показывает на мужской род инфинитива. Ни с точки зрения

⁷ Helck W. Zur Verwaltung des Mittleren und Neuen Reiches. Leiden — Köln, 1958, S. 477 f., 485.

⁸ Borchardt L. Das Dienstgebäude des auswärtigen Amtes unter den Ramessiden. ZÄS, 1907, 44, S. 59—61, Zeichn. 1—2.

⁹ См., например, Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956, с. 16, 19.

¹⁰ Helck. Urk., Übers., S. 177: der den Himmel geschaffen hat. В. Врешински не перенес грамматической формы при переводе, но, судя по смыслу перевода (Erschöpfung des Himmels), понимал ее так же, как и В. Хелк.

¹¹ Glanville S. R. K. Scribes palettes in the British Museum. — JEA, 1932, 18, pl. VII, 3; British Museum. An Introduction to Ancient Egypt. Oxf., 1979, fig. 36.

¹² Перепелкин Ю. Я. Переворот Аменхотпа IV. Ч. I. М., 1967, с. 265—270.

классического египетского, ни с точки зрения новоегипетского языков непонятен *tw*, следующий за местоимением-суффиксом. Это не может быть ни показатель пассивной формы, ни показатель субстантивации инфинитива, потому что и в том, и в другом случае такие показатели должны были бы стоять *перед* местоимением-суффиксом. В. Врешински и В. Хелк переводят текст так, словно никакого *tw* вообще не существует.

¹³ Глаголы *j'w*, *šk'(j)* и *šw's* близки по значению и все три употреблены здесь для того, чтобы подчеркнуть, что *mrj-r'* всеми возможными способами поклонялся Солнцу и восхвалял его.

¹⁴ Слово *hm* В. Врешински в иероглифическом наборе обозначил как полностью разрушенное. На памятнике эта идеограмма только слегка повреждена в средней части.

¹⁵ В. Врешински в начале строки 10 в иероглифическом наборе передал

 , тогда как на стеле . Первый издатель написал не так, как есть,

а как должно было бы быть. Э. Гардинер (Sign-list, D 37) отмечает существование подобных описок еще со времени правления XI династии и объясняет их влиянием иератике, в которой эти знаки писали сходно ¹³. Если текст списывался с иератического оригинала, то *tw* (см. комм. 12) можно объяснить как графический разделитель слов, встречающийся в иератике и не несущий грамматической нагрузки. За оригинальность текста говорит то, что подобная формула, насколько мне известно, больше ни разу не встречается ¹⁴.

¹⁶ Верно , а не , как кажется по фотографии и как передал В. Врешински. Это одно из наиболее наглядных свидетельств того, что первый издатель не видел оригинала.

¹⁷ Конец строки 10 был несколько забит цементом, но сейчас расчищен, в том числе расчищен и знак *hnm*, которого не разобрал В. Врешински. В конце строки первый издатель (правда, со знаком вопроса) передает

иероглиф , но его не видно ни на воспроизведении в первой публикации, ни на оригинале.

¹⁸ Чтение *st.j n[t] dt* сомнительно в части двух последних слов словосочетания. Расчистка этого полуразрушенного и забитого цементом места (В. Врешински не отметил вообще никаких повреждений) дала странные, может быть, ложные следы знаков. Иероглиф *n* читается ясно, иероглиф *d* тоже, но между ними как будто видны следы знака *i*, а над *d* — иероглифа *nb*. Однако такая реконструкция приводит к *st.j n[t] nb dff'w* — полной бессмыслице.

Словосочетание *st...nt dt* встречается в амарнских гробницах и именно в обращениях к солнцу, например, в гробнице *mrj-r'* и *p'-nhsj: dj.f m hwt.k n nhh st.k n(t) dt* «Да даст оно (т. е. солнечный диск) во дворе твоём вековечности, месте твоём вечности (то-то и то-то)». Словосочетание *hnm.k st.k n(t) dt* «соединишься ты с местом вечности» (т. е. упокоишься в гробнице), являющееся обоснованием реконструкции конца строки 10, встречается в гробнице *jjj*¹⁵. Странно, что В. Врешински этого не заметил, ведь речь идет о давно изданных текстах.

¹³ Möller G. Hieratische Paläographie. II. Bd.² Lpz, 1927, S. 9 (ср. 103, 105).

¹⁴ См., например, Barta W. Aufbau und Bedeutung der altägyptischen Opferformel. Glückstadt, 1968. Текст пропущен в прекрасном корпусе: Assmann J. Sonnenhymnen in thebanischen Gräben. Mainz. a. R., 1983.

¹⁵ Davies N. de Garis. The Rock Tombs of El Amarna. I. L., 1903, pl. XXXIX; II. L., 1905, pl. XXI; VI. L., 1908, pl. XXXIII E.

¹⁹ Восстановление п [tp] t' сделано В. Врешински по совету Х. Грапова и является бесспорным ¹⁶.

²⁰ рг-ḥд — букв. «дом серебра», усл. «сокровищница», был не только складом ценностей и готовой продукции, но и учреждением, где ее изготавливали и откуда ее распределяли, поэтому он ведал и рабочей силой, находившейся в нем. (Urk. IV 1141 сл.; LD III 122) ¹⁷. С точки зрения египтянина любой продукт был «серебром» (ḥд m jht, букв. «серебро в виде вещей» — *Giornale dell'anno 13 ro 12—17*), поскольку обладал определенной стоимостью. По меньшей мере иногда (P. Wilbour A 46, 46) сокровищница ведала и земельными угодьями. Кратко говоря, сокровищница была местом производства, хранения и распределения продуктов сельского хозяйства. Такие сокровищницы существовали как в отдельных хозяйствах, городах, областях, т. е. на местах, так и в государстве в целом. Понятно, каким крупным хозяйственным чиновником должен был являться ее руководитель, если он действовал в масштабах государства, а рг-г^с как раз и был управителем сокровищницы обоих домов, т. е. хозяйства и Верхнего и Нижнего Египта.

²¹ Таковую должность занимал лично близкий к фараону сановник — временщик sn-p-mwt при царице Хашепсоѳе, сын кормилицы одного и брат кормилицы другого фараона кп-jmn при Аменхотпе II и др. Недавно в надписи на писцовой палетке BM 5512 наш рг-г^с назван «великим из предстоящих царю» ¹⁸. Великий управитель хозяйства ведал тем, что принадлежало фараону лично, а не просто подчинялось как главе государства. Вероятный преемник рг-г^с (если это в самом деле его бывший писец, как предполагает В. Хелк — *Zur Verwaltung*, S. 367, 482; против отождествления говорят, во-первых, несколько различное начертание имен, во-вторых, малая вероятность настолько стремительной карьеры) стал даже временщиком («устаи верховными великими в стране до пределов ее» — *Urk. IV 1578, 9*).

В. Хелк реконструирует слово «великий» в должностном звании «управитель дома великий» даже без пометы о его разрушении, хотя даже В. Врешински восстанавливал его с вопросительным знаком. На самом деле для слова «великий» просто нет места.

²² В конце стк. 12 на воспроизведении в первом издании видно имя; сейчас фрагмент с именем утрачен. Однако по воспроизведению видно, что он нес на себе только три знака — солнце, мотыгу и определитель к имени.

Художественные особенности скульптуры

Наиболее ярко портретные черты Тхутмосе IV выступают при сравнении статуи Rîgas СК-95 и Stat. CM 42080 ¹⁹, изображающей фараона и его мать, — единственной пока скульптуры, являющейся бесспорно индивидуализированным памятником этого государя, который, во-первых,

¹⁶ *Wreszinski. Die Statue...*, Anm. 3.

¹⁷ *Helck. Zur Verwaltung...*, S. 183—191; *Wreszinski W. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte. Teil I. Lpz, 1923, Taf. 73—75; Lhote A., Hassia, Vandier J. Les chefs-d'oeuvre de la peinture égyptienne. [P.], 1954, pl. 108—109.*

¹⁸ Ср. петочные передачи надписей в *Urk. IV, 1615; Budge E. A. W. British Museum. A Guide to the Egyptian Collections in the British Museum. L., 1909, p. 54* с воспроизведением надписи в издании: *Glanville. Scribes palettes...*, pl. VII, 3; *Brit. Mus., 1979, fig. 36.*

¹⁹ *Carter H., Newberry P. The tomb of Thoutmôsis IV. Westminster, 1904, pl. II, XIII; Legrain G. Statues et statuettes de rois et de particuliers. I. Le Caire, 1906, pl. XLIX; Lange K., Hirmer M. Egypt. Architecture, Sculpture, Painting in Three Thousand Years. With contributions by Eb. Otto and Chr. Desroches-Noblecourt. L.—N. Y., 1968, fig. 151; Vandersleyen Cl. Das Alte Ägypten. B., 1975, Abb. 184.* В дальнейшем в целях сокращения аппарата я буду ссылаться только на наиболее существенные для этой работы воспроизведения памятников.

подписан, и, во-вторых, не похож на памятники с чертами лиц других фараонов²⁰. Обе скульптуры изготовлены из одного материала (гранита) и не существенно разнятся по высоте (71 и 107 см), особенно если учесть, что Тхутмосе IV изображен сидящим, а *mrj-r^c* — стоящим не прямо на коленях, присевшим на пятки. Лица обоих (царя и сановника) оказываются изображенными не намного меньше натуральной величины, т. е. вполне сопоставимыми и достаточно крупными для передачи общих портретных черт.

Поскольку нос у статуи Тхутмосе IV отбит, сравнению подлежат только овал лица, моделировка мягких тканей, глаза, брови и рот. Впрочем, общая высота носа по отношению к другим частям лица тоже сопоставима, потому что у Тхутмосидов (достаточно перечислить публикации нескольких наиболее индивидуальных портретов, сохраняющих в то же время общие родовые признаки²¹) выступающий вперед нос («длинный») является характерной особенностью, а высокий нос появляется только у отца Тхутмосе IV — Аменхотпа II (Stat. SM 42073, 42074, 42075, 42077, 42079; Torino 1375)²² и затем сохраняется у сына Тхутмосе IV — Аменхотпа III (о его портретах см. ниже). Насколько можно судить по Stat. SM 42080, высокий нос был и у Тхутмосе IV; несомненно высокий, тонкий нос у *mrj-r^c* (Stat. Rigas SK-95; см. также Stat. SM 42081), в то время как у Аменхотпа II высокий, но широкий и толстый нос.

Овал лица *mrj-r^c* ближе к овалу лица Тхутмосе IV, чем к овалам лиц других Тхутмосидов. Только у Хашепсо́е во всех портретах заметны щеки²³, но ведь, во-первых, она была женщиной, во-вторых, наследование пошло не по линии ее потомков (Stat. MMA 29.3.2; 31.3.94; 31.3.166; Stat. SM 6139 и др.²⁴). К тому же лицо Хашепсо́е анфас напоминает тре-

²⁰ По-видимому, портретная фигурка Тхутмосе IV Stat. SM 46160 (Carter, Newberry. Op. cit., p. 45, pl. XIII) все-таки слишком мала и потому неопределенна по формам; на ее основании невозможно делать надежные заключения. К сожалению, до сих пор не изданы Stat. SM 46046, 46050, 46066, которые позволили бы разрешить сомнения, если они находятся в пригодном для издания виде (как будто они покрыты крупными трещинами). О каких сомнениях идет речь — будет видно из дальнейшего. Трудно сопоставить найденные в гробнице Тхутмосе IV царские ушебти и капоны (там же, pl. III, XIII) просто потому, что памятники такого рода редко бывают достаточно выразительными, характерными. Во всяком случае, три черточки портрета Тхутмосе IV по ним заметны: более округлые, чем у Аменхотпа III, глаза с приспущенными внешними уголками; внутренние концы бровей больше приподняты, чем у царствовавшего сына; губы тоньше и неопределеннее по очертаниям.

²¹ Scamuzzi E. Egyptian Art in the Egyptian Museum of Turin. Torino, 1964, pl. XXIV—XXV, XXVI—XXVII; Borchardt L. Kunstwerke aus dem Aegyptischen Museum zu Cairo. Cairo — Dresden (s. a.), Taf. 24; Scott N. The white Hatshepsut. Truest 'portrait' of one of the most beautiful extant Egyptian figures.— The Connoisseur, November 1969, v. 172, № 693, p. 213—220, 11 figs.; Legrain. Statues..., I, pl. XXIX—XXXI, XXIV, XXXIX, XLIII—XLV, XLVII, XLVIII; Terrace E. L. B., Fischer H. G. Treasures of the Cairo Museum. From Predynastic to Roman Times. L., 1970, p. 105—107, 109—112, pl. V—VI; Lange, Hirmer. Op. cit., fig. 103, 140—143. Иконографические различия портретов Тхутмосидов в основном наметила М. Э. Матье (Искусство древнего Египта. Л.— М., 1961, с. 246—252; см. также Lindblad J. Royal Sculpture of the Early Eighteenth Dynasty in Egypt. Stockholm, 1984). Мне же хотелось бы создать более ясное представление об их общих родовых чертах. См. также Sauteron S. Une tête de Thoutmosis III à Karnak.— Kemi, 1969, XIX, p. 241—247; Vercoutter J. Editorial notes. Hatshepsut, Tuthmosis III or Amenophis II? (Khartoum Museum statues № 30).— Kush., 1957, V, p. 5—7.

²² Legrain. Statues..., I, pl. XLIII, XLIV, XLVII, XLVIII (низ); Lange, Hirmer. Op. cit., fig. 149; Terrace, Fischer. Op. cit., p. 109—112, pl. V; Müller H. W. Ägyptische Kunst. Frankfurt a. M., 1970, Taf. 107; Scamuzzi. Egyptian Art..., pl. XXVI—XXVII; Aldred C. New Kingdom Art in Ancient Egypt during the Eighteenth Dynasty, 1570 to 1320 B. C. ²L., 1961, pl. 53; Marcus M. F. Buddha Sheltered by Mucalinda.— ВСМА, 1965, LII, 7, p. 186, fig. 3.

²³ Сравнение мумии Хашепсо́е с ее портретами сразу обнаруживает, что щеки выдаются из-за больших скул лица царицы. См. Lebeu R. Dossier. Hatshepsout etonante reine — pharaon.— Archeologia, Juin 1983, № 179, p. 41 f., 50.

²⁴ Scott. The white Hatshepsut, p. 213—220, ill. [1—11]; Aldred. New Kingdom Art..., p. 23—24; Werbrouck M. Le temple d'Hatshepsut à Deir el Bahari. Bruxelles,

угольник, оно вовсе не овальной формы. У Тхутмосе III (Stat. CM 42053, 42054, 42055, 42060, 42066; Torino 1376)²⁵ и Аменхотпа II тоже ясно выделены скулы, однако нижняя челюсть практически прямоугольна по отношению к уху, а щек почти нет даже в самых мягко моделированных портретах (Stat. CM 42054, 42077; Torino 1375); костяк черепа преобладает над мягкими тканями. Начиная со времени правления Тхутмосе IV мягкие ткани преобладают над костяком. Не скулы, а полные щеки становятся наиболее заметной частью лица, определяя его форму (Stat. CM 42080, 42081).

Форма глаз *mrj-r^c* и Тхутмосе IV, меньших по размеру и более узких, чем у других Тхутмосидов, особенно примечательна. Если у Тхутмосидов мы видим почти прямое нижнее и над ним круто изогнутое верхнее веко, то и у *mrj-r^c* и у Тхутмосе IV (Stat. 42080) появляются глаза миндалевидной формы. На это впервые обратил внимание Б. Ф. Ботмер, но он полагал, что меняется не только форма, но и размеры глаз. Ни портреты Тхутмосе IV (CM 42080, 42081), ни изображение *mrj-r^c* этого не подтверждают.

М. Э. Матье заметила, что в середине правления Нового царства изменяется постановка глаз по отношению к плоскости лица. Прежде глаза царя смотрели прямо вперед, как бы поверх голов. М. Э. Матье обратила внимание на противопоставление глаз плоскости лица, более глубокую посадку их в орбиту²⁶ (во времена правления Аменхотпа III) и изменение направления взгляда — вниз, на людей (во времена правления Рамесе-са II)²⁷. Статуи *mrj-r^c* и Тхутмосе IV показывают нам, что перемена произошла раньше, во время правления Тхутмосе IV²⁸. Изменение формы и постановки глаз являлось существенной переменной, которая становится заметной только при рассматривании массового материала, дошедшего от долгого правления его сына Аменхотпа III. Тхутмосидовские по форме, величине и постановке глаза абсолютно преобладают в египетском портрете на протяжении целого столетия, поэтому перемены становятся заметными только при сопоставлении тысяч подписанных царских и частных изображений. Оказывается, время правления Тхутмосе IV было еще не началом качественно нового этапа в развитии египетского искусства, а всего лишь переходным периодом к нему.

Такой же переходной, несмотря на отчетливую передачу портретных черт Аменхотпа III, является Stat. Luxor J. 137²⁹. По всей вероятности, переходный период еще не завершился по меньшей мере в первые годы его правления. Скульптор ясно обнаруживает неумение глубоко посадить глаза в орбиты. Возможно, переходный период завершился созданием так называемых портретов «молодого Аменхотпа III» (Stat. Luxor J. 16; CM 42083, 42087; Cleveland 61.417; BM 30448; Brooklyn 59.19; Louvre 25; Boston 1970.636)³⁰, но такому предположению противоречит неоднород-

1948, pl. XXIII; Müller. Ägyptische Kunst, Taf. 93, 97; Winlock H. The Museum's Excavations at Thebes.— BMMA, December 1928, II, fig. 8—18; November 1929, fig. 4—6, 11—12; March 1930, fig. 2—4; December 1930, fig. 2—15; March 1932, fig. 5—11; Hayes W. C. The Scepter of Egypt. II. Camb. Mass., 1959, fig. 50, 55.

²⁵ Legrain. Statues..., I, pl. XXIX—XXXI, XXIV, XXXIX, XLI; Lange, Hirmer. Op. cit., fig. 140—143; Terrace, Fischer. Op. cit., p. 105—107, pl. VI; Westendorf W. Das Alte Ägypten. Baden-Baden, 1968, S. 105; Sauneron. Une tête..., p. 241—247.

²⁶ Матье. Искусство..., с. 261.

²⁷ Там же, с. 450.

²⁸ По статуе CM 42080 Эб. Отто заключил, что в искусстве времени правления Тхутмосе IV появляются попытки более реалистичного и индивидуального подхода к изображению человека. К сожалению, он не конкретизировал своего наблюдения. См. Lange, Hirmer. Op. cit., S. 443.

²⁹ [Bothmer B. V.] The Luxor Museum of Ancient Egyptian Art. Catalogue. Cairo, 1979, fig. 60—61.

³⁰ Vandersleyen. Op. cit., Abb. 186; The Luxor Museum, Catalogue, p. 76, fig. 57—58; Bothmer B. V., Keith J. L. Brief Guide to the Department of Ancient Art. Brooklyn, N. Y., 1970, p. 46—47 = Aldred C. Akhenaten. Pharaoh of Egypt.— a new study. L., 1972, pl. 9-id. The Egyptians. L., 1961, pl. 42 Cooney J. D. Amarna Art in the Cle-

ность этой группы портретов. Из нее резко выбиваются портреты с условной экспрессивной передачей черт лица (Stat. Brooklyn 59.19; Cleveland 61.417 и др.), от которых прямой путь к амарнскому искусству. Иначе говоря, эти портреты не могут изображать Аменхотпа III в молодости.

Между портретами Тхутмосе IV и этими экспрессивными портретами стоят гармоничные, уравновешенные портреты Аменхотпа III (Stat. Luxor J. 16, 126, 132, 155; Cleveland 52.513; BM 412 (14), 413 (21), 415 (30), 416, 417 (4); Boston 09.288, 1970.636; SM 742, 42083, 42086, 43580, 44866; Louvre A. 19 (номер старый), 443, E. 11107) ³¹.

Кроме характерных по форме глаз Тхутмосиды имели еще кое-какие черты, сохранившиеся и у Тхутмосе IV (Stat. SM 42080), и у mṛj-r^c. Губы у них бывают почти ровными по толщине, причем уголки загибаются преимущественно вверх или же вообще никак не загибаются. Сама поверхность губ ровная, без особого выделения краев. У Аменхотпа III рот занимает больше места на лице, губы более пухлые, выпуклые и подчеркнутые по краю врезанной линией, толще к середине и тоньше к концам; верхняя губа значительно меньше и короче, чем нижняя; кончики губ загибаются вниз.

Судя по статуе mṛj-r^c и Stat. SM 42081, нос Тхутмосе IV был прямым, широким в основании, тонким по ребру и остроконечным, но еще не вогнутым, как у Аменхотпа III, однако уже не «орлиным», как у Тхутмосе III ³². Крылья носа Stat. SM 42081 Тхутмосе IV начинают утолщаться, но все-таки еще не становятся такими мясистыми, как у Аменхотпа III.

Для исследования круглой скульптуры этого периода наибольший интерес представляет прекрасная Stat. SM 42081 ³³, которую до сих пор обходили каким бы то ни было вниманием, несмотря на то, что она сразу вызывает из памяти определенную группу портретов Аменхотпа III, а именно так называемые портреты «молодого Аменхотпа III». Широкие скулы и щеки, мягкий общий овал лица заставляют говорить о переходе от преобладания костяка черепа к преобладанию мягких тканей лица.

eland Museum.— BCMA, 1968, LV, 1, fig. 1, 4; *Budge. Sculptures...*, pl. XXXIII; *Legrain. Statues...*, I, pl. LI—LIII; *Daumas F. La civilisation de l'Égypte pharaonique. P.*, 1967, fig. 33 = *Vandier, Sougez. Louvre*, pl. 13; *Simpson W. K. A Statuette of Amun-hotpe III in the Museum of Fine Arts.*— BMFA, 1970, 68, № 354, p. 260—269, ill.

³¹ The Luxor Museum, Catalogue, fig. 57—58, 62, 64, 67, pl. X; *Carter M. L. Egyptian Art, The Cleveland Museum of Art. Cleveland, 1963*, pl. 8 = *Cooney. Amarna Art...*, fig. 2; *Budge E. A. W. Egyptian Sculptures in the British Museum. L.*, 1914, pl. XXI—XXII; *Glanville S. R. K. Some Notes on Material for the Reign of Amenophis III.*— JEA, 1929, 15, p. 2—9, pl. IV, 3; *Poulsen Vagn. Ägyptische Kunst Neues Reich und Spätzeit. Königstein im Taunus, 1968*, S. 65; *British Museum. A Guide, 1909*, p. 114; *Simpson W. K. Egyptian and Ancient Near East in Boston, 1970—1971.*— The Burlington Magazine, April 1972, 114, № 829, p. 237—242, pl. XLV, 1; *Borchardt. Statuen...*, Bl. 137; *Scott N. Amun-hotpe the Magnificent.*— BMMA, February 1957, XV, № 6, p. 148—149; *Smith W. S. Ancient Egypt as represented in the Museum of Fine Arts* ⁶. Boston, 1960, fig. 78; *Legrain. Statues...*, I, pl. LII, LIII; *Jéquier G. Histoire de la civilisation égyptienne. P.*, 1913, fig. 198; *Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. Album. P.*, 1958, pl. CIV, CVI, CVI, CVIII, CXIV; *idem. Musée du Louvre. Le département des antiquités égyptiennes. P.*, 1948, p. 42—44, 46; *Hayes. The Scepter of Egypt, II, front.*; *idem. Minor Art and Family History of the Reign of Amun-hotpe III.*— BMMA, 1948, VI, 10, p. 272—279; *Hornemann. Types, I*, pl. 363; IV, pl. 1102; *Varille A. Fragments d'un colosse d'Aménophis III donnant une liste de pays africaines (Louvre A 18 et A 19).*— BIFAQ, 1935, 35, p. 161—171, pl. V; *Capart J. L'art égyptien. I. Bruxelles, 1909*, pl. 35; *Vandersleyen. Op. cit.*, Taf. LIII. За небольшим исключением все эти портреты подписаны. Весьма удивляет в связи с этим заявление профессора египтологии (!) А. Шарффа, что «von König Amenopis III. selbst fehlt leider eine gute Porträtplastik...» (*Scharff A. Typus und Persönlichkeit in der ägyptischen Kunst.*— Archiv für Kulturgeschichte, 1939, 29, 1—2, S. 19).

³² Stat. SM 42053, 42054, 42055, 42060, 42066, 42068; Stat. Torino 1376 — *Legrain. Statues...*, I, pl. XXIX—XXX, XXXI, XXXIV, XXXIX, XLI; *Lange, Hirmer. Op. cit.*, fig. 140—143; *Terrace, Fischer. Op. cit.*, p. 105—107, pl. IV; *Müller. Ägyptische Kunst, Taf. 101*; *Westendorf. Das Alte Ägypten, S. 105*; *Scamuzzi. Egyptian Art...*, pl. XXIV—XXV; *Sauneron. Une tête...*, p. 241—247.

³³ *Legrain. Statues...*, I, pl. L.

Брови почти такие же, как у Аменхотпа III, но все-таки еще без крутого подъема и с более плавным снижением. Нос вовсе не похож на нос Аменхотпа III, а скорее похож на нос Аменхотпа II (отца Тхутмосе IV) — довольно широкий, толстый и — остроконечный. А губы уже вовсе не напоминают губ Аменхотпа III, настолько они неопределенно очерчены. Самое, однако, любопытное — форма глаз: нижнее веко передано дугой (т. е. по-новому, казалось бы, с целью образовать миндалевидную форму), а верхнее сильно выгнуто над ним, как было принято в портретах Тхутмосидов. Как мы видим, отличий больше, чем сходства, но элементы сходства принципиальны, вот почему они производят большее впечатление, чем элементы отличия.

До нас дошла бронзовая статуэтка с именем Тхутмосе IV, подносящего божееству жертвенное вино в чашах (Stat. BM 64564); фараон тоже изображен коленопреклоненным как *mgj-r*³⁴ (такая поза встречается часто независимо от времени и социального положения человека). Статуэтка, конечно, не может быть сопоставлена со статуями R195 и CM 42080 уже из-за разницы в высоте (статуэтка BM чуть превышает по высоте 12 см); понятно, насколько больше следует доверять крупным рижской и каирской статуям просто потому, что в них, во-первых, легче передать портретные черты и, во-вторых, они не похожи на портреты других фараонов и в то же время сходны между собой в главных чертах иконографии (насколько сходство может быть передано руками разных скульпторов). Надпись на поясе статуэтки BM 64564 врезана грубо; грубовато (не симметрично) переданы и черты лица, так что даже возникает сомнение в ее подлинности, тем более что статуэтка поступила в Британский музей в 1946 г. в составе частной коллекции, а не была найдена во время археологических раскопок.

Особое внимание статуэтке BM 64564 приходится уделить потому, что несмотря на грубоватость работы в ней все-таки можно рассмотреть черты, которые обычно связываются с портретами Аменхотпа III: брови, которые начинаются низко у переносицы, ровно поднимаясь, пересекают надбровные дуги и кончаются плавным дугообразным росчерком на висках почти у корней волос (у Тхутмосидов брови короче и идут они почти горизонтально, спускаются вниз только концы, а начала — приподняты); полная нижняя губа со складками вниз в уголках имеет по краю характерное утолщение, верхняя губа — тонкая, но в середине расширяется (у Тхутмосидов губы почти одинаковой толщины, а утолщение края почти или совсем не наблюдается), миндалевидные глаза. Однако перечисленных признаков, как можно было убедиться, на современном уровне развития египтологии недостаточно, поэтому и пришлось вернуться к ним.

Б. Ф. Ботмер в адресованном мне письме от 26 февраля 1969 г. на основе изучения статуэтки BM 64564 высказал мнение, что портретные черты, которые обычно связываются с внешностью Аменхотпа III, появились уже у Тхутмосе IV. Позднее он печатно повторил свое мнение при датировке памятников скульптуры³⁵. Американский искусствовед, являющийся сейчас наиболее компетентным специалистом в изучении египетского искусства, к сожалению, упустил из виду то обстоятельство, что если даже статуя кратко подписана именем царя, то это все-таки еще не значит, что она изготовлена при жизни названного государя. Нам известны памятники, поставленные в заупокойный храм фараона его потомками или даже много лет спустя после его кончины, во времена правления другой династии. Дошли изображения статуй Тхутмосе I, изготовленные для его заупокойного храма столетие спустя, в начале XIX династии, и соответственно носящие черты царей XIX династии³⁶. Заупокойный храм Тхутмосе IV

³⁴ *Aldred. New Kingdom Art...*, pl. 67.

³⁵ *The Luxor Museum. Catalogue*, p. 76.

³⁶ *Davies N. de Garis. Two Ramesside Tombs at Thebes. N. Y., 1927, pl. V.*

существовал вплоть до XX династии. Следовательно, статуэтка Тхутмосе IV BM 64564 вполне может и не быть современной царю, тем более что она носит довольно отчетливые портретные черты лица его сына — фараона Аменхотпа III. Во всяком случае, при наличии бесспорно портретных подробно подписанных статуй SM 42080, 42081 и близкой им статуе R1gas SK-95, не похожих на статуи других царей, статуэтка BM 64564 теряет доказательную силу.*

Исторические условия создания памятника

В. Хелк, знакомый с памятником по воспроизведению, приложенному к публикации В. Врешински и наборной транскрипции текстов, повторил и приумножил неточности первого издания (Urk. IV 1614, 1—16), но все-таки он сделал два бесспорных шага вперед в изучении статуи. Во-первых, собрав корпус надписей XVIII династии, В. Хелк обратил внимание на то, что в Фивах был найден погребальный конус $mgj-g^c$, и справедливо заключил, что там же, в совр. Дра абу-и-Негга, должна была находиться и его гробница³⁷. Во-вторых, он сопоставил содержание надписи на статуе с надписью на писцовой палетке BM 5512 (старый № 3), принадлежавшей $tw-n-p$ ($twnp$), писцу великого управителя дома царя $mgj-g^c$, и датированной написанным на ней картушем Тхутмосе IV³⁸. Благодаря этому сопоставлению рижская статуя оказалась узко датированной, так как Тхутмосе IV правил менее десяти лет.

При Тхутмосе IV завершились длившиеся почти столетие практически непрерывные войны Египта сначала с гиксосами, затем с Митанни и, наконец, с мелкими государственными образованиями Сирии и Палестины на севере и эфиопскими княжествами на юге. В результате многочисленных походов египетских войск сложилась самая крупная для той эпохи держава, включавшая, помимо собственно Египта, десятки мелких государств, которыми правила контролируемые египетскими чиновниками и гарнизонами ставленники фараона. Тхутмосе IV и Аменхотпу III еще приходилось предпринимать походы, но уже не для завоевания новых стран, а только для подавления единичных восстаний финикийцев и эфиопов. Во второй половине XV в. до н. э. Египет стал империей, которой никто не мог противостоять, крупнейшим государством ойкумены, простиравшимся от Великой Армении на севере до Центрального Судана на юге. Более полувека длилось мирное сосуществование египетской империи с заискивающими перед ней соседями — государствами Передней Азии.

Централизация империи достигла наибольшей степени. Египет стоял на пороге солнцепоклоннического переворота, во время которого фараоны прежде всего попытались уничтожить старое жречество как единственную ограничивающую их власть политическую силу. Это время не наступило, но безмерное возрастание всевластья фараона и вообще центральной власти стало бросаться в глаза еще при отце Тхутмосе IV — Аменхотпе II. И естественно, что самыми влиятельными людьми в государстве стали наиболее близкие к царской персоне люди, вне зависимости от занимаемой должности.

В таких условиях трудно переоценить должность, которую $mgj-g^c$ не забывает упомянуть («управитель дома царя великий»), даже если опускает все другие эпитеты, титулы и должностные звания (так на погребальном конусе и на палетке писца). У нас нет оснований предполагать, что $mgj-g^c$ управлял всем личным хозяйством фараона в масштабе империи,

³⁷ Gauthier H. Rapport sur une campagne de fouilles à Draḥ Abou'l Néggha en 1906. — BIFAO, 1908, VI, p. 135 (IV); Urk. IV, 1614, 17—19; Helck. Zur Verwaltung..., S. 367.

³⁸ Glanville. Scribes palettes..., p. 56—57, pl. VII, 3; с этого издания текст с неточностями описан в Urk. IV, 1615, 1—15; Helck. Zur Verwaltung..., S. 367. Cp. Budge. British Museum. A Guide..., 1909, p. 54.

так как управителей дома царя великих могло быть несколько. Но если сановник опускает даже должностное звание «управитель обоих домов золота (и) управитель обоих домов серебра» — важнейшие после должностного звания высшего сановника в силу значения этих «домов», то мы можем представить себе, какой громадный вес имела в его глазах непосредственная близость к царю³⁹.

³⁹ Утверждение В. Хелка, что должностное звание «управитель обоих домов золота (и) управитель обоих домов серебра» — keine echten Amtstitel, sondern Beital (Helck W. Die große Stele des Vizekönigs Seti aus Wadi es-Sabua. — SAK, 1975, 3, S. 110), противоречит массовому материалу времени Нового царства, а особенно — XVIII династии, от которой дошли целые картины, изображающие исполнение этими чиновниками своих обязанностей. Из росписей очевидно, в чем заключались обязанности. Впрочем, может быть, что В. Хелк неудачно выразился, имея в виду только должностное звание «царский сын Куша», которое действительно сопровождалось должностным званием «управитель обоих домов золота (и) управитель обоих домов серебра». Росписи в гробнице царского сына Куша Аменхотпа (времени Тутанхамуна) наглядно показывают, что царский сын Куша не случайно носил такое должностное звание и что оно было наполнено конкретным содержанием, а не просто стало Beital (Davies de Garis N., Gardiner A. H. The tomb of Huy, viceroy of Nubia in the reign of Tutankhamun (№ 40). L., 1926). Другое дело — употребление двойственного числа («обоих домов»), при том, что речь явно идет об управлении сокровищами и производствами только египетской Эфиопии, а не обоих Египтов. Речь здесь идет, конечно, о том, что «царский сын Куша» управлял государственными сокровищами, принадлежавшими Египту, «обеим землям». И mꜥj-g, не исключена возможность, управлял сокровищами и производствами не в масштабе всего государства.

THE STATUE OF A CONTEMPORARY OF THOUTMOSE IV IN THE LATVIAN MUSEUM OF FOREIGN ART

E. S. Bogoslovsky

A great many errors crept into the first edition of W. Wreszinski (*ZAS*, 1931) because the editor had not seen the original but published from photographs. The errors were multiplied in *Urk.* IV 1614. The damaged places have now been cleaned. The inscription is copied from the original. The statue turned out to be extremely valuable as a work of art and also in that it can be dated exactly and because it belongs to a very small group of works in which the art of the reign of Amenhotpe is foreshadowed.

С. П. Борисковская

АТТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА В ЭРМИТАЖЕ

Вазопись геометрического стиля по праву считается одним из высших достижений греческого искусства. В гомеровскую эпоху происходит сложение основных форм сосудов, прототипов архаических и классических. В геометрической вазовой живописи впервые разрабатываются разнообразные типы орнаментов, сочетания которых акцентируют членения сосудов и в то же время не кажутся монотонными. Многофигурные, сюжетные композиции на сосудах эпохи геометрики являются тем исходным пунктом, от которого развивается архаическая живопись, как монументальная, так и вазовая.

Эрмитажная коллекция геометрических vaz невелика, но почти не изучена. Более половины ее составляют изделия аттических мастерских. Аттическая керамика легко определяется по тону розоватой глины, характеру обработки поверхности сосудов и их декорировки. Аттические сосуды, хранящиеся в Эрмитаже, относятся к средне- и позднегеометрическому периодом¹ и укладываются по времени, таким образом, в VIII в. до н. э.

Наиболее ранними из них можно считать две плоские пиксиды, поступившие в Эрмитаж в 1947 г. и, вероятно, происходящие из одного комплекса или некрополя, расположенного на территории Афин. Они иллюстрируют новую форму, пришедшую в аттическую керамику в VIII в. до н. э. на смену так называемой шаровидной пиксиде; последняя в более поздние периоды в греческой керамике не встречается. Сосуды этой новой формы имеют широкое плоское основание, округлое приземистое тулово, подчеркнутый горизонтальный, слегка углубленный край и плоскую крышку с рельефным выступом в центре. С обеих сторон крышки проделано по два сквозных отверстия, соответствующих таким же отверстиям на краю

¹ О хронологии — *Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery. L., 1968, p. 16 f.; Brann E. Late Geometric Well Groups from the Athenian Agora. — Hesperia, 1961, XXX, 2, p. 95.* Все геометрические вазы Эрмитажа приобретены в результате покупок. При раскопках античных поселений Северного Причерноморья их находки не зафиксированы. Ср. *Coldstream. Op. cit., p. 377, not. 1*, где упомянута амфора, хранящаяся в Эрмитаже (Б. 3294, поступила в 1910 г., куплена у Гохмана, по словам которого, она найдена на Березани; см. АА, 1910, S. 227, Abb. 27). Коулдстрим датирует ее среднегеометрическим периодом II и считает аттической или аттицизирующей. Оставляя в стороне не вполне ясный вопрос о центре производства этого сосуда (он, несомненно, не аттический, а по всей вероятности, итальянский, исполненный под аттическим влиянием), хочу еще раз отметить, что не следует доверять сообщениям торговцев, особенно таких, как известный антиквар и фальсификатор Гохман, о местах находок образцов ранней керамики. В данном случае информация, данная Гохманом Археологической Комиссии, никак не подтверждается материалами систематических раскопок на Березани; см. *Cook R. M. Ionia and Greece, 800—600 B. C. — JHS, 1946, 66, p. 76, not. 90; Борисковская С. П. Этруско-коринфская керамика в собрании Эрмитажа. — ТГЭ, 1984, ХХIV, с. 29, прим. 12.*

пиксиды и служивших первоначально для подвешивания сосуда ². В Эрмитаже представлено два варианта этой формы.

1. Пиксида с округлым туловом (диаметр незначительно превышает высоту) и плоской крышкой ³. В центре крышки имеется выступ с конусовидным завершением. Форма его сложилась под воздействием аналогичных элементов, встречающихся в деревянных изделиях ⁴. Этот вариант пиксиды наиболее характерен для среднегеометрического периода (рис. 1).

2. Пиксида с приземистым, сильно приплюснутым туловом ⁵. В центре крышки имеется широкий рифленый выступ, завершающийся уменьшенным подобием пиксиды с крышкой. Эта плоская пиксида синхронна первой, но вполне вероятно, что этот вариант существовал и в позднегеометрический период, для которого характерны более приземистые пиксиды с диаметром тулова, превышающим 20 см (рис. 2). (Рис. 1 и 2 — см. вкл. к стр. 101).

Декорировка обеих пиксид из Эрмитажа почти идентична: она построена на ритмичном чередовании поясков с горизонтально или вертикально расположенными геометрическими орнаментами. У основания проходят полосы, пояс лучей, на плечиках и в нижней части сосуда помещены пояски горизонтально идущих зигзагов в промежутке между тонкими полосками. Среднюю, наиболее выступающую часть сосуда обычно подчеркивает более широкий фриз; на наших сосудах он заполнен вертикально расположенными зигзагами. Центральная часть крышки обычно покрыта лаком, по краю проходят полосы и ряд точек. Роспись исполнена тонкими линиями разжиженного коричневатого лака. Поверхность сосудов как бы покрыта тонким кружевным узором.

Аналогичные пиксиды часто встречаются в погребальных комплексах некрополей Аттики, в частности афинского Керамика и агоры, датирующихся второй четвертью VIII в. до н. э. Пиксиды обоих вариантов могут встречаться в одном комплексе, что свидетельствует в пользу их датировки одним и тем же временем ⁶. Например, в одной богатой могиле на афинской агоре пиксида второго варианта формы обнаружена вместе с сосудами позднегеометрического периода. Приведем точку зрения известного специалиста по аттической геометрической керамике И. Брэнн относительно этой пиксиды, аналогичной эрмитажной вазе Б.9015: «Эта пиксида никоим образом не отличается от пиксид из могил среднегеометрического периода. Или она раньше остальных вещей комплекса, или среднегеометрические мастерские продолжали функционировать в середине VIII в. до н. э.» ⁷. Обе эрмитажные пиксиды можно датировать, таким образом, не позднее второй четверти VIII в. до н. э. ⁸

² Coldstream. Op. cit., p. 16—17.

³ Б. 9014, покупка Гос. закупочной комиссии, 1947 г. Высота с крышкой 11,8 см, диаметр 13,2 см, глина оранжеватая, коричневый лак, оббита, потерта. Крышка склеена из двух частей, выступ приклеен.

⁴ Coldstream. Op. cit., p. 17.

⁵ Б. 9015, покупка Гос. закупочной комиссии, 1947 г. Высота с крышкой 14,7 см, диаметр 16,2 см. Глина оранжеватая, коричневый лак, оббита, в дне сквозное отверстие, потерта.

⁶ Thompson Homer A. The Excavation of the Athenian Agora. Twelfth Season: 1947.—Hesperia, 1948, XVII, 3, pl. XLI, I, b, c, g (первый вариант), pl. XLI, I, i (второй вариант). Другие находки пиксид: первый вариант — Kerameikos, V, I, Taf. 55, № 5713; Taf. 52, № 265; второй вариант — Agora VIII, pl. 15, 254. См. также Bouzek J. Die attisch-geometrische Keramik im Nationalmuseum in Prag und in den anderen tschechoslowakischen Sammlungen.—Sborník Narodního Musea v Praze, 1959, XIII, 3, S. 126.

⁷ Agora VIII, p. 60—64; ср. CVA Tübingen, Bd. 2, Taf. 18, 2—4. Автор выпуска К. Валленштейн датирует аналогичный сосуд концом второй четверти VIII в. до н. э., что представляется вполне правомерным: о позднем времени свидетельствует роспись dna пиксиды; на донцах более ранних сосудов роспись отсутствует.

⁸ Помимо находок в могильных комплексах Керамика и агоры в Афинах приведем отдельные аналогии к эрмитажным пиксидам: Б. 9014 — CVA Heidelberg, Bd. 3, Taf. 112, 4—5; Б. 9015 — CVA Robinson Coll., Baltimore, fasc. 1, pl. X, 4; CVA Copenhagen, fasc. 2, pl. 71, 3 (крышка).

Рис. 1. Пинкунга. П. 9014

Вестник древней истории, № 3, ст. Бодуновской Г. П. (с стр. 111)

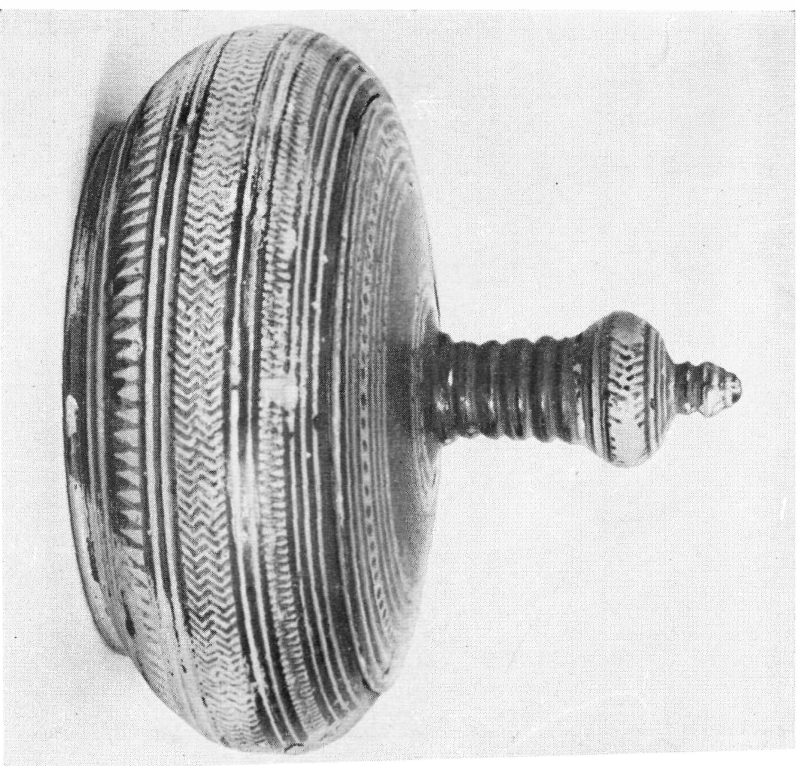

Рис. 2. Пинкунга. П. 9015

Рис. 3. Фигурка коня — украшение крышки пиксиды

служившая завершением крышки пиксиды¹⁰. Возможно, она была частью группы из трех или четырех коней. Такие группы встречаются на крышках сосудов значительно чаще, чем одиночные фигурки. Изображение коня из коллекции Эрмитажа (рис. 3) отличается стройностью, удлиненными изысканными пропорциями — параллели отмечены в росписях дипилонского мастера, с одной стороны, и в произведениях геометрической мелкой бронзовой пластики — с другой. Вероятно, эта фигурка, так же как и пиксида, которой она принадлежала, относится к самой ранней фазе поздней геометрики (позднегеометрический период I^a)¹¹. В более позднее время фигурки становятся крупнее, тяжеловеснее, а роспись их приобретает более стилизованный характер¹².

В первой фазе поздней геометрики (начало третьей четверти VIII в. до н. э.) происходят значительные изменения в системе декорировки сосудов. На смену непрерывным фризам, опоясывающим тулово вазы, приходит членение средней части сосуда на метопы — прямоугольники, занятые одним крупным изображением. Чаще всего в метопах помещается большая свастика, многолепестковая розетка, ромб, изображение птицы, реже — коня или оленя. Метопная система декора отмечена для большей части

⁹ Bouzek. Op. cit., S. 131 ff.

¹⁰ Г. 1259, поступила в 1918 г., куплена у М. И. Максимовой. Высота 11,4 см. Глина светло-коричневая, темный, коричневатый лак. Шея приклеена к туловищу, ноги в нижней части оббиты. Почти вся фигурка покрыта лаком. Вдоль шеи, спины и хвоста проходят точки лака по светлому фону, обрамленные двойными полосами. На груди орнамент — точки, соединенные касательными в обрамлении двойных полос лака. На морде коня — крест, условно изображающий упряжь. Грива выделена выступом (Античная короупластика. Каталог выставки. Л., 1976, с. 14, кат. 3).

¹¹ Ср. аналогичные фигурки на пиксидах этого времени: Langlotz E. Griechische Vasen in Würzburg. München, 1932, Taf. 5, 54; CVA Cambridge, fasc. 1, pl. 1, 19a; ср. Fink J. Büchse und Pferd. — AA, 1966, H. 4, S. 484 ff.

¹² Coldstream. Op. cit., p. 48.

Среднегеометрический период и начальная фаза позднегеометрического являются временем наивысшего расцвета греческой вазописи гомеровской эпохи. В это время получает широкое развитие фигурный стиль, наблюдается большая индивидуализация творческой манеры росписи. Именно с этого времени можно выделить отдельных мастеров, с которыми связывают группы произведений одного стиля (крупнейшим из них считается дипилонский мастер). Формы ваз становятся более разнообразными. Искусство вазописи поднимается на качественно новую ступень.

В числе форм, получивших распространение в позднегеометрический период, можно назвать пиксиды с крышками, украшенными скульптурными фигурками коней⁹. В Эрмитаже хранится фигурка, несомненно

пиксид со скульптурными фигурками коней на крышке, а также получает распространение в росписи сосудов других форм — амфор, киликов, кувшинов, кружек. Последняя форма особенно характерна для позднегеометрического периода.

Характерным примером является хранящаяся в Эрмитаже кружка, в средней вогнутой части которой помещен фриз с тремя метопами, ограниченными с боков «триглифами», образованными тройными вертикальными линиями и поясом вертикальных зигзагов между ними¹³. В центральной метопе помещена свастика, в боковых — изображение птицы (рис. 4). Таким образом, создается впечатление геральдической композиции с центральным мотивом свастики и фланкирующих его, обращенных навстречу друг другу птиц. Несомненно, эта сцена на вазе, так же как и подобные ей с центром в виде четырехлистника¹⁴, розетки¹⁵, колеса¹⁶, отображает древнейшие религиозные представления. Во многих исследованиях отмечалось, что семантика изображений птиц в геральдической композиции, а также под (или над) колесницей или фигурами животных (лошади, оленя) связана с погребальным культом¹⁷. В этом отношении геометрическая вазовая живопись с ее специфической иконографией развивается и продолжает традиции минойско-микенского искусства II тыс. до н. э.¹⁸

Эрмитажная кружка относится к большой группе сосудов с «метопами с птицей»¹⁹. Находки сосудов этой группы зафиксированы в некрополях третьей четверти VIII в. до н. э.; характерным примером является некрополь на афинской агоре, где найдены аналогичные кружки и другие сосуды того же стиля²⁰. Сосуды с метопой системой декора изготавливались в Аттике в одно время с произведениями фигурного стиля (дипилонская мастерская, мастер Хиршфелда и т. д.). (Рис. 4 и 5 — см. вкл. к стр. 101).

К этому же периоду относится кувшин (ойнохоя) со строгой лаконичной орнаментацией: большая часть поверхности покрыта лаком и украшена тонкими горизонтальными полосами²¹. По плечикам сосуда проходит фриз из кружков, соединенных касательными, с точкой в центре каждого (рис. 5). Такой орнамент часто встречается на средне- и позднегеометрических вазах. Посередине широкого горла помещен проходящий горизонтально орнамент в виде змеи с точками, идущими по контуру. Изгибы змеи подчеркнуты изящными точечными розетками, заполняющими свободное пространство и повторяющимися в строгом ритме. Сходная орнаментация встречается на ойнохоях из Римско-Германского музея в Майнце и из Государственных художественных собраний Дрездена²². По тону обмазки

¹³ Б. 5549, поступила в 1930 г. из бывшего Музея Общества поощрения художеств. Высота 17,9 см. Глина оранжевая, коричневый лак. Поверхность оббита, оббит край венчика (*Gorbunova X., Saverkina I. Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975, № 1; Певцов О. Культура и искусство античного мира. Очерк-путеводитель. Л., 1981, с. 13—14, 17, рис. 1; аналогии: Coldstream. Op. cit., p. 47—51, pl. 10j; CVA Mainz, Bd. 1, Taf. 9, 5—6; Moon W., Berge L. Greek Vase-painting in Mid-western Collections. Chicago, 1979, № 3; Schweitzer B. Geometrische Stile in Griechenland. — AM, 1918, 43, Taf. V, 4; VI, 8; Brann. Late Geometric Well..., p. 120, pl. 16, L20; Benson J. L. Horse, Bird and Man. The origins of Greek Painting. Amherst, 1970, pl. XXV, B).*

¹⁴ Benson. Op. cit., p. 66, 68, pl. XIX, 5, 6; XX, 3; CVA New Zealand, fasc. 1, pl. 4, 6—8.

¹⁵ Benson. Op. cit., p. 66 f., pl. XX, 2.

¹⁶ Ibid., p. 67, pl. XXI, 1.

¹⁷ Ibid., p. 28 f.

¹⁸ Ibid., p. 29 f.

¹⁹ *Himmelmann-Wildschütz N. Attisch-Geometrisch. Marburger Winckelmann-Programm, 1961, S. 9 ff.*

²⁰ Ср., например, *Coldstream. Op. cit., p. 47 f., pl. 10j.*

²¹ Б. 2999, куплена в 1918 г. у М. И. Максимовой. Высота 16,8 см. Глина светлая, желтоватая, покрытие плотное, светло-желтое. Лак коричнево-красный. Сильно потерта.

²² CVA Mainz, Bd. 1, S. 27, Taf. 9, 8—9; *Zimmermann K. Griechische Kleinkunst. Ausstellung in der Kunsthalle Rostock, Sept. 1973 — März 1974, Abb. 16-V5; форма — Agora VIII, pl. 5, № 80.*

Рис. 4. Кружка. Б. 5549

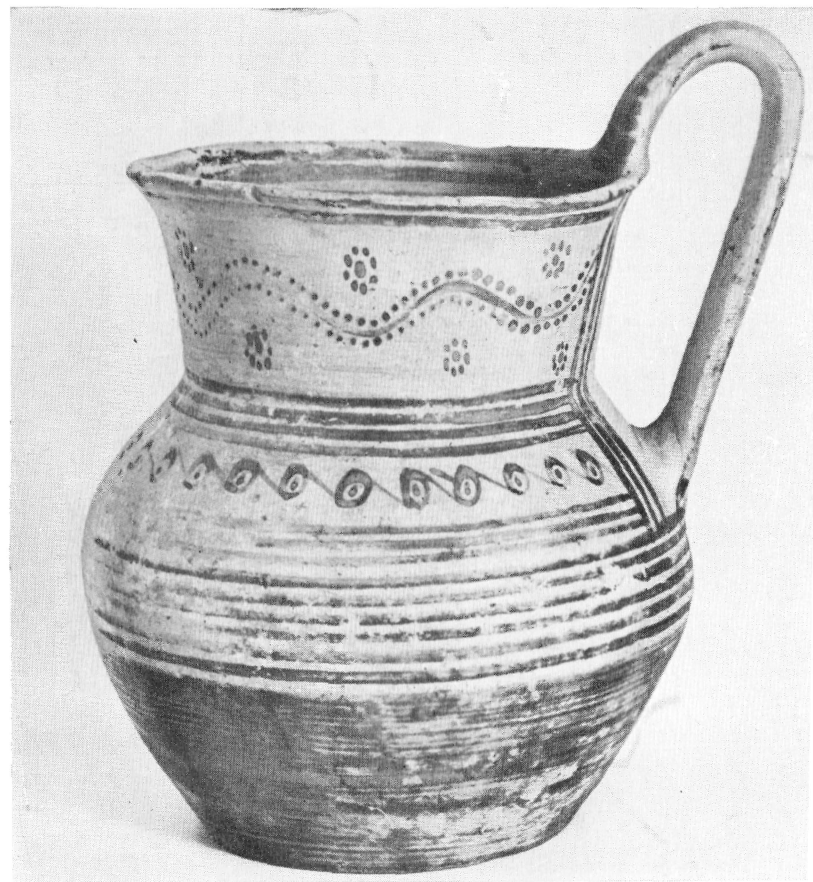

Рис. 5. Ойпохол. Б, 2999

Рис. 6. Кружка. Б. 5548

точек, поясом заштрихованных треугольников и цепью упрощенного меандра у венчика сосуда. В средней части кружки проходит широкий пояс, разделенный наподобие узких метоп с перемежающимися орнаментами — заштрихованным листом и прямоугольником с длинными вертикальными сторонами. На ручке помещены косые кресты, отделенные друг от друга тройными поперечными линиями (рис. 6).

В этот период форма кружки, столь характерная для аттической геометрической керамики, видоизменяется, становясь более приземистой и вогнутой. Наблюдается тенденция к уменьшению размеров сосудов, что вполне соответствует стремлению к упрощенной орнаментации. Очень близкой аналогией эрмитажной кружке является несколько меньших размеров сосуд из некрополя Анависоса, хранящийся в Афинском Национальном музее²⁵. В орнаментации кружки из Эрмитажа традиционные мотивы — заштрихованный треугольник, язычковый орнамент — сочетаются с новыми, свидетельствующими о вырождении геометрической орнаментики (упрощенный меандр, заштрихованный прямоугольник — подобие палочного орнамента). По времени и стилю декора сосуд из Эрмитажа занимает промежуточное положение между двумя кружками из Анависоса. Большая, наиболее ранняя из них относится к началу позднегеометрического

и глины кувшин из Эрмитажа скорее можно приписать беотийской мастерской. Возможно, она была связана по стилю с мастером Хиршфелда или в ней работал аттический вазописец того же круга. Это подтверждает канфар аналогичного стиля из Тюбингена, связанный с мастерской мастера Хиршфелда (атрибуция Коулдстрима) и, по определению большинства специалистов, исполненный в Беотии²³. Вопрос о функционировании этой мастерской в Беотии еще требует дальнейшей разработки.

Ко второму этапу позднегеометрического периода (конец третьей четверти VIII в. до н. э.) относится кружка, сходная по форме с более ранней (Б. 5549), но имеющая более короткую нижнюю часть и узкое, сильно вогнутое тулово²⁴. В ее росписи простые пояски чередуются с рядом

²³ CVA Tübingen, Bd. 2, Taf. 23, 1—4.

²⁴ Б. 5548, поступила в 1930 г. из бывшего Музея Общества поощрения художеств. Высота 17,4 см. Глина оранжево-красная с редкими вкраплениями слюды. Лак коричнево-красный. Покрытие светлое, желтоватое. В верхней части три куса склеены, потерта.

²⁵ Καστριώτης Π., Φιλαδέλφους Α. Ἀνασκαφαὶ Ἀναβύστου — Πρακτικά, 1911, εἰκ. 14; ср. CVA New Zealand, fasc. 1, pl. 4, 3—4.

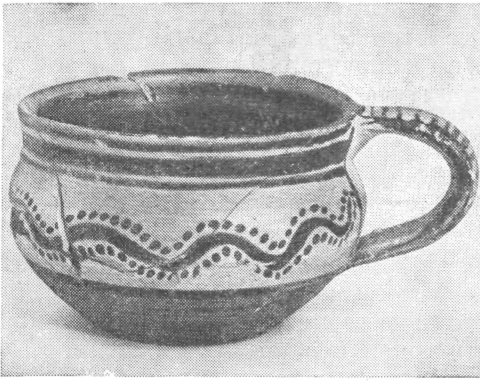

Рис. 7. Чашечка. Б. 9267

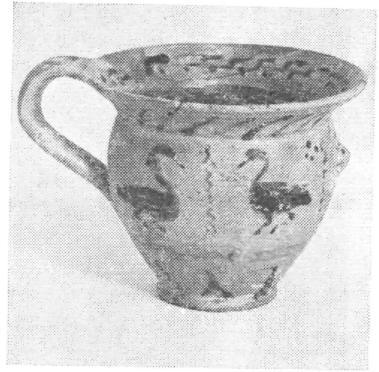

Рис. 8. Протоаттическая чашечка. Б. 5550

периода ²⁶. В ее декоре сочетаются характерные мотивы зрелой геометрии — полосы, подобие шахматного орнамента, пояса ромбов и треугольников. В средней ее части язычковый орнамент — подобие метоп — разделен вертикальными цепочками ромбов (на нашей вазе — «триглифы» и заштрихованные прямоугольники). На более поздней кружке из Анавипсоса орнамент явно деградирует, имея вид полос и небрежных штрихов ²⁷. В средней части сосуда язычковый орнамент разделен своеобразным мотивом в виде заштрихованных, соединенных вершинами треугольников («песочные часы»). К концу геометрической эпохи черты упадка, вырождения стиля все более усиливаются, причем наблюдается связанная с этим тенденция к уменьшению размеров ваз ²⁸.

К концу геометрической эпохи относится сосуд, недавно поступивший в Эрмитаж. Это одноручная чашечка с широким венчиком и очень простой орнаментацией ²⁹. Внутренняя и нижняя части ее покрыты лаком, венчик и ручка — полосами. Средняя часть сосуда оставлена в цвете глины, по ней проходит волнистая змеевидная линия, по контуру которой сверху и снизу идет ряд точек (рис. 7). Эта чашечка встречает аналогии среди материала некрополя афинской агоры. Она относится к группе «фалеронских чашек», исполненных в субгеометрическом стиле. Такие сосуды датируются концом VIII в. до н. э. и могут заходить по времени в VII в. ³⁰ «Фалеронские чашки» имеют две разновидности: одна — конической формы, со слегка вогнутыми стенками — сложилась под влиянием изделий из металла, другая — округлой формы, глубокая, с коротким венчиком — подобна чашке из Эрмитажа.

Первая, наиболее выразительная форма «фалеронских чашек» получила дальнейшее развитие в керамике VII в. до н. э. В Эрмитаже хранится чашечка, поступившая в 1930 г. из бывшего Музея Общества поощрения художеств ³¹. Она имеет четкую, сложившуюся под микенским влиянием «металлическую» форму — овальное тулово, широкий, сильно отогнутый

²⁶ Καστριώτης, Φιλαδέλφεια. Op. cit., ειχ. 6; ср. также CVA Heidelberg, Bd. 3, Taf. 110, 4; *Bouzek*. Op. cit., № 16, Taf. V.

²⁷ См. прим. 25.

²⁸ Ср. CVA Tübingen, Bd. 2, Taf. 25, 2—3, 7—8; CVA München, Bd. 3, Taf. 117, 5—6; *Brann E.* Late Geometric Grave Groups from the Athenian Agora.— *Hesperia*, 1960, XXIX, 4, pl. 92, 2, p. 114.

²⁹ Б. 9267, поступила в 1979 г., дар А. С. Носовой. Высота 4,6 см. Глина оранжеватая. Лак черный, коричневатый. Склеена из кусков, сколы по краю и местам склейки, на тулове выбоина.

³⁰ *Brann*. Late Geometric Well..., p. 98, 101, 135, O₃₀, pl. 20; Agora VIII, p. 53 f., pl. 10, № 191.

³¹ Б. 5550, выс. 5,6. Глина оранжевая с мелкими блестками, лак коричневый. Венчик и ручка склеены и частично догипсованы. Потерта.

венчик, кольцевидное основание, плоскую, сильно выгнутую наружу ручку. Ее орнаментация сочетает субгеометрические мотивы — лучи, зигзаги (подобие меандра), штрихи, полосы и ориентализирующие растительные элементы, характерные для протоаттического стиля (рис. 8). Геометрическая орнаментика потеряла свою строгость и стала более живописной, гармонирующей с растительной. Изображения стоящих друг против друга птиц, заимствованные из геометрического репертуара, стали более сочными, насыщенными жизнью. Чашечки подобной формы и стиля происходят из детской могилы афинского Керамика и датируются 650 — 640 гг. до н. э.³² Описанный сосуд является единственным произведением протоаттического стиля в коллекции ваз Эрмитажа и в историко-художественном аспекте как бы связывает скромную геометрическую группу с богатым собранием чернофигурной аттической керамики VI в. до н. э.

На примере представленных здесь аттических расписных ваз из собрания Эрмитажа можно наглядно проследить отдельные основные этапы развития геометрической вазописи.

1. Анализ росписи наиболее ранних ваз — круглых пиксид — иллюстрирует расцвет вазовой орнаментики в среднегеометрический период. Повторяющиеся в четком ритме геометрические мотивы отличаются строгим лаконизмом и изысканностью, несмотря на кажущееся однообразие, и прекрасно подчеркивают форму сосудов. В это время развитие геометрического стиля как стиля орнаментального достигает своего пика.

2. В вазописи позднегеометрического периода наряду с геометрическими и линейными орнаментами впервые появляются изображения птиц, животных (кружка с птицами, конь) и человека, а также многофигурные сюжетные композиции. Этот фигурный стиль продолжает свое развитие в протоаттической вазописи VII в. до н. э. и далее — в чернофигурном стиле аттических расписных сосудов. В то же время проникновение фигурных мотивов в декорировку ваз означает, что геометрический стиль исчерпал свои возможности как чисто орнаментальный, уступив место более прогрессивному фигурному стилю, широко связанному с монументальной живописью и пластикой.

3. Начало деградации геометрического стиля могут иллюстрировать сосуды с более упрощенными (кружка Б. 5548) или субгеометрическими мотивами (чашечка Б. 9267). Эти орнаменты встречаются вплоть до VI в. до н. э. как вспомогательные, второстепенные в декорировке чернофигурных ваз.

ATTIC GEOMETRIC CERAMICS IN THE HERMITAGE

S. P. Boriskovskaya

The author publishes six pieces of Geometric pottery which comprise a small collection, little known to specialists. They belong to the Middle and Late Geometric periods and are dated in the 8th and early 7th centuries B. C. She also discusses a Late Geometric Boeotian oinochoe, stylistically close to Attic vases of the same period, and a small Proto-Attic cup (the only one in the collection) similar to those found in a child's grave in the Kerameikos, dated 650—640 B. C.

³² Kerameikos VI, 2, Taf. 31, inv. № 94, Kat. № 40; ср. также *ibid.*, № 39, 41. О форме и изобразительных мотивах аналогичных чашек см. Kerameikos VI, 2, S. 169, 171, 303, 334, 342, 352, 451 f.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ΠΟΤΙ У ГИППОКРАТА

В *СН* (*Corpus Hippocraticum*) несколько раз засвидетельствована форма *ποτί*, которая традиционно и чисто формально рассматривается как «гомеризм»¹. Необычность употребления *ποτί* в медицинских текстах заслуживает, как кажется, более пристального внимания.

По греческим диалектам различаются следующие формы предлога *πρός*: ион. *πρός*, арк. *πός*, кипр. *πός*, лесб. *πρός*, фессал. *πότι*, беот. *ποτί*, сев.-зап. греч. *ποτί*, микен. *po-si*, внутри дорийского *портí* и *потí*². В надписях Коса, где родился Гиппократ, и Калимны³ (диалект Коса и Калимны считается единым) *ποτί* известно и как предлог и как приставка: *πόθοδοι; ποταπογραφέσθων*. У Гомера встречаются три формы: *πρός*, *протí*, *потí*, которые твердо закрепились в поэзии вплоть до Феокрита. В прозе *ποτί* не представлено вообще и только у Гиппократа *ποτί* употреблено шесть раз: пять раз в трактате *De articulis* и один раз в *De fracturis*⁴, причем исключительно в наречном значении. В греческих надписях *ποτί/πρός* засвидетельствовано лишь в функции предлога и приставки. В литературе классического времени *πρός* употреблялось также как наречие.

Переход *πρός* из наречия в предлог⁵ произошел несомненно намного раньше, хотя у лириков наречное употребление не засвидетельствовано⁶. У Гомера случаи употребления *πρός/протí/потí* в качестве наречия редки⁷. Для образца приведем:

<i>πρός</i> δ'ἔτι καὶ τότε μεῖζον ἐνὶ φρεσὶ(ν)	}	<i>ἔθηκε</i> Κρονίων (Od. 16,291)
		<i>ἔμβαλε</i> δαίμων (Od. 19,10)
		<i>μερμηρίζω</i> (Od. 20,41)

Наречное употребление также в «Илиаде» (5,307; 10, 108; 12, 102; 16, 86; 22, 59) и «Одиссее» (14, 415; 20, 342). При сравнении стихов «Одиссеи»: 16, 291; 19, 10; 20, 41 бросается в глаза их формульный характер, причем в случаях Od. 16, 291 и 19, 10 скорее можно подозревать тмесис, нежели исконное наречное значение. Также обращает на себя сходство II.16, 86 *ποτί δ'ἀγλαὰ δῶρα πρόωσιν* и II.20, 342 *ποτί δ'ἄσπετα δῶρα δίδωμι*, где опять можно усмотреть тмесис, хотя у Гомера эти глаголы с приставкой не засвидетельствованы (*προσδίδωμι* появляется у Софокла).

¹ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968—1979, s. v.

² Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, с. 25.

³ Collitz H., Bechtel F. Sammlung der griechischen Dialektinschriften. B. III, 1. Göttingen, 1884—1915, № 3719,11; 3705,41.

⁴ Согласно Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. A New Edition by St. Jones and McKenzie. Oxf., 1940, s. v.

⁵ На старое наречное употребление предлогов *ἐπί*, *πρός*, *σύν* указывает Э. Швицер (*Schwyzler Ed. Griechische Grammatik*. B. II. München, 1950, S. 424).

⁶ Fatouros G. Index verborum zur frühgriechische Lyrik. Heidelberg, 1966, s. v.

⁷ Указанные у Эбелинга (*Ebeling H. Lexicon Homericum*. L.—P., 1885) II. 16, 678 и II.16,504 содержат тмесис.

В качестве наречия *πρός* имело иную синтаксическую функцию и об-
растало частицами, уточняющими адverbиальное значение. Позиция
наречия в предложении при этом могла варьироваться. В начале предло-
жения засвидетельствованы такие последовательности элементов:

Авторы	Позиция <i>πρός</i> (<i>ποτί</i>)			
1. Аристотель, Ксенофонт, Манефон	<i>πρός</i>	<i>δ(ε)</i>	<i>ἔτι</i>	<i>καί</i>
2. Гомер, Геродот, Ксенофонт, Дион Кассий	<i>πρός</i>	<i>ἔτι</i>	<i>δέ</i>	<i>καί</i>
3. Еврипид (Hel. 261), Геродот, Платон, Де- мосфен, Ксенофонт, Фукидид и др.	<i>πρός</i>	<i>δ(ε)</i>	<i>ἔτι</i>	
4. Аристофан, Геродот, Платон, Фукидид, Ксе- нофонт	<i>πρός</i>	<i>δέ</i>		<i>καί</i>
5. Гомер, Эсхил, Еврипид, Геродот, Полибий, Дион Кассий	<i>πρός</i>	<i>δέ</i>		
6. Гомер	<i>ποτί</i>	<i>δέ</i>		
7. Гиппократ (Art. 41, 46, 57, 69, 8)	<i>ποτί</i>			<i>καί</i>

Эти же элементы в иной последовательности представлены в конце
предложения перед точкой:

1. Аристотель τι 4,166a 35 комментарий к Аристотелю	<i>τοσοῦτον</i>	<i>καί</i>	<i>ἔτι</i>	<i>πρός</i>
2. Платон (Gorg. 469b)	<i>ὅσος...</i>	<i>καί</i>	<i>ἔτι</i>	<i>πρός</i>
3. Еврипид (Ph. 610), Платон (Men. 90e)		<i>καί</i>	<i>γε</i>	<i>πρός</i>
4. Эсхил (Prometh. 73)			<i>γε</i>	<i>πρός</i>
5. Демосфен (4.28)			<i>δέ</i>	<i>πρός</i>
6. Гиппократ (fract. 3)	<i>ἐν</i>	(<i>καί</i>)		<i>πρός</i>
				<i>ποτί...</i>

Можно видеть, что в обеих таблицах присутствует определенная систе-
ма, из которой Гиппократ выпадает. На примерах из *СН* стоит остано-
виться подробнее: Hipp., Fract. 3. *ἔστιν δὲ ἐκείνω τῷ ὀστέῳ τὴν αὐτὴν ἁγῶν καλεόμενος,*
ὃν ποτί στηριζόμεθα «К этой кости относится так называемый локоть, на
который мы иногда опираемся».

Hipp., Art. 41. *Σφόνδυλοι δὲ οἱ κατὰ ῥάχιν, οἷσι μὲν ὑπὸ γόσημάτων*
ἔλκονται ἐς τὸ κοφόν, τὰ μὲν πλεῖστα ἀδύνατα, λύσασθαι ποτί καί⁸ ὅσα ἀνοτέρω
τῶν φρενῶν τῆς προσφύσιος κοφούται «У кого спинные позвонки из-за болезней
приводят к образованию кифоза, выздоровление чаще всего невозможно,
в особенности у кого кифоз образуется выше места прикрепления
диафрагмы».

Hipp., Art. 46. *στενωτάτην γὰρ πάντων ζῶων ἀνθρώπος κοιλίην ἔχει ὡς*
ἐπὶ τῷ μεγέθει ἀπὸ τοῦ ὀπισθεν ἐς τοῦμπροσθεν, ποτί καί⁹ κατὰ τὸ στήθος
«ибо из всех животных человек имеет живот приплюснутый (букв.:
по величине спереди назад), при этом такую же грудную клетку».

Hipp., Art. 57. *κατὰ δὲ τὸν βουβῶνα δοκεῖ τι ἢ σαφεῶς λαπαρωτέρη εἶναι*
ποτί καί¹⁰ φανομένη, ἅτε τοῦ ἄρθρου ἐς τὰ ἐπὶ θάτερα ὀλισθηρότος μέρη
«около паха же ткани сверху кажутся мягкими, в особенности наощупь,
так как бедро вышло в противоположную сторону сустава».

Hipp., Art. 69. *τῆς δὲ διαίτης ἐπιμελεῖσθαι χρῆ, ὡς κατὰ δύναμιν ἀπίρευτος*
ἦ, καὶ ἐν σχήμασι δικαίοις εὐθετεῖσθαι τὸ σῶμα· δίκαια δὲ ταῦτα μηδὲ μετέωρον
ποιεῖν, μηδὲ ἐς τὸ κάτω ῥέπον, ἀλλὰ μάλλον ἐς τὸ ἄνω, ποτί καί ἐστ' ἂν περι-
ραγῇ «следует позаботиться о режиме, чтобы больной по возможности
был без лихорадки и положение тела было бы правильным: оно не должно
быть ни поднятым, ни опущенным, но скорее чуть приподнятым, в особен-
ности пока окончательно не отпадет (опухоль)».

Как видно из приведенных примеров, Гиппократ употребляет *ποτί* везде
в сочетании с *καί* в наречном значении «в особенности, при этом». В един-

⁸ В рукописях (codd. Laurent., Marcian.) стоит *πο τί*.

⁹ У Галена (Gal. De plac. Hipp. et Plat.) — *ποτέ*.

¹⁰ У Аполлония Китийского в комментариях *ποτέ*.

ственной фразе (Fract. 3), где *ποτί* употреблено без *καί* но тоже в наречном смысле (...ὄν ποτί στηρίζομεθα) также обращает на себя внимание различие в употреблении с другими авторами. У Гомера такое употребление не встречается. В II.10,108 (...ποτί δ'αὖ καί ἐγείρομεν ἄλλους), содержащем сочетание *ποτί δ'αὖ καί* и имеющем некоторое внешнее сходство с примерами из *СН*, *καί* выполняет соединительную функцию, тогда как гиппократовское *ποτί καί* кажется вполне устойчивым сочетанием с несколько иной стилистической окраской.

В Art. 8 *ποτί καί* употреблено в пересказе неизвестного эпического текста (предположительно из Гомера¹¹) с прямой цитатой в конце отрывка: *καί γάρ τὸ ἐπίπαν ἀμείνων καὶ στερρωτέρη ἢ βραχέα ποίη τῆς βαθεΐας, ποτί καί¹² πρὶν ἐκχαρπεῖν τὴν βαθεΐαν. Διὰ τοῦτο οὖν ἐποίησεν τάδε τὰ ἔπη:*

ὡς δ'ὅπουτ' ἀσπάσιον ἔαρ ἤλυθε βοῦσιν ἔλιξιν,

ὅτι ἀσμενωτάτη ἀποτοῖσιν ἡ βαθεΐα ποίη φαίνεται

«...более же короткая трава в целом лучше и плотнее, чем высокая, в особенности перед тем, как принести плод. Поэтому он (Гомер) сложил такие стихи:

Когда пришла весна, приятная для быков криворогих, потому что самой приятной для них является выросшая трава».

В этом отрывке, содержащем ряд гомеровских слов, *ποτί καί* имеет то же значение, что и в примерах, приведенных выше, и также не совпадает полностью с гомеровским *ποτί δέ*, а содержит то же стилистическое значение, что и другие примеры из Гиппократов. Уже Ф. Бехтель со ссылкой на Дильса и Г. Шене высказал предположение о косском происхождении адвербиального *ποτί* у Гиппократов¹³. Наши наблюдения подтверждают это мнение и одновременно показывают, что гиппократовское употребление стоит совершенно вне литературной традиции. Возможно, следует говорить не о *ποτί*, а о сложном наречии *ποτί καί*. Сопоставление гиппократовского *ποτί καί* с *ποτί* в эпосе показывает в данном случае несостоятельность мнения о прямой преемственности с языком Гомера. Также следует отметить, что *ποτί καί* Гиппократов имеет семантическое соответствие широко представленному в прозе в наречном значении *πρὸς δὲ καί* (у Геродота, Платона, Демосфена, Ксенофонта и других) и редкому в поэзии (Eur., Hel. 261). Кажется возможным сделать предположение, что значение и само употребление *ποτί* (*ποτί καί*) в *СН* обязаны традиции живого косского диалекта, а гомеровское употребление лишь содействовало закреплению *ποτί* в языке медицинской прозы.

В. А. Воробьев

POTI IN HIPPOCRATES

V. A. Vorob'ev

The author comes out against the traditional opinion that the use of *ποτί* in the Corpus Hippocraticum is to be explained as a «Homerism». Study of the contexts in which the word appears in Hippocrates brought him to the conclusion that it should be taken adverbially, as in the phrase *ποτί καί* (corresponding to the prose *πρὸς δὲ καί*), the author's use of which is due to the tradition of a living Coan dialect.

¹¹ Г. Кинкель (*Kinkel G. Epicorum Graecorum fragmenta. V. II. Lpz., 1877, p. 71*) относит это место к *incertae sedis fragmenta* героического эпоса, которое обычно приписывают Гомеру.

¹² *ποτί* (в рукописях ὄτι) восстановлено на основании Галена (*Gal., Comm. 3, XVIII, A 497*).

¹³ *Bechtel Fr. Die griechischen Dialekte. B. 3. B., 1924, S. 28.*

ВОЛЬСИНИИ В САМНИТСКИХ ВОЙНАХ

Внутренняя история Этрурии бедна фактами. Крупницы их чудом уцелели в греко-римской литературной традиции. Лаконичность этих сообщений зачастую даже затрудняет однозначность их прочтения. Вот почему так желанен всякий раз параллелизм источников, которого удается иногда достичь благодаря изучению памятников материальной культуры.

Так, примерно, дело обстоит и с историей Самнитских войн. Результаты изучения этрусских зеркал, достигнутые в последнее десятилетие¹, позволяя дополнить свидетельства греко-римской традиции информацией, исходящей непосредственно из городов Этрурии. Настоящая статья, продолжая работу по исследованию выделенной нами большой группы зеркал, изготовленных в Вольсиниях², посвящена одному из аспектов получаемой информации. Время изготовления этих зеркал (около 350 г. — около 264 г. до н. э.) делает их весьма ценным источником для прояснения ситуации, сложившейся в Северной Италии в эпоху Самнитских войн и несколько позднее.

Эпоха Самнитских войн — своеобразная кульминация в борьбе Рима за Италию. Поэтому соответствующие источники подвергались интенсивному разбору уже начиная с Нибура³. Критика осуществлялась путем устранения несообразностей логических и филологических⁴. Эти операции оставляли историкам только то, что, следуя принципу непротиворечивости текста, можно было признать реальным описанием имевших место событий. К сожалению, такого оставалось крайне мало. Оценивая результаты, достигнутые исторической наукой в вопросе об участии этрусков в Самнитских войнах, приходится признать, что над литературными источниками по-прежнему витает тень гиперкритики⁵. Описываемые события лишаются причинно-следственных связей, действия утрачивают движение, общая картина сделалась статичной, и в такой метафизической системе достоверность признается лишь только за минимумом элементов. Второе направление в историографии вопроса, постепенно набравшее силу с 1920-х годов⁶, относится к традиции с большим доверием. Однако нельзя не отметить, что это проистекает не столько от доказанности правоты источника, сколько от принципиальной установки исследователей. По нашему мнению, данное направление тоже искажает существо излагаемых событий, хотя и по-другому. Устранение авторской концепции событий (а она особенно сильна у Ливия) нейтрализует логику связей⁷. Правильная принципиально установка на высвобождение описываемых событий из позднейшей интерпретации античными авторами оставляет после себя довольно рыхлое скопление фактов. Но не располагая возможностью какой-либо самопроверки, кроме критики текста (отвергаемой в своих крайних выражениях), это направление вынуждено опираться только на интуицию.

¹ Подробнее: *Маглев Е. В.* Этрусские зеркала. — СА, 1984, № 2.

² *Он же.* Миф, идеология и политика: деятельность мастерской граверов в Вольсиниях. — *Concilium Eirene XVI*. V. 2. Prague, 1983, p. 35—39; *он же.* Судьба греческого сказания о «Суде Париса» в Этрурии VI—III вв. до н. э. — ТГЭ, 1984; *он же.* Бронзовые зеркала этрусского города Вольсинии. — В кн.: *Античная тосканка (в печати)*.

³ *Niebuhr G. B.* *Römische Geschichte*. Bd. III³. B., 1853, S. 320—506.

⁴ Среди работ гиперкритического направления следует особо выделить: *Pais E.* *Storia di Roma*. V. 1, 2. Torino, 1899, p. 60 ff.; *Beloch K. J.* *Römische Geschichte*. B. — Lpz., 1926, S. 412—459.

⁵ В этом плане очень показательны одно из лучших освещений вопроса в последнее время: *Harris W. V.* *Rome in Etruria and Umbria*. Oxf., 1971, p. 41—84.

⁶ Но нельзя не упомянуть среди более ранних умеренно критические исследования: *Kaerst J.* *Kritische Untersuchungen zur Geschichte des zweiten Samniterkrieges*. — *Jahrbücher für classische Philologie*. 13. Supplbd. Lpz., 1884, S. 736—769.

⁷ *Ducati P.* *L'Italia antica*. V. I. Milano, 1936, p. 342 ff.; *Sesti L.* *Storia d'Italia dalle origini alla conquista romana*. Milano, 1960, p. 309 ff.; *Scullard H. H.* *A History of the Roman World*. L., 1964, p. 113 ff.

Этрусско-римские конфликты в рассматриваемый период обычно группируются по трем этапам: 1) 311 — 308 гг., 2) 302 — 293 гг., 3) 292 — 264 гг.⁸ Вступление этрусков в Самнитскую войну начинается с нападения на Сутрий, римскую колонию, выведенную на земли покоренного еще в начале IV в. до н. э. этрусского города Вейи. Это событие признается практически всеми⁹. Разногласия ограничены определением года. Но как в этом случае, так и в дальнейшем мы будем, следуя изложению событий у Ливия, подробно останавливаться лишь на таких спорных деталях, которые могут быть проверены объектами материальной культуры. Пусть вопрос о 311 или 310 г. не проверяется, но подтверждается правильность информации Ливия (IX, 29, 1—5) о событиях в Этрурии до нападения на римскую колонию, о планомерности подготовки, нарастании напряженности на границе. Иначе говоря, затруднения вызывает не детальность излагаемого материала, а специфика его подачи. После описания характера военных действий вокруг Сутрия следует знаменитый рассказ Ливия (IX, 36, 1—8) о рейде римской армии в 310 г. через Циминийский лес. Вопрос об этом рейде не раз рассматривался исследователями разных направлений¹⁰.

В связи с этим возникает вопрос, ответ на который позволил бы признать или отвергнуть достоверность рассказа. Ливий акцентирует внимание на необычности для римлян избранного маршрута. Критика именно в этой позиции историка усматривает доказательство вымышленности рассказа¹¹. Действительно, можно усомниться: если так легко этруски достигли Сутрия через Циминийский лес, то почему и римлянам не пойти сквозь него в обратном направлении? Но посмотрим на это событие несколько иначе. Этот лес находится на стыке владений нескольких государств: римского, фалисков (по большей части), Вольсиний, Тарквиний. Согласно Ливию, римляне, пройдя лес, выходят к Тибру и, переправившись через реку, по территории умбров добираются до совр. Вальди-Кьяна. Другими словами, римляне резко поворачивают на восток, чтобы обогнуть территорию Вольсиний. Западное направление в глубь Этрурии исключается, ибо оно заблокировано территорией Тарквиний. Таким образом, римляне, кажется, избирают направление, единственно возможное из кратчайших на север, поскольку с 343 г. до н. э. фалиски — их союзники¹². Можно также, вероятно, считать, что и конечный пункт движения — Вальди-Кьяна — хорошо известен римлянам. Нашествие галлов на Рим 390 г. до н. э., согласно традиции, было спровоцировано действиями римского посольства, направленного в Клузий (Liv., V, 33). Еще раньше именно царь Клузия Порсенна пытался реставрировать в Риме этрусскую династию¹³. И сейчас, вероятно, в связи с подтверждением историчности некоторых прежде исключавшихся легендарных деталей в описании событий того времени, невозможно категоричное отрицание и этого специфичного «контакта» между Римом и Вальди-Кьяна¹⁴. Думается, Вальди-Кьяна следует считать районом особых интересов Рима, причем он стал таковым, видимо, задолго до Самнитских войн. В этот же период, вероятно, уже решались практические вопросы закрепления здесь римлян. Вальди-Кьяна могла привлекать Рим плодородием

⁸ Так, например: *Harris. Op. cit.*, p. 49 ff.

⁹ *Kaerst. Op. cit.*, S. 736; *Beloch. Op. cit.*, S. 414; *Ducati. Op. cit.*, p. 342; *Sesti. Op. cit.*, p. 309; *Scullard. Op. cit.*, p. 113; *Harris. Op. cit.*, p. 50.

¹⁰ Ср. прим. 3—7.

¹¹ Ср. *Harris. Op. cit.*, p. 58.

¹² *Liv.*, VII, 38,1; *Harris. Op. cit.*, p. 48.

¹³ *Müller K. O. Die Etrusker. Stuttgart, 1877, S. 111, 116.*

¹⁴ Возможность колонизации римлянами района будущей Остии во времена Анка Марция как будто подтверждается археологически: *Andrén A. Un gruppo di antefisse fittili etrusco-laziali e la questione dell'esistenza di un abitato ostiense anteriore alla colonia romana.* — SE, 1980, not. 48, p. 93—99. Тибрский проход — один из древних путей миграции по полуострову.

почвы, т. е. стать еще одним желаемым районом «вынужденной эмиграции». Механизм этого процесса очень подробно рассмотрен И. Л. Маяк, поэтому нам остается только присоединиться к выдвинутым ею тезисам, предположительно распространяя их действие и на обширную равнинную местность в самом сердце Этрурии¹⁵. На пути сюда место впадения в Тибр реки Неры (а это район знаменитых Циминийского леса и Вадимонского озера) приобретало важное стратегическое значение. По долине Неры открывалась дорога к Адриатике, примерно через 30 км движения к северу вдоль Тибра начиналась Валь-ди-Кьяна, откуда легко достичь этрусского побережья Тирренского моря. Долина Неры с древнейших времен использовалась различными народами, приходившими на полуостров, для проникновения в Центральную и Южную Италию¹⁶. Этим проходом быстро воспользовались и римляне, закрепившись тут в своем движении к Паданской низменности, еще одной сказочно богатой хлебодородной области, выведением колонии Нарния. Проникновение в Этрурию шло соответственно по второму давно известному в Италии тракту¹⁷.

Вот почему никак нельзя считать (как это делали приверженцы гиперкритического направления) лишь дублированием одного события сообщения о многочисленных вооруженных столкновениях здесь римлян в 310 г. с умбрами (Liv, IX, 39), в 284 и 283 гг. — с галлами и этрусками (Polyb., II, 19, 7—20, 6). В свете охарактеризованных особенностей данного региона следует рассматривать и движение сюда в 311 г. армии Фабия. Этот район — своего рода оживленный перекресток, от того, кто здесь окажется раньше, зависела скорость дальнейшего продвижения в глубь вражеской территории. Переход Фабия через Циминийский лес — это прорыв, осуществляемый вопреки ставшим привычными маршрутам врагов при сближении. Римская армия идет не вдоль Тибра, а неожиданно очень быстро оказывается у самого входа в Валь-ди-Кьяна. Видимо, закономерно, что римский сенат боится такого шага, запрещая его Фабию (Liv., IX, 36, 14). За вступлением в Валь-ди-Кьяна неминуемо должна была последовать цепная реакция этрусских межгосударственных отношений, быть может, грозящая захватить и другие народы. Нечто подобное могла подозревать, исходя из опыта прошлого, традиционно мыслящая часть римского сената, а она, судя по приказу Фабию, составляла в то время явное большинство. Нам кажется, Харрис прав, рассматривая эпизод с Циминийским лесом как борьбу двух тенденций в римской внешней политике¹⁸. Побеждает установка на агрессию, потому что во главе армии оказывается один из членов рода, настаивавшего на такой политике. Фабий совершает действие вопреки воле сената. Ливий и это старательно фиксирует.

Долгое время из двух основных источников о событиях в Этрурии в эпоху Самнитских войн предпочтение отдавалось Диодору¹⁹. Четкость его описаний по сравнению с раздробленным мелкими деталями повествованием у Ливия казалась критерием достоверности. Дополнительный материал, который мы вводим в оборот, заставляет отнестись к Ливию со значительно большим доверием. Многие из сообщаемых им деталей, прежде отвергавшихся критикой, подтверждаются. Ливий показывает себя

¹⁵ Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II вв. до н. э. (До Гракханского движения). М., 1971.

¹⁶ Ср. Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964, с. 57. Это одна из зон ранней диффузии культур Италии, с одной стороны, предшествующих миграциям XII в. до н. э., с другой — являющихся их следствием; см.: Залесский Н. Н., Мавлеев Е. В. Южная Этрурия и начало этрусской цивилизации. — В кн.: Западное Средиземноморье в I тысячелетии до н. э. Л., 1984.

¹⁷ Следует отметить, что по этим трактам в скором времени пойдут стратегические дороги римлян.

¹⁸ Harris. Op. cit., p. 58.

¹⁹ Это лейтмотив большинства интерпретаций; ср. Kaerst. Op. cit.; Harris. Op. cit.

очень хорошо информированным историком. Но отбирая детали для собственного повествования, он часто под влиянием своей концепции ставит их по отношению друг к другу в такую зависимость, которая затемняет истинный смысл совершавшихся событий. Эпизод с Циминийским лесом мы избрали в качестве примера, показывая, что текст Ливия можно интерпретировать и иначе — в сравнении с традиционным пониманием, не разрушая его мелких деталей. К сожалению, требуемая краткость статьи не позволит показать аналогичным образом все эпизоды событий в Этрурии эпохи Самнитских войн. Но и последующее наше изложение опирается на повествование прежде всего Ливия.

История трех выделенных выше этапов этрусско-римских конфликтов интересна в том плане, что каждый раз события с механической бесстрастностью воспроизводят стереотипную схему действия. Так, в начале каждого этапа появляется упоминание об Арреции. В 311 г. до н. э. на Сутрий нападают все этруски, кроме аррецийцев (Liv., IX, 32, 1). Второй этап в 302 г. до н. э. начинается изгнанием аррецийцами из своего города рода Цильниев (Liv., X, 3, 2). Наконец, третий этап в 284 г. до н. э. открывается нападением на Арреций галлов²⁰. Видимо, города Валь-ди-Кьяна (Арреций, Кортона, Перузия, Клузий), точнее их отношения: внутриобщинные, между собой, с внешним миром — оказывались той своеобразной пружиной, нажатие на которую вызывало цепную реакцию этрусско-римских конфликтов. Этот «механизм» требовал определенных условий для работы, а именно, чтобы «периферия» Валь-ди-Кьяна (этруская, римская, галльская, быть может, умбрская и самнитская) была готова прийти на помощь, вмешаться. О некоторых эпизодах этой «работы» уже говорилось, но в полной мере она становится очевидной в эпоху Самнитских войн, когда «периферия» определяется окончательно²¹.

Поскольку из Валь-ди-Кьяна начинались кружные дороги к сердцу страны, областям, примыкающим к Тирренскому морю, постольку три этапа войн с Римом напоминают неуклонное затягивание петли вокруг Этрурии. На первом этапе дуга вооруженных конфликтов тянется от Сутрии через границы фалисков и Вольсиний, чтобы упереться в Валь-ди-Кьяна. На втором этапе дуга конфликтов на юг от Валь-ди-Кьяна доходит до Вольсиний и фалисков, а на севере — до Волатерр (Liv., X, 12, 3, 8) и, поворачивая на юг, уже по побережью Тирренского моря достигает Рузелл²², причем этот город даже захватывается римлянами — деталь, отмечаемая Ливием, которую явно воспринимают с некоторым недоверием²³. Остается совсем немного, чтобы дуга описала вокруг Этрурии окружность. Южнее Рузелл по побережью находится территория Вульчи, далее — Тарквиний и Цере. Цере с середины IV в. до н. э. сохраняет нейтралитет²⁴, с Тарквиниями в 308 г. до н. э. заключается новое 40-летнее перемирие²⁵. Только Вульчи остаются для традиции в тени. Но они

²⁰ Polyb., II, 19, 7.

²¹ О влиянии этого «механизма» на этрусскую культуру мы уже неоднократно писали: Мавлеев Е. В. Эхетл или Тархон? (К проблеме сюжета этрусских урн эрмитажной коллекции). — СГЭ, 1974, № 38, с. 38—41; он же. Мемнон на этрусском оссуарии? — ВДИ, 1977, № 4, с. 137—146; он же. Греческие Диомеды и этрусский человек-лебедь. — В кн.: Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982, с. 86—96.

²² Liv., X, 37, 3; ср. Залесский Н. Н., Мавлеев Е. В. Рузеллы — этрусский город. — ВДИ, 1980, № 2, с. 129—143.

²³ Harris. Op. cit., p. 64.

²⁴ Детали отношений этого города с Римом понимаются по-разному: а) нейтралитет — Pfiffig J. A. Das Verhalten Etruriens im Samniterkrieg und nachher bis zum I. Punischen Krieg. — Historia, 1968, Bd. 17, № 3, S. 308; б) дружественный нейтралитет — Pais. Op. cit., 1, 2, p. 308 ff.; в) союзник — Scullard. Op. cit., p. 83.

²⁵ Бездействие Тарквиний во второй половине IV в. до н. э. многих удивляло: Niebuhr. Op. cit., S. 239 ff.; Beloch. Op. cit., S. 414; Pallottino M. Tarquinia. Monumenti antichi pubblicati per cura della R. Accademia nazionale dei Lincei. V. XXXVI. Milano, 1937, col. 540. Поэтому вполне единодушно предполагается какая-то скрытая борьба с Римом: Pfiffig. Das Verhalten..., S. 308.

возникают (так закономерно) на третьем этапе, когда основными противниками Рима в Этрурии традиция называет Вульчи и Вольсинии ²⁶.

Тенденцию, которая намечается в действиях Рима, очень хочется назвать попыткой установления блокады Этрурии. Чуть ниже, когда речь дойдет до анализа памятников материальной культуры, мы увидим, что и они подталкивают нас к аналогичному выводу. Что же касается «блокады», то применительно к Этрурии это понятие никак нельзя рассматривать в качестве модернизации. Начиная с V в. до н. э. оно весьма реально вмешивалось в этрусскую жизнь ²⁷. Последним эксцессом такого рода явилась политика сиракузского тирана Дионисия, совершавшего карательные экспедиции против этрусков, выходивших из повиновения ²⁸. Теперь посмотрим, как литературная традиция позволяет нам оценивать позицию отдельных этрусских государств, участвовавших в конфликтах с Римом. Очевидно, особую группу составляют города Валь-ди-Кьяна. Арреций выделяется тем, что в нем преобладают силы, пытающиеся опереться на Рим ²⁹. Но их позиция весьма уязвима, по крайней мере на первом и втором этапах военных действий. На первом этапе аррецийцы, хотя и не посылают своих людей под Сутрий, но, вероятно, воюют с Римом, когда его армия оказывается в Валь-ди-Кьяна. Столь же двойственна позиция и других городов, подозрительная своей легкой податливостью римскому нажиму ³⁰. Перемирие на 30 лет римляне заключают с Перузией, Кортоной и Аррецием. В 302 г. до н. э. аррецийцы занимают явно антиримскую позицию. Вместе с Аррецием в конфликт активно вовлекаются Клузий и Перузия. Все говорит за то, что для городов Валь-ди-Кьяна, видимо, соблюдение договора никогда не выходило за рамки одной из враждующих группировок. Поэтому внешнеполитическая линия этих городов отличалась крайней лабильностью. В дальнейшем мы станем условно именовать эти города «колеблющимися».

Вторую группу, очевидно, составляют города «прифронтовой» зоны. Их позиция характеризуется как однозначно враждебная Риму. К числу наиболее упорных противников Рима следует отнести фалисков и Вольсинии. Описание поведения фалисков создает впечатление, будто наши источники что-то не договаривают. Перемирие фалисков с Римом 351 года в 343 г. перерастает в мир (Liv., VII, 38, 1). Но в 298 г. фалиски восстают ³¹, в 293 г. — снова война (Liv., X, 45, 2—8), наконец, в 241 г. после очередного их выступления Фалерии, один из наиболее крупных городов области, были разрушены, а уцелевшие жители переселены на новое место (Zonara, VIII, 7). Похожей была судьба Вольсиний. Они участвовали в конфликте 341—308 гг., за что в 308 г. их земли были опустошены (Liv., IX, 41, 6). Далее Вольсинии у Ливия опять представлены воюющими в 294 г. (Liv., X, 37, 1—5), в 284—280 гг. (Liv., IX, Per.). В 264 г. после внутригородского конфликта и последовавшего вмешательства римлян город разрушается, а население выводится на новое место ³². Но во время I Пунической войны здесь, видимо, вспыхивает опять очень крупное восстание ³³. Особое положение занимают Тарквинии. Несмотря на предположения современных исследователей об их участии в какой-то форме в

²⁶ Harris. Op. cit., p. 82.

²⁷ Силади Я. Д. Этруски на Западе. — В кн.: Западное Средиземноморье в I тысячелетии до н. э. Л., 1984.

²⁸ Piganiol A. La conquête romaine. P., 1927, p. 115.

²⁹ По этому поводу высказывались разные предположения: Delplace Chr. L'intervention étrusque dans les dernières années de la deuxième guerre samnite (312—308). — Latomus, 1967, v. 26, f. 2, p. 455.

³⁰ Мнение о предрасположенности к Риму широко распространено: Renard M. Initiation à l'Étruscologie. Bruxelles, 1943, p. 24; Delplace. Op. cit., p. 455; Pfiffig. Das Verhalten..., S. 308.

³¹ Liv., X, 12, 3—8; Маяк. Ук. соч., с. 79.

³² Flor., I, 21; Valer. Max., IX, 1; Aurel. Victor, 36.

³³ Liv., Per. XVI; Маяк. Ук. соч., с. 78 сл.

борьбе против Рима, подтверждения этого пока отсутствуют. Нейтралитет Тарквиний выгоден и этрускам. Тарквинийская территория, протянувшись широкой полосой от границ Вольсиний до побережья Тирренского моря, затрудняла свободное маневрирование римских армий. Подобным образом можно охарактеризовать и поведение Цере. Тарквинии и Цере на всех трех этапах борьбы надежно обеспечивают левый фланг от римского наступления на Этрурию. Правый фланг вследствие специфической роли Валь-ди-Кьяна оказывается обнажен и именно отсюда происходит вторжение римлян в глубь Этрурии. Позицию Волатерр и Рузелл можно охарактеризовать в общих чертах как «враждебную» Риму. В силу их удаленности от Рима велика вероятность нападения на них римлян в результате неизвестных нам межэтруских осложнений, например с городами Валь-ди-Кьяна. Любопытно, что римляне даже как будто застают Рузеллы врасплох. Это находит объяснение в свете предположения о проникновении римлян в Этрурию с севера. Глубинные районы страны вследствие своей защищенности от Рима «прифронтовыми» государствами менее других ожидали нападения своего отдаленного противника и не были к нему готовы.

Памятники материальной культуры дают неожиданно много уточнений для нарисованной выше картины. Подтверждается тезис о районе фалисков, Вольсиний и Вульчи как о компактной группе. Это проявляется здесь в особенности усвоения художественного влияния, исходящего из Апулии. Если не считать так называемой «волатерро-клузийской» керамики, локализация производства которой до сих пор остается загадкой³⁴, вазы фалисков — первое для IV в. до н. э. свидетельство установления контактов между Апулией и Этрурией. Данный процесс начинается в первой четверти столетия, когда еще действует блокада Тирренского моря — внутреннего моря этрусков — греческим миром. Поэтому весьма вероятно, что контакты между Этрурией и Тарентом, центром производства керамики, копируемой фалисками, устанавливаются по суше. Вероятнее всего, действует передаточная цепочка: область фалисков — Пренесте — Кампания — Апулия³⁵. После 380 г., когда Рим подчиняет себе Пренесте, регулярное функционирование этой цепочки прекращается, хотя в течение времени она возобновляется в течение всего IV в. до н. э.³⁶ Между тем влияние греческого юга неуклонно возрастает, смещаясь несколько западнее. Около середины IV в. до н. э. художественные изделия юга Италии появляются в Тарквиниях³⁷, во второй половине века греческие художники уже работают в Вульчи над украшением Гробницы Франсуа³⁸. Параллельно идет ослабление апулийского влияния на фалисков, и, видимо, можно предполагать, что прежние контакты по суше постепенно сменяются оживлением гаваней Вульчи и Тарквиний³⁹. Любопытно, что усиление влияния юга Италии в Этрурии происходит скорее всего за счет миграции сюда греческих мастеров. Апулийская керамика имеет хорошо очерченный ареал распространения: Апулия, Лукания, Калабрия; значительно меньше ее в Кампании, Сицилии, единичны на-

³⁴ Fischer-Graf U. Spiegelwerkstätten in Vulci. Deutsches Archäologisches Institut. Archäologische Forschungen. Bd. 8. В., 1980, S. 1 ff.

³⁵ Этот вывод напрашивается в результате анализа мест находок предметов, которые изготавливаются в отмеченных районах; ср. прим. 36, 39—41.

³⁶ Ср. Adam. R. Recherches sur les miroirs prénestins. P., 1980.

³⁷ Знаменитый саркофаг с амазомахией: Mavleev E. LIMC I. 1 (1981), s. v. Amazonen etruscae, № 29.

³⁸ Messerschmidt F. Nekropolen von Vulci. В., 1930; Pianu G. Due fabbriche etrusche di vasi sopra dipinti: il Gruppo Sokra ed il Gruppo del Fantasma.— MEFRA, 1978, № 90, p. 187.

³⁹ Idem. Contributo alla cronologia delle ceramiche argenteale.— SE, 1979, № 47, p. 124.

ходки — в Испании, на побережье Адриатики, Южной Франции ⁴⁰. О находках в Этрурии данных нет. На определенное размышление наводит и характер композиций на зеркалах Вольсиний. Они демонстрируют детальное знание мифов, например истории Елены в интерпретации Еврипида, популярного в это время в Таренте ⁴¹. Сами композиции не зависят от каких-либо греческих прототипов. Иначе говоря, речь должна идти о самостоятельной работе гравера, как можно заключить, очень хорошо знакомого с греческой культурой.

Для второй половины IV в. до н. э. активный поиск контактов именно греков с этрусками весьма вероятен. Появление на полуострове динамичной коалиции самнитских племен вместе с нарастающей мощью Рима коренным образом изменяет ситуацию в Италии, заставляя греков пересмотреть свои традиционные отношения с италийскими народами. Параллельно поиску «сильных людей» в Балканской Греции, способных возглавить вооруженную борьбу греческих полисов против наступающих на них автохтонов, Тарент, видимо, пытается заинтересовать своими задачами государства севера Италии, противодействующие Риму. Однако в настоящее время еще отсутствуют прямые свидетельства о таких контактах со стороны греков ⁴². Мы можем судить о них только по специфическим последствиям для севера полуострова. В наиболее резкой форме они проявились в Вольсиниях. Это единственный этрусский город, укрепления которого в течение IV в. до н. э. возводятся согласно приемам, обычным для Великой Греции ⁴³. Конечно, данное обстоятельство может быть истолковано и только в плане общего экономического подъема, который вдруг обнаруживается в Вольсиниях около 350 г. до н. э. Здесь неожиданно расцветает вполне оригинальная и профессионально зрелая школа фрескистов (Гробница Голини I и Голини II) ⁴⁴, начинается производство богато орнаментированной бронзовой посуды ⁴⁵, сосудов из глины, имитирующих серебряную утварь ⁴⁶. Этот «бум» плохо увязывается с резко ухудшающимся во второй половине IV в. до н. э. положением на традиционных рынках сбыта. Активное освоение северного направления после установления блокады Этрурии греками в 470-х годах до н. э. ⁴⁷ наталкивается на серьезные препятствия в начале IV в. до н. э., когда Паданская низменность превращается в место расселения галльских племен. Таким образом, емкость рынка сокращается до размеров собственно Этрурии, что, казалось бы, никак не могло выступить стимулятором активного производства. Остается предположить установление торгового моста между греческим югом Италии и группой этрусских государств вокруг Вольсинийского озера. В наибольшей степени это касается Вольсиний, в несколько меньшей — Вульчи и Тарквиний.

Приведенные соображения, разумеется, могут служить лишь косвенным подтверждением того, что дают нам зеркала Вольсиний, которые начинают производиться в городе около 350 г. до н. э. Примерно за сто лет

⁴⁰ *Trendall A. D.* La ceramica.— Taranto nella civiltà della Magna Grecia. Atti del X Convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto 4—11 ottobre 1970, p. 249—263; *idem.* The red-figured vases of Lucania, Campania and Sicily. V. I. Oxf., 1967, passim. *Trendall A. D.*, *Cambitoglou A.* The red-figured vases of Apulia. V. I. Oxf., 1978, passim.

⁴¹ *Colonna G.* Note di lessico etrusco (farthan, huze, hinthial).— SE, 1980, № 48, p. 174—179.

⁴² *Wuilleumier P.* Tarente des origines à la conquête romaine. Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, 1939, p. 148; *Degrassi M.* La documentazione archeologica in Puglia.— Greci e italici in Magna Grecia. Atti del primo convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto, 4—8 Novembre 1961. Napoli, 1962, p. 223—237.

⁴³ *Banti L.* Il mondo degli etruschi. Roma, 1969, p. 160.

⁴⁴ *Dobrowolski W.* Malarstwo etruskie. Warszawa, 1979, p. 179 f.

⁴⁵ *Маалеев.* Судьба греческого сказания...

⁴⁶ *Rebuffat-Emmanuel D.* À propos d'une coupe étrusque récemment acquise par el musée de Leyde.— MEFRA, 1975, 2, № 87, p. 583—590.

⁴⁷ *Силади.* Ук. соч.

своего существования мастерская Вольсиний успевает выпустить очень большое количество этих предметов. В подтверждение можно привести следующую приблизительную цифру. К настоящему времени известно около 2000 этрусских зеркал разных периодов ⁴⁸, из них примерно ³/₄ приходится на IV в. и начало III в. до н. э., и, вероятно, не менее ²/₃ этого числа может быть приписано мастерским Вольсиний ⁴⁹. Следует иметь в виду, что эта цифра, во-первых, включает в себя только известные нам экземпляры, в действительности их было, несомненно, много больше. Во-вторых, производство примерно 1000 вольсинийских зеркал в течение 100 лет распределяется крайне неравномерно. Наибольшей интенсивностью производства отличаются 330—290-е годы до н. э. ⁵⁰ За длительный период своего существования вольсинийские мастерские успевают пройти через несколько этапов эволюции, каждый из которых отличался характерными особенностями в конструкции зеркала, спецификой рисунка и орнаментальных украшений. Первая фаза связана с деятельностью группы мастеров необычайно высокого уровня подготовленности: в чисто технических и художественных вопросах, в интеллектуальном плане, наконец, в плане знакомства с греческой культурой. Особо следует отметить, что внезапное проявление вольсинийских зеркал — сразу, без обычного подготовительного «ученического» этапа, на уровне высочайшего профессионализма — несколько напоминает уже отмеченный аналогичный феномен для фрескистов.

Среди вольсинийских граверов первого поколения выделяется один, который примерно три десятилетия был признанным лидером (в дальнейшем — Мастер В. 509) ⁵¹. Его влияние ощущается и позже, когда он сам, вероятно, уже не работал. Но в композициях его учеников и продолжателей художественное влияние мэтра чувствуется примерно до 300 г. до н. э. Сам он, судя по его работам, представляется выученком мастеров Вульчи, центра с очень рано развившимся бронзолитейным производством ⁵², известным, в частности, своими зеркалами, отличавшимися тонким подражанием аттической вазопиши ⁵³. Даже в IV в. до н. э., когда уже давно прекратился ввоз керамической продукции из Аттики, вульчийские граверы хранят верность избранным для подражания образцам ⁵⁴. Мастер В. 509 уже в первой своей работе допускает существенное отступление от вульчийских образцов ⁵⁵. Он начинает подражать апулийским керамистам: использует характерные для них орнаментальные мотивы, приемы изображения человеческих фигур, наконец, типичные для Южной Италии мифы ⁵⁶. Мастер В. 509 первым среди этрусских граверов обращается к те-

⁴⁸ Mayer-Prokop I. Die gravierten etruskischen Griffspiegel archaischen Stils.—MDAI. Roemische Abt. 13. Ergänzungsheft. Heidelberg, 1967, S. 114.

⁴⁹ Этот приблизительный подсчет даем на основании работы над научным каталогом собрания «Античные зеркала в Эрмитаже».

⁵⁰ Вот как статистически может быть представлена коллекция зеркал в Эрмитаже, которая сложилась в XIX в. при отсутствии действующих ныне классификаций. Подобное строение других старинных крупных музейных собраний дает основание для утверждения, что «случайность» статистики, вероятно, отражает действительное положение на этрусском художественном рынке, который в свою очередь передает приблизительно соотношение между группами: 1) архаические — 3; 2) Вольсиний — 11; 3) под влиянием Вольсиний — 9; 4) Пренесте — 5; 5) прочие — 3.

⁵¹ Мавлеев Е. В. Мастер зеркала В. 509 из Эрмитажа.—СГЭ, 1984, № 49.

⁵² Борисковская С. П. Бронзы из Вульчи в собрании Эрмитажа.—В кн.: Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982, с. 70—83.

⁵³ Fischer-Graf. Spiegelwerkstätten...

⁵⁴ Weeber K.-W. Die Krise Etruriens im 5. und 4. Jh. v. Chr.—In: Die Aufnahme fremder Kultureinflüsse in Etrurien und das Problem des Retardierens in der etruskischen Kunst. Schriften des Deutschen Archäologen-Verbandes. Bd. V. Mannheim, 1981, S. 137—145; Fischer-Graf U. Eklektizismus auf vulcenter Spiegeln und Vasen in der 2. Hälfte des 4. Jhs. v. Chr.—Ibid., S. 171—181.

⁵⁵ ES, Taf CLXXXIV; Мавлеев. Судьба греческого сказания...

⁵⁶ Он же. Бронзовые зеркала...

ме «Суда Париса», которая постепенно делается центральной для искусства Этрурии ⁵⁷.

Между 340—320 годами до н. э. рядом с Мастером В. 509 работают три других гравера: Мастер зеркала В. 505 из Эрмитажа ⁵⁸, Мастер водной стихии ⁵⁹, Мастер Атропос ⁶⁰. По дарованию они близки мэтру, но их стиль и характер знакомства с греческой культурой Апулии показывают, что они зависят от Мастера В. 509 и во многом следуют ему. Все вместе эти граверы около 320 г. до н. э. создают удивительную серию зеркал, которая побуждает нас обратить внимание на необычную роль Вольсиний в этрусской политике конца IV в. до н. э. Условно по чисто внешним признакам мы назвали эту серию «группой больших дисков». Она отличается от всех этрусских зеркал оригинальной конструкцией. Диск подобен сковородке: почти ровная, иногда с легкой выпуклостью и вогнутостью пластина круглой формы с высоким бортиком. Размерами «группа больших дисков» значительно превосходит все другие известные этрусские зеркала диаметр диска — 19—20 см против средней нормы в 14—16 см. Это очень тяжелые предметы, явно неудобные для пользования. Как было принято в конструкции зеркала, согласно которой выполнена вся «группа больших дисков», бронзовая отливка отражающей поверхности укреплялась в массивной ручке из другого материала. Таким образом, вес предмета оказался бы еще больше, если бы, помимо дисков, сохранились и ручки. Появление «группы больших дисков» несколько противоречит закономерностям, которые наметились в эволюции этрусского зеркала конца IV в. до н. э. Удивительно и то, что вскоре среди создателей принципиально новой для Этрурии конструкции зеркала оказываются все те же граверы, которые разрабатывали «группу больших дисков». Примерно через десятилетие после появления этого удивительного выпуска те же мастера признают уже только новую конструкцию зеркала. Иными словами, «группа больших дисков» приходится на время перелома. Период, который ему предшествует, характеризуется старой конструкцией, весьма незначительным числом выпускаемых экземпляров. Напротив, следующий период характеризуется резким увеличением выпуска зеркал. Новая конструкция как раз и создается для того, чтобы, упростив технологию, удовлетворять постоянно возраставший спрос на зеркала.

Основой модернизации предмета стала такая конструкция, когда диск и ручка могли быть изготовлены одновременно с помощью единой отливки. Это чисто техническое новшество явилось одним из первых симптомов глубинных процессов в жизни этрусского общества, которые, например, в Вольсиниях в 264 г. до н. э., разрешаются восстанием так называемых «рабов». Но эта тема заслуживающая специального освещения, уже выходит за пределы темы настоящей статьи ⁶¹. Роль зеркала в этрусской культуре была слишком необычна по сравнению с традиционными мерками греко-римской цивилизации ⁶². В Этрурии значение этого предмета как орудия магии, атрибута религиозных церемоний было ничуть не меньше, если не больше, его привычного нам утилитарного назначения ⁶³. Поэтому этрусское зеркало превращается в своеобразный «аккумулятор»

⁵⁷ *Он же.* Судьба греческого сказания...

⁵⁸ *Он же.* «Священный брак» на этрусском зеркале.— СГЭ, 1976, № 41, с. 32—35.

⁵⁹ ES, Taf. CLXXVI; *Fischer-Graf.* Spiegelwerkstätten..., № 30.

⁶⁰ ES, Taf. CLXXVI; Bd. V, Taf. 35.

⁶¹ Нами подготовлена статья: «Вольсинии, 264 г. до н. э. Идеологические обоснования социально-экономической борьбы в Этрурии».

⁶² Лучшее всего это своеобразие показано у Э. Герхарда (*Gerhard E.* *Etruskische Spiegel.* Bd. I. В., 1843, S. 3—97). Характерно, что «отклоняется» от этого правила только греческая культура в Италии: *Hermann W.* *Spiegelbild im Spiegel.* Zur Darstellung auf frühlukanischen Vasen.— *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock*, 1968, № XVII, 7/8.

⁶³ *Мавлеев Е. В.* Мастер «Суда Париса» из Оберлин-колледж в Эрмитаже.— СГЭ, 1982, № 47, с. 44—46.

идей и представлений, волновавших современное ему общество. Выпуски вольсинийских зеркал второй половины IV в. до н. э. показывают начинающееся внедрение в этруское сознание орфико-пифагорейских представлений, идущих из Апулии. На первых порах это «домен» еще исключительно жреческо-аристократической касты. Но в первой половине III в. до н. э. картина изменяется. Прежняя изощренность представления греческих мифов, тонкое обыгрывание идей, сближающих этрусков и греков, — все это уходит в прошлое. Представляемые идеи остаются прежними по содержанию, но теперь им придается новая форма, более понятная, легко усваиваемая по сравнению с прошлым этапом, можно сказать, примитивная.

«Группа больших дисков», как уже говорилось, и занимает место на таком переломе. Она есть как бы своеобразная гипертрофированная материализация всех признаков этапа в развитии зеркала до начала процесса его «демократизации». Эта «преувеличенность» в размерах, обилии рисунков, насыщении композиций сообщаемыми им идеями делает рассматриваемый нами выпуск этруских зеркал трудно понятным эпизодом в истории их производства. Но мнимая «бессмысленность» наполняется конкретным содержанием, когда «группа больших дисков» и следующий за нею выпуск вольсинийских зеркал ставятся в связь с тем, что нам известно об Этрурии в эпоху Самнитских войн. Уже первые издатели этих памятников обратили внимание на еще одну «странность» интересующих нас выпусков: относящиеся к ним зеркала оказались рассеяны по всей Этрурии⁶⁴. К сожалению, не для всех памятников известно место находки. Но даже неполные данные, которыми мы располагаем, весьма выразительны. Пользуясь вышеприведенной схемой, основанной на литературной традиции, можно распределить места находок зеркал следующим образом: «колеблющиеся» города — Клузий (I.13; II.2)⁶⁵, «враждебные Риму» — Волатерры (I. 4), «нейтральные» — Тарквинии (I. 10; 16), Церре (I. 5; 15?), союзные Риму вне Этрурии — Тудер (I. 3), союзные Риму в Этрурии — Вульчи (II.1). Посмотрим, какие темы избираются граверами для этих зеркал. Почти во всех композициях (особенно часто у Мастера В. 509 и его круга) появляется Геракл (I.3; 4; 5; 6; 10; 13; Ia.1; II.1). Значение героя в Этрурии (здесь это божество) напоминало греческое: широкое почитание в стране делало его символом единства⁶⁶. Призыв к единению чаще всего становится содержанием композиций на рассматриваемых здесь зеркалах. Мастер В. 509 даже создает особую композиционную схему, которая позволяет передать многолюдное собрание героев. На подавляющем большинстве экземпляров «группы больших дисков» изображено некое «совещание», обмен мнениями. Тема единства и примирения могла быть выражена и иначе. Например, по-разному нюансированный призыв к терпимости, дающей мир, содержится в композициях с Еленой и Менелаем (I.5), усыновлением Герой Геракла (I.4), представлением Херкле Эпиура (II.1), где в верхнем регистре примиренными оказываются антагонисты Гера и Геракл, а в нижнем — Елена, Менелай, Александр (Парис).

Но, пожалуй, самую удивительную форму для выражения идеи единой Этрурии находит Мастер В. 505. Он, подобно ряду других собратьев по ремеслу, обращается к одной из сфер религиозно-мифологической истории страны. Она, насколько можно судить по единственному пока известному нам зеркалу Вульчи, в рассматриваемый период привлекала внимание не только в Вольсиниях⁶⁷. Речь идет о «родовых культах» Этрурии⁶⁸. В свое

⁶⁴ Литература вопроса: *Маалеев*. Судьба греческого сказания...; *он же*. Бронзовые зеркала...

⁶⁵ Цифровые обозначения в скобках — по Приложению I.

⁶⁶ *Bayet J.* Herclé. P., 1926, p. 250 suiv.; ср. *Pfiffig A. J.* Religio etrusca. Graz, 1975, S. 340—352.

⁶⁷ *Fischer-Graf.* Spiegelwerkstätten..., S. 80 f.

⁶⁸ В понимании этого явления мы придерживаемся линии традиционализма, выраженной в отечественной науке, в частности Л. А. Ельничкиным (Элементы религии и

время В. Шульце обратил внимание на специфическую для Этрурии связь между названием географической точки (топонимом), именованием коллектива людей (гентилицем) и именем религиозно-мифологического существа (эпиклезой)⁶⁹. Образы «родовых божеств» для «группы больших дисков» — один из аспектов типичной для нее архаизирующей тенденции, которая иначе могла проявиться, например, в воссоздании облика Туран в духе архаического периода (I.2). Это своеобразная историко-патристическая тема постоянна и находит многообразное воплощение. Из Тарквинийской области происходит зеркало со сценами гадания по печени (I.46), в которых участвуют: Тагес (гадатель), Тархон (основатель Тарквиний), Вельтумна (патрон Вольсиний). Другое зеркало представляет братьев Вибенна и Каку в не совсем понятном нам цикле этрусских сказаний (III.1)⁷⁰. Напомним, однако, что эти герои Вульчи убивают римского царя, как показано в современном зеркалу Гробнице Франсуа (Вульчи). Мастер В. 505 в композиции на знаменитом зеркале из Эрмитажа настроен более миролюбиво⁷¹. Даже для «группы больших дисков», где каждый экземпляр индивидуален, эрмитажное зеркало удивительно, поскольку продуманной здесь оказывается даже конструкция бронзовой отливки. Применив необычный прием, мастер разделяет объемными валиками всю поверхность, предназначенную для рисунка, на две части. В центральном медальоне оказываются две важнейшие для этрусского пантеона фигуры — Туран и Адониса. По внешнему кольцу устремляются вверх вереницы крохотных фигурок «родовых божеств», неся требуемые для брачного ритуала аксессуары. Композиция многозначна, среди ее значений можно предположить и такое: вокруг центральных, одинаково важных для этрусков персонажей обращаются, в лице «родовых божеств», страны и народы, разбросанные по всей Этрурии. Иначе говоря, мастер показывает, что все эти народы равны между собой и должны делать одно общее дело.

«Группа больших дисков» и следующие за нею выпуски зеркал дают еще и крайне любопытную оценку происходящим событиям. Как и для греческой южноиталийской керамики, для зеркал Вольсиний характерен повышенный интерес к Троянской войне. В обоих случаях можно с полным основанием говорить, что в IV—III вв. до н. э. на нее проецировались современные события. Судьба в Этрурии цикла пророчеств о Трое уже была нами рассмотрена⁷². Поэтому здесь скажем только о том, кто с кем себя отождествлял. На это, в частности, указывают два зеркала. На одном Минерва рядом с Гераклом показана в самнитском шлеме (Ia). На другом Минерва помогает герою облачиться в самнитский доспех (IIa). Хотя здесь отсутствуют пояснительные надписи, использование традиционной иконографии сюжета Фетиды и Ахилла ясно показывает, что имеет в ви-

духовной культуры древних этрусков. — В кн.: *Немировский А. И.* Идеология и культура Раннего Рима. Воронеж, 1964).

⁶⁹ *Schulze W.* Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. — *Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Kl., Neue Folge.* Bd. V, 2. B., 1904 (далее — ZGLE). Укажем только на те случаи, когда эпиклеза подкрепляется иконографической традицией: *Tarxu* — ZGLE, 96, s. v. *Tarchon*, *Tages* — ML, RE, EAA; *velsna* — ZGLE, 252, s. v. *Voltumna* — RE; *recua* — *recial*, *rescial* — *resxualc* — ZGLE, 129, 219 f., 259, 569, s. v. — ML, EAA; *thanr* — *thanur* — ZGLE, 142—143, s. v. — ML, RE; *thalna* — ZGLE, 94, s. v. — RE; *alpan* — ZGLE, 81, 118, 412, 562, s. v. — EAA; *malavis* — ZGLE, 360, s. v. — ML, RE, EAA; ср.: *Ross Taylor L.* Local cults in Etruria. — *Am AcRome*, 1923; *Renard M.* Initiation à l'Etruscologie. Bruxelles, 1943, p. 40; *Ulisce*, Talna (1929); *idem.* Alpan (1931); *idem.* Thanr (1933).

⁷⁰ *Mavleev E.* LIMC, v. III, s. v. *Cacu*.

⁷¹ Последнюю известную нам публикацию зеркала (*Немировский А. И.* Этрусски. От мифа к истории. М., 1983, с. 206; рис. на с. 208) можно только упомянуть, поскольку ее автор, отвергая традиционное понимание композиции (ср. *Rallo A.* *Lasa. Iconografia e esegesi.* Firenze, 1974, p. 53 sg.), со своей стороны ничего не предлагает. Подробнее о зеркале: *Мавлеев.* «Священный брак»... (библиография до 1974 г.); *он же.* Судьба греческого сказания... (библиография после 1974 г.).

⁷² *Он же.* Судьба греческого сказания...

ду гравер: Ахилл — самнит. Напомним, что в Гробнице Франсуа в цепи пророческих умозаключений из области Троянской войны появляется сцена жертвоприношения Ахиллом троянских пленников. Таким образом, Рим (в полном соответствии с римскими воззрениями)⁷³ остальной Италией объявляется Троей. Откровенно воинственные призывы на зеркалах звучат в темах, связанных с богами войны (I.10a,14). На первый план выдвигаются сугубо местные (не общие с римскими) боги войны, показывается, какую заботу о них должны проявлять другие божества⁷⁴.

Подведем итоги. «Группа больших дисков», очевидно, состоит из несколько необычных зеркал. Их размеры и тяжесть лишаю вещь ее обычной утилитарной функции. Рисунки на них вызывают ассоциации с приемами пропаганды. Эта пропаганда имеет одну точку исхода в Этрурии и определенные цели. Зеркала из Вольсиний расходятся в такие точки Этрурии и окружающего ее мира, которые в эпоху Самнитских войн играли важную роль в общей борьбе с Римом. Увеличение предмета выше всякой меры, превращение его в очевидно «роскошную вещь» — обычные приемы для придания ему второго смысла, многозначного. Думается, есть все основания признать зеркала «группы больших дисков» «посольскими дарами». Подобная практика зафиксирована для Этрурии и Греции⁷⁵. Превращение Вольсиний в своеобразного координатора усилий разобщенной Этрурии в борьбе с Римом естественно. Вольсинии — место ежегодного собрания глав этрусских государств. Этот орган функционирует и во время войны, как показывает рассказ Ливия (X, 16) о посольстве самнитов сюда в 296 г. до н. э. Таким образом, традиционная организационная форма могла еще быть полезной. Другое дело, что обычная разобщенность Этрурии во второй половине IV в. до н. э., вероятно, уже перерастает в настоящий кризис, о чем, думается, достаточно красноречиво говорит поведение отдельных этрусских государств, отраженное литературной традицией. Поэтому и нужны были особые «дары», напоминающие каждому о его месте в надвигающемся конфликте с Римом. Ежегодные собрания глав государств в Вольсиниях происходили под эгидой бога или богини Вольтумны (Вельтумны), что давало городу моральное право выступить в качестве духовного пастыря этрусских народов. Поэтому закономерно, что пропаганда ведется часто в духе экуменизма. Таково, во всяком случае, зеркало Мастера В. 505.

«Посольская серия» зеркал была выпущена около 320 г. до н. э., т. е. накануне II Самнитской войны. Агитация не прекращалась и после, становясь все конкретнее. При этом «адресаты» оказываются все ближе к Вольсиниям. Нейтральным Тарквиниям напоминают, что когда-то именно они в лице Тагеса и Тархона объединили Этрурию (I. 16). С одобрением вспоминают о братьях из Вульчи, которые не только убили римского царя, но утвердили на берегах Тибра культ Вертумна-Вольтумны (III.1). Самнитам приписывается почти мессианская миссия (Ia 1, IIa). Смысл других «высказываний» пока загадочен. Так, на одном зеркале этой «исторической серии» показано убийство Троила (III.2). В свою очередь известно, что в ходе военных действий имел место эпизод с этрусским городом Троил (Liv., X, 4, 6, 10—11). Что это, случайное совпадение?

Последнее наше замечание, связанное с выявлением нового исторического источника о Самнитских войнах, касается литературной традиции. Еще раз (в который уже!) мы убеждаемся в ее достоверности. Даже дета-

⁷³ Ср. Boas H. *Aeneas' Arrival in Latium*. Amsterdam, 1938.

⁷⁴ Ср. Simon E. *Il dio Marte nell'arte dell'Italia centrale*. — SE, 1978, № 46, p. 135—147.

⁷⁵ Mauss M. *Sociologie et antropologie*. P., 1950, p. 206—207; Bažant J. *Studies on the use and decoration of Athenian Vases*. — Rada společenských věd. Praha, 1981, № 91, 3, p. 9 f.; Cristofani. — SE, 1978, № 46, p. 333 f.

ли повествования Ливия (например история самнитского посольства в Этрурию, казавшаяся сомнительной)⁷⁶ находят определенное подтверждение.

Е. В. Мавлеев

⁷⁶ Pfiffig. Das Verhalten..., S. 324 f.

Приложение I

I. Мастер В. 509 (после 350 г. — до 300 г. до н. э.)

А. Годы ученичества

1. Париж, Лувр. Суд Париса. Происхождение неизвестно. Д.— 17 см (ES, Taf. CLXXXIV).
2. Лондон, Британский музей. Украшение Малависх. Происхождение неизвестно. Д.— 19 см (ES, Taf. CCXIII).
3. Рим, Вилла Джулия. Суд Париса. Из Тудера (Moretti M. Il museo nazionale di Villa Giulia. Roma, 1964, p. 327).

Б. Пора расцвета (330—320-е гг. до н. э.)

4. Флоренция, Археологический музей. Усыновление Герой Геракла. Из Волатерр. Д.— 19,7 см (ES, Bd. V, Taf. 60).
5. Лондон, Британский музей. Менелай и Елена. Из Цере. Д.— 20,4 см (ES, Taf. CCCXCVIII).
6. Эрмитаж, В. 509.

В. Период переходного стиля

7. Берлин — Шарлоттенбург, Античный музей. Персей и Минерва. Происхождение неизвестно. Д.— 16,1 см (ES, Taf. CXXII).
8. Некогда в собрании Э. Герхарда. Одевание Туран (или Елены). Происхождение неизвестно. Д.— 17 см (ES, Taf. CCXII).
9. Рим, Музей Кирхера. «Троянские герои». Происхождение неизвестно. Д.— 18,3 см (ES, Taf. CCCLXXIV).
10. Некогда в частной коллекции. Геракл и Минерва. Из окрестностей Витербо. Д.— 18,2 см (ES, Taf. CLXVII).
- 10а. Берлин — Шарлоттенбург, Античный музей. Крещение огнем Марисов. Из Кьюзи. Д.— 13,6 см (ES, Taf. CLXVI).

Г. Поздний период

11. Перуджа, Городской музей. Нахождение яйца Елены. Из окрестностей Орвьето (Порано). Д.— 20,5 см (ES, Bd. V, Taf. 77).
12. Некогда собрание Борджиа. Неясный сюжет (сильно фрагментировано). Сохранились надписи: Мен[елай], Агам[емнон], Евтурпа, Тумете, Елинап, Талмите. Происхождение неизвестно. Д.— 19 см (ES, Taf. CXCVI).
13. Некогда в частном собрании во Флоренции. Пьяный Геракл. Из Кьюзи. Д.— 19,5 см. (ES, Taf. CXLIX).
14. Лондон, Британский музей. Крещение огнем Марисов. Из Больсены. Д.— 18,6 см (ES, Taf. CCLVII B).
15. Копенгаген, Датский национальный музей (некогда в частном собрании в Чивита Веккиа). «Троянские герои». Происхождение неизвестно. Д.— 13,9 см (ES, Taf. CCCLVI).
16. Флоренция, Археологический музей. Гадание Тареса. Из Тускании (Ducati P. Storia dell'arte etrusca. Firenze, 1927, fig. 589).

Ia. Круг Мастера В. 509 (выборочно)

1. Утеряно. Херкле и Минерва в самнитском шлеме в окружении Ерис и Ефис. Происхождение неизвестно. Д.— 19,5 см (ES, Taf. CLXIV).

II. Мастер В. 505 (около 320 г.— до 300 г. до н. э.)

1. Париж, Кабинет медалей. Представление Херкле Эпиура. Из Вульчи. Д.— 20,4 см (ES, Taf. CLXXXI).

2. Лондон, Британский музей. Вакх и Ариадна. Из Кьюзи. Д.— 19,3 см (ES, Taf. CCXCIX).
3. Эрмитаж. В. 505.
Па. *Круг Мастера В. 505 (выборочно)*
1. Местонахождение неизвестно. Миперва. воин в самнитском шлеме, Лаза. Происхождение неизвестно. Д.— 18,5 см (ES, Taf. CCCLXXXIX).
- III. *Группа с маркой «лист — пламя» (около 300 г. до н. э.). Круг Мастера «Суда Париса» из Оберлин-колледж (выборочно)*
1. Лондон, Британский музей. Братья Вибенна и Каку. Из Больсены. Д.— 15 см (ES, Bd. V, Taf. 127).
2. Лондон, Британский музей. Убийство Троила. Из окрестностей Больсены. Д.— 15,2 см (ES, Bd. V, Taf. 110).

A NEW SOURCE FOR THE HISTORY OF ETRURIA
IN THE FOURTH CENTURY B. C.

V. V. Mavleyev

A large group of Etruscan bronze mirrors (c. 350—300 B. C., Hermitage). «attached» by the author to the city of Volsinii, are interpreted by him as an important new source for the history of northern Italy in the epoch of the Samnite Wars. Between the historical events as recorded in the literature and the character of the mirrors (studied independently according to the specific nature of the material) the author finds points of contact which he deciphers in the form of the following conclusions: (1) Volsinii comes forward as leader of the movement for the unification of Etruria at the time of its struggle with Rome, (2) in order to arouse interest in this cause special types of mirrors are issued, (a) «ambassadorial», (b) «historical», and are distributed among the Etruscan cities, (3) the information we get from the mirrors shows how very well informed in Etruscan-Roman relations was Titus Livius.

КУМРАНСКИЙ АНТИФАРИСЕЙСКИЙ ПАМФЛЕТ*

В 1964 г. Аллегро опубликовал текст из четвертой кумранской пещеры (4Q 184), озаглавив его «Проделки распутной женщины»¹. Первое ознакомление с содержанием полностью оправдывает это название. С тех пор исследователи неоднократно обращались к этому тексту, предлагая самые противоречивые его толкования. Последняя известная мне статья с красноречивым названием «Эссенизм и женоненавистничество», где привлекается, в частности, 4Q 184, принадлежит профессору Страсбургского университета Марку Филоненко².

При интерпретации текста предлагались, разумеется, его переводы, основанные на филологическом разборе, до сих пор не завершеном в деталях. Прежде всего определение основного субъекта всего документа зависит от дополнения начального слова, от которого сохранился только последний знак he. Аллегро дополняет hsw(n)h — «блудница». Однако вос-

* Статья подготовлена к печати Л. М. Глускиной.

¹ *Allegro J. M. The Wiles of the Wicked Woman. A Sapiential Work from Qumran's Fourth Cave.*— PEQ, 1964, 96, p. 53—55. В 1968 текст был переиздан без названия с дополнением нескольких фрагментов: DJD, V, 1968.— Qumran Cave 4. I (4Q 198—4Q 186). By *Allegro J. M. With the collaboration of Anderson A. A. Oxf.*, 1968, p. 82—85.

² *Philonenko M. Essénisme et Misogynie.*— Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1982, p. 339—353 (esp. p. 343—346).

становление этого слова в начале строки вызывает стилистические противопоставления. Филоненко воспроизвел без всяких изменений опубликованный Дюпон-Соммером в 1965 г. французский перевод³. Дюпон-Соммер дополнил начальную лакуну иначе, чем Аллегро, а именно: [h' š]h — «женщина». Это меняет характер документа. По мнению переводчика здесь показана inferнальная природа женщины вообще.

В приводимом ниже переводе 4Q 184 я исхожу из предложенного Скихеном дополнения начального слова [mry]h — «из уст ее»⁴, считая в то же время, что субъектом всего текста является «блудница». Это дополнение было принято также Лихтом⁵.

- 1 Из уст⁶ ее исходит пустословие и [язык]ом [своим бормочет вздо]р, заблуждение⁷ остается всегда на устах ее. Словами своими⁸
- 2 насмешливо оболь[ща]ет, чтобы извращать <учение> йахад (ср. общины. — И. А.) уста[ми] порочности⁹.

³ Dupont-Sommer A. Explication des textes hébreux et araméens découverts à Qumran. I. The Wiles of the Wicked Woman. — ACF, 1965, 65, p. 353—355.

⁴ О дополнении Скихена (Skehan P. W.) мне известно из сообщения Страгнела: Strugnell J. Notes en marge du volume V des «Discoveries in the Judaean Desert of Jordan». — RQ, 1970, № 26, p. 266.

⁵ Licht J. The Wiles of the Wicked Woman. — In: Bible and Jewish History. Studies in Bible and Jewish History. Dedicated to the Memory of Jacob Liver. Ed. Uffenheimer B. Tel-Aviv, 1971 (иврит), p. 289—296.

⁶ Allegro. The Wiles...: [hzw]h twsy' hbl wb []; против восстановления начальной лакуны словом «блудница» были высказаны возражения: Carmignac J. Poème allegorique sur la secte rivale. — RQ, 1965, № 19, p. 364, not. 6; Strugnell. Op. cit., p. 264. Как уже было сказано, Дюпон-Соммер (op. cit., p. 353) восстанавливает лакуну словом «женщина»: [h'š]h; Хениг (Hoenig S. B. Another Satirical Qumran Fragment. — JQR, 1965, LV, 3, p. 256) дополняет [nkry]h — «чужая», но не обязательно иноплеменная (ср. Притчи 23 : 7, где слово nkryh по закону parallelismus membrorum является синонимом слова «блудница» в смысле «чужая жена», «распущенная»). Дополнение Скихена [mry]h — «из уст ее» развил Лихт: [mry]h twsy' hbl wb[šwnh thgh šw] — «из уст ее она произносит вздор и [язык]ом [своим бормочет пусто]ое». Если бы лакунаместила столь длинное дополнение, то такое начало произведения, как «из уст ее», предполагает либо определенное заглавие, либо предшествующий текст. Страгнел (op. cit., p. 266 f.), хотя и считает субъектом всего текста Даму — аллегорическое олицетворение Безрассудства (La Dame Folie), не пытается восстановить начальную лакуну.

⁷ Слово tw'wt — «заблуждение» остается здесь вне контекста, но глагол t'h — «блуждать», «вводить в заблуждение» — часто сочетается с понятием «блуд». Ср. Нос. 4 : 12: ky rwh znwnum ht'h | wyzwn mtht 'lhyhm — «ибо дух блуда ввел их в заблуждение, и блудодействуют они, отступая от бога своего».

⁸ Allegro: tšhr. tmyd[l]šnn dbry[h] — «she seeks continually [to] sharpen [her] words» (ср. Gazou-Ginzberg A. M. Double Meaning in a Qumran Work («The Wiles of the Wicked Woman»). — RQ, 1967, № 22, p. 279—285, esp. p. 284). Ср. Moore R. D. Personification of the Seduction of Evil: «The Wiles of the Wicked Woman». — RQ, 1981, № 40, p. 505—519, ad locum, и др. Мне представляется более удачным чтение Страгнела (op. cit., p. 264), который вместо šnn — «заострять» предлагает šmn — «умаслить». Это дает лучший смысл и тесно связано с контекстом следующей строки. Предложенное Лихтом (op. cit., p. 290) чтение tw'wt tšr tmyd [bšpt dbryh bl'g] никак не обосновано автором и представляется неоправданным.

⁹ Allegro: wqls th[ly]q whalys yhd bš[w']wl — She mockingly flatters and with emp[ty]ness to bring altogether into derision. Это несуровое предложение приобретает более внятный смысл, если вместе со Страгнелом читать вместо непонятного выражения bš[w']wl — bš[pty]wl — «устаи порочности» (ср. IQHV, 24). Для разъяснения предлагаемого нами перевода следует отметить, что глагол lvs имеет два значения: 1) насмехаться и т. п.; 2) в породе hiph'l, как в нашем случае (ihlyš), означает также «искажать», «извращать» (ср. Притчи 19 : 28 : 'd bly'l ylyš mšpt — «свидетель-негодий извращает правосудие»). Объектом искажения в нашем тексте является следующее за этим слово yhd — yahad, которое имеет два значения: как наречие — «вместе», как имя существительное — «единство», «общность», откуда — «община». Именно в этом значении возникло наиболее распространенное самоназвание кумранской общины. Если такое толкование приемлемо, то перед словом «йахад» явно пропущено подразумеваемое слово «учение», взятое нами в уголки (whlyš <twrt h> yhd bš[pty]wl). Не исключена возможность, что «обольщение» сопровождалось не только «насмешкой», но и лицемерной хвалой, на что указывает другое значение глагола qls (возникшее из арамейского языка): gallēs — «хвалить», qillūs — «хвалебная песня».

- Ее сердце расставляет западни, а внутренности ее (букв. почки) — ловуш[ки]¹⁰. Ладони ее¹¹ осквернены беззаконием, руки
 3 ее¹² хватают подкуп šwḥd (?)¹³, ноги ее спускаются, чтобы совершить нечестие¹⁴ и чтобы шествовать в [вине] прегрешений¹⁵ [и обследовать?] 4 основания тьмы. Множество прегрешений в пол[ах] ее (платья), ее одежда — мрак ночи, а наряды ее — тьма.
 5 Облачения ее — тени сумерек, а ее украшения поражены порчей. Ее постели — ложа преисподней []
 6 глубины пропасти. Ее жилища — ложа тьмы и в ночи[ой] тьме ее [вла]дычества. На основаниях мра[ка]
 7 она располагает свое жилище и проживает она в шатрах безмолвия, посреди вековечного пламени. И нет у нее удела среди всех,
 8 кто ярко светит (m'ugy nwhg). И она начало всех путей порока. Горе всем, обладающим ею, несчастье все[м]
 9 ее приверженцам. Ибо пути ее — пути смерти, стезями греха являются ее стези, ее колеи уводят
 10 к порочности, а доро[ги] е[е] — к вине прегрешений. В[ра]тами смерти являются ее в[рата], у входа в ее дом она направляет в ше[ол] (преисподнюю.) [Все]
 11 [входящие к ней не] вернуться, и все обладающие ею сойдут в бездну, [А она], поджидая в засаде, [у каждого]
 12 [угла] засядет. На] площадях города она покрывается вуалью и у врат городских она становится. И нет возможности успоко[ить] ее. Ноги ее]
 13 постоянно то[ропятся]. Глаза ее бросают мимолетные взгляды в разные стороны и веки свои она приподнимает игриво, чтобы (пристально) взгляну[ть] на человека]
 14 праведного, и настигает его, на человека [благо]нравного, чтобы заставить его споткнуться; на людей честных, чтобы совратить их с пути, на избранников праведности,
 15 чтобы удержат их от соблюдения заповедей, неколебимо стоящих...

¹⁰ *Allegro*: 'wl lbh ukyn phwz wklywtyh mq[...] —] — Her heart's perversion prepares wantonness, and her emotions[...]. Удовлетворительный смысл этот полустих приобретает после принятия исправлений Страгнела (op. cit., p. 264): вместо phwz (легкомысленный и т.п.) — rḥup — «силки», «западни»; mq[?] читать mq[šwt] — «ловушки». В результате получается замечательный параллелизм: «ее сердце расставляет (ukyn от корня kwp) западни, а ее почки (wklywtyh) — «ловушки». Что касается употребленного здесь слова «почки», то в Библии оно понимается и в значении «внутренности» как синоним сердца, местонахождение ума, сознания. Так, у Иер. 11: 20 сказано, что бог bwḥn klywt wlb, букв. «испытующий почки и сердце» (ср. LXX: δοκιμάζων νεφροὺς καὶ καρδίαν; Vulg.: et probas renes et cor; в Синодальном переводе — «испытующий сердца и утробы», а в The New English Bible, Oxf., 1970, p. 927: testing the heart and mind). В талмудической литературе почкам присваивались разум, рассудок (ср. сентенцию в трактате Berakhot 61^a: klywt yw[šwt] lb mbyn — «почки советуют, сердце разумет»).

¹¹ Последнее слово строки второй Карминьяк восстанавливает [ydyh] — «ses ueux» (op. cit., p. 365, not. 12). Однако трудно понять, как могут глаза оскверняться, букв. «запачкаться». Предпочтительнее предложенное восстановление: Her palms (fingers) are defiled (см. *Gazow-Ginzberg*. Op. cit., p. 285; ср. Ис. 59:3: «ибо ладони ваши (кружк) осквернены кровью, и пальцы ваши (w' šb wtykm) — беззаконием».

¹² Аллегро читает hwh и сближает это слово с арабским hawan — «страсть». Однако, как показал Карминьяк (op. cit., p. 365, not. 13), в рукописи читается ydyh — «ее руки».

¹³ ydyh tmkw šwh; перевод Карминьяка (op. cit., p. 364): (et) ces mains ont agrippé l'enlissement (? — И. А.) не дает смысла. Но и другие переводы, исходящие из понимания šwh = šwhh — «яма», также не достигают удовлетворительного смысла. Ср., например, *Stragnell*. Op. cit., p. 264: Her hands descend (? — И. А.) to the pit; *Vermes G. The Dead Sea Scrolls in English*. Penguin Books. 1979, p. 255: her hands have seized hold of the pit; *Moore*. Op. cit., p. 507: her hands take hold of the pit. Мне представляется более удовлетворительным понимание šwh = šwh[d] — «взятка», «подкуп» (*Gazow-Ginzberg*. Op. cit., p. 285, not. 24). Ср. Ис. 33:15: n'r kryw matmk bšhd — «удерживать руки свои от взятки».

¹⁴ Ср. Proverb. 5:5.

¹⁵ b' šwmt[ps'] — восстановление Аллегро на основании строки 10.

- обольстить легкомыслием, а шествующих честно (побудить) изменить за[кону], чтобы отступили
- 16 от бога кроткие, и отвратить их стопы от путей праведности, заполнить дер[зостью сер]дца их, дабы не шествовали они
- 17 стезями прямыми, чтобы сбить человека с пути (истины) и направить его к пропасти и обольщать лестью сынов человеческих.

Как же оценивается этот своеобразный документ в кумрановедческой литературе? По мнению первоиздателя Аллегро, образ распутной женщины использован здесь совсем для другого объекта авторской полемики, возможно, как в «Откровении», — против Рима. Дюпон-Соммер, как было сказано выше, предлагая свое дополнение начального слова, полагает, что в тексте раскрывается и осуждается inferнальная природа женщины вообще. Хениг высказывает предположение, что перед нами «сатирический памфлет», написанный караимом против раббанитов. Карминьяк видит здесь «аллегорическую поэму» против враждебной секты (без уточнения). По мнению Газова-Гинзберга, в этом тексте, возможно, содержится полемика со всем официальным иудаизмом, а не только с одной из сект.

В 1970 г. Страгнел подверг полной палеографической ревизии чтение Аллегро, предложив в ряде случаев удачные альтернативы. Он считает субъектом всего документа *La Dame Folie* — аллегорическое олицетворение безрассудства¹⁶. Страгнел резервировал общую оценку до опубликования других текстов Премудростей из 4-й пещеры. Но публикации все еще нет, ни окончательной, ни прелиминарной.

В 1974 г. Бургманн высказал мнение, что под обозначением «развратной женщины», «блудницы» скрывается «не кто иной, как первосвященник и этнарх Симон Маккавей»¹⁷. Согласно Вермешу, в этой поэме Премудрости образ проститутки символизирует опасности и искушения ошибочной и фальшивой доктрины¹⁸. Мур в исследовании, озаглавленном «Воплощение соблазна зла» (1981 г.), пытается показать, что в этом документе нет специфически направленной полемики, он представляет собой обобщенное рассмотрение характера зла. С этим в известной мере перекликается высказанное ранее Гастером мнение, что под блудницей подразумевается апостасия¹⁹. Основной тезис Мура: перед нами скорее теологическая поэма, нежели полемический трактат.

Наконец, в названной выше работе Филоненко, где развивается идея о женоненавистничестве (*misogynie*) эссеист, автор опирается, в частности, на наш документ в переводе Дюпон-Соммера, принимая его трактовку, согласно которой субъектом всего текста является не проститутка, а женщина вообще. По мнению Филоненко, для эссеиста было безразлично, идет ли речь о женщине вообще или о проститутке. Филоненко не учитывает многочисленных работ, появившихся после Дюпон-Соммера, в которых предлагаются иные трактовки. Свою гипотезу Филоненко формулирует следующим образом (с. 345): «Завет Рувима и фрагмент из 4-й пещеры „О коварстве женщины“ предполагают женоненавистническую экзегезу книги Притчей». Не входя в подробный разбор интересной и насыщенной сравнительным материалом статьи Филоненко, отмечу лишь, что Завет Рувима представляет собой совершенно особый случай. Весь пафос Завета Рувима, данного на предсмертном одре, — увещание детей и внуков

¹⁶ *Strugnell*. Op. cit., p. 266: документ описывает в форме аллегории не Рим (Аллегро, Газов-Гинзберг), «mais cette hypostase qui est la Dame Folie».

¹⁷ *Burgmann H.* «The Wicked Woman: der Makkabäer Simon?». — RQ, 1974, № 31, p. 323—359.

¹⁸ *Vermes*. Op. cit., p. 255: A long and relatively well preserved Wisdom poem from cave IV (4Q 184) depicts by means of the metaphor of the harlot the dangers and attraction of false doctrine.

¹⁹ *Gaster T. H.* *The Dead Sea Scriptures*. N. Y., 1976, p. 495; cp. *Moore*. Op. cit., p. 506, not. 8.

учесть печальный опыт его юности и не предаваться блудодеянию. Что касается ссылок Филоенко на Бен-Сиру, в том числе на ст. 25 : 24: «Женщина — начало греха. Из-за нее мы погибаем», то здесь речь идет не о женщине вообще, а о злой жене. В другом месте (26 : 1) Бен-Сира говорит: «Хорошая жена делает мужа счастливым». Это уж никак не похоже на антифеминизм.

Таковы основные высказанные в науке мнения об этом странном тексте. Прежде чем перейти к изложению моей гипотезы, следует кратко остановиться на свидетельствах античных авторов (Филона, Плиния Старшего и Иосифа Флавия) об отношении ессеев к женщине²⁰.

Филон Александрийский (QORL XII, 84): «Проявлений любви к богу у них множество: целомудрие, непрерывно соблюдаемое в течение всей жизни». «Отлично видя, что брак — единственное, что может в большей мере разрушить их общность, они отказались от него и вместе с тем прекрасно соблюдают воздержание. Никто из ессеев не берет себе жены, так как женщины самолюбивы, не в меру ревнивы и искусно влияют на образ мыслей мужчины, привлекая его к себе постоянными чарами».

*De vita contemplativa*²¹, § 13: «Считая, что земная жизнь уже кончилась²², они оставляют имущество сыновьям, дочерям и другим родственникам...»; § 18—20: отказавшись от имущества, ничем более не прельщаясь, они покидают свои семьи и местожительство и поселяются в уединении рощ за пределами городов; § 32: общее святилище, где они собираются по седьмым дням, разделено надвое стеной: одно помещение для мужчин, другое для женщин.... И женщины, проявляющие такое же рвение и исповедующие то же вероучение, обычно слушают вместе с мужчинами; § 68: Вместе с ними (т. е. с мужчинами.— *И. А.*) в пиршестве (в праздничные дни.— *И. А.*) принимают участие и женщины, в большинстве случаев старые девственницы. Они тщательно сохраняют девственность — не в силу необходимости, как некоторые жрицы у эллинов, но скорее по доброй воле из-за ревностного влечения к мудрости. Стремясь к совместной жизни, они презирают телесные наслаждения...»; § 69: Стол накрывается отдельно для мужчин, на правой стороне, отдельно для женщин — на левой стороне»; § 80—85: совместный хор мужчин и женщин — членов секты. Сперва отдельные хоры, объединяющиеся затем в общий хор²³.

Плиний Старший (NH, V, 73): «у них (т. е. у ессеев.— *И. А.*) нет ни одной женщины, они отвергают плотскую любовь (*sine ulla femina, omni venere abdicata*)».

Иосиф Флавий говорит о двух течениях у ессеев: а) сторонники целибата, безбрачия; б) сторонники брака ради продолжения рода человеческого. «Они не берут себе жен, не приобретают рабов, так как считают, что женщины приводят к распрям, а рабы — к несправедливости» (*Antt.* XVIII, 1, 5, § 21). «Они отвергают наслаждения, считая их злом, а к добродетелям относят воздержание и способность не поддаваться страстям. Пренебрегая браком в своей среде, они принимают чужих детей, еще восприимчивых к обучению, относятся к ним как к родным и прививают свои нравы» (*BJ*, II, 8, 2, § 120). «Хотя они не отрицают брака и связанного с ним продолжения рода, но ограждают себя от распущенности женщин и убеждены, что ни одна из них не сохранит верности одному (мужчине)» (*BJ*, II, 8, 2, § 121). «Существует и другое направление среди ессеев, которые придерживаются того же образа жизни, нравов и порядков, но иначе смотрят на брак. Они считают, что люди, не вступающие в брак, пресекают преемственность поколений — важнейшую сторону жизни.

²⁰ См. *Амусин И. Д.* Тексты Кумрана. Вып. I. М., 1971, с. 339—368, 376—391.

²¹ Ср. *Елизарова М. М.* Община терапевтов (Из истории ессеяского общественно-религиозного движения I в. н. э.). М., 1972.

²² Египетские ессеи — терапевты, о которых идет речь, как правило, были пожилыми людьми.

²³ Ср. *Philo.* De specialibus legibus, III, 79.

Более того, если бы все стали придерживаться этого, то чрезвычайно быстро иссяк бы человеческий род (ВJ, II, 8, 13, § 160). «Они не поддерживают сношений с беременными женщинами, показывая тем самым, что целью их брака является не наслаждение, а рождение детей. Женщины купаются в одеянии, так же как мужчины — в передниках. Таковы обычаи этой секты» (ВJ, II, 8, 14, § 161)²⁴.

Как видно из приведенных свидетельств античных авторов, отношение ессеев к женщинам не определяется как женоненавистничество. У некоторых групп ессеев это скорее чувство женобоязни. В кумранских текстах этому вопросу уделяется мало внимания. В Уставе дважды, а в Дамасском документе несколько раз осуждается прелюбодеяние²⁵. Но в Уставе женщины даже не упоминаются, хотя в некрополе обнаружены женские захоронения²⁶. В Дамасском документе, в 1QН и в эсхатологическом тексте так называемых Двух колонок определенно предполагается семейная жизнь²⁷. В Библии встречается всего 130 упоминаний о блуднице, из них 100 падает на пророков. Поэтому можно с полным основанием полагать, что главным источником 4Q 184 была пророческая литература. Образ блудницы у пророков применяется к Израилю (неверная жена, блудница), к Ниневии, Иерусалиму. Приведем примеры.

Осия, I, 2: «Начало слова Господня к Осии. И сказал Господь Осии: „Иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия, отступивши от Господа“»; II, 4 слл.: «Судитесь с вашей матерью, судитесь, ибо она не жена моя, и Я не муж ее; пусть она удалит блуд от лица своего и прелюбодеяние от груди своих. (5) Дабы я не разоблачил ее донага и не выставил ее, как в день рождения ее... (6) И детей ее не помилую, потому что они дети блуда. (7) Ибо блудодействовала мать их и осрамила себя зачавшая их; ибо говорила „Пойду за любовниками моими...“». III, 1 слл.: «И сказал мне Господь: „Иди еще и полюби женщину, любимую мужем, но прелюбодействующую, подобно тому как любит Господь сынов Израилевых, а они обращаются к другим богам...“»²⁸.

Миха, I, 7: «Все истуканы ее будут разбиты и все любодейные ее дары сожжены будут огнем, и всех идолов ее предаю разрушению, ибо из любодейных даров (букв. из даров проститутки — *ky m'tnn zwnh*. — И. А.) она собирала их».

Исайя, I, 21: «Как сделалась блудницей верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы».

Иеремия, II, 1: «Говорят, если муж отпустит жену свою, и она отойдет от него и сделается женою другого мужа, то может ли она возвратиться к нему? Не осквернилась ли этим страна та? А ты со многими любовниками блудодействовала и, однако же, возвратись ко мне, говорит Господь».

Наум, III, 4—7²⁹: «Это за множество блудодеяний развратницы приятной наружности, искусной в чародействах, которая блудодеяниями своими предает народы и чарами своими — племена. (5) Вот Я — на тебя, говорит Господь Сэваоф. И подниму на лицо твое края одежды твоей и покажу народам наготу твою и царствам — срамоту твою. (6) И заброшаю тебя мерзостями, сделаю тебя презренною и выставлю тебя на позор. (7) И будет то, что всякий, увидев тебя, побежит от тебя и скажет: „Разорена Ниневия“. „Кто пожалует о ней? Где найду утешителей для тебя?“».

²⁴ Ср. *Hippolyt.*, *Refutatio omnium haeresium*, IX, 18 и 28 — те же два направления у ессеев, выражено почти теми же словами. Нельзя ли предположить, что Иосиф Флавий и Ипполит пользовались одним общим источником? см. *Амусин*. Тексты Кумрана с. 369—375.

²⁵ Ср. CD, IV, 12—19, 20—21; 1QS, IV, 10; XI, 9—12.

²⁶ Ср. *Амусин И. Д.* Кумранская община. М., 1983, с. 149.

²⁷ См. CD, VII, 6—9; 1QSa, I, 4—12. Ср. *Амусин*. Кумранская община, с. 148—151.

²⁸ Ср. *Иезекиил*, XVI, 15—42, и др.

²⁹ Блудница — Ниневия.

Особенно наглядно отождествление фарисеев с блудницей выступает в кумранском комментарии на кн. Наума³⁰. Как обычно, в этих комментариях сперва приводится библейский текст, затем следует пешер — толкование его³¹. Так, слова (3 : 4): «из-за множества блудодеяний развратницы приятной наружности, искусной в чародействах, предающей народы блудом своим и чарами своими племена» (II, 7) сопровождаются следующим толкованием (II, 8): «Имеются в виду вводящие в заблуждение (разрядка здесь и далее моя.— И. А.) эфраим (mt'u 'frym), которые своим ложным учением (btlmwd šqym), языком обмана и устами коварства вводят в заблуждение многих (yt'w rbym)».

К следующему тексту (3 : 5): «Вот, я против тебя, говорит Господь воинств, ты поднимаешь полы (или края) одежд твоих³² до лица твоего, покажешь народам наготу свою, царствам — срам свой» (II, 10—11) пешер — толкование — не сохранился.

Слова (3 : 6—7): «И заброшу тебя мерзостями, и опозорю тебя и выставлю тебя уродливой, и каждый, кто взглянет на тебя, отшатнется от тебя» (IV, 1—2) толкуются следующим образом (III, 3—5): «Имеются в виду толкователи скользкого (dwršy hhlqwt), скверные деяния которых будут в конце периода раскрыты всему Израилю, и многие поймут их вину и возненавидят их и будут питать к ним отвращение за дерзкие их преступления. И когда откроется слава Иехуды (= Кумранской общины.— И. А.), отдалятся простецы Эфраима (pt'u 'frym) от их собрания и покинут вводящих их в заблуждение (mt' uhw) и присоединятся к Иисраэль (Кумранская община?— И. А.)».

Текст (3 : 7): «И скажут: „Опустошена Ниневия“³³. Кто выразит ей сожаление? Где я найду утешителей для тебя?» (III, 6).

Пешер (толкование, III, 6—8): «Имеются в виду толкователи скользкого, совет которых погибнет, собрание их будет рассеяно и не будут они более вводить в заблуждение (lt'wt = lht'wt) это собрание, и простецы (pt'um) не станут более поддерживать их совет».

В приведенных здесь отрывках из кумранского комментария на кн. Наума фигурируют следующие символические обозначения фарисеев: «толкователи скользкого», «вводящие в заблуждение», «Эфраим», «простецы Эфраима», «простецы».

Наряду с этим в комментариях, особенно на кн. Наума и Осии (4Q p Nahum, 4Q p Hos)³⁴, встречаются символические обозначения в таких контекстах, которые позволяют не только с уверенностью заключить, что речь идет именно о фарисеях, но и датировать связанные с ними события. Так, в комментарии на кн. Наума (I, 2) говорится: «Имеется в виду Деметрий, царь Йавана, который вознамерился вступить в Иерусалим по совету толкователей скользкого». Из Флавия нам известно, что фарисеи, возглавившие народное восстание против Александра Янная в 88 г. до н. э., призвали на помощь сирийского царя Деметрия III Евкера. Александр Яннаи, подавив восстание, жестоко расправился с его участниками, в том числе и с теми, кто покинул Евкера и перешел на сторону Янная. Флавий пишет: «Жестокость Янная вследствие чрезмерного гнева довела его до кощунства. Ибо он, распяв восемьсот пленников в центре города, на их глазах убил их жен и детей»³⁵. В комментарии на кн. Наума (I, 5) мы читаем: «...имеется в виду Яростный лев, который побивает своих великих и людей его совета». Яростного льва в данной ситуации вероятнее

³⁰ См. Амусин. Тексты Кумрана, с. 203—231.

³¹ См. Амусин. И. Д. Кумранские комментарии.— ВДИ, 1968, № 4, с. 91—108.

³² Ср. 4Q 184, l. 4.

³³ Подразумевается разрушение Ниневии в 612 г. до н. э.

³⁴ Полный комментированный перевод всех изданных отрывков см. в кн.: Амусин. Тексты Кумрана, с. 203—232 и 404 сл.

³⁵ Flav. Joseph., VJ, I, 4, 6 (§ 97); Antt. XIII, 13, 5 (§ 376); 14, 2 (§ 380).

всего можно отождествить с царем Александром Яннаем, правившим со 103 г. до н. э. до 76 г. до н. э. В пользу этого говорит и упоминание Яростного льва в комментариях на кн. Осии (4Q р Нос^a)³⁶. Наконец, выражение в комментариях на кн. Наума (II, 4) «власть толкователей скользкого» (mmšlt dwršy hhlqwt) предполагает власть фарисеев, которая имела место только в промежутке между 76 и 67 гг. до н. э., в период правления вдовы Янная Александры Саломеи.

Все это, по моему мнению, дает основание полагать, что в кумранском комментарии на Наума под развратной блудницей в приведенной выше лемме³⁷ подразумеваются фарисеи.

Вернемся теперь к вопросу о смысле текста 4Q 184. Еще в 1964 г. на семиологической конференции в Москве в качестве реплики на публикацию Аллегро я высказался следующим образом: «Нам представляется, однако, более вероятным, что это произведение полемически направлено против фарисеев»³⁸. В настоящее время, тщательно рассмотрев соответствующие библейские и кумранские тексты и изучив высказанные за истекший период суждения в научной литературе, я прихожу к выводу, что произведение, названное первоиздателем «Проделки распутной женщины», не является ни теологическим трактатом, ни руководством практической морали, ни криком женоненавистничества. Перед нами резко антифарисейский памфлет. Один из кумранских авторов обобщил привычное уже для кумранских комментаторов отождествление фарисеев с блудницей, заимствуя отдельные части этой картины из пророческой литературы, отдельные места — из книги Притч.

И. Д. Амусин

³⁶ См. Амусин. Тексты Кумрана, с. 239—241; *он же*. Отражение исторических событий I в. до н.э. в кумранских комментариях. — *Oikumene*, 3, Budapest, 1982, с. 245—248.

³⁷ Напомним ее: «Из-за множества блудодеяний развратницы приятной наружности, искусной в чародействах».

³⁸ См. Амусин И. Д. Новейшие публикации рукописей Мертвого моря (1961—1964). — В сб.: Семитские языки. Вып. 2, ч. I. М., 1965, с. 89; ср. *он же*. Кумранская община, с. 81—82.

A QUMRAN ANTI-PHARISAIC PAMPHLET

J. D. Amussin

The author discusses a text from the fourth Qumran cave, published in 1964 and entitled by its editor, J. M. Allegro, «The Wiles of the Wicked Woman». This text has been subject to several contradictory interpretations, in particular some see in it a display of the misogyny which they ascribe to the Essenes] (A. Dupont Sommer, 1965; M. Philonenko, 1982). However, the testimony of ancient authors (Pliny the Younger, Philo, Flavius Josephus), and also Qumran documents, show that among the Essenes there were different groups with different approaches to this question. Presenting his own translation of and commentary on text 4Q 184, the author comes to the conclusion that its principal source was the prophetic literature of the Old Testament (*Hosea, Micah, Isaiah, Jeremiah, Nahum*), in which the figure of a harlot is often used symbolically. In the Qumran commentaries the Pharisees, who were ideological enemies of the Qumranites, are given symbolic designations, one of these being the identification with the Harlot. This is most sharply expressed in the commentary on *Nahum*, 4Qp Nah, where there are allusions to specific historical events which took place in the reigns of Alexander Jannaeus (103—76 BC) and his widow Alexandra Salome (76—67 BC).

The main conclusion of this study is that 4Q 184 is an anti-Pharisaic pamphlet whose author, as was the custom in Qumran commentaries, associates the Pharisees symbolically with a harlot.

АНТИЧНАЯ БАНЯ В ГАРНИ

В 1953—1954 годах при раскопках античной крепости Гарни (начальник экспедиции — Б. Н. Аракелян) была открыта баня, которая входит в архитектурный ансамбль площади и расположена в ее западной части. Продольная ось бани имеет ориентацию: северо-восток — юго-запад.

В работах, посвященных исследованию гарнийской бани¹, освещается функциональное назначение ее помещений. А. А. Саинян представил вариант реконструкции перекрытия, а Б. Н. Аракелян детально исследовал мозаичный пол предбанника и датировал постройку второй половиной III в. н. э.

Охранные раскопки, проведенные в 1977—1978 гг. в западной части бани, в большой комнате и рядом с ней, открыли маленькое помещение (2 × 3 м), построенное впритык к топке, толщина стен которого — 0,6 м.² Среди находок интересны обработанные куски мрамора и фрагменты плоской черепицы. Полученные новые материалы и ряд соображений дают основание вернуться к вопросу о гарнийской бане.

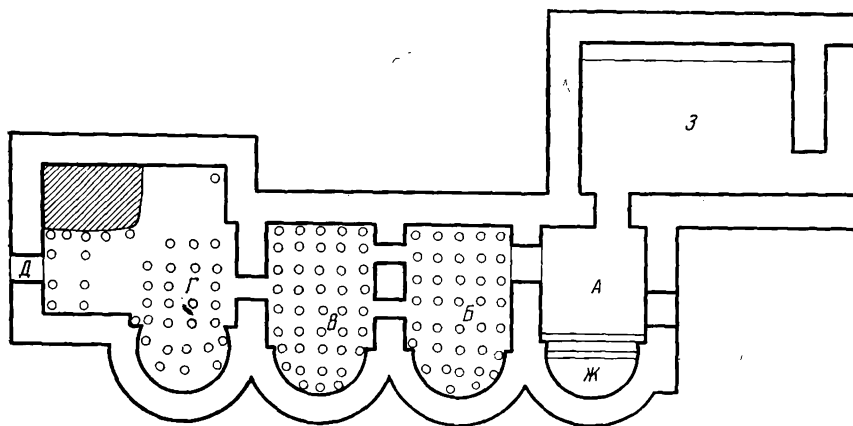

Рис. 1. Баня. План на уровне нижнего пола. Обмер. А — помещение I (аподитерий); Б — помещение II (фригидарий); В — помещение III (тепидарий); Г — помещение IV (кальдарий); Д — топка; Ж — бассейн; З — подсобное помещение

Согласно описанию Б. Н. Аракеляна, баня состоит из пяти отделений, к которым пристроены и другие помещения (рис. 1). Она без пристроек занимает площадь 18 м в длину и 6,5 м в ширину. Вход ведет в первое отделение бани — в комнату квадратной формы с мозаичным полом и полукруглой апсидой (с юго-восточной ее стороны), отделенной от комнаты невысокой стеной. Между первым и остальными отделениями имеется капитальная стена с дверью, ведущей в другие помещения, которые, по мнению Б. Н. Аракеляна, разделялись сводами, — стен между ними не было. Следующие три отделения имеют такие же формы, как и первое, с тем лишь отличием, что их апсиды не отделены от них стеной. Последнее, пятое отделение³ на юго-западном конце бани — прямоугольное. Оно, по определению Б. Н. Аракеляна, предназначалось для топки; сохранил-

¹ Аракелян Б. Н. Мозаика из Гарни. — ВДИ, 1956, № 1, с. 144—148; он же. Гарни II. Результаты работ 1951—1955 гг. Ереван, 1957, с. 23—36; Тирацян Г. А. Памятник коммунальной техники древней Армении — баня в крепости Гарни. — ИФЖ, 1959, № 2—3, с. 265—280; Саинян А. А. Архитектура античных памятников Гарни. Ереван, 1983 (на арм. яз.), с. 52—63.

² Упоминание об этом помещении имеется в указанной статье Г. А. Тирацяна.

³ Западную часть последнего большого помещения Б. Н. Аракелян считает отделением V.

ся узкий проем топки в стене, шириной 0,61 м, с остатками низкого свода над ним. В северо-западной половине комнаты имеется площадка размерами 3 × 1,8 м, на 10 см выше остальной части пола, на которой, как предполагает Б. Н. Аракелян, помещался резервуар для холодной воды. Как помещение V (за исключением бассейна), так и предыдущие три отделения бани имеют систему отопления в виде гипокауста. Нижний пол лежит на песчаном, хорошо утрамбованном грунте и залит известковым раствором. На этом полу расположены стойки-опоры, поддерживающие верхний пол. Они выложены из круглых обожженных кирпичей диаметром 0,19—0,25 м, на известковом растворе. На стойки были уложены кирпичи размерами 0,66 × 0,65 м и толщиной 6 см. Таким образом, Б. Н. Аракелян считает, что гарнийская баня имела топку (praefurnium) с резервуаром; три отделения составляли теплую баню (caldarium), а комната с мозаичным полом служила предбанником (apodyterium). В ее полуциркулярной нише (exedrium) находился маленький бассейн, вероятно, для холодной воды. На территории бани найдены угол верхнего края небольшого мраморного бассейна и обломок базальта с выемкой и отверстием для стока воды.

Г. А. Тиращян более подробно останавливается на вопросе о функциональном построении гарнийской бани. Он тоже считает первое помещение предбанником, но предназначенным и для холодного купания, для которого использовался бассейн в полукруглой нише. Далее, по его мнению, шли теплое отделение I, промежуточное отделение II, а последнее большое помещение было горячим отделением III. Вода нагревалась в металлических котлах полуциркулярной формы, которые, вероятно, устанавливались в своде топки. Несколько иными представляются выводы, сделанные А. Саиняном по поводу функционального назначения комнат. Первое помещение он тоже рассматривает как предбанник, однако не считает возможным, чтобы небольшой (1,55 кв. м) бассейн в нише мог заменить отделение для холодного купания (frigidarium). Таковым он считает помещение II, где, по его мнению, располагался большой бассейн для холодной воды, а следующее помещение III — отделением для купания в теплой воде (tepidarium). Кроме этого, он отмечает здесь наличие мозаичного пола в нише. Большое помещение IV А. А. Саинян, как и Б. Н. Аракелян, делит на две части (одна — caldarium, а другая — для подогрева и хранения воды), предполагая на месте бассейна стену толщиной 1,2 м и длиной 1,7 м, которая, по его мнению, несла сводчатое перекрытие (рис. 2).

По нашему мнению, помещение, примыкающее к предбаннику и сообщающееся с ним посредством двери в северо-западной стене, и небольшая комната, находящаяся у западной стены, caldarium, тоже имеют самое непосредственное отношение к комплексу бани ⁴ (рис. 3).

Гарнийская баня считается царской и, по всей видимости, предназначалась для царской семьи и ее ближайшего окружения. Известно также, что посещение бани членами царской семьи происходило в сопровождении провожатых и слуг, но для этого комната с мозаичным полом слишком мала (9 кв. м), тем более что она имеет три дверных проема, значительно уменьшающих используемую площадь. Гарнийская баня уступает римским термам и по размерам, и по числу различных помещений, однако там и здесь купание происходило так же. В этой связи интересно замечание Лукиана: «Посетителя принимает огромный общий зал, достаточный для ожидания слуг и провожатых» ⁵. В гарнийской бане комната, примыкающая к северной стене предбанника, служила подсобным помещением, пол которого, покрытый водонепроницаемой обмазкой толщиной

⁴ Б. Н. Аракелян и Г. А. Тиращян отмечают наличие этих двух помещений, однако не говорят об их назначении.

⁵ Лукиан. Гипсий или бани, 5 (пер. А. П. Баранова).

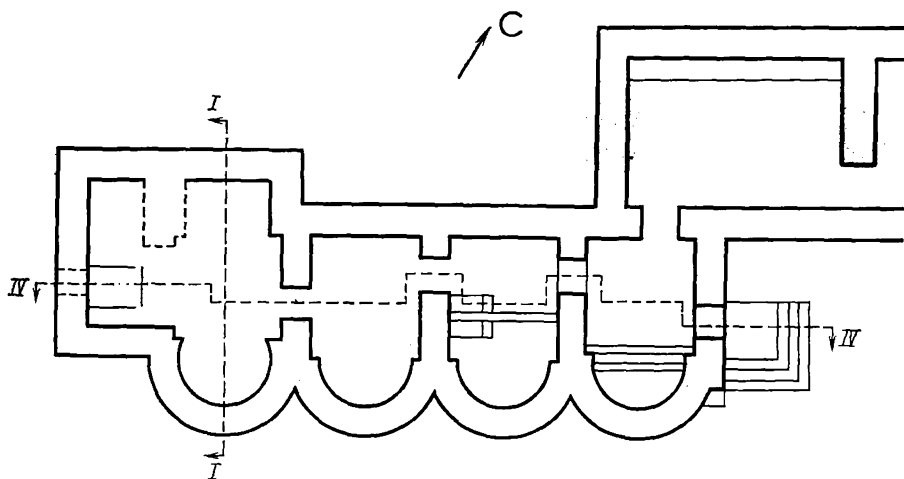

Рис. 2. Баня. План реконструкции. Вариант А. А. Саинява

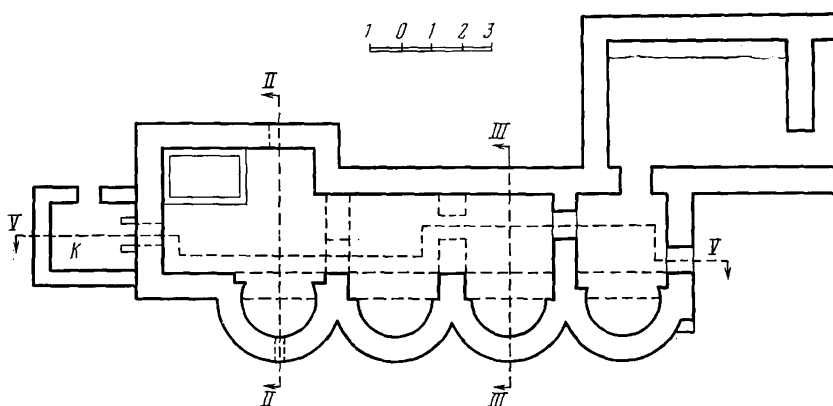

Рис. 3. Баня. План реконструкции. Вариант автора. К — комната истопника

10 см, как и в купальных залах, расположен на 0,8—0,9 м выше мозаичного пола предбанника. Перед входом в это помещение, вероятно, были три-четыре ступени. Эта комната (4 × 6 м) могла использоваться для складывания одежды, а также для отдыха до и после купания. Предположение о том, что она пристроена позже, едва ли верно, поскольку в этом случае необъяснимо наличие двух внешних дверей (обе двери предбанника сделаны, несомненно, во время постройки бани). В античных банях расположение холодного отделения прямо у входа в баню не редкость. В некоторых помпейских банях раздевальня и холодное отделение находились в одном помещении. Поэтому Г. А. Тирацян считает часть помещения I, имеющего мозаичный пол, раздевальней. Но, по-видимому, все помещение I было отделением для холодного купания. Аналогично построены бани, обнаруженные в Дзалиси⁶: одна из них входит в дворцово-храмовый комплекс и состоит из трех купальных помещений (холодное, теплое, горячее), промежуточного помещения и раздевальни; другая состоит тоже из трех одинаковых по форме купальных помещений, помещения

⁶ *Богочадзе А.* Исследования Настакийской (Мцхетского района) археологической экспедиции. — Полевые археологические исследования в 1975 г. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 41—55; *он же.* Настакиси, Саркинез, Дзалиси — города Иберии античной эпохи (Некоторые результаты полевых исследований). — КСИА, вып. 151, с. 93—102.

с алтарем, атриума, топочного помещения, резервуара для воды. В обеих банях холодные купальни имеют в апсидах бассейны для воды и не имеют системы отопления. В холодной купальне второй бани был мозаичный пол. По форме и размерам купальные помещения первой бани Дзалиси очень похожи на гарнийские. Предбанники-раздевальни в вышеупомянутых банях вынесены за пределы купален и находятся у входа в холодную купальню. II, III и IV помещения, разделенные стенами, служили купальными залами, которые также имели полуциркульные ниши для купания. Второе купальное помещение бани в Гарни вряд ли могло служить фригидариумом, как полагает А. Саинян, считая, что в нем со стороны ниши располагался большой бассейн для холодной воды. По всей площади помещения II сохранились столбики-опоры для верхнего пола бани, которые в таком случае должны были бы выдерживать тяжесть по меньшей мере двух тонн воды. Между тем небольшой бассейн в помещении I и мраморная ванна для горячей воды помещения IV расположены на нижнем полу. Вряд ли 30-сантиметровая перегородка, не связанная с поперечными стенами помещения II, смогла бы выдержать напор воды (для этого перегородка бассейна в помещении I усилена внутренней и внешней ступенями). Устройство бассейна для холодной воды на нижнем полу было бы более целесообразным. Так это сделано в Мцхете ⁷ и других античных банях ⁸.

Не совсем ясно функциональное назначение помещения IV, которое было самым большим отделением. По мнению Б. Н. Аракеляна и А. А. Саиняна, восточная часть помещения вместе с апсидой служила для купания, а западная — для подогрева воды, а также для резервуара (А. А. Саинян на этом месте предполагает стену шириной 1,2 м). Подогрев воды тут представляется нам неосуществимым ввиду трудности подачи огня и выгребания золы через отверстие топки, суженное до 0,4 м за счет приставленных столбиков-опор. Кроме того, при наличии в полу отверстия для огня невозможно было бы воспрепятствовать проникновению дыма в купальные помещения. Необходимо также учесть, что прямое воздействие огня на верхний пол привело бы к его быстрому разрушению.

По мнению Г. А. Тирацьяна, вода в гарнийской бане нагревалась в металлургических полукруглых котлах, удобно вмещаемых в сводчатую часть топки, как в банях Олимпии ⁹. Основные размеры топки: ширина — 0,6 м, глубина (соответственно толщине стены) — 0,88 м, высота без свода — 0,85 м. Он утверждает, что сохранившаяся южная пята свода отступает от края прохода топки на 0,14 м, и, полагая, что свод был полуциркульным и выложенным из кирпича, определяет его высоту в 0,44 м. В результате высота топки получается равной 1,29 м. Возможной представляется установка котла на выступы у основания свода. Аналогичное устройство топки есть в армазисхевской бане ¹⁰, где при таких же размерах (ширина 0,7 м) высота топки до шельги свода равна 1,65 м, а между топкой и примыкающим купальным помещением имеется небольшое сводчатое отверстие в стене, предназначенное, как предполагают, для периодической подачи теплого воздуха из топки в верхний ярус.

По нашему мнению, крайнее западное помещение гарнийской бани было топочным, так как при открытой топке не было бы достаточной тяги и не обеспечивалась бы подача горячего воздуха под верхний пол купальных помещений. Перед топочным проходом в стене должны были быть установлены две небольшие стены, увеличивающие опорную площадь для бо-

⁷ Мцхета. Т. I. *Анакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н.* Итоги археологических исследований. Тбилиси, 1958, с. 165—180.

⁸ *Charitonidis L., Ginouves R.* Bain romain de Zewgolatio.— BCH, 1955, LXXIX, p. 102, fig. 1.2.

⁹ *Kunze E., Schleif H.* Die Badeanlage am Kladeos. IV. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia 1940—1941. B., 1944. S. 54—55.

¹⁰ Мцхета. Т. I.

лее емких котлов, под которыми разводился огонь. Подобное решение было необходимо и при наличии свода (как, например, в Мцхете или других античных памятниках), и при плоском перекрытии над топкой (как в арташатской бане на VIII холме ¹¹, где в качестве балок перекрытия свода использованы известняковые стойки-опоры).

Как уже отмечалось, в северо-западном углу помещения IV на нижнем полу имеется площадка (3 × 1,8 м), обмазанная известковым раствором и находящаяся выше уровня пола на 10—15 см. По всей вероятности, на ней была установлена не цистерна для холодной воды, а мраморный бассейн для купания в горячей воде, фрагменты которого найдены при раскопках бани. Дно бассейна находилось ниже уровня верхнего пола на 80—85 см. У восточного его борта, видимо, были три-четыре ступени. Размеры бассейна соответствовали площадке. Выше уровня верхнего пола бассейн имел борт высотой 15—20 см, предохраняющий его от попадания грязной воды с пола купален. Бассейн мог наполняться горячей водой как прямо из нагреваемых котлов, так и из специальной посуды, устанавливаемой под краном около топки со стороны купален.

Теперь перейдем к вопросу отопления купальных помещений, не останавливаясь подробно на описаниях конструкций верхнего пола и столбиков-опор. В северной стене и в апсиде помещения IV ниже уровня верхнего пола имеются сквозные отверстия диаметром не более 10 см¹², которые, по всей вероятности, предназначались для выпуска холодного воздуха из воздушных мешков, образовывавшихся в подполье апсиды и в северном углу помещения IV. Этого требовал температурный режим кальдария. Далее горячий воздух проникал через отверстие (0,6 м) в помещение III, а оттуда через два прохода (по 0,3 м) — в помещение II.

Конфигурация и размеры этих отделений вполне соответствуют тем требованиям, которые предъявлялись к купальным помещениям для лучшего сохранения тепла ¹³ (длина купален больше ширины почти на 1/3). Между отметками нижних полов помещений IV и II также имеется необходимая разница почти в 30 см, создающая уклон в сторону топки и способствующая тяге. Как утверждают исследователи, им не удалось обнаружить следов дымоходной трубы ¹⁴, необходимой для непрерывной циркуляции горячего воздуха, но в отделении II на стыке южной стены и апсиды обнаружены следы металлических связей, служивших для укрепления дымоходных труб. По всей видимости, горячий воздух из подполья выходил по гончарным трубам прямоугольного сечения (такие же трубы обнаружены в Арташате), укрепленным во всех купальных отделениях, подогреваемых гипocaustом по обе стороны апсид.

Стены бани сохранились в отдельных местах до высоты 2,7—2,8 м, однако нет никаких следов перекрытия, столь важного как для завершения архитектурного и конструктивного решения постройки, так и для объемно-композиционного решения всей площади.

А. А. Саинян представил вариант реконструкции перекрытия бани в виде пяти параллельных сводов, которые в свою очередь завершены двускатными кровлями (рис. 7), обосновывая свое мнение находкой фрагмента штукатурки соответствующей формы. Такая реконструкция связана с целым рядом проблем.

Прежде всего отметим, что стены, показанные между помещениями II, III и IV, на месте сохранились лишь ниже уровня верхнего пола, за исключением одного камня в кладке на стыке стены между помещениями II и III и северной стеной, что, по всей видимости, объясняется последую-

¹¹ Аракелян Б. Н. Заметки о водоснабжении и банях городов древней Армении. — Вестник общественных наук, 1979, № 10, с. 75—87.

¹² Об этом почему-то до сих пор не упоминалось.

¹³ Витрувий. 10 книг об архитектуре. М., 1936, с. 107 сл.

¹⁴ Тирациян. Ук. соч., с. 271 сл.

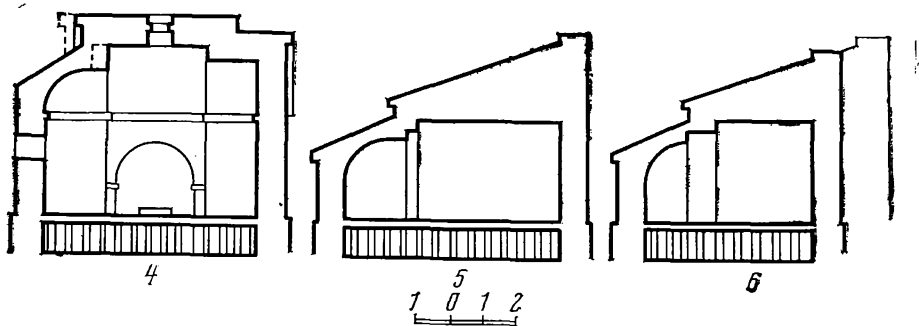

Рис. 4. Баня. Поперечный разрез I — I. Вариант А. А. Саиняна

Рис. 5. Баня. Поперечный разрез II — II. Вариант автора

Рис. 6. Баня. Поперечный разрез III — III. Вариант автора

щей перестройкой в средневековье ¹⁵. Что же касается стены, предполагаемой А. А. Саиняном в помещении IV, то нет ничего, что свидетельствовало бы о ее существовании ¹⁶. В представленном варианте реконструкции перекрытие помещения IV осуществлено сводами трех разных радиусов (из которых два находятся на одной общей оси), для чего в нем посреди помещения предусмотрена стена, в свою очередь связанная аркой с южной стеной. Для этой стены предполагается ширина в 1,2 м при толщине всех сохранившихся стен (в том числе и внешних) в 86—90 см. Такая стена должна была занять собой и часть упомянутой выше площадки для бассейна в помещении IV. Это вело бы к большим потерям площади, помещения оказались бы узкими и трудноиспользуемыми. Таким образом, реконструкция перекрытия этого не очень большого помещения основана на ложных и неоправданных конструктивных решениях.

На плане постройки хорошо видно, что все апсиды имеют разную глубину, что, по всей видимости, связано с конструктивными или функциональными особенностями бани. В связи с этим своды, перекрывающие данные помещения, получились бы разной длины ¹⁷, что недопустимо при решении конструкций, требующих четких и точных решений. Эта разница в длине сводов постройки лишила бы цельности и фасад постройки (см. рис. 4).

Строительство бань всегда было связано с требованиями их эксплуатации. В частности, большое значение придавалось вопросам рационального использования и сохранения тепла: строились толстые стены, оконные проемы делались небольшими или вовсе отсутствовали, сами постройки ставились в защищенной от ветра местности, высота потолков в малых банях не превышала 2,5—3,5 м ¹⁸. В варианте, представленном А. А. Саиняном, высота от уровня верхнего пола до шельги свода равна 5 м, а в самих сводах имеются большие световые отверстия.

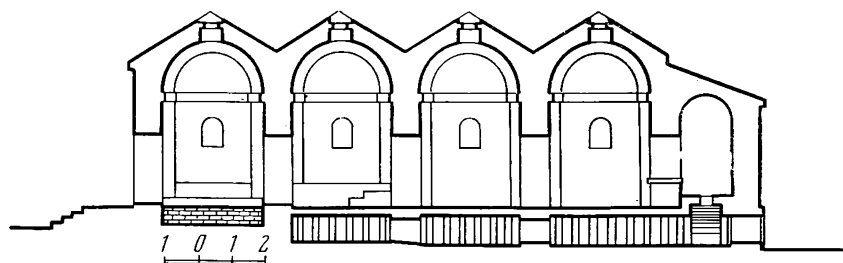
Как отмечалось выше, во время раскопок был найден небольшой фрагмент штукатурки, сохранивший кривизну конструкции, на чем и было основано предположение о наличии свода, однако этот фрагмент вполне мог принадлежать обмазке внутренних поверхностей апсид, тем более что разница в их радиусах небольшая. Использование куполов для перекрытия помещений, как в средневековой бане Анберда, в данном случае

¹⁵ Вставленные в северную стену базальтовые блоки по своей обработке соответствуют технике кладки «мидис».

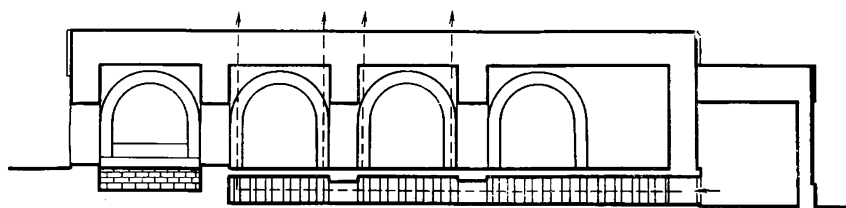
¹⁶ Нет о ней упоминания и в более ранних исследованиях.

¹⁷ Это хорошо видно при сопоставлении представленных А. Саиняном (ук. соч.) разрезов I—I и II—II.

¹⁸ Токарский А. М. По страницам истории армянской архитектуры. Ереван 1973; Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. М., 1971, с. 226.

7

8

Рис. 7. Баня. Продольный разрез IV—IV. Вариант А. А. Саиняна

Рис. 8. Баня. Продольный разрез V — V. Вариант автора

представляется нецелесообразным¹⁹ ввиду того, что размеры пролетов неодинаковы, а перекрыть помещение IV куполом было бы просто невозможно. Высота потолков в отделениях бани была бы равна 5 м, в то время как в Анберде она равна 3 м.

По всей видимости, наиболее целесообразным для гарнийской бани было деревянное балочное перекрытие с односкатной черепичной кровлей²⁰ (рис. 5—8). Балки перекрытия, вероятно, опирались с одной стороны на северную стену, а с другой — на аркаду, проходящую над апсидой по оси южной стены помещения IV. О возможности использования и предохранения от влаги деревянных перекрытий в банях говорит Витрувий²¹. Подобное конструктивное решение перекрытия позволяло избежать вышеупомянутых трудностей и ошибок, обеспечивало небольшую высоту помещений (3,5 м), минимальные теплопотери, а благодаря чердачному перекрытию — хорошую гидроизоляцию и более рациональный слив дождевых вод с крыши. При такой реконструкции более единым получается объемно-пространственное решение постройки (рис. 9) и архитектуры всей площади. Надо отметить, что раннесредневековые (IV—V вв.) однонефные базилики Армении имели в основном деревянные перекрытия; некоторые из них впоследствии были переделаны в сводчатые (храмы в Диракларе, Танаате, Егварде и т. д.)²².

В одной из бань Дзалиси, имеющей, как мы уже отмечали, весьма сходные с гарнийской баней размеры и форму купальных помещений, под остатками рухнувшей черепичной кровли обнаружены сгоревшие бревна перекрытия. По мнению авторов, все постройки на двух участках бань Дзалиси имели черепичные кровли. Толщина стен бани (0,9 м)²³ также более характерна для деревянного перекрытия. Раннесредневековые сводчатые постройки с подобными размерами пролетов имеют толщину стен не менее 1,1 м и усилены добавленными позже пилястрами.

¹⁹ Саинян. Ук. соч., с. 62.

²⁰ Это не касается четырех апсид, которые перекрывались каменными конхами.

²¹ Витрувий. Ук. соч., с. 107.

²² Якобсон А. Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983, с. 115.

²³ Асратян М. Однонефные памятники Армении с выступающей апсидой. — Вестник общественных наук, 1976, № 11, с. 37.

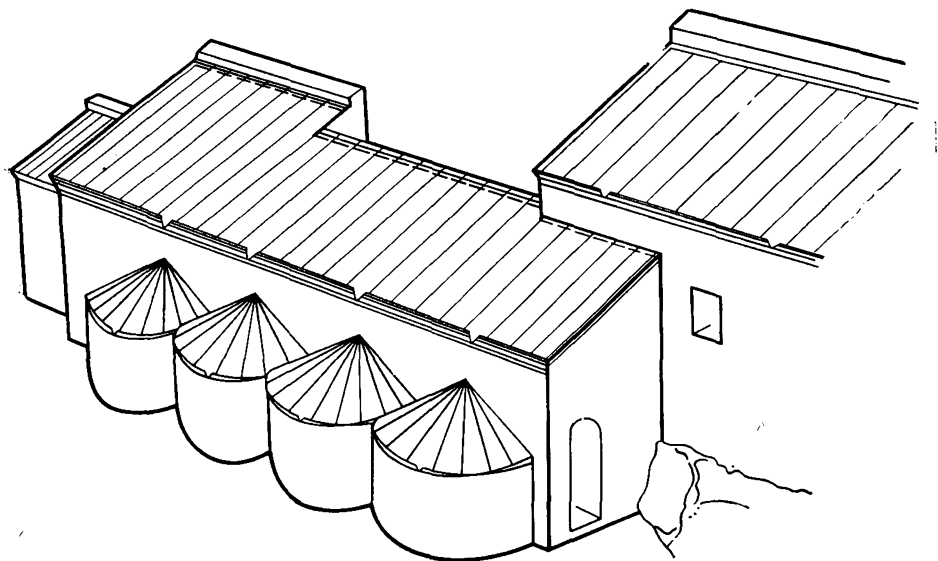

Рис. 9. Баня. Общий вид. Реконструкция. Вариант автора

Таким образом, перед нами баня, построенная по всем требованиям античной коммунальной техники. Сооружение имело три купальных помещения с подогревом посредством гипocaustа и разными температурными режимами отделений, помещение для холодного купания с мозаичным полом, предбанник и топочное помещение. Соотношение размеров купальных помещений соответствовало требованиям лучшего сохранения тепла — они были низкими и вытянутыми, верхний и нижние полы имели соответствующие уклоны в сторону топки, предотвращая скапливание грязной воды на полу и обеспечивая необходимую тягу для топки и системы гипocaustа. Само сооружение удачно располагалось на местности с учетом защиты от господствующих северных ветров и было частично врыто в землю, чтобы уменьшить потери тепла. Сооружение красиво вписывалось в ансамбль всей площади и удачно гармонировало с стоящими рядом дворцовыми постройками.

Б. Н. Аракелян, основываясь на анализе мозаики первого помещения, датирует всю постройку концом III в. н. э.²⁴ С ним соглашаются и другие исследователи²⁵. Сюжет,³ композиция и образы гарнийской мозаики имеют некоторые реалистические черты и неразрывно связаны с традициями античной мифологии²⁶. Некоторые образы находят аналогии в мозаике из Туниса, которая датируется II в. н. э.²⁷ Б. Н. Аракелян отмечает, что гарнийская мозаика характерна для II—III вв. н. э.²⁸, а найденную там керамику сравнивает с керамикой из погребений I—II вв. н. э. На II—III вв. н. э. указывают также фрагмент мраморной колонны с косыми каннелюрами и другие мраморные обломки, принадлежащие, по его мне-

²⁴ Аракелян. Мозаика из Гарни; он же. Гарни II, с. 37.

²⁵ Тирацян. Ук. соч., с. 280; Саинян. Ук. соч., с. 61.

²⁶ Vostchinina A. Mosaïques greco-romaines trouvées en Union Sovietique.— La Mosaïque greco-romaine. P., 1963, p. 321.

²⁷ Inventaire des Mosaïques de la Gaule et de l'Afrique, II (Afrique Proconsulaire). P., 1910, № 13.

²⁸ Аракелян. Гарни II, с. 37; он же. Очерки по истории искусств древней Армении (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Ереван, 1976, с. 89—100.

нию, мраморному саркофагу ²⁹. Г. А. Тирацян, анализируя планово-композиционные данные по аналогиям, приходит к мнению, что гарнийскую баню можно отнести и ко второй половине II в., но, учитывая датировку мозаики, соглашается с мнением Б. Н. Аракеяна.

Не исключено, что мозаика в гарнийской бане могла быть выполнена позже — в III в., когда баня подверглась капитальному ремонту. Следы ремонта четко прослеживаются в помещении IV, где частично вместо круглых кирпичей в качестве стоек гипокауста использованы керамические трубы. В кладке стены дворцового комплекса, датируемого III в. н. э., были обнаружены фрагменты водонепроницаемой обмазки верхнего пола бани, что свидетельствует о том, что во время строительства этих стен дворца баня уже существовала.

Б. Н. Аракеян считает, что в IV в. н. э. гарнийская баня прекратила свое существование ³⁰. Однако возможно, что постройка продолжала использоваться и позднее — как в качестве бани, так и для жилья. Видимо, именно в это время при восстановлении разрушенной северной стены в узловых частях ее кладки устанавливаются базальтовые блоки, по своей форме и подтеке характерные для кладки «мидис», которая начинает использоваться с раннего средневековья. Узловые фрагменты античной кладки гарнийской бани были выложены из туфа и известняка. По всей видимости, в это же время были расширены остатки стен выше верхнего пола между помещениями II—III и IV. Потому-то на северной стене и не сохранилось следов примыкания поперечных стен.

Во II в. н. э. в Армении существовали частные и общественные бани. Во время систематических раскопок Арташата были обнаружены три бани, две из которых — на 8-м холме, на 2-й и 4-й улицах ³¹. Они также датируются II в. н. э. На том же холме и на территории города часто встречаются кирпичи от стоек гипокауста и керамические трубы. Это свидетельствует о том, что в Арташате во II—III вв. н. э. была довольно густая сеть бань и о высоком уровне развития городской культуры в Армении. Надо думать, что в царской крепости-резиденции Гарни баня не могла быть построена только в конце III в. н. э. Вполне возможно, что гарнийская баня построена одновременно с вагаршапатской.

В конце 163 г. н. э. римские войска взяли Арташат и, разграбив и разрушив его ³², исходя из политических соображений построили крепость в Вагаршапате. Этот «Новый город» был объявлен «первенствующим городом Армении», т. е. столица была перенесена сюда ³³. Как известно из надписи, здесь располагался сильный гарнизон, состоявший из XII и XV легионов (соответственно — Fulminata и Apollinaris). Римляне пробыли здесь 23 года, до 186 г. н. э.; они проделали много строительных и восстановительных работ не только в Вагаршапате, но и в других городах и крепостях Армении ³⁴. Видимо, в это же время они построили вагаршапатскую баню. Здесь использованы керамические трубы с горизонтальными каннелюрами, расширяющиеся с обоих концов. Эти трубы, которые установлены на квадратные кирпичи, находят аналогии в северопричерноморской римской крепости Харакс, которая также датируется II в. н. э. ³⁵ К сожалению, в 1931 г. вагаршапатская баня была неверно интерпретирована, и раскопки этого весьма интересного сооружения не были завершены ³⁶.

²⁹ *Он же*. Очерки..., с. 25, табл. XXX, 1, 2.

³⁰ *Он же*. Гарни II, с. 37.

³¹ *Он же*. Заметки..., с. 84—86.

³² *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, с. 228, 233.

³³ Там же, с. 233.

³⁴ Там же, с. 229, 233, 262—267.

³⁵ *Блаватский В. Д.* Харакс.— МИА, 1951, 19, с. 253, рис. 4, 5.

³⁶ *Тирацян Г. А.* К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Вагаршапата.— ИФЖ, 1977, № 2, с. 85—88, рис. 1.

Несмотря на отсутствие письменных сведений о наличии римского гарнизона в гарнийской крепости, он, вероятно, все же там был, и, возможно, в это же время была построена баня. Крепость занимала важное стратегическое положение, входила в оборонительную систему Арташата и не могла не быть использована римлянами. Как известно, в середине I в. н. э., во время римско-парфянского соперничества, в Армении, в крепости Гарни, одном из важнейших стратегических пунктов, стоял римский гарнизон. Нельзя не учитывать того, что и в Грузии (Дзалиси), и в Западной Европе крепостные бани с аналогичными планами, со сходной расстановкой и последовательностью помещений датируются II в. н. э.

Таким образом, на основании вышесказанного представляется возможным датировать гарнийскую баню второй половиной II в. н. э.

Ж. Д. Хачатрян, А. В. Тоникян.

THE ANCIENT BATH IN GARNI

Kh. D. Khachatryan, A. V. Tonikyan

New data from conservation digs, and a re-examination of the ancient bath situated in the palace-temple area of the Garni fortress, have enabled us to consider from a new standpoint problems concerning the functional purposes of certain rooms in the bath complex and the constructional arrangement of its roofing. The dating problem is most important. Analogies found in Armenia (Artashat, Vagarshapat), Georgia (Mstkheta, Dzalisi), western Europe, and also the new finds in the fortress itself, suggest that the Garni bath complex was built in the second half of the 2nd century. A. D.

ОБ АРЕАЛЬНОЙ КОНФИГУРАЦИИ ПРОТОИНДООЕВРОПЕЙСКОГО В СВЕТЕ ДАННЫХ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Прежде чем приступить к рассмотрению картвельского материала, способного обогатить дальнейшие перспективы изучения проблемы прародины индоевропейцев, обсуждавшейся в посвященных ей предшествующих публикациях¹, необходимо кратко охарактеризовать наше понимание ключевых для настоящего контекста понятий языковой прародины и праязыкового состояния. С одной стороны, полагая, что представленные на современной лингвистической карте мира языковые семьи так или иначе восходят в своих истоках к речи раннего сапиентного человека, автор придерживается историчности понятия языковой прародины. В соответствии с этой предпосылкой для разных исторических этапов существования некоторой генетической языковой общности ее ареальная конфи-

¹ См. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. — ВДИ, 1980, № 3; *они же.* Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов. — ВДИ, 1981, № 2; *они же.* К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления. — ВДИ, 1984, № 2; *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. I. — ВДИ, 1982, № 3; II. — ВДИ, 1982, № 4; *Лелеков Л. А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы. — ВДИ, 1982, № 3.

гурация может существенно варьировать. С другой стороны, мы исходим из признания исторического характера таких безусловно соотносительных по своей природе понятий, как «язык» и «диалект», а также из принципиальной невозможности использования по отношению к праязыковым состояниям социолингвистических критериев, единственно релевантных для языковой идентификации диалектов². Последнее в свою очередь означает, что в наиболее общем случае праязыковая реальность рисуется автору в настоящее время не в виде сколько-нибудь единообразного «языкового индивидуума», а как определенный пространственный континуум языков-диалектов (лингвем — по терминологии М. Алинеи³), допускающих очень широкие структурные и материальные расхождения.

В соответствии с хронологической ориентацией, заданной предшествующими статьями, автор формулирует свою задачу как попытку ответить на вопрос: дает ли картвельский материал основания для гипотезы об ареальном соприкосновении картвельской и индоевропейской языковых областей в эпоху около IV тыс. до н. э.? В связи с таким временным ориентиром представляется уместным напомнить, что опыт глоттохронологической датировки «наиболее позднего» пракартвельского состояния, нуждающейся, по общему признанию, в значительном удревнении, приводит к рубежу III—II тыс. до н. э., а по мнению кавказоведов-археологов, даже разделяющих иберийско-кавказскую гипотезу, картвелы должны были обособиться от других кавказцев, во всяком случае, не позже V тыс. до н. э. (поскольку мы не принимаем иберийско-кавказской гипотезы, мы проецируем существование картвельской языковой семьи и в значительно более глубокое прошлое).

Подобно предшествующим публикациям по проблеме здесь оставлен в стороне объективно сложный вопрос о возможном контактном истолковании совокупности структурных аналогий, выявленных в картвельских и индоевропейских языках. Поэтому и в настоящем случае изложение ограничено анализом соответствующих материальных (лексических) параллелизмов, степень достоверности которых способна как-то контролироваться свидетельствами экстралингвистического порядка.

Наличие в картвельских языках широкого пласта словарных заимствований из исторически засвидетельствованных индоевропейских языков (греческого, среднеперсидского, армянского, осетинского и др.) всегда признавалось картвелистами⁴. Было замечено и то обстоятельство, что в некоторых случаях индоевропеизмы обнаруживают здесь весьма архаичный облик и поэтому должны, по всей вероятности, восходить еще к «доисторической» эпохе, т. е. к каким-то исторически не засвидетельствованным источникам⁵. По своему существу первичным итогом активизировав-

² Ср. Климов Г. А. Фр. Энгельс о критериях языковой идентификации диалекта. — ВЯ, 1974, № 4.

³ Alinei M. Dialect: a dialectical approach. — Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, 1978, № 26, S. 27—28.

⁴ Ср., например, Riabinin M. Notes de lexicographie géorgienne (examen du matériel emprunté). — Mémoires de la Société de Linguistique de Paris, 1897, t. X, f. 1; Глаеи А. Арио-европейские, а в частности иллирийские элементы в грузинском языке. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1902, т. XXXI, отд. 4; Deeters G. Graeco-Georgica. — Mélanges E. Boisacq. P., 1937; Vogt H. Arménien et caucasique du Sud. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap 1938, B. IX; Tsereteli M. Zur Frage der Verwandtschaft des Georgischen (Kartvelischen). — Bedi Kartlisa, 1966, B. XXI—XXII; Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); Гиоргадзе Г. Г. О характере некоторых индоевропейско-грузинских (картвельских) языковых параллелей (По данным хеттского языка). — Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979, с. 64—66.

⁵ Ср. Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.), с. 206 сл.; Церетели Г. В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. — В кн.: Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 45.

шихся с 60-х годов этимологических исследований картвельских языков и является кратко комментируемый ниже список их древнейших индоевропеизмов, под которыми здесь понимаются лексемы, убедительно удостоверяющиеся по крайней мере для грузинско-занского состояния.

Мы, однако, воздерживаемся от признания за таковые довольно значительного числа картвельских (как правило, общекартвельских) лексем, трактовка которых в качестве заимствований так или иначе затруднена. С одной стороны, при этом имеются в виду вероятные дескриптивные образования типа *dud- 'кончик', *kḡko- 'жолудь', *loḡ- 'лизать, лакать', *orop(a)- 'удод', *per-//per- 'летать', *slek-: slk- 'облизываться', *cḡer- 'расщеплять, -ся' и т. п. (ср. вокализм *o* ряда основ, а также экспрессивную финаль *p* некоторых других). С другой стороны, это столь фундаментальные для исконного словаря любого языка основы, как *bēr- (//bēl-) 'дуть, надуваться', *gēn-: gn- 'узнавать, сознавать', *ḡar-: ḡr- 'связывать', *ḡreb-: ḡrb- 'собирать, срывать', *lag-: lg- 'класть'; *mḡerd- 'грудь', *geḡw-: ḡw- 'сыпаться, рушиться', *ḡer-: ḡr- 'треться, быть теплым', *pilḡw- 'легкие', *ḡew-: ḡw- 'рождать, -ся' и т. п. ставящие перед сравнительным исследованием труднейшую задачу их адекватного истолкования. Таким образом, ниже рассматриваются только те лексемы общекартвельского или грузинско-занского распространения, которые обнаруживают более или менее ощутимую культурную окраску (с учетом, конечно, исторически варьирующего понятия культурного словаря).

Несколько таких лексем претендуют на их соотнесение уже с пракартвельским состоянием, т. е. с картвельскими идиомами эпохи едва ли позднее IV тыс. до н. э. Прежде всего сюда относятся два числительных первого десятка: картв. *otxo- 'четыре' ~ и.-е. *okto- то же (усматриваемое обычно в индоевропейском обозначении восьми *oktōy, где элемент -ōy интерпретируется в качестве признака дуалиса) ⁶ и картв. *eks₁w- 'шесть' ~ и.-е. *(s)ceḡs то же. По-видимому, уже самим фактом своего существования картвельское обозначение 'четыре' подтверждает адекватность обычного анализа индоевропейского числительного 'восемь'. Таким образом, если учесть постулированные для разных ареалов древних индоевропейских языков обозначения 'четыре', продолжающие *k^uetur и *meḡ, то присоединение к последним архаического, по всей вероятности, *okto- ставит перед исследователем новые вопросы их пространственно-временного распределения. Что же касается второго параллелизма, то аргументом в пользу его глубокой древности может, по-видимому, служить то обстоятельство, что картв. *eks₁w- отражает собой более ранний, как иногда полагают, облик индоевропейского числительного 'шесть', характеризующийся отсутствием начального *s* ⁷.

Вместе с некоторыми другими приводимыми ниже лексемами оба слова служат иллюстрацией тезиса Г. В. Церетели о наличии в картвельских языках слоя индоевропеизмов, обнаруживающих в своем вокализме более раннюю ступень сравнительно с протоиндоиранским состоянием ⁸. Неодинаковое отражение в обоих картвельских числительных исторического *k* может указывать на различие их позиции в слове или на их нетождственный источник. Давность бытования обоих на картвельской почве не оставляет каких-либо сомнений, особенно если учесть, что более поздние семитизмы среди общекартвельских числительных первого десятка,

⁶ См., например, *Henning W. B. Oktō(y)*. — *Transactions of the Philological Society* (1948). L., 1949, p. 69; ср. *Климов Г. А.* Картвельское *otxo- 'четыре' ~ индоевропейское *okto-. — *Этимология*. 1975. М., 1977, с. 162—163.

⁷ См., например, *Nehring A. Idg. sechs*. — *Die Sprache*, 1962, VIII, 2.

⁸ *Церетели*. Ук. соч., с. 45.

засвидетельствованные в обозначениях 'семи' и 'восьми', должны были проникнуть сюда около III тыс. до н. э.

Далее здесь следует назвать небольшую, но весьма интересную группу общекартвельских лексем культурной семантики, восходящих к какому-то праиндоевропейскому источнику: картв. *γweb- 'плести' ~ и.-е. *ϕebh- то же, картв. *γwed- 'привязь ярма, ремень' ~ и.-е. *ϕedh- 'привязь, ремень', картв. *γwino- 'вино' ~ и.-е. *ϕeino- то же, а также, по-видимому, картв. *γwi(a)- 'можжевелник' ~ и.-е. *ϕeǵ- то же (мы не включаем в этот ряд сопоставление одиноко стоящего сван. *γwer- 'клясться' с и.-е. *ϕeg- 'говорить, клясться'). Вся эта группа, не имеющая картвельских этимонов, объединяется единообразной передачей индоевропейского аналитного ϕ комплексом γw (через ступень Verschärfung?), свидетельствующей в пользу глубокой древности их усвоения. Такое единообразие, позволяющее проецировать их примерно в одну и ту же историческую эпоху, может, по-видимому, объясняться не только обычно предполагаемым билабиальным качеством пракартвельского w (в отличие от его губно-зубных, как правило, продолжений в современных языках) ⁹, но и возможным отражением древнейшего индоевропейского ларингального, иногда предполагающегося по крайней мере в составе некоторых из соответствующих индоевропейских архетипов. Целесообразно заметить, что грузинско-занские продолжения картв. *γweb-, выявляющие огласовку o, должны быть признаны вторичными ввиду их несоответствия обычной фонологической структуре общекартвельских глагольных корней с типичным для них вокализмом e (имеется возможность показать, что очень немногочисленная группа общекартвельских корней модели CoC- характеризует лишь глаголы звуко-символической и звукоподражательной природы). Ср. аналогичную историю вокализма картв. *ϕwēn- 'показать, -ся', представленного в грузинско-занском ареале в виде вторичного *ϕop- ¹⁰.

На глубокую давность усвоения части этих лексем указывают и некоторые другие как собственно лингвистические, так и неязыковые факты. Так, сванское обозначение вина (ср. γwinal, γwinel и т. п.) не может быть заимствованием из других картвельских языков, поскольку оно принадлежит к числу сванских слов общекартвельского происхождения, выступающих ныне в формах единственного числа лишь с уже окаменелым историческим диминутивным аффиксом. Об этом же косвенно свидетельствует наличие общекартвельского глагольного корня *ter- : tr- 'пить хмельное, пьянеть'. Картвельское слово не может восходить ни к анатолийскому, ни к протоармянскому источнику и по своему звуковому облику ¹¹. Именная лексема *γwed- служит названием реалии, самым непосредственным образом связанной с другим достоянием древнейшей культуры картвелов — ярмом. Заметим также, что принадлежность глагольной лексемы 'плести' к культурному словарю должна характеризовать весьма отдаленную историческую эпоху.

Обозначение ярма — груз.-зан. *uγel- и сван. ūγwa (при и.-е. *iγo- то же), — как правило, признается в картвелистике одним из наиболее старых картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов ¹². Если трактовать суффиксальный, как это обычно принято считать, исход грузинско-занской основы -el, подобно другим исключительно грузинско-занским словообразовательным общностям, в качестве инновации, то на

⁹ См. *Топурия В. Т.* Фонетические наблюдения над картвельскими языками. — В кн.: *Топурия В. Т.* Труды. III. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.), с. 57—62.

¹⁰ См. *Гамкрелидзе, Мачавариани.* Ук. соч., с. 251 сл.

¹¹ О несводимости картвельского слова к протоармянскому архетипу см. *Deeters G.* Рец. на кн.: *Die Indogermanen und Germanenfrage. Neue Wege zu ihrer Lösung.* — *Indogermanische Forschungen*, 1938, В. 56, Н. 2, S. 139 f.

¹² Ср. *Чикобава А. С.* Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 (на груз. яз.), с. 31; также *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 186.

более ранний облик слова будет претендовать его сванская форма. Именно последняя и оказывается особенно близкой к предполагаемому индоевропейскому источнику лексемы (ср., в частности, долгий гласный ее анлаута, способный свидетельствовать о количественном возмещении утраченного начального *i*; даже если признать здесь ауслатное *a* вторичным, то нельзя не учитывать характерных фактов передачи в сванском конечного *o* заимствований в виде *w*). Должно быть очевидным, что только при незнакомстве с исторической лексикологией картвельских языков можно игнорировать этот интересный параллелизм, полагая, что картвельское слово усвоено из северокавказской языковой среды¹³ (следует подчеркнуть, что картвелистике вообще неизвестны случаи заимствований из последней ни для грузинско-занского хронологического уровня, ни тем более для общекартвельского).

Довольно заманчивым представляется также сопоставление картвельских обозначений быка, предназначенного для заклания, с и.е. **uk^hsō-* 'бык': ср. др. груз. *usx-* 'бык или бычок (на убой)' и сван. *usxwa-* 'бык (жертвенный)'. К индоевропейскому архетипу особенно близка сванская форма, которая характеризуется к тому же и архаичной семантикой, способной отражать старые верования картвелов. Заслуживает внимания единообразная по сравнению с предшествовавшим примером передача конца слова в сванском (ауслатный гласный здесь не бывает долгим). Интересны также отражение индоевропейского смычного спирантом и перестановка в консонантном комплексе, подобные имеющим место в картвельском числительном 'четыре'. Сопоставление может служить альтернативным решением к поискам картвельской этимологии слова посредством трактовки его как исторического причастия отсутствия качества, образованного от картв. **s₁x-* в его частном значении 'рождать во множестве', наталкивающейся, по справедливому признанию И. И. Кавтарадзе, на определенные трудности¹⁴.

Наконец, заслуживают упоминания еще два возможных древнейших картвельских индоевропеизма, внушающих, на наш взгляд, несколько меньше доверия — обозначения 'ключа' и 'лисы'. Первый из них может быть реконструирован на основании данных обоих занских, т. е. мегрельского и лазского, а также сванского языков: ср. мегр. *qila-*, лаз. *qula*, сван. *qəl*) в виде **qəla-* 'ключ', что сопоставимо с и.е. **klā* той же семантики (соположение принадлежит В. М. Иллич-Свитычу¹⁵). Некоторая неполноценность этого параллелизма связана с тем, что сванская форма могла быть зависимой уже от занского и соответственно появляется возможность трактовки слова в качестве значительно более позднего заимствования¹⁶. Мнение о неисконном характере картвельских названий 'лисы' — ср. груз. (> занск.) *mel-* и сван. *māl*, *ma(l)w* — впервые было высказано К. Х. Шмидтом¹⁷. В качестве его возможного источника указывают на и.е. **mēl(o)-* 'мелкий зверь'¹⁸. Сохранение сонорного *l* в исходной из сванских форм можно объяснить его исторически неконечной по-

¹³ См., однако, Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов, I, с. 49, прим. 34.

¹⁴ Ср. Кавтарадзе И. И. Дефектные глаголы в отношении числа в древнегрузинском языке. — В кн.: Иберийско-кавказское языковедение. I. Тбилиси, 1946 (на груз. яз.), с. 147 сл.

¹⁵ Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 6.

¹⁶ Ср. Deeters G. Bemerkungen zu K. Bouda's «Südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien». — Die Welt des Orients, 1957, № 3, S. 387.

¹⁷ Ср. Schmidt K.-H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962, S. 124.

¹⁸ Джаукян Г. Б. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, с. 93; ср. Климов Г. А. Опыт стратификации картвельских индоевропеизмов. — В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. М., 1984, с. 17.

зицией. Однако более серьезную трудность составляет соотношение вокализма грузинского и сванского слов.

Более многочисленна группа картвельских индоевропеизмов, надежно засвидетельствованных только в грузинско-занском ареале, но усвоение которых могло относиться еще к пракартвельскому состоянию. Можно допустить, что ее ингредиенты были либо утрачены в сванском языке, либо с самого начала имели ограниченную ареальную закрепленность (здесь не приводятся, однако, те лексемы, проникновение которых с большим основанием соотносимо с более поздним временем). Ср. груз.-зан. *guda- 'бурдюк, мех' (при сван. gudra- то же) ~ и.-е. *gudo- 'кишки, потроха', груз.-зан. *dola- 'безрогий' ~ и.-е. («диалектное») *dola- то же, груз.-зан. *wɛpaq- 'виноградная лоза' (при сван. wɛpāq- 'виноградник') ~ и.-е. («диалектное») *wɛɪnag- то же, груз.-зан. *wɛrʒɪ- 'семец, баран' ~ и.-е. *wɛrs- 'семец', груз.-зан. *tel- 'поросенок' ~ и.-е. *tāl- 'поросль (о молодых животных и растениях)', груз.-зан. *pɔlo- 'копыто быка и непарнокопытных' (при сван. pɔl то же) ~ и. е. *r̥ɔlo- 'большой палец ноги или руки', груз.-зан. *kursɫ- 'пятка, подошва' ~ и.-е. *kru-s- или *kur-s- 'голень', груз.-зан. *ɣor- 'свинья' ~ и.-е. («диалектное») *ghori- то же, груз.-зан. *ɣoɣo- 'теленки, буйволы' ~ и.-е. *g̥hāg^h- 'детеныш животного или птицы'.

В этом списке представлены именные основы, не имеющие картвельских этимонов. В ряде случаев бросается в глаза типичное для заимствующей стороны сужение (специализация) семантики соответствующих картвельских форм по сравнению с их индоевропейскими аналогами. Заметны и некоторые отличия от первого списка в отражении отдельных согласных (ср., в частности, картв. w ~ и.-е. u, наблюдаемое в двух примерах). Однако и в этой группе лексем невозможно усмотреть преимущественной близости картвельских фактов к формам какой-либо одной из исторических ветвей индоевропейских языков. Так, приводимые выше «диалектные» формы представляют собой в первом случае их балтийские аналогии, во втором — славянские, в третьем — древнегреческую. Впрочем, интересно отсутствие в них фонетических рефлексов, характерных для сатемного ареала.

Сопоставление картвельских названий 'бурдюка' с индоевропейским материалом встречается уже в нескольких работах¹⁹. Слово имеет индоевропейскую этимологию и, как известно, проникло в свое время также в отдельные семитские языки (ср., например, аккадское gūdu 'бурдюк для воды'). Бурдюк считается одним из наиболее древних атрибутов культуры картвелов²⁰. Остается однако неясным, восходит ли его сванское обозначение к иному картвельскому опосредствующему звену или оно принадлежит общекартвельскому наследию, будучи лишь уподобленным ряду сванских именных образований с аффиксом -га. В пользу первой возможности, как будто, говорит особая близость грузинско-занской формы к др.-инд. gūda-h 'кишка, anus', позволяющая рассматривать ее как одно из отклонений арийского элемента, зафиксированного на Ближнем Востоке с XVIII в. до н. э. Происхождение «диалектных» балтийских названий безрогого скота нуждается в дополнительном изучении, поскольку обе существующие в этой связи гипотезы не свободны от слабостей в аргументации. Тем не менее, должно быть очевидным, что изолированные в грузинско-занском корнеслове груз. dola- и мегр. dulu- (> tulu-) не могут быть обязанными позднему балтийскому источнику. В ауслауте обеих форм налицо звуковое соответствие, характерное для общего фонда имен атрибутивного употребления (для перехода закономерно ожидаемого в

¹⁹ Ср. Климов Г. А. Еще одна индоевропейско-семитско-картвельская параллель. — В кн.: Этимология. 1982. М., 1985, с. 156—159.

²⁰ См. Джаватишвили И. А. Материалы по экономической истории Грузии. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.), с. 66.

мегрельском о в и в соседстве с l ср. груз. *γelo-* 'овраг, балка' при мегр-*γalu-*). Очевидная близость груз.-зан. **wenaq-* 'виноградная лоза' к соответствующему «диалектному» индоевропейскому слову, выводимому из более древнего обозначения вина, неоднократно отмечалась в специальной литературе. Однако его сванская параллель, по всей вероятности, является усвоенной из древнегрузинского, поскольку, как справедливо указывал еще И. А. Джавахишвили, ее значение 'виноградник' представляет собой уже дальнейшее развитие семантики грузинско-занской лексемы²¹. Сходство груз.-зан. **wegz₁-* с индоевропейским материалом было замечено М. К. Андроникашвили²² (другие предлагавшие толкования слова, в частности, трактовка его Н. Я. Марром как «яфетического», не внушают доверия). Вместе с тем его фонетический облик указывает не столько на индоиранский источник, сколько на некоторый более ранний. Преобразование здесь первичной копсонантной последовательности отражает характерный для картвельских языков фонетический процесс позиционной аффрикатизации старых спирантов. Следует подчеркнуть, что параллельное мегрельское словосочетание *ḡxur₁ eḡz₁* 'бараг', первый компонент которого является обозначением овцы, предполагает для реконструируемой в этой связи картвельской лексемы первоначальную семантику 'самец'²³. Старое грузинско-занское название поросенка соблазнительно увязать с архаическим и.-е. **t₁hel-*, иногда предполагающимся в качестве предшествующей ступени для последующего **t₁al*²⁴. Корректность этого несколько проблематического сопоставления как будто поддерживается представленным в комментируемом здесь списке параллелизмом в названии свиньи (на последний неоднократно указывалось в специальной литературе). Совершенно необычный для исконно картвельского материала вокализм груз.-зан. **ɾolo-* наряду с его семантикой, отражающей крупное копыто таких домашних животных, как бык, лошадь и осел, выдают в нем бесспорное культурное заимствование. Неясной, однако, остается степень давности его сванского эквивалента. Имеются во всяком случае формальные основания подозревать также неисконный характер груз.-зан. **ku(r)sl-*, в котором картвельцы иногда усматривают исторический суффикс -l. Индоевропейский архетип соответствующего слова строится на базе фактов итальянских (латинского) и армянского языков²⁵. Очевидна и большая близость грузинско-занского обозначения свиньи к соответствующему «диалектному» индоевропейскому, впервые замеченная, по-видимому, Л. Эйхбергом, трактовавшим последнее в духе его концепции в качестве древнего заимствования из какого-то неиндоевропейского источника²⁶. Нетрудно увидеть, что оба последних сопоставления этого списка объединяются передачей индоевропейского *gh* картвельским увулярным спирантом *γ* (впрочем, редуцированный характер грузинско-занского названия 'буйволенька' способен указывать и на его дескриптивное происхождение).

К перечисленной категории лексем примыкают еще несколько вероятных индоевропеизмов, которые, хотя и засвидетельствованы ныне лишь в

²¹ *Он же*. Экономическая история Грузии. Т. II. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.), с. 102.

²² См. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, с. 86.

²³ Джавахишвили И. А. Введение в историю грузинского народа. Т. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.), с. 200.

²⁴ К фонетической истории картвельского слова см. Гамкрелидзе, Мачавариани. Ук. соч., с. 91.

²⁵ Об индоевропейской лексеме см. Georgiev V. Lat. crus und clunis. Reste eines r/n Stammes. — Die Sprache, 1962, VII, № 1; Lambertaine Ch., de. Рец. на кн.: Schmitt R. Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen. Innsbruck, 1981. — BSLP, 1982, t. LXXVII, f. 2, p. 82.

²⁶ См. Eichberg L. W. Etymologien vorindogermanischer Wörter aus orientalischen Sprachen. Freiburg, 1959, S. 63—64.

части картвельских языков, обнаруживают фонетическую рефлексацию типичную для исконного материала. Так, мегр. и лаз. *bag-* ‘дробить почву, мотыжить’, сопоставимое с и.-е. **bergh-* ‘дробить’, может содержать обычный для общекартвельского наследия рефлекс занского передвижения гласных **e > a* (отсутствует, однако, уверенность в достаточной древности отвечающего ему фонетически сван. *li-bērg-e* ‘мотыжить’). Действие этой же закономерности отражает, по-видимому, и исключительно занская лексема, представленная мегр. *žvabu-* ‘лягушка’ и лаз. *mžvabu-* ‘жаба’, которая сближается с и.-е. **g^heb(h)-* то же ²⁷ (ср. балто-славянские, итальянские и германские данные). Это заимствование, вероятно, демонстрирует состояние до второй палатализации и подтверждает принадлежность его прототипа к древним индоевропейским основам на *-i-* ²⁸. Не менее интересным с рассматриваемой точки зрения может оказаться и явно заимствованное мегр. и лаз. *paɣv-* ‘стирать (о белье)’, которое солидарно с архаичным и.-е. **snehu-* (> *snāu*) ‘мыть, плавать’.

Наконец, нелишним будет указать здесь на существование еще одного пласта картвельских индоевропеизмов, распространившихся уже как правило из одного картвельского языка в другие, однако интересных своим нередко архаичным обликом. Поскольку его полноценный диахронический анализ в настоящее время совершенно не подготовлен состоянием науки (большинство следующих ниже сопоставлений предлагается впервые), отметим лишь, что весь соответствующий материал распадается на две словарных группы, одна из которых тяготеет к занскому ареалу, а другая, по-видимому, к грузинскому. Иллюстрациями первой из них могут служить зан. и груз. *keɬ-* ‘дубина, палка’ (при и.-е. **ket(h)-* то же), зан. (и груз.?) *pusa-* ‘невестка’ (при и.-е. **snuso-*), зан. и груз. *(m)twer-* ‘пыль’ (при и.-е. **twer-* ‘кручение, вихрь’), лаз. *kra-* (> мегр. *(r)ka-*, груз. *rka-* ‘рог’ (при и.-е. **kṛā-* то же), лаз. *γurne-* ‘деталь мельницы’ (при и.-е. **g^herṇu-* ‘жернов, мельница’) ²⁹. В качестве примеров второй группы таких лексем можно назвать груз. *aŋka-* ‘уж’ (при и.-е. **ang^her-* ‘змея, червь’), груз. и зан. *aŋkes-* ‘рыболовный крючок, удочка’ (при и.-е. **ankes-* ‘изгиб, крючок’), груз. и мегр. *gemo-* ‘вкус’ (при и.-е. **k^hemo-* ‘нёбо, вкус’), груз. *zux-* ‘осетр’ (при и.-е. **dḡhu-* ‘рыбы’), груз. (> зан.) *ker(a)-* ‘очаг’ (при и.-е. **ker(ə)-* то же), груз. *kvət-* ‘сычуг’ (при и.-е. **kvat(h)-* ‘квасить’), груз. *kraxana-* ‘оса’ (при и.-е. **kr̥sen-* ‘шершень’).

Необходимо отметить, что ряд высказанных выше соображений и конкретных сближений в определенной степени условны, учитывая тот факт, что изучение древнейших картвельских индоевропеизмов находится на начальном этапе. Автор отчетливо осознает, в частности, что приведенный здесь материал не всегда равноценен и что некоторые из принятых сопоставлений могут в дальнейшем не выдержать испытания временем. Естественно, что необходимо считаться с такой возможностью диктуется в первую очередь сложностью строгого разграничения пракартвельских и несколько более поздних заимствований. Тем более в настоящее время нет оснований придавать картвельским данным той «решающей» роли в разгадке рассматриваемой проблемы, которая иногда придается древнему индоевропейскому (точнее, по-видимому, все же — индоиранскому) наследию в уральских языках. Поскольку соответствующая картвелистическая традиция, если о ней вообще можно говорить, пока совершенно не сравнима

²⁷ Ср. Чикобава А. С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, (на груз. яз.), с. 118.

²⁸ Ср. Мартинов В. В. Пруско-славянские эксклюзивные изолексы. — Этимология. 1982. М., 1985, с. 5 сл.

²⁹ Ср. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты, с. 5.

с финно-угроведческой, любые суждения об относительной ценности показаний обеих явно преждевременны.

Тем не менее продемонстрированный материал располагает нас к выводу о неизбежной ущербности любого решения поставленной проблемы, так или иначе игнорирующего исследование языковых следствий древнейших контактов между картвелами и индоевропейцами (в этом отношении мы принципиально расходимся с И. М. Дьяконовым и солидаризируемся с Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым). Приведенные факты позволяют согласиться с реальностью существования картвельско-индоевропейских контактов около IV тыс. до н. э. и, таким образом, признать наличие в это время по крайней мере каких-то групп индоевропейцев в пределах Восточной Анатолии, Южного Закавказья, а возможно, и Северной Месопотамии (нельзя не согласиться с неоднократно подчеркивавшейся в последнее время необязательностью постулата об ограниченности праязыковой прародины).

Значительно большее число индоевропейских заимствований в грузинско-занском ареале, чем в сванском (особенно при учете обширной территории, исторически принадлежавшей последнему в Северной Грузии), позволяет предполагать, что эти контакты должны были иметь место где-то на южных рубежах картвельской языковой области, в связи с чем уместно упомянуть гипотезу Г. Деетерса о картвельском субстрате для части армяноязычного региона³⁰. Именно здесь могли локализоваться окраинные группировки носителей древней индоевропейской речи до того, как она стала вытесняться экспансией говорящих на хурритско-урартских языках, продолжавшейся до VII в. до н. э. (отмечаемый исследователями яркий некартвельский характер старой топонимики Кахетии говорит в пользу едва ли не общепринятой точки зрения, согласно которой население ее большей части оставалось некартвельским не только в IV—III тыс. до н. э., но и значительно позже³¹).

В последней связи приходится обратить внимание на неверное отражение в дискуссионной статье И. М. Дьяконова нашей точки зрения относительно древнейших мест обитания картвелов и соответственно отношение к ней Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова³². Так, мне приписывается взгляд, будто картвелы не являются автохтонами Грузии и «...двигались в Грузию... с севера». Однако ни в указанной автором моей книге 1964 г., ни в какой-либо иной из моих публикаций подобных высказываний нет и не могло быть. Напротив, я неизменно отстаивал положение об автохтонности картвелов в Грузии, впервые последовательно разработанное в советской науке Г. А. Меликишвили. Например, в моей книге 1964 г. по этому поводу я говорил буквально следующее: «Отдельные лексические общности, разделяемые грузинским и сванским языками (но утраченные занским) и отражающие типичные атрибуты горного и даже высокогорного ландшафта... могут указывать на локализацию древних картвелов скорее в области Большого Кавказа и подкреплять таким образом взгляд С. Н. Джанашиа об автохтонности картвелов в Грузии»³³. В той же статье И. М. Дьяконов приписывает мне и мысль о выделении чанского (лазского) языка в I тыс. до н. э., которой нет ни в указываемой им книге, ни в моих других работах.

Ввиду сказанного не соответствует действительности и утверждение автора статьи, согласно которому Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов

³⁰ Ср. *Deeters G. Armenisch und Südkaukasisch. Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung. — Caucasia, 1926, III; ibid., 1927, IV.*

³¹ Ср., однако, *Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов, I, с. 19.*

³² Там же, с. 20.

³³ *Климов. Этимологический словарь картвельских языков, с. 37; ср. он же. Кавказские языки. М., 1965, с. 12—13.*

«... отвергают гипотезу Г. А. Климova, считая, что новый лингвистический материал говорит против нее». В действительности же отношение обоих исследователей к моим соображениям по затронутому вопросу диаметрально противоположно. Из обсуждаемой И. М. Дьяконовым их статьи, равно как и из их других публикаций, следует, что они полностью солидаризуются с тезисом об автохтонности картвелов в Грузии, в соответствии с чем и используют значительную часть из предложенных нами картвельско-индоевропейских лексических сопоставлений³⁴.

В заключение остается подчеркнуть интересные перспективы, открывающиеся перед дальнейшим изучением древних картвельских индоевропеизмов (как, впрочем, и семитизмов). Можно ожидать, что это оставшееся до последнего времени в тени направление исследований будет способно пролить свет на решение комплекса вопросов как собственно лингвистической проблематики, так и проблематики, выходящей далеко за пределы ее компетенции. Не приходится сомневаться в том, что при целенаправленной работе уже в ближайшем будущем существенно возрастет и объем соответствующего фактического материала.

Г. А. Климов

³⁴ Ср. *Гамкрелидзе, Иванов*. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема..., с. 16; ср. также *Гамкрелидзе Т. В.* Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. II.— ВЯ, 1971, № 3, с. 37.

AREA CONTOURS OF PROTO-INDO-EUROPEAN IN THE LIGHT OF DATA FROM THE KARTHVELIAN LANGUAGE

G. A. Klimov

The author discusses lexical indications of early contacts between the Karthvelians and Indo-European speakers. Leaving aside all verbal similarities which do not indicate contact, he undertakes an analysis of Karthvelian material of more or less cultural semantics: certain numerals, designations of several domestic animals and plants, and other elements of material culture, with special emphasis on the possibility of finding in this material parallels with archaic I.-E. forms. One group of Karthvelian Indo-Europeanisms goes up as far as the Common Karthvelian another group is of Georgian—Zanic epos. However, the earliest Indo-Europeanisms might have been preserved in some one of the Karthvelian languages. It is to be expected that where there has been almost no research tradition these parallelisms cannot be of decisive significance in solving the problem under discussion, especially in view of the serious difficulties in establishing any precise chronology of their several origins. Nevertheless the author recognises the existence of a number of facts deserving careful attention which confirm the reality of historical contacts between the Karthvelians and I.-E. speakers in the IV and III millennia B. C. It is most likely that these contacts took place somewhere in the region of the southern Caucasus where later on there was an expansion of Hurrio-Urartian speaking people (in passing the author must take exception to the attribution to him of certain opinions by one participant in this discussion).

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ГЛОТТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ» В ИНДОЕВРОПЕИСТИКЕ

В ВДИ, 1984, № 2 была опубликована статья Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления (По поводу статей И. М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4)», в которой в одном из пространных примечаний авторы пытаются отвести от себя критику, содержащуюся в моей статье «Индоевропейская фонема *b и вопросы реконструкции индоевропейского консонантизма», опубликованной в «Вопросах языкознания» (1982, № 5, с. 59—67). Поскольку они избрали ВДИ для ответа на критику (в связи с тем, что, по их словам, с И. М. Дьяконовым в данном вопросе фактически солидаризуется и Г. Б. Джаукян), я последую их примеру, попытаюсь кратко изложить суть вопроса, привести новые доводы и показать, что точка зрения этих двух исследователей является, на мой взгляд, результатом последнего обобщения.

В чем заключается сущность гипотезы Гамкрелидзе — Иванова относительно индоевропейского консонантизма, впервые выдвинутой в 1972 г.? Так как она наиболее ясно была ими сформулирована в докладе «Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных» на конференции по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков¹, то обратимся к нему. Во избежание обвинения в неточной передаче точки зрения авторов прибегаем к цитированию: «Реконструированная в традиционном духе система индоевропейских смычных типологически уязвима ввиду отсутствия в ней лабиального члена в серии звонких смычных. Согласно новейшим типологическим данным (И. Меликишвили), в системах с противопоставлением смычных по признаку звонкости — глухости маркированным членом в серии звонких является велярная (но не лабиальная) смычная, в сериях же глухих смычных маркированной является лабиальная (но не велярная) смычная. В соответствии с этим пустая клетка в серии звонких может быть только в велярном ряду, тогда как в серии (resp. сериях) глухих пустым может быть только лабиальный ряд. В соответствии с этим универсальными характеристиками систем смычных следует reinterpretировать реконструируемую систему индоевропейских смычных фонем, т. е. традиционную серию индоевропейских звонких с пустым (b) следует интерпретировать как незвонкую серию» (с. 16). Далее: «На основании частоты встречаемости фонем I серии по сравнению с фонемами III серии и учитывая отсутствие в серии лабиального члена, представляется возможным reinterpretировать традиционные звонкие (I серия) как (незвонкие) глоттализированные, а традиционные глухие — как глухие придыхательные. В результате получаем следующую систему индоевропейских смычных:

I	II	III
—	bh	ph
tʰ	dh	th
k	gh	kh» (с. 16).

Чувствуя порочность реконструируемой системы, никак не объясняющей исторического соотношения всей совокупности систем смычных индоевропейских языков и представленной только маркированными членами (глоттализированными и аспирированными), авторы в дальнейшем видоизменяют ее, говоря, во-первых, о слабости или редкой встречаемости (а не об отсутствии) фонемы b (однако при этом свободно оперируя фактами и представляя дело так, как будто b вообще нет) и, во-вторых, о нефоне-

¹ См. Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972, с. 15—18.

матичности аспирированных. В итоге постулируется следующая система (вместо обозначения p, t, k вводится новое обозначение глоттализированных: p', t', k')²:

(p')	b^h/b	p^h/p
t'	d^h/d	t^h/t
k'	g^h/g	k^h/k

Если иметь в виду и дальнейшие поправки авторов — их мнение о древности палатализации наряду с лабилизацией³, то получается следующая система, которую авторы обычно полностью не приводят:

(p')	b^h/b	p^h/p
t'	d^h/d	t^h/t
k'	g^h/g	k^h/k
\hat{k}'	\hat{g}^h/\hat{g}	\hat{k}^h/\hat{k}
$k^{w'}$	g^{wh}/g^w	k^{wh}/k^w

Между прочим, отметим, что почему-то Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, так «ополчившись» против $*b$, без оговорок оставляют $*kh$ и $*k^{wh}$ в индоевропейской системе фонем.

Основные наши возражения кратко могут быть переданы в некоторых пунктах.

1. Как бы осторожны мы ни были в оценке этимологии имеющихся примеров с фонемой $*b$ и их ареальной дистрибуции, все же останется некоторое количество реконструированных форм, в правильности которых трудно сомневаться; следовательно, «во-первых, нет веских аргументов для исключения фонемы из состава индоевропейского консонантизма, во-вторых, положение о „слабости“ следует понимать весьма относительно»⁴. В последнем случае имеется в виду статус $*b$ как фонемы вообще, что же касается ее относительной слабости (по сравнению с другими членами ряда), об этом см. ниже. Так как Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов ссылаются на статью Х. Педерсена⁵ об индоевропейском b , принимая его точку зрения на веру или ограничиваясь лишь разбором некоторых примеров, мы также ограничимся некоторыми ссылками. Можно согласиться, конечно, что в начальной позиции фонема $*b$ является «слабой». Но даже для этой позиции трудно согласиться с утверждением о полном отсутствии $*b$. Как известно, разные авторы по-разному оценивают имеющиеся примеры (в известном индоевропейском этимологическом словаре Ю. Покорного их число равно 30)⁶. Если например, Х. Педерсен считает известный пример для начальной позиции b — др. инд. *bālam* «сила», др. греч. *βελτίων* «лучше», лат. *dēbilis* «бессильный», старослав. болѣ «более» — неубедительным, без достаточного основания устраняя греческую и латинскую формы, то М. Майрхофер находит взаимосвязь приведенных форм несомненной⁷. Мы не говорим о возможных иранских, армянских и албанских параллелях, приводимых исследователями. Но если даже согласиться с

² Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Реконструкция системы смычных общеиндоевропейского языка. Глоттализированные смычные в индоевропейском. — ВЯ, 1980, № 4, с. 27.

³ Ср. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Ряды «гугтуральных» в индоевропейском. Проблема языков *septem* и *satem*. — ВЯ, 1980, № 5, с. 14.

⁴ Джаукьян Г. Б. Индоевропейская фонема b и вопросы реконструкции индоевропейского консонантизма. — ВЯ, 1982, № 5, с. 63.

⁵ Pedersen H. Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute. — Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. København, 1954.

⁶ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern und München, 1959, S. 91—103.

⁷ Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. 2. Heidelberg, 1963, S. 417.

положением об отсутствии *b в начальной позиции, то следует иметь в виду, что «сила» фонемы не определяется только начальной позицией; для неначальной же позиций наличие традиционной фонемы *b не вызывает серьезных возражений. О Семереньи, например, с определенностью говорит о нормальной частотности *b в середине слова⁸. Так, мною был указан в качестве типологической параллели статус г в армянской системе фонем: в начальной позиции она встречается только в заимствованном слове горе «минута» и его дериватах, между тем по частотности занимает четвертое место среди всех фонем и второе — среди согласных (включая и сонанты). Анализ данных отдельных языков, в которых так или иначе сохранилось противопоставление и.-е. *b и *bh, выявляет достаточно примеров для восстановления и.-е. *b. Здесь не место для разбора всех примеров, но считаем целесообразным привести некоторые выводы И. Б. Хлебниковой и В. И. Колодыко о статусе германской фонемы р (из индоевропейской *b) в статье, опубликованной вслед за нашей⁹. «Вряд ли можно считать, — пишут они, — что в подобном положении мог выступить звонкий придыхательный bh или что этот звук более позднего происхождения и не принадлежит общеиндоевропейскому состоянию. Дело в том, что соответствия относятся как к западному, так и к восточному ареалу и.-е. диалектов. Предположение о том, что глухой р в германских языках является результатом комбинаторного оглушения $b < bh$ ¹⁰, видимо, может быть релевантным для двух-трех слов, а не для значительного количества единиц, в которых р коррелирует с и.-е. b в инлауте» (с. 117). Далее: «Несмотря на то, что не все бесспорно в приводимых параллелях и, как это характерно для многих этимологий, существует разноречие в трактовке отдельных слов разными словарями, все же можно с достаточной уверенностью говорить об осуществлении регулярной корреляции $b > p$ по закону первого передвижения согласных в начальном положении» (с. 118). Мы могли бы привести достаточное количество примеров и из армянского языка, но ограничимся этим¹¹.

2. В своей замене традиционных звонких смычных глоттализированными глухими Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов исходят из типологической предпосылки, сводящейся к тому, что при наличии противопоставления звонкости-глухости в серии звонких маркированной является велярная (но не лабиальная) фонема и при этом обычно ссылаются на подсчеты И. Г. Меликишвили. Но обратимся к его статье «К изучению иерархических отношений единиц фонологического уровня»¹². Здесь относительно большая частотность b и соответственно ее маркированность по отношению к g определяется среднеарифметически — с учетом лишь большинства

⁸ Семереньи О. Введение в сравнительное языковедение. М., 1980, с. 161.

⁹ Хлебникова И. Б., Колодыко В. И. К проблеме передвижения индоевропейского *b в германском. — ВЯ, 1982, № 6, с. 115—122.

¹⁰ Гамкрелидзе, Иванов. Реконструкция..., с. 22.

¹¹ В связи с этим непонятно удивление Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова по поводу восстановленной для др.инд. *ribati*, лат. *bibit*, др.ирл. *ibid* и арм. (эм)рē праформы *ribeti, являющейся 3-м лицом тематического глагола (с удвоением корня) *ribō и закономерно отраженной в указанных языках (только в латинском начальная b — результат ассимиляции). Указанная праформа восстановлена не нами, как полагают авторы: этот глагол дается в форме 1-го или 3-го лица во многих работах. Для формы 3-го лица *ribeti ср., например, Семереньи. Введение в сравнительное языковедение, с. 69. Отметим, что нами приводится 3-е лицо, так как 1-е лицо тематических глаголов в древнеиндийском и армянском претерпело изменение — контаминировалось с атематическими формами. Хотя авторы безоговорочно считают эту форму поздней, но вот что говорится о ней в словаре Эрну — Мейе в связи с латинской формой (*Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-me éd. P., 1959, p. 70*): «Архаическая форма настоящего времени и.-е. корня *rō — „пить“ (см. под *rōtus*) сохранилась только на окраинах индоевропейской области, где существуют особенно древние формы». Отметим, что наличие *b на месте *p в *ribō не совсем ясно, но взаимосвязь приведенных форм не вызывает сомнения.

¹² ВЯ, 1974, № 3, с. 94—105.

проверенных случаев; между тем имеется немало случаев обратного соотношения, как, например, в древнегрузинском — 1,50 : 1,98, в усигульском говоре сванского языка — 1,09 : 2,99, в мегрельском — 1,80 : 2,36 и др. Так, если типологически возможны и системы с обратным соотношением, то почему индоевропейский не мог быть сходным именно с ними? Соотношение *b и *g в индоевропейском, по Жюкуа, составляет 31 : 70¹³ (Гамкрелидзе и Иванов приводят и другие цифры: для *b — 78, для *g — больше 250¹⁴).

3. Восстанавливаемая Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым индоевропейская система смычных с глоттализированным рядом не оправдана сравнительно-историческими данными: глоттализированный ряд не представлен ни в одном из древних индоевропейских языков; появившиеся в некоторых новых языках и диалектах глоттализированные согласные имеют явно вторичный характер. Мне как арменисту не известно, на каком основании Т. В. Гамкрелидзе ссылается на армянский язык¹⁵, где, насколько это показывают экспериментальные исследования, нет глоттализации смычных глухих¹⁶. Таковые имеются лишь в диалектах на территории Грузии и явно вторичны. В одной из своих недавних статей, опубликованной после выхода нашей (см. прим. 4), И. Г. Меликишвили приводит фонологическое доказательство отсутствия глоттализации у древнеармянских смычных, что для нас особенно важно: «Имеющиеся в нашем распоряжении типологические данные о месте глоттализированных фонем иерархии смычных могут составить достаточную основу для верификации гипотезы о глоттализированном характере серии глухих неаспирированных смычных фонем древнеармянского языка. Мы получили следующие частотные характеристики древнеармянских смычных. Приводим абсолютные частотности фонем:

Глухие неаспирированные	Глухие аспирированные	Звонкие
p 149	p ^h 35	b 171
t 381	t ^h 231	d 172
k 323	k ^h 302	g 139

Как видим, серия фонем, которой исследователи приписывали признак глоттализации, имеет функциональную характеристику, на основе которой ее можно квалифицировать как немаркированную.

Глоттализированные смычные такой функциональной силой обладать не могут. В иерархиях трехчленных систем смычных означенного типа они занимают последнее, периферийное место. Следовательно, функциональные данные не согласуются с предположением о глоттализированности этой серии. С точки зрения функциональной типологии наиболее обоснованной представляется следующая фонетическая интерпретация древнеармянской системы смычных: глухой простой — глухой аспирированный — звонкий. Следовательно, древнеармянская фонологическая система не принадлежала к кавказскому типу ни с фонетической, ни с функциональной точки зрения¹⁷.

¹³ Jucquois G. La structure des racines indo-européennes envisagée d'un point de vue statistique.— Linguistic Research in Belgium. Wetteren, 1961, p. 61; *idem*. La théorie de la racine en indo-européen.— La linguistique, 1971, VII, 1.

¹⁴ Гамкрелидзе, Иванов. Реконструкция..., с. 22.

¹⁵ Gamkrelidze Th. V. Language Typology and Language Universals and their Implications for Reconstruction of the Indo-European Stop System.— Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, IV, p. 606.

¹⁶ Ср. Хачатрян А. А., Айрапетян В. Н. Экспериментальное исследование согласных армянского языка. Ереван, 1972.

¹⁷ Меликишвили И. Г. О фонетической характеристике языков кавказского ареала: древнеармянского, общекартвельского и общеиндоевропейского.— В кн.: Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983, с. 222. К стати,

Отмечу, что я в указанной статье не отрицаю возможности восстановления глоттализированных глухих смычных вообще, допуская их наличие в раннеиндоевропейский период и считая, что «в пользу подобного допущения косвенно свидетельствовали бы данные ностратического языкознания». В этом отношении наша точка зрения несколько сближается с точкой зрения И. М. Дьяконова. Но, на мой взгляд для Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова главное — это перестройка индоевропейской системы согласных во имя перестройки. «Постулирование подобного состояния, — пишут они, — оставляет фактически в силе, ничего не меняя, традиционные построения праиндоевропейского консонантизма, уже давно отмечавшиеся структурно-типологические слабости которого и вызвали необходимость его реинтерпретации и полной перестройки в соответствии с новейшими достижениями лингвистической науки» (с. 121). Согласен, что видоизменить надо, но не так и не в том направлении. В связи с этим укажем, что Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов не всегда проводят строгое различие между терминами «индоевропейский», «праиндоевропейский» и «общеиндоевропейский» и недостаточно учитывают факт значительной длительности периода распада индоевропейской общности.

4. Считая традиционно восстанавливаемую систему индоевропейских смычных типологически невероятной, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов вместо нее восстанавливают систему, отнюдь не безупречную в этом отношении. Даже в первом, упрощенном варианте, где не затрагивался вопрос о палатализированных и лабиализированных заднеязычных, у авторов получалась система, представленная, как было отмечено, лишь маркированными рядами — глоттализированными глухими и аспирированными глухими и звонкими. Если при этом нашлись примеры перехода глоттализированных глухих в звонкие и неглоттализированные глухие, то возможность перехода ряда глухих придыхательных в глухие простые в большинстве индоевропейских языков — причем независимо друг от друга — не подкрепляется какими-либо убедительными примерами и доводами. Частично из-за этого, частично для объяснения наличия звонких во многих индоевропейских языках на месте звонких придыхательных Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов интерпретируют предыхательность как факультативную черту.

При этом Т. В. Гамкрелидзе объявляет, что восстанавливаемая ими система «засвидетельствована в армянских диалектах — с глоттализированными, с простыми и аспирированными звонкими в качестве аллофонов и с простыми и аспирированными глухими в качестве аллофонов»¹⁸. Мне как исследователю армянских диалектов подобная система неизвестна¹⁹. Скорее всего здесь мы имеем дело с комбинацией элементов различных диалектов, причем возможность совместимости этих элементов в одной и той же системе весьма сомнительна. К тому же в диалектах со звонкими придыхательными, в которых звонкие простые существуют не как самостоятельные фонемы, они фактически являются позиционными вариантами (аллофонами) глухих простых и генетически восходят не к звонким придыхательным, а к глухим простым, в свою очередь восходящим к и.-е. звонким простым; ср. в мушском диалекте, с одной стороны, *tun* «дом» (<и.-е. *dom-), с другой — *adeli* «ненавистный» (при древнеармянском *ateli* от и.-е. *od-).

Спрашивается, если для упрощенной индоевропейской системы смычных Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов не находят достоверных типологических параллелей, то как же быть в случае полной системы, где учтены палатализированные и лабиализированные заднеязычные и где получается

в моих «Очерках по истории дописьменного периода армянского языка» (Ереван, 1968, с. 75) указывается именно на подобную систему смычных в древнеармянском (если не учитывать возможности допущения аспирированности звонких).

¹⁸ *Gamkrelidze. Language Typology...*, p. 607.

¹⁹ Ср. *Джаукян Г. Б.* Введение в армянскую диалектологию. Ереван, 1972; ср. также *Pisowicz A.* Le développement du consonantisme arménien. Kraków, 1976.

столь редкое сочетание глоттализиции с палатализацией? (Между прочим, то обстоятельство, что Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов обычно приводят систему индоевропейских заднеязычных в упрощенном виде — без палатализованных и лабиализованных заднеязычных — дает повод для односторонних интерпретаций индоевропейской системы смычных²⁰.)

5. Автор настоящей статьи нигде не указывал, что в традиционной реконструкции индоевропейской системы смычных все благополучно. Данные Г. Жюкуа, например, о частотной характеристике звонких простых и звонких аспирированных индоевропейского языка показывают соотношение, обратное тому, которое имеет место в живых языках²¹. В чем же дело? Дело в том, что Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, следуя традиции, пытаются, на наш взгляд, все разнообразие систем смычных индоевропейских языков возвести к вполне монолитной единой системе, не учитывая принципа вариативности языка как его необходимого качества. В эпоху индоевропейской общности не было и не могло быть единой производительной нормы, существовали ареальные различия и в системе смычных. Упрекая меня в том, что я не учел ареальной ограниченности некоторых этимологий, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, как представляется, не заметили в моей статье действительно ареального подхода, при котором для периода индоевропейской общности восстанавливается несколько сосуществующих систем. Только о них можно говорить как о реальности. Условно восстановленная мною обобщенная система является лишь некоторой абстракцией. Она характеризуется лишь внешним сходством с восстановленной авторами системой, но без глоттализованного ряда. Если видоизменить ее более наглядно, то получим следующую обобщенную систему, которая показывает ареальную соотнесенность индоевропейских диалектов:

(p)	или (p) и (ph)	(b) или (bh) ²² и (b)
(t)	или (t) и (th)	(d) или (dh) и (d)
(k)	или (k) и (kh)	(g) или (gh) и (g)
(k̂)	или (k̂) и (k̂h)	(ġ) или (ġh) и (g)
и/или	или	и/или или
(k ^u)	или (k ^u) и (k ^u h)	(g ^u) или (g ^u h) и (g ^u)

Я полагаю, что выдавать замену ряда индоевропейских звонких рядом не засвидетельствованных глоттализированных глухих (на основании односторонних подсчетов и не всегда до конца проверенных фактов) за архисовременную теорию и представлять трезвую критику как непонимание и традиционность — это не самый плодотворный путь, способный привести к решению данной проблемы, выходящей за узко лингвистические рамки и соприкасающейся, в частности, с этногенетической проблематикой.

Г. Б. Джукьян

²⁰ Ср. Меликишвили. О фонетической характеристике..., с. 27.

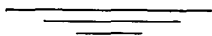
²¹ Ср. Sigurd B. Rank-frequency Distributions for Phonemes.— *Fonetica*, 1968, 18, 1; Меликишвили И. Г. Структура корня в общекартвельском и общиндоевропейском.— ВЯ, 1980, № 4, с. 61.

²² Если учесть положение Р. Якобсона о зависимости наличия звонких придыхательных от наличия глухих придыхательных (что, как было позднее показано, не имеет универсального характера), то можно представить их соотношение как логическую импликацию («если — то»).

ABOUT THE SO-CALLED «GLOTTAL THEORY»
IN INDO-EUROPEAN PHONETICS

G. B. Dzhaukyan

The author criticises the «glottal theory» of T. V. Gamkrelidze and V. V. Ivanov and brings forward additional arguments to prove the illogicality of their reconstruction of several glottal voiceless sounds in the place of the usually restored Indo-European series of non-aspirate voiced sounds. In particular the author points to (1) the shakiness of the initial postulate about the absence of the I.-E. phoneme *b; (2) the nonobligatory nature of the postulate about the marked character of the velar member in relation to the labial in several voiced sounds where there is a contrast: voiced-voiceless; (3) the unjustified reconstruction of several glottal voiceless sounds where they are not present in I.-E. languages; (4) the absence of authoritative typological parallels for their restoration of the stop-consonant system; (5) their ignoring the principle of the variability of language, in this case the dialectical variations in the system of I.-E. stop consonants. The only right way to solve the problem lies in restoration for I.-E. as a whole, not just one system of stop consonants, but several locally co-existing systems.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. И. НЕМИРОВСКИЙ. Этруски: от мифа к истории. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983, 261 с.

В отечественном антиковедении разработка этрускологической проблематики получила довольно значительное развитие, особенно в последние два-три десятилетия, хотя в целом она по-прежнему заметно уступает по популярности большинству других научных тем. Среди трудов, посвященных рассмотрению тех или иных малоизученных вопросов истории, языка и культуры этрусков, следует упомянуть прежде всего работы Н. Н. Залесского, А. И. Харсекина, Л. А. Ельницкого, Е. В. Мавлеева, Н. К. Тимофеевой, О. Я. Неверова¹.

В рецензируемом издании обобщаются основные итоги долголетних научных штудий А. И. Немировского², которые привели к созданию оригинальной концепции происхождения этрусков. Кроме того, в данной книге впервые столь полно представлена реконструированная исследователем общая система религиозных представлений обитателей Этрурии и сформулированы причины исчезновения в Италии этрусского этноса, ассимилированного римлянами.

Важность затрагиваемых в монографии А. И. Немировского ключевых этрускологических проблем очевидна, ибо без их разрешения невозможно ни разобраться в специфике этно- и глоттогенеза значительной части населения Италии I тыс. до н. э.; ни найти истоки многих итальянских культов и сакральных мифов, религиозно-политических и иных государственных установлений, ни правильно оценить тот вклад,

¹ Назовем лишь основные: *Залесский Н. Н.* Этруски.— ПИДО, 1935, № 5—6; *он же.* К социальной истории этрусков.— УЗЛГУ. Сер. истор. наук, 1950, вып. 17; *он же.* Этруски в Северной Италии. Л., 1959; *он же.* Этруски в Италии в VII—V веках до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Л., 1962; *он же.* К истории этрусской колонизации в Италии в VII—IV вв. до н. э. Л., 1965; *Харсекин А. И.* Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности. Ставрополь, 1963; *он же.* К вопросу о взаимоотношениях этрусского и греческого языков (Греческо-этрасские словарные соответствия).— В кн.: *Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности.* М., 1967; *он же.* Проблема этрусско-карфагенских отношений в свете новых эпиграфических данных.— ВДИ, 1969, № 4; *он же.* Этрасские надписи как исторический источник: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Воронеж, 1967; *Ельницкий Л. А.* Искусство древних этрусков.— ВДИ, 1947, № 1; *он же.* У истоков древнеримской культуры и государственности.— ВДИ, 1958, № 3; *он же.* Социально-политические аспекты «Бронзоскопического календаря» П. Нигидия Фигула.— ВДИ, 1971, № 2; *он же.* К происхождению этрусской космогонии-дивинации.— ВДИ, 1977, № 2; *Мавлеев Е. В.* «Книга жизни» у этрусков.— ТГЭ, т. XVII, 1976; *он же.* Греческие мифы в Этрурии.— В кн.: *Античный мир и археология.* Саратов, 1979; *Тимофеева Н. К.* Религиозно-мифологическое мировоззрение этрусков (По данным археологии): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Новосибирск, 1977; *она же.* Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск, 1980; *Неверов О. Я.* Этрасские скарабеи из Северного Причерноморья.— СГЭ, 1975, вып. XL; *он же.* Геммы античного мира. М., 1983 (глава «Геммы загадочных этрусков»). Ряд важных исследований помещен в тематическом сборнике «Норция» (вып. 1, Воронеж, 1971; вып. 2, 1978). Там же приведен и более полный список русской и советской этрускологической литературы.

² См., например, *Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962; *он же.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964; *Немировский А. И., Харсекин А. И.* Этруски. Воронеж, 1969.

который внесли этруски в сокровищницу культуры древнего Рима, а следовательно, и всей европейской цивилизации в целом.

Нельзя не отметить, что само выдвижение подобной концепции стало возможным в результате успехов, достигнутых историками, археологами и лингвистами в изучении древнейшего прошлого различных районов Средиземноморья, (не только Апеннинского полуострова и прилегающих к нему островов, но и Эгейского бассейна), а также благодаря общему повышению уровня научных исследований этрускологов в свете требований, предъявляемых к ним современным комплексным источниковедением. Для работ А. И. Немировского, как и других ведущих специалистов по этрускологии, характерно привлечение всех доступных видов источников: археологических и эпиграфических материалов, произведений искусства и свидетельств античной мифо-исторической традиции, памятников письменности древнего Востока и греко-римского круга, топонимических и нумизматических данных.

Особое значение для изучения языка и культуры этрусков имеют при этом, конечно, этрусские надписи (их известно в настоящее время около 11 тысяч). Из них уже удалось извлечь немало ценной информации даже в тех случаях, когда не осуществлено полное прочтение или интерпретация конкретного текста. Подчас установление всего лишь отдельных ключевых терминов превращает какую-нибудь еще не дешифрованную надпись в важное историко-культурное свидетельство. Автору рецензируемой книги принадлежат многие интересные и тонкие толкования содержания памятников этрусской эпиграфики, полученные главным образом комбинаторным путем.

Сведения об этрусках у греческих и римских писателей довольно многочисленны³, а основные разногласия в исторической науке возникали из-за сложности их однозначной интерпретации. Одним из достоинств концепции происхождения древнеиталийского народа этрусков, предложенной А. И. Немировским в первой главе его книги (с. 7—61), как раз и является то, что в ней автору удалось согласовать, казалось бы безнадежно противоречивые данные античной исторической традиции. В своей новой книге исследователь излагает основную массу этих данных (с. 18—55), приводит их в определенную систему, дополняя свидетельствами восточных письменных источников, и объясняет причины появления различных версий одного и того же предания, выявляя заключенное в последних рациональное зерно исторической истины.

В результате А. И. Немировским намечаются наиболее важные позитивные моменты фактологической информации — те опорные точки, на которых строится далее его этногенетическая концепция⁴. Ее стержневой идеей является положение о том, что этруски не пришли на Апеннинский полуостров как некий уже сложившийся (на прежней территории обитания) этнос, а стали таковым лишь в Италии после слияния двух следовавших одна за другой миграционных волн. По мнению А. И. Немировского, сначала пришли в Среднюю Италию, потеснив местных жителей — умбров и частично ассимилировав их, пеласги (древние обитатели Балкан и крайнего северо-запада Анатолии, предшественники греков на территории Эллады). Позднее, в VIII в. до н. э. там же появились тиррены (более раннее наименование — тирсени-турша), вышедшие вместе с сардами-шардана и другими «народами моря» в последние века II тыс. до н. э. из Эгейско-анатолийского региона и обосновавшиеся затем на несколько столетий на островах Сардиния и Корсика, где они являлись носителями нурагической

³ Ср. *Немировский А. И.* Этруски в греческой литературе и историографии. — ВДИ, 1976, № 3, с. 74—91.

⁴ Ее отдельные элементы уже знакомы специалистам по некоторым предварительным публикациям: *Немировский А. И.* Гомеровские имена пеласгов в Италии. — В сб.: Историчность и актуальность античной культуры. Научная конференция. Октябрь 1980 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1980, с. 20—21; *он же.* Пеласгийские города в Италии и этруская проблема. — В кн.: VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории». Тезисы докладов. 1—3 июня 1981 г. М., 1981, с. 69—70; *он же.* Греческий эмпорий в этрусском порту. — ВДИ, 1982, № 1, с. 152—161; *он же.* Новая этруская надпись из Рима. — В кн.: Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 46—50; *Немировский А. И., Цыбенко О. П.* Этруски и эгейско-анатолийский мир. Древнейшие исторические, этнолингвистические и культурные контакты. — В сб.: Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Краткие тезисы докладов научной конференции. 10—13 мая 1983 г. Л., 1983, с. 46—48.

культуры эпохи поздней бронзы. В результате тирренского завоевания италийские пеласги были превращены в пенестов, но довольно скоро слились со своими победителями в один народ⁵.

Намеченная А. И. Немировским общая схема этногенеза этрусков представляется весьма правдоподобной, поскольку в нее прекрасно укладываются те многочисленные и порой даже вроде бы трудно сопоставимые данные, которые дают нам самые разнородные источники⁶. Подкрепляется она и более тщательным рассмотрением некоторых свидетельств, ранее не соотносимых с этим сюжетом. Например, А. И. Немировский показал (с. 33—36), что наиболее раннее упоминание в Библии Таршиша (Бытие, X, 4) относится не к иберийскому Тартессу и не к киликийскому Тарсу, а к островным владениям тирсенов в Эгеиде. В дальнейшем же, после переселения тирсенов в Западное Средиземноморье, Таршиш становится для библейских авторов обобщенным обозначением далекого Запада.

Пребывание тирсенов-турша-тирренов на Сардинии в последние столетия II тыс. — первые столетия I тыс. до н. э. надежно документируется привлекаемыми А. И. Немировским (с. 58—59) в дополнение к известному сообщению Страбона (V, 2,7) данными топонимики (ср. название реки T(h)ursus⁷, служившей, согласно местной исторической традиции, сохраненной Павсанием, границей между территориями расселения на острове коренных жителей и выходцев из Эгеиды) и очень важным эпиграфическим свидетельством — упоминанием этнонима или топонима Ttšš в финикийской надписи конца IX — начала VIII в. до н. э. из сардинской Норы (начало надписи: btršš...). Вполне убедительно выглядит и основанное на тексте дружественного договора VI в. до н. э. южноиталийского Сибариса с неким народом «сердаев» (Σερδαίον) отождествление последних с этрусками (с. 55—58), которое подкрепляется сообщением Феста (430, 8—9) о том, что этрусские цари именовались Sardi (это слово, ср. греч. Σαρδοί, в соответствующем пассаже у Феста можно понимать и как самоназвание этрусков в целом)⁸, и данными нумизматики⁹. Не может, на наш взгляд, вызывать сомнений и устанавливаемый А. И. Немировским (с. 43—44) италийский, а в конечном счете собственно этрусский источник информации Геродота (участника основания панэллинской колонии Фурии в Южной Италии), настойчиво подчеркивающего роль исходных малоазийско-эгейских элементов в формировании тирсено-этрусской этнокультурной общности.

В свете последних изысканий в области этногенетических связей североафриканских культур конца II—I тыс. до н. э.¹⁰ несомненно заслуживает внимания опирающееся на данные античной традиции предположение А. И. Немировского о приходе известных египетским источникам «народов моря» турша и шардава на остров Сардинию через Ливию (что, впрочем, не исключает непосредственного участия в этом

⁵ Следует особо подчеркнуть принципиальное отличие концепции А. И. Немировского от старой теории автохтонности этрусков, сторонники которой также считают, что формирование этрусского этноса происходило в самой Италии, а не за ее пределами, но относят его к более отдаленным временам — ко II тыс. до н. э. Ср. нынешнюю точку зрения на этот счет М. Паллоттино: *Domenici V. Ha dato la parola agli Etruschi. — Corriere della sera, 15 gennaio 1984, p. 6.*

⁶ К примеру, установление факта слияния пеласгов и тирсенов-тирренов в единый этрусский этнос прекрасно объясняет причины той путаницы, которая возникла с этими этнонимами в античной традиции. Тирсены-тиррены и пеласги зачастую подменяют друг друга в различных исторических преданиях эллинов, и только тождественность этих этнических обозначений как обобщенно-ретроспективных способна объяснить их подобную взаимозаменяемость.

⁷ Известная Птолемию (III, 3, 2) греческая форма этого гидронима — Θύρρος — передана Павсанием (X, 17, 6) как Θέρρος.

⁸ Аналогичное чередование а : е в основе sard/serd прослеживается и в выявленных М. Питтау сардинских типонимах Sardara и Serdiana (*Красновская Н. А. Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии. — СЭ, 1980, № 5, с. 41.*)

⁹ Из последних нумизматических исследований см. *Cahn H. A. Serdaioi. — GNS, 1978, XXVIII, p. 81—85; Zancani-Montuoro P. Serdaioi? — GNS, 1980, XXX, p. 57—61.*

¹⁰ Ср. *Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978.* Используемые здесь данные античной исторической традиции могут быть существенно дополнены, см. рец. на эту монографию: *Молчанов А. А. — НАА, 1979, № 3, с. 245.*

переселении и собственно ливийских выходцев — союзников эгейских завоевателей в их борьбе с Египтом)¹¹.

Словом, все давно известные историкам и заново пересматриваемые материалы находят свое место в системе аргументации А. И. Немировского при обосновании им собственной концепции происхождения этрусков. Но не менее важно и то, что результаты новейших археологических и лингвистических исследований зарубежных ученых также подкрепляют эту теорию, причем в самой потенциально дискуссионной ее части, где постулируется наличие длительного промежуточного, доиталийского периода обитания в Западном Средиземноморье, на Сардинии и Корсике, этнических предков исторических этрусков — сардов и тирсенов.

Находки археологов¹² все определеннее говорят о существовании прямых связей между Сардинией и Восточным Средиземноморьем в XII—IX вв. до н. э., что вполне согласуется с выводом о заселении острова теми из «народов моря» (турша и шардана), которые, покинув Эгиду и не удержавшись в странах Ближнего Востока, явились сюда, привлеченные прежде всего местными сырьевыми богатствами (главным образом залежами медной руды). Сардиния как раз в предполагаемое А. И. Немировским время ее освоения эгейскими выходцами становится одним из звеньев главного транссредиземноморского торгового пути (так называемого «оловянного пути»), берущего свое начало в Эгейском бассейне. С того же времени носители нурагической культуры устанавливают непосредственные контакты с обитателями областей на ближайшем к ним отрезке этого пути, проходившем вдоль западного побережья Апеннинского полуострова (ср. находки нурагической керамики на острове Липари в археологических комплексах XII — начала IX в. до н. э.). С конца IX в. до н. э. нурагическая керамика встречается в слоях будущих этруских городов Ветулония, Популония, Цере, Вульчи, Тарквинии. По-видимому, это следы первоначального проникновения нурагийцев в междуречье Арно и Тибра, бывшего прелюдией к их последующему массовому переселению на территорию исторической Этрурии.

Умножились в последние годы также свидетельства близости нурагической культуры Сардинии и этруской культуры на ее раннем этапе, на которые ссылается А. И. Немировский (с. 59—60). В то же время в результате длительных лингвистических исследований М. Питтау, крупнейший специалист по изучению прошлого Сардинии, пришел к твердому убеждению о наличии многочисленных сардинско-этруских языковых параллелей¹³.

Все это дает основания для того, чтобы солидаризироваться с концепцией происхождения этрусков, разработанной А. И. Немировским; разумеется, она будет в дальнейшем неизбежно дорабатываться ее создателем, но некоторые дополнения к ней могут быть предложены, как нам кажется, уже сейчас.

Судя по всему, переселившиеся в Западное Средиземноморье тирсены-турша и сарды-шардана в доиталийский, т. е. «островной», или сардинско-корсиканский, период своей истории выступали как равные партнеры (как следствие этого — оба этнонима, в формах *tursenoi/tyrrenoi*¹⁴ и *sardoī/sarḍaioī*, сохраняются до времени окон-

¹¹ Аналогичной точки зрения в отношении шардана придерживается Н. А. Красновская (ук. соч., с. 42—43).

¹² Ср. *Ridgeway D. Archaeology in Sardinia and Etruria, 1974—1979.* — AR, 1979—1980, p. 58 f.

¹³ Ср. *Pittau M. Questioni di linguistica sarda.* Brescia, 1956; *idem. Studi Sardi di linguistica e storia.* Pisa, 1958; *idem. Lingua e civiltà di Sardegna.* Cagliari, 1970; *idem. La lingua sarda e suoi dialetti.* — In: *Conoscere la Sardegna.* Cagliari, 1976.

¹⁴ Форма *Τῦρσηνοί* (дор. *Τῦρσανοί*), наиболее близкая этнониму, который документирован письменными источниками и топонимикой для конца II — начала I тыс. до н. э., фиксируется в греческой литературе и эпиграфике до середины I тыс. до н. э. и позднее. Известны и образованные от той же ономастической основы *turs-* антропонимы: Турсикина — этрусский gentilizio (ср. *De Simone C. Etrusco tursikina: sulla formazione ed origine dei gentilizi etruschi in -kina (-cina).* — SE, 1972, v. XL, ser. II, p. 153—181), Тирсенида — имя жительницы традиционно дружественного этрускам южноиталийского города Сибариса (*Jabl., Vita Pyth.* 219). От нее же происходят латинские обозначения этрусков — *Tusci* (*tursk- >tusc-*) и *Etrusci* (*tursk- >e-trusc-*) (ср. *Heurgon J. Recherches sur la fibule d'or inscrite de Chiusi: la plus ancienne mention épigraphique du nom des étrusques.* — MEFRA, 1971, LXXXIII, p. 24; *De Simone. Op. cit.*, p. 159—178).

чательного утверждения их носителей в Италии¹⁵). Их слияние в одну этническую общность, несомненно происходившее на Сардинии и не без участия потомков более раннего населения острова, привело к образованию народа будущих завоевателей пеласгийских городов Италии, который, очевидно, лучше всего именовать не протозтрусками (каковыми являлись, строго говоря, и италийские пеласги, впитавшие в себя значительный местный умбрский элемент) и не тирренами (эта позднейшая греческая форма изначального этнонима с основой *tyrs-* в первой половине I тыс. до н. э. еще не была известна), а сардо-тирсенами.

С проблемой происхождения этноса этрусков неразрывно связана и проблема их глоттогенеза. Решение последней зависит прежде всего от прогресса в изучении этрусских текстов. А. И. Немировский во второй главе своей книги (с. 62—98) дает систематический очерк истории этрускологических эпиграфических штудий. Как известно, весь действительный прогресс, достигнутый при работе с этрусскими надписями, явился следствием применения комбинаторного метода в их исследовании. А. И. Немировский на конкретных примерах демонстрирует действенность углубленного анализа внутренней структуры текстов, важность выявления ономастических и иных лексических соответствий (обнаружение пеласгийских и анатолийских лексем в языке этрусков последовательно осмысливается как дополнительное свидетельство в пользу эгейско-малоазиатских истоков обоих его основных компонентов)¹⁶.

Особый интерес представляет предложенная А. И. Немировским уточненная трактовка (с. 88—90) надписи «А» на золотой пластинке из Пирг — пространий частью этрусско-фикикийской билингвы, где обнаруживается упоминание об «обряде вбивания гвоздя», (об этом ежегодном церемониале, совершавшемся в Вольсиниях, сообщает Тит Ливий; аналогичный обряд совершался, и в Риме), и установление смысла слова *santi*, встречающегося в знаменитом Загребском тексте и означающего «вода» (с. 96—98)¹⁷.

Однако приходится отметить, что нарисованная А. И. Немировским картина сложения этрусского языка (с. 83) имеет, один существенный пробел. Не вызывает сомнений справедливость общей установки исследователя, гласящей: «...этрусский язык является языком смешанным по своей природе, что согласуется со сложным характером этрусского этногенеза». Далее А. И. Немировский расшифровывает эту свою основную мысль. По его мнению, формирование этрусского языка произошло «...в Италии в результате соединения пеласгийского и тирренского с участием в процессе глоттогонии местных индоевропейских и неиндоевропейских языков». Главными исходными слагаемыми этого «смешанного» (в основе своей неиндоевропейского, но со значительными индоевропейскими наслоениями) языка этрусков явились, по А. И. Немировскому, неиндоевропейский «тирренский» язык (для которого предлагаются

¹⁵ На Сардинии второй из этих этнонимов приобрел со временем наибольшую популярность, видимо, благодаря широкому распространению культа Отца Сарда — прежде племенного бога-эпонима. В результате от него произошло получившее широкое хождение название острова (греч. *Σαρδῖς*, *Σαρδῶν*; лат. *Sardinia*). В дальнейшем греки и римляне стали называть сардами всех коренных жителей Сардинии вне зависимости от происхождения их отдаленных предков (ср. *Красновская*. Ук. соч., с. 40—43; она же. Проблемы этнической истории о. Сардиния в I тысячелетии до н. э. — СЭ, 1983, № 6, с. 37).

¹⁶ Правда, отыскивая такие соответствия, следует всегда соблюдать осторожность, дабы избежать ошибочных сопоставлений. Так, например, употребительное греческое личное имя Аримнест (*Ἀριμνῆστος*) никак не связано с этрусской или малоазиатской основой *arim* и потому не может считаться специфически «тирренским» (с. 37—38), несмотря на упоминание Павсанием (V, 12, 5) «царя тирренов Аримнеста», посвятившего трон Зевсу Олимпийскому (сведения Павсания несомненно восходят к тексту посвяtitельной надписи на троне, в которой такое имя царя может быть расценено либо как очередное свидетельство иноязычных ономастических заимствований в Этрурии, либо как греческая калька реального личного имени или части титула некоего этрусского правителя).

¹⁷ Не исключено, что согласный *t* появился в слове *santi* вместо первоначального *d* в результате характерного для этрусского языка оглушения, и, таким образом, данное слово может восходить к основе *sand*, а не *sant*, что следует учитывать при поисках родственных форм в древних языках того же Эгейско-Анатолийского региона (ср., например, *Σάνδαρος* — река в Южной Фракии, близ Оливфа в Халкидике).

или, скорее, предсказываются «малоазийские и кавказские параллели») и индо-европейский пеласгийский¹⁸.

Что касается пеласгийского (или пеласгского) языка, то его индоевропейский характер¹⁹ и особая роль одного из основных исходных компонентов этрусского теперь предельно ясны. К сожалению, с «тирренским» дело обстоит несколько иначе. А. И. Немировский, несомненно, видит в нем язык турша-тирсенов — выходцев из Эгеиды. Но в настоящее время нет никаких оснований усматривать хотя бы в одном из племен Эгейского бассейна конца II тыс. до н. э., входивших в число «народов моря», носителей неиндоевропейского языка²⁰. Эти племена «эгейцев» определенно говорили на различных диалектах индоевропейских языков — пеласго-фракийского (пелешет-филистимляне), фригийского (текра-тевкры?), греческого (акайваша-ахейцы, дануна-данайцы) и анатолийских (лукка-ликийцы). Поэтому если выводить турша-тирсенов и шардана-сардов из Эгеиды (к чему заставляют склоняться все наличные данные), то следует видеть в них индоевропейцев по языку (скорее всего анатолийцев, как подсказывает собственная этрусская традиция, связывающая тирсенов, герр. сардо-тирсенов Сардинии, с Лидией и лидийскими Сардами)²¹. Другое дело — их потомки сардо-тирсены (носители археологической культуры нураг в ее позднем варианте), прожившие на островах Сардиния и Корсика несколько столетий вместе с местными, автохтонными племенами — явно неиндоевропейскими.

Так или иначе, но остается предположить, что неиндоевропейская основа языка этрусков, принесенная в Италию сардо-тирсенами, была усвоена последним уже на Сардинии. Кто были более ранними ее носителями, в значительной мере ассимилировавшими сардо-тирсенов (прежде всего в языковом отношении), пока установить нельзя²². Ими могут оказаться (за исключением заведомо бербероязычных ливийцев, пришедших на остров или вместе с турша и шардана, или самостоятельно) и иберийские мигранты, и коренные жители соседней Корсики, и самые первые, согласно античной традиции, неизвестные нам по названию обитатели острова (сведения обо всех этих древних племенах, поочередно заселявших Сардинию во II — первых столетиях I тыс. до н. э., наиболее полно собраны Павсанием: X, 17, 2—8)²³.

¹⁸ А. И. Немировский считает излишним дать в связи с этим следующее пояснение: «При этом мы не отрицаем, что в пеласгийском языке были неиндоевропейские включения, так же как и в тирренском языке могли быть некоторые индоевропейские заимствования» (с. 83).

¹⁹ Работы Л. А. Гиндина позволяют вполне надежно отождествлять пеласгийский язык с фракийским, см. *Gindin L. A. Le «pélasgique» et le thrace.* — In: *L'ethnogénèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogénèse des peuples balkaniques.* Plovdiv, 23—28 avril 1969. Sofia, 1971; *Гиндин Л. А. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя.* — ВЯ, 1971, № 1.

²⁰ Единственное неиндоевропейское «исключение» в Эгеиде того времени составляли минойцы — догреческие аборигены Крита, частично уцелевшие в некоторых районах острова, но не игравшие никакой политической роли уже со второй половины XV в. до н. э.

²¹ Если родство языка лемносских текстов VI в. до н. э. с этрусским подтвердится, то оно должно иметь пеласгийскую природу. О заселении Лемноса пеласгами в конце II тыс. до н. э. и пребывании их там вплоть до афинского завоевания острова во второй половине VI в. до н. э. с полной определенностью свидетельствуют надежные источники (*Herod.*, IV, 145; VI, 136—140; *Thuc.*, IV, 109, 4; *Paus.*, VIII, 2, 2). В данной связи можно вспомнить упоминаемое Диодором (III, 67, 4; 67, 4) «пеласгийское письмо», которым пользовался, по преданию, фракиец Орфей.

²² О дороманском языковом субстрате Сардинии, помимо указанных выше работ М. Питтау, см. *Hubschmid J. Sardische Studien. Das mediterrane Substrat des Sardischen, seine Beziehungen zum Berberischen und Baskischen sowie zum eurafrikanischen und hispano-kaukasischen Substrat der romanischen sprachen.* Bern, 1953; *Wagner M. L. La Lingua Sarda. Storia, spirito e forma.* Bern, б.г.

²³ Подобный вывод о западноредиземноморском местоположении прародины «неиндоевропейского протозетрусского» (иначе говоря, «позднеурагического» или «сардо-тирсенского» на Сардинии первых веков I тыс. до н. э.) языка существенно снижает актуальность гипотезы о принадлежности этрусского к северокавказской семье, коль скоро она подразумевает переселение этрусков — его носителей — в Италию после Троянской войны непосредственно из малоазийского ареала (ср. *Иванов Вяч. Вс. Новые данные о соотношении малоазийской ликийской, этрусской и римской письменных традиций. Обозначение чисел.* — В сб.: Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, архео-

Богатый эпиграфический материал служит главным источником и для изучения социально-политической структуры этрусского общества, рассматриваемой автором книги в третьей главе (с. 99—138). Впервые в полном объеме выявляются основные черты устройства городов-государств у этрусков. Анализ встречающейся в памятниках эпиграфики древней Этрурии терминологии, относящейся к сфере общинной и городской жизни, приводит А. И. Немировского к принципиальному выводу о «развитости государственных отношений» и «существовании гражданского коллектива» (с. 103).

Исследователь видит в терминологической системе, обнаруживаемой в текстах административно-правового характера, несомненные признаки полисной организации. Устанавливая пеласгийскую принадлежность важнейших терминов **sruca* — «город» (отсюда *sruestes* — «гражданство») и *tuthi* — «государство, община» (с. 103—105), он приходит к выводу о том, что «...до появления тирренов (сардо-тирсенов с острова Сардиния в Италии. — А. М.) главную роль в процессе формирования государства играли пеласги» (с. 105).

В то же время характерную для этрусков крайне архаичную традицию оформления политических и религиозных объединений — союзов городов-государств в виде 12-градий²⁴, несомненно опирающуюся на «представление о числе 12 как идеальной основе деления космоса и соответственно общества» (с. 111), А. И. Немировский выводит из Малой Азии и сопредельных стран Ближнего Востока. Древнейшие прототипы известных греческих и этрусских 12-градий усматриваются исследователем в предполагаемом им предшественнике Панапония — союзе 12 карийско-фригийских городов малоазийского побережья Эгейского моря и объединениях 12 племен, характерных, согласно Библии, для некоторых обитателей Палестины (древних евреев, измаилитов, арамеюв, эдомитов).

Свидетельства античной традиции позволяют, однако, утверждать, что раньше, чем в Малой Азии и Палестине, такие двенадцатичленные политические объединения появляются на юге Балканского полуострова. Их основание и достаточно длительное существование эллинические историки с уверенностью (исходя из традиционной хронологии, опирающейся на счет поколений в царских династиях) относили, по меньшей мере, к двум-трем последним столетиям того периода истории Греции, который принято теперь именовать ахейским (он продолжался примерно до конца XIII в. до н. э.). Так, в весьма отдаленное прошлое (как минимум за шесть поколений до Троянской войны²⁵) относили учреждение в Фокиде под эгидой аргосского царя Акрисия Дельфийской амфикионии с ее 12 первоначальными участниками-общинами (Strabo, IX, 3, 7). Царь Кекропс, живший, по местному афинскому преданию, еще раньше²⁶, считался основателем аттического 12-градия (Strabo, IX, 1, 20). Древнейшее ионийское 12-градие находилось на севере Пелопоннеса, где оно уже после прихода дорийцев было унаследовано вытесненными сюда из других частей полуострова ахейцами²⁷.

логия». 2—4 декабря 1980 г. Предварительные материалы. Тезисы докладов. М., 1980, с. 20—23; *он же*. К истолкованию этрусских текстов на основе сравнительного языкознания. — В кн.: Текст: семантика и структура. М., 1980, с. 36—46).

²⁴ Двенадцатиградие было учреждено сначала в собственно Этрурии, а затем по его образцу создаются союзы 12 городов в колонизованных этрусками Кампании и Северной Италии.

²⁵ Т. е., по обычному для эллинов счету, за два века до нее. В дополнение к справедливому замечанию А. И. Немировского (с. 46) о сложности проблем абсолютной датировки самой Троянской войны (что весьма желательно для уточнения фактологической стороны истории междинастических отношений в ахейской Греции накануне ее падения под ударами внешних сил) надо указать, что помимо точки зрения на этот счет, отстаиваемой александрийскими учеными III в. до н. э., античная традиция знала и иные хронологические версии: если Эратосфен датировал взятие Трои ахейцами 1184 г. до н. э., то Паросская хроника — 1209/8 г. до н. э., а Геродот — приблизительно 1260 г. до н. э. Все это, разумеется, не способствует уточнению имеющейся археологической датировки разрушения Трои VIIa в пределах середины — второй половины XIII в. до н. э.

²⁶ Паросская хроника датирует его воцарение 1581/80 г. до н. э.

²⁷ Herod., I, 145; Strabo, VIII, 7, 1; 7, 4—5; Paus., VII, 6, 1.

Как нам уже приходилось отмечать²⁸, имеются данные о том, что форма государственно-политических объединений в виде союза 12 городов-государств обнаруживается на минойском Крите еще в первой половине II тыс. до н. э. По всей видимости, именно отсюда данная традиция распространилась к середине II тыс. до н. э. вместе с другими культурными влияниями минойцев на греческо-пеласгийский юг Балкан²⁹. Греки и пеласги в свою очередь донесли эту традицию до более отдаленных районов Восточного и Западного Средиземноморья: первые составили основной костяк населения ионийского и эолийского 12-градий в Малой Азии³⁰, вторые стали учредителями двенадцатичленных племенных объединений и городских лиг в Палестине (там от пеласгов-пелешет-филистимлян этот эгейский общественно-религиозный обычай переняли многие их соседи) и Италии.

Продолжая разбор терминологии, относящейся к сфере государственного управления (атрибуты царской власти, названия административных должностей, сословные обозначения), А. И. Немировский предлагает для них в каждом случае параллели в эгейско-анатолийском лингвистическом материале. При этом круг возможных языковых заимствований в пределах того региона, очерченный исследователем, оказывается достаточно широким: от слов пеласгийских (*corona, lethe, lethi, lethia*) до хаттских или хурритских (*zilc, zilath*). Особенно обнадеживающими представляются нам возможности дальнейшего пополнения за счет такого рода терминов числа лексем, происходящих из языка пеласгов. На наш взгляд, к ним можно причислить, в частности, титул должностного лица *magulux* с основной *mag*, распространенной в пеласго-фракийской ономастической и иной лексике: ср. ¹*Ἰσμάρως* — зять Тегирия и сын Евмола (двух мифических фракийских царей); ²*Ἰσμάρως* (позднее ³*Ἰσμάρως*) — город фракийского племени киконов на северном побережье Эгейского моря; ⁴*Ἰσμάρως* — озеро в стране киконов; *Μαρόνεια* — город фракийцев-киконов рядом с Исмаром; *Μάρων* — мифический жрец Аполлона во Фракии, эпоним города Маронеи (возможно, древний фракийский теоним); *Μάρως* — река в стране фракийского племени гетов, левый приток Дуная; *Μαριαυδύχο* — фракийское по происхождению племя в Вифинии (в так называемой Азиатской Фракии); *Μαριαυδύχης* — царь-эпоним племени мариаудинов, приходившийся сыном Финею, царю Салмидесса в Фракии; *Μάραθα* — местность в Аркадии, первым царем которой считался Пеласг; *Μαραθών* — дем в Аттике; *Μάραθος* — герой-эпоним аттического дема Марафон, сын выходца из Фессалии (Пеласгийского Аргоса); *Μαράθουσα* — остров вблизи города Клазомены на западном побережье Малой Азии, к юго-востоку от Лесбоса (заселенного в свое время пеласгами); *magas* — титул магистрата в лемносской надписи VI в. до н. э.

Вероятно, пеласгами принесен в Италию и термин *etega* (ср. греч. и македон. *ἐταῖροι*), точный смысл которого стал ясен только после введения в научный оборот архаической латинской надписи из Сатрика, исчерпывающе интерпретированной А. И. Немировским³¹. Не может вызывать сомнений правильность определения этрусских *etega* как группы людей, связанных клятвой верности с неким знатным лицом (по принципу нерасторжимой обоюдной связи дружины и ее вождя), тождественной римской *suodales/sodales* (с. 124—127)³². Прослеживаемое пеласгийское про-

²⁸ Молчанов А. А. Некоторые результаты применения комбинаторного метода исследования при анализе текста Фестского диска. — ВМУ. Сер. история, 1977, № 2, с. 74; он же. Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980, с. 73—74. Ср. Leaf W. Homer and History. Oxf., 1915, p. 183.

²⁹ Местный сакральный миф говорил об основании святилища в Дельфах, которое охраняли 12 общин-амфикионов, «критянами из града Миносова Кносса» (*Hom., Нупн. II, 216 sq.*), а факт подчинения Аттики с ее 12 городами до синоиклизма Тесея установителю критской «талассократии» — царю Миносу не вызывал сомнений у эллинских мифографов и историков (ср. *Bacchyl., XVI, 1 sq.*; *Plato, Leg. 706 B*; *Ps.-Plato, Minos 321 A*; *Isocr., Orat. X, 27*; *Apollod., III, 15, 8*; *Diod., IV, 61, 1—3*; *Plut., Thes. 15*; *Paus., I, 27, 10*).

³⁰ *Herod., I, 143, 145, 146, 149*; *Strabo, VIII, 7, 1*; *XIV, 1, 4*; *Paus., VII, 5, 1*.

³¹ Немировский А. И. Надпись из Сатрика — опорный пункт раннеримской истории. — ВДИ, 1983, № 1, с. 40—50.

³² Тем самым, наконец, проявились побудительные мотивы знаменитого заговора знатной римской молодежи — бывших *sodales* царских сыновей (ср. *Liv., II, 3, 2*) — с целью восстановления власти династии Тарквиниев, составившегося в первый же год республики.

исхождение государственно-политических установлений и связанной с ними терминологии подтверждает вывод о ведущей роли наследия пеласгов в завершении процесса формирования развитой государственности у этрусков.

А. И. Немировский обстоятельно характеризует специфические особенности царской власти в полисах Этрурии, роль в их политической и общественной жизни могущественной родовой знати, уровень развития рабовладения у этрусков (который, вопреки ранее высказывавшемуся в отечественной этрускологической литературе мнению ³³, оказался достаточно высоким). Подробно рассматриваются встречающиеся в трудах римских авторов и эпиграфических памятниках сведения о социальных конфликтах в этрусских городах-государствах (в 302 г. до н. э. в Арреции, в 265—264 гг. до н. э. в Вольсиниях, в 241 г. до н. э. в Фалериях).

В четвертой главе (с. 139—163) А. И. Немировский прослеживает по отдельным этапам историю становления морского могущества этрусков и его последующего упадка. Он дает строго мотивированную периодизацию развития так называемого «тирренского пиратства», выделяя два периода: VIII — середина V в. до н. э. — время этрусской «талассократии», когда полисы Этрурии вели организованную и целенаправленную борьбу с их политическими и торговыми конкурентами главным образом в бассейне Тирренского моря; и IV — III вв. до н. э. — эпоху постепенного прогрессирующего экономического упадка городов-государств этрусков в Средней Италии и утраты ими независимости, ознаменовавшуюся перемещением арены активных действий корсаров-тирренов (занимавшихся теперь беспорядочным морским разбоем, грабежом и работоторговлей исключительно в целях личной наживы) в Адриатику и соседние районы акватории восточной части Средиземного моря. Исследователь выявил значение заимствования римлянами опыта судостроения и кораблеводства этрусков, которое ранее упускалось из виду историками.

Последняя глава книги (с. 164—228) посвящена пересмотру всех имеющихся в наличии материалов, освещающих те или иные стороны религиозных представлений этрусков, их мифологию и культовую практику. По письменным источникам и художественным памятникам (люстры из Кортоны середины V в. до н. э., зеркалам с изображениями мифологических сцен) А. И. Немировский восстанавливает существовавшую у обитателей Этрурии концепцию устройства мира как единой пространственно-теологической системы, обнаруживающей большое сходство с ближневосточными моделями мироздания. Скрупулезно реконструируется многообразный и тщательно дифференцированный по «сферам деятельности» отдельных божеств пантеон этрусков. Последовательное рассмотрение функций богов и богинь, поиск соответствующих им параллелей среди мифологических персонажей других древних народов, подтверждают тезис А. И. Немировского об эгейско-анаатолийских корнях этрусской мифологии и религии в целом (столь отличной от религиозных представлений собственно итальянских народов в I тыс. до н. э.).

Некоторые уточнения и дополнения, которые здесь могут иметь место, носят сугубо частный характер. Так, бог Сатрес (другие варианты написания его имени — Сатрос, Сатрс, Сатириас) у этрусков может быть сопоставлен не только с Сатром фригийцев (ср. фракийский этноним *Σάτραι*) и Сатурном римлян (с. 204), для которого наиболее вероятным уже давно считается критское происхождение, но также (судя по сходству теонимов) с неким древним прототипом божеств низшего разряда греческого пантеона — сатиров (*σατύροι*). Этот *Σάτυρος* был, по-видимому, первоначально одним из почитаемых минойских богов. На это указывают упоминания данного теонима и производных от него форм в античной традиции, каждый раз так или иначе связанные по контексту с Критом: ср. *Σάτυρος* — персонаж древнейшего аргосско-аркадского мифа, тождественный критскому быку — опустошителю ряда областей Эллады (Apollod., II, 1, 2); Satura — критская царевна, дочь Миноса (Prob., Verg. Georg. II, 197); *Σατύριον* (лат. Saturejum) — местность в Южной Италии близ Таран-та, заселенная критянами — спутниками царя Миноса в его походе на Сицилию (Strabo, VI, 3, 2; ср. Hor., Sat. I, 6, 58) ³⁴.

³³ Ср. Залесский. К социальной истории этрусков, с. 157 сл.

³⁴ Для большей полноты считаем необходимым привести и еще один относящийся сюда пример: имя Sa-tu-ri (форма родительного и, возможно, винительного падежа)

Нельзя также обойти молчанием возможность сравнения второго имени отождествляемого с греческим Гермесом этрусского бога Херму — Турмс с группой имен собственных и appellативов, производных от основы *tur*, которую А. И. Немировский выявляет в данном теониме (с. 205). Слова, родственные теониму *Turms*, принадлежат, насколько можно судить, к ономастике и appellативной лексике, восходящей к языку пеласгов: ср. *Turó* — жена царя Кретея, основателя города Иолка в Фессалии, издревле населенной пеласгами (ср. Ном., Od. XI, 236 sq.; *Apollo*d., I, 9, 11); *τῶραννος* — агейский догреческий титул правителя, засвидетельствованный в форме *seganim* у филистимлян — потомков пеласгов-пелешет; *Tu-gi-so* — встречающееся в текстах линейного письма В название города (позднее *Τυλισός*)³⁵ на северном побережье острова Крит, где некогда обитали пеласги (ср. Ном., Od. XIX, 177—178); *Tu-gi-jo* — личное имя, присутствующее на табличках линейного В из Кносса и Пилоса (№ 4473; Jn 693). Общий для них корень *tur* обнаруживается и в имени этрусской богини *Turan* (Владычица), принадлежащем, таким образом, к пеласгийскому языковому слою на италийской почве³⁶. Его основное (или по крайней мере наиболее древнее) значение устанавливается по указанным выше примерам: «господин, владыка»³⁷.

Немаловажное значение для понимания истоков религии этрусков имеет изучение устройства их культовых центров и сооружений, организации сакральных церемоний, функций этрусского жречества (с. 217—228). Действительно, весьма показательно размещение особо чтимых и, возможно, наиболее древних святилищ Этрурии в священных рощах, подобных знаменитой дубовой роще с оракулом Зевса в пеласгийской Додоне. Следует также добавить, что этрусские игры, связанные с культом мертвых, находят себе соответствие в тех агонах, которые нередко устраивались, согласно свидетельствам греческой мифолого-исторической традиции, после погребения ахейских царей и знатных воинов. Есть также данные о проведении гимнических состязаний в честь умерших правителей в еще более раннее (судя по относительной хронологии мифических генеалогий) время у пеласгов Фессалии: по преданию, такие состязания устроил на похоронах своего отца Тевтаמיד, царь города Ларисы в фессалийской Пеласгиотиде (*Apollo*d., II, 4, 4). Таким образом, результаты рассмотрения всей совокупности фактов, относящихся к этрусской религии, вполне согласуются с предложенной А. И. Немировским теорией этногенеза этрусков.

В кратком заключении (с. 225—236) автор рецензируемой книги всесторонне освещает вопрос об этрусском наследии, столь высоко ценимом уже римлянами. Вклад этрусков в культурное развитие древнего Рима и Италии чрезвычайно велик. Из Этрурии были заимствованы в Рим инсигнии власти высших должностных лиц государства, гаруспичина — искусство гадания по внутренностям животных, ряд музыкальных инструментов, некоторые культы и религиозные обряды, навыки кораблестроения и навигации, техника устройства дренажных сооружений и металлообработки, знания в области агрономии и медицины. Градостроительство и архитектура, скульптура и живопись, театр и музыка древних римлян в равной степени испытывали поначалу зависимость от этрусских образцов. Трудно переоценить и ту роль, которую этруски сыграли как распространители алфавитной письменности среди народов Средней и Северной Италии, а также альпийских областей. А. И. Немировский напоминает о целой плеяде этрусских выходцев, оставивших заметный след в римской научной и художественной литературе (с. 233). Но помимо перечисленных им выдающихся пред-

носят три минойских династа в тексте Фестского диска, согласно чтению последнего в результате использования метода искусственной билингвы (*Молчанов*. Некоторые результаты..., с. 68—73).

³⁵ Его существование в догреческую эпоху документировано археологически (*Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950, с. 142, 197, 215, 251). Высказывалось, правда, мнение и об анатолийском происхождении данного топонима (ср., однако, *Τύλις* город во Фракии).

³⁶ Таким образом, выглядят парными теонимы, образованные от основы *tur* с помощью соответствующих расширений. — *Tur-ms* и *Tur-an*. Следовательно, оба они должны иметь одинаковую пеласго-фракийскую этимологию: корень *tur* в двух явно основных этрусских теонимах — *Turms* и *Turan* — вряд ли может иметь разное значение (с. 191, 205). При этом теоним Херму надо признать скорее греческим, а не пеласгийским по происхождению дубликатом имени бога Турмса.

³⁷ Ср. *Немировский А. И.* Царская власть у этрусков. — В кн.: Норция. Вып. 1. Воронеж, 1971, с. 21.

ставителей творческой интеллигенции стоило бы, наверное, упомянуть и тех отпрысков знатнейших родов Этрурии, которые, будучи видными государственными и военными деятелями Рима эпохи республики и империи, принадлежали к наиболее образованным слоям общества.

Потомки этрусских лукумонов вливались в состав правящего класса Римского государства в разные периоды его существования. Такое случалось и в конце VII — VI в. до н. э. — при царях из династии Тарквиниев, и в первой половине II в. до н. э. — после II Пунической войны, когда сыновья и внуки отличившихся в ней представителей италийской знати добиваются курульных должностей в Риме и попадают в его сенат (как, например, латиняне Луций и Гней Аниции из Пренесте или этруск Марк Перперна). Но самый большой приток в ряды римской знати родовитых этрусков, как и прочих италиков, падает на время после Союзнической войны (т. е. после поголовного получения ими прав римского гражданства).

На протяжении I в. до н. э. перебираются в Рим и романизируются самые видные фамилии из различных городов Этрурии. Среди них стоит особо отметить происходящее из Волатерр семейство, члены которого носят характерный этрусский гентилиций Цецина (лат. *Caecina*, этр. *Seisna*). Цецины получили в императорскую эпоху известность более всего как полководцы и крупные администраторы. Этот род, ставший со временем одним из первых в сенате, продолжал сохранять свое высокое положение до самого конца существования Западной Римской империи³⁸ и даже сумел благополучно пережить ее падение. Род Сальвиев, родины которого был город Ферентин (в Южной Этрурии), также происходил от этрусских лукумонов (*Suet.*, *Otho*, 1). Он попал в римский сенат при Августе. За первое столетие империи — время активной политической жизни трех поколений рода — его представители достигли сначала претуры, затем консульства и, наконец, высшей власти в государстве (Марк Сальвий Отон ненадолго стал принцем в 69 г. н. э.).

Нам представляется, что переселение в Рим последних представителей знатнейших родов Этрурии — традиционных духовных и политических руководителей своего народа³⁹ — явилось не менее серьезной причиной окончательной романизации этрусков, чем отмеченные А. И. Немировским (с. 233—236) общий постепенный экономический упадок этой области древней Италии и усиление здесь римской колонизации (особенно в результате наделения земель множества ветеранов Суллы).

Однако это наше суждение, как и все прочее, возникает и имеет силу прежде всего как дополнение к системе аргументации автора рецензируемой книги, в которой затрагиваются практически все насущные проблемы этрускологии⁴⁰. Выполненная на высоком научном уровне обобщающая работа А. И. Немировского закладывает основы нового направления в изучении истории и культуры этрусков. Перспективность этого направления определяется впервые полно изложенной в ней целостной и всесторонне обоснованной теорией этрусского этно- и глоттогенеза, базирующейся на тщательной проработке всех наличных материалов.

А. А. Молчанов

³⁸ Ср. *Seeck, Hartmann. Basileios.* — RE, B. III, Stuttgart, 1899, Sp. 48—49; *Münzer. Caecina.* — RE, B. III, Sp. 1236—1237; *Seeck. Ceionius.* — RE, B. III, Sp. 1861—1862, 1864—1866.

³⁹ Римские источники прямо говорят о том, что именно знать была у этрусков главной хранительницей священных жреческих знаний (*Cic.*, *Div.* I, 92; *Tac.*, *Ann.* XI, 15).

⁴⁰ Необходимо, вероятно, отметить дополнительно лишь две допущенные А. И. Немировским мелкие неточности. Во-первых, имя хеттов, как окончательно доказал Л. А. Гиндин, было все-таки известно древним грекам в гомеровской форме *Κήτες* (*Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан.* София, 1981, с. 147—148; *он же.* Гом. ΚΗΤΕΟΙ в конкретно-историческом интерпретации. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, с. 32—36). Во-вторых, вполне справедливое замечание А. И. Немировского о том, что засвидетельствованные археологически разрушения некоторых городов Греции позднеллладского времени могли быть результатами междоусобных войн ахейских анактов, не стоило бы сопровождать ссылками на «столкновения между Персеидами и Пелопидами, Гераклом и Нестором» (с. 46), ибо эллинская традиция говорит о мирной смене в Микенах династии Персеидов династией Пелопидов (ср. *Apollod.*, ep. II, 11), а Геракл сражался не с Нестором (которого он сам потом сделал царем Пилоса), но только с его отцом Нелем и братьями (ср. *Hom.*, II. XI, 690 sq.; *Apollod.*, I, 9, 9; II, 7, 3; *Paus.*, II, 18, 7).

Новая книга А. И. Немировского удачно сочетает черты этрускологического компендия (первого на русском языке пособия такого рода, находящегося на современном уровне развития дисциплины) и оригинального исследования, предлагающего новое решение ряда ключевых этрускологических проблем. В рецензии мы позволим себе сосредоточиться на собственно исследовательском аспекте работы, представляющем для нас наибольший интерес.

В главе I «Происхождение этрусков» автор выдвигает три основных тезиса, которые, как мы считаем, следует рассматривать и оценивать по отдельности. Первый из них, постулирующий западноанатолийское происхождение этрусков и их генетическую связь с народом «турша», участвовавшим в конце XIII — начале XII в. до н. э. в походах «народов моря», кажется наиболее бесспорным. В его пользу говорит сохранение архаичных реликтов раннеэтрusского языкового состояния в диалекте Лемносской стелы (VI в. до н. э.): ср. лемн. avi(s) «год» (косвенный падеж) при этр. avil(s); лемн. aomai «был» при этр. ame, amse (вообще этрусский знает чередование ai ~ a, ср. Cautha ~ Catha «бог солнца», lautni ~ latni «зависимый человек», но глагол-связка в диалектах Этрурии представлен лишь в форме с упрощением дифтонга). Мы полностью разделяем позицию автора в его полемике с М. Гра¹, видящим в лемносских тирренах этрусскую апойкию на востоке Эгеиды (с. 38—42). Свообразие графики и орфографических приемов Лемносской стелы (передача огубленного гласного знаком для <o> вместо этр. <u> и т. д.) заставило бы отнестись вывод этой апойкии к дописьменному периоду этрусской истории (по крайней мере к VIII в. до н. э.), для которого говорить о морской экспансии этрусков еще явно не приходится.

Очень важно и нетривиально указание автора на вероятность записи геродотовской («миграционной») версии происхождения этрусков (I, 94) уже после поселения историка в Фуриях (с. 43): думается, возможность видеть в пересказе Геродота отражение собственно этрусской традиции объяснила бы известное расхождение версий Геродота и Ксанфа (по Dion. Hal., I, 28), позволяя возвести обе версии к легенде о размежевании предков лидийцев и «турша»: по Геродоту, брат Лиды и сын Аттиса Тиррен уводит часть народа из Лидии; по Ксанфу, страна делится между детьми Аттиса Лидом и Торребом; потомки последнего до позднейшего времени живут рядом с лидийцами, говоря на близком диалекте. Еще Л. Парети видел истоки мифа об этрусском переселении в переключке имен тирренов (Τυρρηνοί, Τυρσηνοί, дор. Τυρσανοί), торребов (Τόρρηβοι, Τορρηβοί) и лидийско-греческого топонима Τύρρα² (возможно, из местного *Tursa- с адаптационным переходом -рс->-рр-, известным как в литературном аттическом, так и в эгео-дорийских диалектах; см. передачу имени тирсенов через Τυρρανοί в родосской надписи III в. до н. э.³). На наш взгляд, нет никаких помех к сближению этникона Τυρῆς с названием западнолидийской Тирры, учитывая, что рядом с «турша» в египетском тексте идут выходцы из Сагалассоса (šklš), карийцы (Krkš) и т. д. Формы Τυρσηνοί (Τυρσανοί) и Τορρηβοί легко интерпретируются как параллельные этникон-образования от Τύρρα (*Tursa), соответственно *Tursana и *Tursawa⁴. Хорошо обоснованная гипотеза Немировского об итальянских этрусках — информантах Геродота удачно объясняет эволюцию малоазийской легенды о расселении сыновей Аттиса: естественно, для мигрировавшей части племени уход с прародины (версия Геродота) мог стать событием, неизмеримо более значительным, чем для обитателей Западной Анатолии, где пребывание остатков этноса на прежних местах (под именем торребов — на континенте, тирренов — на близлежащих островах) могло сделать миграцию практически незаметной (версия Ксанфа). Что касается по-

¹ Gras M. La piraterie tyrrhénienne en mer Egée, mythe ou réalité.— In: L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Roma, 1976, p. 241 suiv.

² Pareti L. Le origine etrusche. Firenze, 1920, p. 34.

³ Torelli M. Τυρρανοί — Parola del passato, 1975, 30, p. 417 sq.

⁴ Об анатолийских личных именах и топонимах на -wa (-uwa) см.: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, с. 104 сл., 149; Laroche E. Etudes sur les hiéroglyphes hittites.— Syria, 1958, 35, p. 267 (пары Hišarla; Hišarluwa, Zalpa: Zalpuwa: лид. ḫastarboš < Hastawa при кап. URU ḫastuwa и т. д.).

казанной М. Гра (и признаваемой Немировским) связующей рсди Лемноса в этрусской торговле VIII—VII вв. до н. э. с Анатолией и Урарту, то мы не видим причин, по которым бы эти связи не могли поддерживаться италийскими этрусками в первую очередь через посредство близкородственных в языковом отношении тирренов Эгиды (ср. этрусско-лидийские контакты в области письма⁵).

Вторым тезисом концепции А. И. Немировского является предположение о раннепурагической Сардинии как о возможном связующем звене между совместным походом народов «шарденов» и «турша» в Южное Средиземноморье (XIII — XII вв. до н. э.) и появлением этрусков в Италии (по принимаемой автором датировке — VIII в. до н. э.; мы склоняемся к датировке X—IX вв. до н. э.). Отправными точками гипотезы послужили, с одной стороны, знаменитые сардинские и южнокорсиканские изваяния воинов в вооружении «народов моря» (с. 54), а с другой — «этрускоидные» элементы в сардской топонимике (например, *Αἰσαρωνήσιος* — Ptol., 3, 3, 6), обоснованное М. Паллоттино сардское происхождение конструкции северозетрусских псевдокупольных гробниц и находки характерных сардских сакральных изображений корабликов в этрусских храмах и захоронениях (с. 59 сл.). Большое впечатление производит подборка античных свидетельств в пользу «сардской гипотезы» (с. 49—58): среди них — слова Гесиода о священных островах тирсенов (Theog. 1010); упоминание Страбона о тирренах, будто бы еще до Троянской войны владевших Сардинией (V, 2, 7), и объяснимый только как сардо-корсиканского контекста рассказ Дионисия Галикарнасского о тирренах — строителях башен (I, 26); сообщение Феста о самоназвании этрусских царей *Sardi*, с чем сопоставлен известный по олимпийской надписи договор Сибариса (единственного италийского союзника этрусков — Athen., XII, 519) о дружбе с «сердаями» (*Σερδαίος*). В запутанном пересказе древнесардской истории у Павсания (X, 17) выделяются три эпизода, представляющие интерес: двукратное прибытие войск из Ливии (во главе первого стоит эпоним Сард; второе войско, истребив почти все прежнее население, сливается с его остатками, принимая имя сардов); в промежутке появляются некие «троянцы», заселяющие область за р. Тирс (*Θύρσος*). А. И. Немировский остроумно связывает появление «сардов» из Ливии с попыткой «шарденов» и «турша» поддержать ливийцев в их наступлении на Египет (с. 51). Легенда о троянцах как об особой группе переселенцев, отличной от сардов-ливийцев, выросла, конечно, из народной этимологии древнего сардского этнонима *Ἰλιεῖς* или *Ἰολαεῖς*, давшего также толчок к возникновению мифа о прибытии в Сардинию друга Геракла — Иолая; но параллель *Τυρσηνοί* ~ *Θύρσος* небезынтересна (с учетом прочих данных). Двойное прибытие ливийцев — явное удвоение одного и того же мифо-легендарного мотива, вероятно, стимулированное хорошо прослеживаемыми в языке традиционными связями Сардинии с Северной Африкой⁶. Думается, есть определенные основания видеть в преданиях именно о «втором» ливийском завоевании и о «троянцах за Тирсом» отражение «турша-шарденской инвазии». «Сардская гипотеза», намечающая пути решения важнейших проблем этрусского этногенеза, подлежащая и поддающаяся проверке на сардском археологическом и лингвистическом материале, должна привлечь пристальное внимание этрускологов⁷. Посвященные ей страницы принадлежат к лучшим в рецензируемой книге, окончательная же ее оценка — дело будущего.

Наиболее спорным в развиваемой А. И. Немировским концепции этрусского этногенеза выглядит третий тезис, предполагающий предвосхищение тирренской волны в Италии более ранней волной легендарных пеласгов. На самом деле, суммированная автором обширная традиция о пеласагах и тирренах в Италии предлагает на выбор

⁵ *Buonamici G. Sull' origine del signo etrusco* 8. — SE, 1933, VII, p. 299 sq.

⁶ Об иолаях как об одном из «ливийских» сардских племен см. *Wagner M. La lingua sarda*. Bern, 1951, p. 8 sq.; о берберских элементах в сардском см. *Hubschmid J. Sardische Studien*. Bern, 1953, passim.

⁷ Историко-археологическую аргументацию автора можно было бы значительно дополнить указанием на теснейшие сардские связи архаической Этрурии VIII—VII вв. до н. э., заметные в различных отраслях ее производства: в изготовлении оружия и украшений, в керамике (характерные сосуды с носиками), в литье изображений из бронзы; см. еще оценку этих сходжений в кн.: *Pallottino M. La Sardegna puragica*. Roma, 1950, p. 39: «замечательная близость, если не сказать — общность форм выражения» (*comunanza di manifestazioni*), также с. 41, 60.

следующие альтернативы: 1) пеласги — первоначальное имя прибывших в Италию тирренов (Hell. frg. 1 — FHG, I); 2) тиррены — древнее имя пеласгов с Лесбоса, заселивших Италию (Myrs. frg. 2,3 — FHG, IV); 3) пеласги пришли с Балкан, тиррены же — покорившие их уроженцы Италии (Dion. Hal., I, 19—28); 4) пеласги и пришедшие из Анатолии тиррены — две разные группы переселенцев (Lycorhg., 1351—1365). Отметим еще версию Антиклида (5) по Strabo, V, 2, 4: герой Тирсен ведет в Италию пеласгов. Очевидно, что принимаемая автором версия в явном виде содержится лишь у Ликофрона, представляя рационалистическую попытку разрешить путаницу этнических имен, создавшуюся еще в Эгееде (предельно ярко это смешение выражено у Фукидида, IV, 109, который, считая тирренов пеласгами, безразлично локализует их и на тирренском Лемносе, и в пеласгской Аттике).

Следует признаться: мы не знаем, что может стоить за именем пеласгов в каждой из точек, к которым традиция привязывала это имя. Из того, что В. Георгиев и некоторые его последователи сочли удобным обозначить «пеласгским» догреческий индоевропейский слой в греческих диалектах, в фонетическом отношении близкий к диалектам Фракии, не следуют ни «индоевропеизм», ни «фракизм» пеласгов Аркадии, Италии и даже Крита, ибо неизвестно, ни где, ни когда эти заимствования попали в греческий⁸. Тем менее убеждают построения Лохнера-Хюттенбаха, постулирующего «илиризм» пеласгов при помощи разных косвенных соображений с произвольной элиминацией из ареала их расселения таких традиционных «пеласгских» областей, как Аркадия и Лемнос (тирренский Лемнос!). Идя в последнем пункте за Лохнером-Хюттенбахом, А. И. Немировский допускает в многочисленных геродотовских упоминаниях о пеласагах на Лемносе (IV, 145; V, 26; VI, 136—140, вплоть до именовании пеласагами позднейших лемносов) сознательную подмену пеласагами тирренов; но непонятно, как различать в этрусском этносе пеласгский и тирренский слои, если в исконных областях обитания тирренов этот народ мог для малоазийских греков выступать под именем пеласгов. Не рискуя предполагать в Πελασγοί самоназвания народов от Македонии до Крита и от Трои до Лация, мы склонны видеть в этом имени лишь древнейший термин, отразивший «от противного» складывание этнического самосознания греческих племен в период их расселения по Балканскому полуострову и Эгейским островам. Еще У. Лиф точно отметил приуроченность «пеласгской» топо- и этнонимии к тем областям, где на пути греков-переселенцев вставали, служа естественным рубежом, временные препятствия: отроги Олимпа (Пеласгиотида, «пеласгский» оракул в Додоне), Сперхейская долина (Пеласгический Аргос), Коринфский залив (пеласги в Аркадии) и горы, ограждающие «пеласгскую» Аттику. Пеласгское имя как бы шло вместе с расселяющимися греками, задерживаясь в местах их остановок⁹. Если даже исконно оно служило названием некоего племени, соседствовавшего с фессалийской прародиной греков (почему и предполагаемое Лифом древнее народно-этимологическое сближение с πέλας «рядом, около» не должно сбрасываться со счетов), то в ходе греческой миграции с севера на юг оно, очевидно, становится постоянным обозначением тесных и ассимилируемых греками

⁸ Резко контрастирует со взглядами школы Георгиева подход Л. А. Гиндина, давшего наиболее развернутое обоснование близости индоевропейского субстрата в греческом к фракийскому и в то же время относящегося к термину «пеласгский» как к чисто номинальному обозначению (*Gindin L. Le «pélasgique» et le thrace.* — In: *L'éthnogenèse des peuples balkaniques.* Sofia, 1971, p. 237 suiv.; *Гиндин Л. А. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя.* — ВЯ, 1971, № 1, с. 44 слл.; особенно *он же.* Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата. — В кн.: *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.* М., 1976, с. 49 слл.).

⁹ *Leaf W. Troy. A Study in Homeric Geography.* L., 1912, p. 331 sq. Особую проблему, которой мы здесь не касаемся, представляет старая и не очень доказательная гипотеза о присутствии праэтрусских (тирсенских) элементов на Балканах; отметим лишь, что разгадка давно отмеченной переклички имени Тиндаридов-Диоскуров (Τυνδαρίδαι, Τινδαρίδαι) с этрусским гентилицием tinthur, собственно, «род (громовержца) Тина» (*Kretschmer P. Protoindogermanische Schicht.* — Glotta, 1925, XV, S. 309 f.; ср. этрусское именование Диоскуров в вотиве TLE, 156: *tinās cliniaras* «сыновей Тина (Gen.)») заключается, на наш взгляд, не в этой гипотезе, но, скорее, в теснейшей традиционной связи культа Диоскуров с историей дома микено-спартанских Пелопидов, считавшихся выходцами из Западной Анатолии.

мелких соседних племен. В отдельных случаях оно, вероятно, могло приобретать и более четкую этническую спецификацию: так, на Крите (по Od. XIX, 176 сл.) пеласги, давние балканские соседи греков, проникшие вместе с ними на остров, отличались от его исконных жителей (этеокритян).

У. Лиф не без основания рассматривал присутствие «пеласгов» в Троаде (по II, II, 840—843; X, 429) как свидетельство наличия архаичных греческих элементов в составе населения гомеровской Трои (мысль, позднее аргументированная на археологическом материале К. Блегеном и Д. Пейджем¹⁰). В таких условиях тирсены («турша»), обитавшие на ближайших к Троаде островах, а возможно, и на континенте, легко также становились для греков «пеласгами». Может быть, не случайно гомеровское «пеласское» имя Λῆρος (II, II, 840 sq.), по верному наблюдению А. И. Немировского (с. 27 сл.), представляющее единственную известную антропониимию параллель, к этрусскому личному имени *Lethe* (Ληθαῖος), четко привязано эпосом к Северо-Западной Анатолии. В таких условиях движение «народов моря», захватившее западноанатолийских «турша», могло отлиться в легенды, донесенные Геллаником и Мирсилом¹¹, о пеласагах-тирренах, ушедших в Италию; ср. версию Антиклида о Тирсене — предводителе пеласгов. Позднее под влиянием греческой трактовки пеласгов как древнейшего населения Греции могло произойти и некоторое «удревнение» италийских пеласгов в поздней литературе, превратившихся в мифический народ, ограниченный от реальных тирренов-этрусков (ср. Strabo, V, 2, 3 — легенда о занятии тирренами «пеласгской» Агиллы-Цере). Конечно, все сказанное — лишь гипотеза, альтернативная гипотезе А. И. Немировского, но сама затруднительность обоснованного выбора между ними заставляет последовательно отвлечься от пеласгской проблематики при решении проблем этнического становления этрусков (тем более что даже наличие определенных балканских элементов в этрусской ономастике гораздо легче объяснимо через тесное взаимовлияние диалектов Западной Анатолии и Северных Балкан).

В главе II «Этрусская эпиграфика и этрусский язык» автор наряду с общим обзором современного состояния этрусской филологии предлагает собственную комбинаторную интерпретацию отдельных лексем и словосочетаний. Особо отметим анализ выражений *cleva* (*etanal*) и *sal cluvenias* в этрусско-финикийской билингве из Пирги (с. 88 сл.); *sal* А. И. Немировский еще прежде совместно с А. И. Харсекиным¹² удачно идентифицировал с обозначением жертвы (финик. *zbh*; ср. TLE, 359: *sal afrs naces*, скорее всего, «жертва предкам»¹³). Если М. Паллоттино уже давно предполагает, что «звезды» (этр. *puunch* = финик. *kkbm*), с которыми в тексте сравниваются годы святилища, на самом деле золотые plaquettes «годовых» гвоздей (*clavi annales*)¹⁴, по этрусско-римскому обычаю ежегодно забивавшихся в стену храма (Plin., NH, 33, 19; Liv., VII, 3, 8; IX, 28, 6), то Немировский допускает прямое отождествление этр. *cleva*: лат. *clavus* «гвоздь», при толковании глагольного имени *cluvenias* в смысле ритуального «забивания гвоздя» (нем. *Nagelung*). Нам кажется допустимым с учетом этимологии лат. *annus* «год» < **atnos* (ср. гот. *aþnam* «ἐνιαυτός»; атаþна «ἐνιαυτός», умбр. *aspu*, оск. *akenei* с диссимилятивным переходом *tn-* > *-cn*¹⁵) предложить цельноформульное сближение этр. *cleva etanal* (в этрусском тексте В, не имеющем точного финикийского эквивалента) ~ лат. *clavus annalis* (resp. * *clavos atnalis*). Интересно привлечь для сравнения контекст из Загребской пелены VII, 11, где гла-

¹⁰ *Blegen C. W. Troy and the Trojans. N. Y., 1963, p. 145; Page D. L. History and the Homeric Iliad. Berkeley — Los Angeles, 1959, p. 56; ср. Malten L. Aineias. — Archiv für die Religionswissenschaft, 1934, 29, № 5, S. 38.*

¹¹ Мы предпочитаем доверять этим авторам, а не Ликофрону и Дионисию Галикарнасскому, из-за непосредственного знакомства первых с легендами Лесбоса и переклички их конструкций с геродотовскими словами о лемносских пеласагах.

¹² *Немировский А. И., Харсекин А. И. Этрусское sal и его возможные латинские дериваты. — В кн.: Этимология 1966. М., 1968, с. 281 сл.*

¹³ К семантике *afr* «отцы», «предки» см. *Pallottino M. Saggi di antichità, II. Roma 1979, p. 791 sq.*

¹⁴ *Pallottino M., Colonna G. Scavi nel santuario etrusco di Pyrgi. — Archeologia classica, 1964, XVI, p. 56.*

¹⁵ *Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-me éd. P., 1979, p. 35.*

гольная (императивная?) форма *clevanth* соединена с модальным оборотом *enas usil' seřine* («как солище с.»). *Seřine* — глагольная форма от *seři* «воздвигать, ставить», обычно в строительных надписях, и сочетание сакрального акта *clevan-* (в *cluvenias* — явно вариант этой же основы, ср. параллелизм «умлаутных» форм *thamuce* ~ *themiaša* в тех же текстах из Пирги) с «воздвиганием» (восхождением?) солнца подкрепляет позиционный изоморфизм этр. *sal cluvenias* и финик. *zbh šmš* «жертвоприношение солнцу» в тексте из Пирги. Парадоксальным следствием предложенной этимологии является то, что в случае ее принятия обозначение ритуала «годового гвоздя», традиционно считающегося одним из проявлений этрусского влияния на латинскую обрядность, в самом этрусском приходится трактовать как раннее италийское заимствование¹⁶.

В комментарии к надписи на тессере из Рима начала VI в. до н. э. («эпоха Сервия Туллия») *agaz silqetenas spurianas* (с. 94 сл.; словораздел М. Паллоттино) автор высказывает едва ли справедливые сомнения в ономастическом характере формы *silqetena*. Во всяком случае, с титулом *zilc* оно вряд ли может как-то соотноситься уже потому, что этот титул никогда не пишется через *s*. Исходная форма здесь *silqete*, характерное этникон-образование на *-te* (ср. *tarchvetena* от *tarchvete* = лат. *Tarquiti*)¹⁷. При этом *silq-* помимо сомнительной параллели в *siluc-* на граффити из Вольсиний (SE, XXXV, p. 521, not. 7) перекликается и с лид. *Silukali-* «des *Silukas* (?)»¹⁸; последнее появляется в цепочке *Manelid Kumlilid Silukalid* «Манесово, сына Кумля, Силукова» на последней позиции, соответствующей позиции родового имени в этрусских развернутых ономастических формулах (показательно наличие этрусских параллелей к первым двум членам лидийской формулы: лид. *Mane-li* = этр. *manes, manesa*; лид. *Kumli-li* = этр. *cumlnai, cumlna* в Тарквиниях). Претензии имени на глубокую (праэтрусскую) древность косвенно подкреплялись бы тем, что один из старейших этрусских родов Спурина в римской надписи предстает лишь ветвью рода Силкетена.

Интересна и не несет в себе ничего неправдоподобного гипотеза о возможной связи внешнего вида тессеры, изображающей льва, с семантикой имени *agaz* («лев», «герой»?). Однако надо считаться со статусом формы *agaz* как локального варианта общэтрусского имени *aranth* (*-aranth*, лат. *Arruns,-ntis*), тем более что в VI—V вв. до н. э. в самой Этрурии известны лишь формы *aranth* (*aranth*); женский род *aranthia* (*aranthia*), и диалектный переход *th* > *z* (ср. поздние перузинские образования *arnzi, arnziu*) еще не засвидетельствован нигде, кроме этрускизованного Рима (здесь же зафиксирован вариант женского рода — *araziia*, TLE, 24). Исходить следует из древнейшего *aranth*, и поиски аналогий к отдельно взятому локально-римскому *agaz* в Передней Азии (каково, например, название Арцавы и т. д.) мы не считаем перспективными¹⁹.

Не кажется убедительной попытка автора (с. 97 сл.) рассматривать оборот *santi-c vinum* из текста Загребской пелены (X γ I, вариант *vinum santi*) как сочинительный со значением «*santi* и вино» (для *santi* допускается значение «вода»). Соединительная частица *-c* проникла в этрусский из индоевропейских языков (лат. *-que*, мик. греч. *-qe*, др. инд. *-sa*, лид. *-k*) вместе с правилом, по которому она ставится либо после обоих соединяемых слов (CIE, 511 *ara-c ati-c* «и отец, и мать»), либо после второго из них (TLE, 511 *clan puia-c* «сын и жена»). В *santi-c vinum* (ср. род падеж XI, 2 — *vinum santis-ts*) она явно присоединяет оба слова вместе к какому-то предшествующему слову в поврежденной части текста (конструкция типа лат. *vetus-que vinum*). Поэтому *santi* — определение при *vinum* и обозначать воду не может. Кстати, *vinum santi* появляется лишь в конце текста, тогда как в начале и в середине фигурирует *vinum husina* (III, 4; 20; VIII, 4; 5). Похоже, этрусский ритуал различает два вида или две функции сакрального вина.

Автор толкует выражение *tular rasnal* на пограничных камнях (*rasna* = *Ῥασέννα* — самоназвание этрусков по Dion. Hal., I, 30 и недавно найденной этрусско-греческой

¹⁶ О *clavus* «гвоздь» как (кельто-) италийской инновации см. Гиндин Л. А., Цым бурский В. Л. Рец. на кн.: Peruzzi E. *Musceneans in Early Latium*. Roma, 1980. — ВЯ 1984, № 1, с. 129.

¹⁷ *Rix H.* *Das etruskische Cognomen*. Wiesbaden, 1963, S. 234.

¹⁸ *Gusmani R.* *Lydische Wörterbuch*. Heidelberg, 1964, S. 196.

¹⁹ В Северо-Западной Анатолии интерес представляет бебрикское имя *Ῥαρίτας* (*Detschew D.* *Die thrakische Sprachreste*. Wien, 1957), если оно не из кельтского. Но кельтские формы *Arantius, Arantillus* сами, скорее всего, итало-этрусского происхождения (ср. этр. *arnziu, arnzile* < **Arantiu*, < **Arantile*, лат. *Arruntius*).

«биллингве из Дельф²⁰) как «границы государства» в отличие от *tular spural* «границы города» (с. 89). Это толкование кажется верным. Для уточнения семантики *gasna* существенна структура титула *zilath mechl gasnal*, где *zilath* (варианты *zilc*, *zil-*) — раннее заимствование, родственное хат. (*tittah*)-*zilat* «(большой) трон»²¹ и означающее «сидящего на троне», ср. позднее заимствование *δρόνα* < греч. *θρόνος* «трон», по Гесирию — *ἀρχὴ ὑπὸ τῶν Τυρρηγῶν* «власть, должность у тирренов»²² (вероятно, калька с *zilath*). В одном месте (с. 92) автор пересказывает названный титул словами «претор объединения государств»; ср. у А. Пфиффига попытку реконструкции *mechl gasna* = лат. *res publica*²³; но чередование словосочетаний *mechl gasnal* ~ *mechl gasneas* наводит на мысль о *gasnea* как согласованном адъективе (при несогласованном определении *gasnal*, ср. *tular gasnal*, но с другой стороны, — склонение формулы, обозначающей некое публичное установление, в TLE, 570 a, 21 sq.: ... *tesne rasne cei tesns teis gasnes*) и о возможности вместо **mechl gasna* восстановить исходную форму **mechl gasnal* (= **mechl gasnea*). Сам автор ниже (с. 112), опираясь на биллингву из Пирги, вслед за А. И. Харсекиным принимает *mechl* = финик. *mlk* «царь»²⁴ и соответственно дает для *zilath mechl gasnal* перевод: «претор (собственно «сидящий на престоле». — В. Ц.) за правителя-царя государства» (ср. лат. *pro rege*); см. Dion. Hal., *ibid.*:... *σφῆς αὐτοῦς ἐπὶ τὸν ἡγεμόνων τινός Ρασέονα τὸν αὐτὸν ἐκείνῳ τρόπον ὀνομάζουσι* «при некоем вожде Расеине называют себя подобно ему». Толкование *gasna* как обозначения «государства», т. е. исконно — множества людей, объединяемых в одно царство, и области, на которую распространяются царские полномочия, возвращает нас к известной этимологии слова как древнего восточноиндоевропейского (сатемного) заимствования в праэтруссский из **gēg(e)no-*²⁵; ср. др. инд. *gājā* «царь», род. падеж *gājnah*, лат. *gex* «царь», *regnum* «царство», фрак. *Ῥῆος* и т. д.

В главе III «Этрусское общество и государство» автор в согласии с Г. Риксом и рядом других этрускологов говорит о существовании в Этрурии системы полисов, опирающейся на организации полноправных граждан в каждом из городов (с. 102 сл.). По мнению автора, эта система, во внешних атрибутах проникнутая пережитками архаических концепций царской власти, сложилась в ходе освоения этрусками италийских территорий как средство контроля над зависимым населением (с. 118 сл.). Для этрусских полисов характерны хозяйственная специализация (при огромной роли внешне-торговых связей, с одной стороны, и крупной земельной собственности — с другой), господство аристократических фамилий, растущее имущественное расслоение (с. 105 сл., 118—124)²⁶.

При изучении уклада этрусских 12-градий (для которых указываются точные типологические параллели в племенном и государственном устройстве многих народов Эгеиды и Передней Азии — с. 106—112) важным источником служит вергилиевское описание устройства Мантуи (Aen. X, 201 сл.), отражающее, по Сервию, территориальную структуру всего северного (паданского) 12-градия, разделенного на три большие территориально-племенные группы (*gens ... triplex*; по Сервию — трибы) по четыре племени в каждой (*populi ... quaterni*; сервиевские курии). Поскольку сама эта структура явно скопирована с основного 12-градия между Тибром и Арио (не случайно Сервий ссылается на 12-частное членение «всей Тусции»), допустимо думать, что и последнее, эксплицируя внутреннее членение этноса, могло представлять как бы проекцию на карту страны схемы идеального общэтрусского поселения. Условный характер этой

²⁰ *Torelli M.* — In: *Progetto Etrusco*. I. Firenze, 1984, p. 70.

²¹ *Linderski J.* *Etruskische Etymologien zilath und purth.* — *Glotta*, 1962, 40 S. 150 f.

²² *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 191; см. также *Brandenstein W.* *Tyrrhener.* — In: *RE*, 1917: *gasena* = *publicum*, also «staat» (vielleicht «Königreich»).

²³ *Pfiffig A.-J.* *Die etruskische Sprache*. Graz, 1969, S. 295.

²⁴ *Харсекин А. И.* Этр. *mechl thuta* = оск. *meddiss tuvtilks.* — В кн.: *Этимология 1966*. М., 1968, с. 286.

²⁵ *Георгиев.* Ук. соч., с. 190 (ср. с 196 — о характере слова как явного заимствования).

²⁶ Некоторые положения книги получили детальное развитие в статье: *Немировский А. И., Цымбурский В. Л., Ф. Энгельс* о римском роде и некоторые проблемы современной этрускологии. — ВДИ, 1984, № 3, с. 3 сл.

структуры подтверждается и невозможностью уложить в 12-градную схему реальное число крупных городов Этрурии. Весьма правдоподобно выглядит принимаемая А. И. Немировским примерная карта полисных границ (с. 104), на которой некоторые из «городов» 12-градия включают по нескольку реальных городов. В частности, предварительные наблюдения автора рецензии над дистрибуцией этрусских родовых имен подтверждают возможность включения Кортоны, Клузия и Перузии в один полис (примечательно, что противопоставление межевых знаков *tular spurai* и *tular gasnal* до сих пор засвидетельствовано лишь в окрестности Кортоны, где границы города могли реально не совпадать с рубежами трехчастного полиса). Не вполне ясно отношение к этому «полису» соседствовавших с Клузией Вольсиний, на территории которых обнаружено погребение человека, отправлявшего в Клузии функции правителя, см. TLE, 233: ...*mes-hlum gasneas clevsinsil zilachnve*. Указанная карта может быть, на наш взгляд, уточнена включением в земли 12-градия небольшого участка к северу от Арно с традиционно тирренской Пизой (ср. *Lycophr.*, 1359 sq.; *Dion. Hal.*, I, 20; *Serv.*, *Aen.* X, 179) и, по-видимому, Лукки, где новейшие открытия выявили мощный этрусский культурный слой²⁷. Думается, преобразование в I в. до н. э. 12-градия в «союз 15 городов» может быть связываемо не столько с приемом в союз новых городов-членов, ибо трудно представить причины территориального разрастания Этрурии, утратившей как политическую независимость, так и хозяйственную целостность (о чем говорит упадок мелиоративной системы), сколько с разложением старых полисов и выделением реальных городов в самостоятельные муниципальные единицы.

Глава IV «Этруски на морях» дополняет предыдущую картиной изменения «веса» Этрурии на протяжении VII—III вв. до н. э. в балаясе сил, борющихся за господство в западнотирренском бассейне. А. И. Немировский тонко обосновывает прямую связь явлений, часто представляющихся исследователям несовместимыми: заката этрусской государственной талассократии и одновременной неслыханной активизации этрусского пиратства в IV—III вв. до н. э. В последнем он вслед за Страбоном (V, 2, 2) усматривает признак политического (а в основе — хозяйственного) кризиса Этрурии, во многом обусловленного греческой блокадой побережья Тирренского моря в V—IV вв. до н. э.: когда этрусские государства перестают контролировать положение в этом бассейне, развязывается инициатива отдельных этрусков, снаряжающих на свой страх и риск пиратские корабли и разбойничающих в Адриатике, а иногда и в Эгейде. Надо отметить, что обрисованный автором процесс шел, по-видимому, в два этапа: сперва закрытие западнотирренских торговых путей переориентировало этрусскую торговлю на север, в Центральную и Юго-Восточную Европу, что в конечном счете увеличило влияние падающих городов²⁸; и уже в дальнейшем нашествие кельтов (в начале IV в. до н. э.), разорившее ряд этрусских центров и нанесшее сокрушительный удар по северной торговле этрусков, стимулировало преобразование адриатических портов в пиратские базы. В целом А. И. Немировский убедительно трактует историю этрусского мореплавания как важнейшую часть общей «истории величия и падения» торгово-аристократической полисной государственности этрусков.

Главу V «Этруская мифология и религия» характеризует стремление проследить в различных областях культуры и быта (от устройства агрия до узоров на зеркалах) преломление единой картины мира, находящей религиозно-мифологическое выражение в образе «мирового храма». Очень показателен в этом плане анализ люстры из Кортоны в форме спящего древесного ствола, заключающего в центре голову Горгоны — мотив подземного мира — с примыкающими парами пожирающих добычу хищных зверей (с. 175—180).

В замечаниях по поводу загадочного рассказа Псевдо-Аристотеля о городе Ойнарее в центре Тиррении, окружающем «великую гору», А. И. Немировский первым пришел к выводу об отражении в этрусской космологии мотива «мировой горы» (с. 135 сл., 173); отталкиваясь от этих наблюдений, автор рецензии с учетом всего контекста по-

²⁷ Материалы раскопок см.: *Progetto Etrusco...*, p. 161—165.

²⁸ *Szilagyi J.* Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden. — *Acta antiqua*, 1952, I, S. 419 f. Однако надо иметь в виду, что торговые пути в иллирийский ареал к юго-востоку от Альп этрусски проторили уже в VIII в. до н. э., наглухо закрыв сюда вплоть до V в. доступ конкурентам-грекам (см. *Stare F.* Etruscanti in jugovzhodni predalpski prostor. Ljubljana, 1975, p. 83—86).

вестования о ежегодном воцарении рабов в названном городе под «великой горой» оценил данный эпизод как пересказ фундаментального мифа, моделирующего устройство космоса в пространстве и времени с использованием соответственно универсальных мифологем «мировой горы» и «золотой ветви»; употребление имени *lethe* в качестве обычной клички этрусского раба позволяет усмотреть отголосок того же мифа в ликофоновском образе великой горы Летеона (Alex. 699—703), которая, поднимаясь к небу над загробным миром, поит водами всю Италию ²⁹.]

В книге обстоятельно анализируется этрусская концепция времени, различающая «века» отдельных городов (отсчитываемые от основания города промежутки времени, за которые в нем полностью обновлялось население, — Cens. 16, 5) и определяемые по особым знакам «века» этрусского народа в целом (Cens. 17, 6; Plut., Sulla, 7, 6). Начало этрусского летосчисления приходится на первую половину X в. до н. э. (автор определяет его на основании свидетельств Цензорина — 968 г. до н. э., однако при этом неизвестная нам длина восьмого века приравнивается к сообщаемой Цензоринном для седьмого века длине в 119 лет; допущение, конечно, условное). А. И. Немировский сомневается в наличии за этой датой какой бы то ни было исторической реальности (с. 190). Мы же, с определенной осторожностью относясь к труднодоказуемой гипотезе о внезапном завоевательном появлении этрусков на италийской земле и, напротив, скорее склоняясь к мысли об их постепенной инфильтрации в вилланованский культурный ареал (что подтверждается и непрерывным существованием некоторых этрусских городов по крайней мере с IX в. до н. э. ³⁰), более серьезно относимся к этой мифологической датировке «начала» этрусского этноса.

У нас вызывает некоторые сомнения приурочение автором начала этрусского года к марту по римскому образцу (с. 185 сл.). Единственный дошедший этрусский календарь — «Бронтоскопический календарь» Нигидия Фигула в переводе Иоанна Лида — открывается июньским новолунием. Помимо мотивировки Лида, указывавшего на знак Рака как на «дом» Луны, по-видимому, надо иметь в виду и замечательную близость этой даты к времени летнего солнцестояния ³¹.

Через всю книгу проходит резкая и в основном справедливая полемика против любых попыток обеднить духовное содержание этрусского искусства и мифологии, представить их продуктами неразвитого общественного состояния, а то и прямой вульгаризацией греческих традиций. В полном согласии с подзаголовком в книге рисуется движение этрускологии от этрусского мифа к научной истории — к успешной интерпретации текстов, к углубленному решению вопросов этрусского этногенеза, к правильному пониманию места этого народа в типологии обществ древнего мира и в истории средиземноморских культур. Это подлинно проблемное исследование, не только отразившее перспективы современной этрускологии, но во многом определяющее их.

В. Л. Цымбурский

²⁹ Цымбурский В. Л. Итало-этрасский миф о великой горе по античным источникам. — ВДИ, 1984, № 3, с. 141 сл.

³⁰ Colonna G. Nome gentilizio è società. — SE, 1977, XLV, p. 180 sq.

³¹ А. И. Немировский в докладе о бронзовой печени из Пьянченцы, прочитанном на конференции в Институте славяноведения и балканистики АН СССР весной 1985 г., посвященной проблемам древнего погребального обряда, предложил поправку к своей реконструкции этрусских менонимов (реф. кн., с. 185), сближая название для «апреля» *Sabreas* (в латинской передаче) с этрусским именем бога Солнца *cathe*. При оценке этого сопоставления необходимо учитывать: 1) озвончение инлаутных глухих спирантов в латыни (ср. ит.-этр. *thefri*, *thefarie* ~ лат. *Tiberis*, *Tiberius*; впрочем, и в самом этрусском известны случаи спорадического озвончения придыхательных; ср. CIE, 2563—2564: *lautnida* = *lautnitha* «вольноотпущеница»); 2) переход инлаутного *-dr-* > *-br-* в латыни, ср. *ruber* < **rudhros*, греч. *έρυθρος* и т. д.; из заимствований ср. греч. *χέλιδρος* «змея» ~ лат. *colubra*. Таким образом, сопоставление А. И. Немировского кажется очень удачным с формальной точки зрения, а также по ряду семантических соображений.

Источниковедение истории древнего Востока. Учебник для студентов исторических факультетов вузов. Под ред. В. И. Кузицина. М.: Высш. шк., 1984. 392 с.

Учебная литература имеет целью отразить новейшие научные достижения, дать своего рода «экстракт», выжимку из науки¹. Поэтому выход в свет каждого нового учебного пособия свидетельствует о новой ступени развития отрасли науки, о том, что накопленный количественно материал сделал возможным переход на более высокую ступень как в области научного знания, так и в вопросах методики, совершенствования подготовки молодых кадров квалифицированных специалистов, повышения качества образования.

Свидетельство этому — выход в свет первого отечественного учебника по источниковедению древнего Востока, подготовленного коллективом авторов под редакцией В. И. Кузицина. Эта работа продолжает серию учебных изданий по истории древнего Востока, предпринятых кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова².

В отечественной историографии создано четыре учебника по истории древнего Востока, в которые составной частью входили источниковедческие разделы. Однако роль их была различной. В курсе лекций Б. А. Тураева³ в разделе «Источники» упор был сделан на нарративные источники; кроме того, концепция ученого оставила за пределами изложения материал, касающийся Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Последний был включен в общее русло источниковедения истории древнего Востока в учебнике В. В. Струве⁴, однако характер и объем издания не дали возможности полностью осветить проблемы источниковедения. Новым этапом в учебно-методическом плане стала книга В. И. Авдиева⁵, в которой оформляется принцип типологической классификации как основа изложения источниковедческого материала в учебной литературе по древнему Востоку: в общем корпусе источников выделяются нарративные, эпиграфические и археологические, памятники местного происхождения и иноземные. Этот же принцип лежит в основе структуры источниковедческих разделов учебника «История древнего Востока» (М., 1979) и рецензируемой книги.

Необходимо подчеркнуть тесную взаимосвязь рецензируемого учебника с предыдущими книгами упомянутой серии: он позволяет расширить и углубить знания, почерпнутые из общего курса истории древнего Востока (причем среди его авторов — практически все авторы коллективной «Истории древнего Востока», что способствует логическому и структурному единству в изложении материала, взаимодополняемости и, несомненно, усиливает целенаправленность воздействия обоих учебных пособий); кроме того, значительная часть материала иллюстрируется в двухтомной «Хрестоматии по истории древнего Востока», которая не только в определенной степени дополняет аналогичное издание более раннего периода⁶, но превосходит его как в части подбора фрагментов источников, так и с историко-филологической точки зрения. Важность подобного комплекса учебной литературы для методики преподавания истории древнего Востока в высшей школе трудно переоценить.

Своего рода стержнем этого комплекса следует считать введения, предпосланные указанным учебным пособиям. Введение к «Источниковедению...» (автор — В. И. Кузицин) служит прямым продолжением введения к «Истории древнего Востока», написанного им же, и содержит теретическое осмысление основных проблем источниковедения истории древнего Востока, в частности такой важной проблемы, как «коллек-

¹ Коммунист. 1979, № 16, с. 48.

² История древнего Востока. Учебник. Под ред. Кузицина В. И. М., 1979; Хрестоматия по истории древнего Востока. Учебное пособие. Ч. I—II. Под ред. Коростовцева М. А., Кацнельсона И. С., Кузицина В. И. М., 1980.

³ Тураев Б. А. История древнего Востока. Курс лекций. Ч. I—II. СПб., 1911—1912 (впоследствии переиздавался).

⁴ Струве В. В. История древнего Востока. М., 1941.

⁵ Авдиев В. И. История древнего Востока. М., 1948 (1-е изд.), 1953 (2-е изд.), 1970 (3-е изд.).

⁶ Хрестоматия по истории древнего Востока. Под ред. Струве В. В., Редера Д. Г. М., 1963.

тивизм видения» (с. 10); во введении подняты вопросы о типологической, родовой и видовой классификации источников (с. 9—14), о методах практического источниковедения (с. 17—19) и др. Необходимо отметить особую важность такого рода теоретических разделов в учебных пособиях, поскольку эти разделы на уровне обобщения определяют современное состояние разработки важнейших проблем истории древнего мира и указывают перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

Значение рецензируемого учебника определяется прежде всего тем, что это первый в советской историографии опыт создания логически единого курса источниковедения древнего Востока, в основу которого положены принципы марксистско-ленинской теории познания, прежде всего — принципы объективности и историзма, курса, объединенного единством концепции, курса, свидетельствующего о вступлении отечественного источниковедения истории древнего Востока в новый этап развития, когда стало возможным объединение в единой системе результатов исследований различных вспомогательных исторических дисциплин и рассмотрение их с точки зрения наиболее общих приемов научной критики и методов работы со всей массой исторических источников в целях наиболее адекватного отображения исторического процесса⁷.

Значительное место отведено в рецензируемой книге источниковедению древнего Египта (раздел I, автор — О. Д. Берлев), что обусловлено как тем, что в распоряжении историков имеются многочисленные данные, освещающие историю страны на протяжении почти четырех тысячелетий, так и степенью изученности этих данных. Изложение материала автор ведет по крупным хронологическим отрезкам, соответствующим общепринятой периодизации. Оправданно выделены в отдельные параграфы источники по Первому переходному периоду, XVII—XVIII и XIX—XX династиям. В раздел включены материалы, сравнительно недавно введенные в научный оборот, что является его несомненным достоинством. В частности, речь идет о раскопках Гасуу, единственного известного орского порта, обнаруженного на побережье Красного моря (с. 34); особо автор останавливается на «Текстах проклятий» и связанной с ними проблематике (с. 36—37).

Отметим, что раздел I — единственный в рецензируемой книге, в композиции которого хронологический принцип доминирует над видовым. Классификация местных источников (гл. I—II) производится в рамках параграфов, посвященных определенным этапам истории древнего Египта, причем основное внимание уделено археологическим данным. Иноземные источники рассматриваются отдельно (гл. III). Это, видимо, обусловлено разнообразием и широтой корпуса источников по истории древнего Египта, их разноплановостью и дискретным характером.

Раздел II посвящен источниковедению истории древней Передней Азии. Авторам раздела удалось в небольших по объему параграфах осветить весь комплекс источникового материала по истории отдельных государств Переднего Востока. Закономерно выделение таких типов источников, как памятники письменные, вещественные, устного народного творчества и др. Внутри этих типов источников проводится четкое деление на виды и роды.

Глава V — «Месопотамия в древнейшую эпоху. Шумер и Аккад» (авторы — С. С. Соловьева и И. С. Ключков) — содержит сводку источникового материала по указанному региону. В § 1 достаточно полно и подробно рассматриваются результаты археологического исследования Месопотамии, которое дает возможность проследить последовательность ее освоения человеком и относительно достоверно воссоздать картину формирования раннеклассовых обществ на территории Месопотамии. Специальный параграф отведен анализу археологических источников по истории Месопотамии III тыс. до н. э. Здесь подчеркивается роль эпиграфических находок, собран воедино материал о раскопках древнемесопотамских городов и т. д. Отдельные параграфы освещают проблематику письменных источников, которые подразделяются на хозяйственные, юридические, научные тексты, памятники шумеро-аккадской словесности и др. В целом глава дает достаточно полное представление о всем комплексе источников, которые освещают историю Месопотамии с древнейших времен до конца III тыс. до н. э. Однако, на наш взгляд, глава не лишена также и некоторых недочетов. Например, судебник

⁷ Источниковедение истории СССР. Учебник. Под ред. Ковальченко И. Д. 2-е изд. М., 1981, с. 11; ср. Источниковедение истории древнего Востока, с. 5 слл.

Ур-Намму упоминается лишь в § 3, посвященном письменным источникам в целом, в то время как в специальном параграфе, отведенном юридическим источникам, материал об этом судебнике опущен. Существует определенное несоответствие в классификации между рецензируемой работой и упоминавшимся учебником «История древнего Востока» (М., 1979); так, в последнем «Стела коршунов» рассматривается как историческая надпись, в то время как в «Источниковедении...» она отнесена к разделу коммеморативных.

Следующая, VI глава (автор — И. С. Ключков) — «Аморейский и касситский Вавилон» — содержит краткую характеристику и анализ юридических документов (законы Эшнунны, Липит-Иштара, Хаммурапи), официальных надписей, деловых и дипломатических документов и т. д. Особое внимание привлекает параграф, посвященный литературным текстам, которые важны для изучения истории литературы древнего Востока и понимания духовной жизни вавилонского общества II тыс. до н. э.

Впервые в учебной литературе всесторонне рассмотрена совокупность источников по истории государств Мари и Митанни (гл. VII, авторы — Р. А. Грибов и С. С. Соловьева), а также по истории Аравии (гл. XV, автор — С. С. Соловьева).

Глава XI (авторы — Г. Г. Гиоргадзе, А. А. Вигасия, Г. А. Кошеленко) посвящена источникам по истории Хеттского царства. Среди общей массы письменных источников выделены царские анналы, государственные договоры, дипломатическая корреспонденция и др. Авторы отмечают меньшую разработанность источниковедческой критики правовых документов по сравнению с другими видами источников (с. 161).

Глава XIV — «Восточное Средиземноморье» (автор — И. Ш. Шифман) — содержит общую характеристику археологических источников по истории Сирии, Финикии, Палестины и Заиорданья, памятников письменности (архив Эблы, документы из Ала-лаха, Тель-Амарны, Угарита). Среди письменных источников по истории региона особое место занимают Библия и Талмуд, которым посвящен отдельный параграф, где подчеркнута их огромное значение для изучения социально-экономической и общественно-политической истории сиро-палестинского региона в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Среди иноземных источников по истории Восточного Средиземноморья автор выделяет египетские, а также отдельные сведения по истории региона в трудах Геродота, Диодора, Тацита.

Несомненно интересным и значительным является раздел, касающийся источников по истории Ирана и Средней Азии (авторы — М. А. Дандамаев и Г. А. Кошеленко) и включающий главы по Эламу и Мидии, Персидской державе и Средней Азии. История Элама и Мидии известна сегодня специалистам в основном по данным чужеземных источников, что объясняется тесными связями Элама и Мидии с этими государствами на протяжении всей их истории. Археологические исследования памятников эламской и мидийской эпохи были начаты лишь в 50-х годах XX в. Именно этим и объясняется краткость обзора источников по истории Элама и Мидии.

В следующей главе, посвященной источникам по истории Персидской державы, рассматриваются данные ахеменидских надписей, Авесты, иноземных источников (аккадских, арамейских, египетских текстов, Библии, сведений античных авторов — Геродота, Ктесия, Ксенофонта, Динона из Колофона, Страбона, Диодора, Арриана, Курция Руфа). Значительное место в главе по истории Персидской державы отведено обзору археологического материала из раскопок Персеполя и Суз, а также данным сфрагистики и нумизматики.

Принципиальный характер (несмотря на известную скудость источникового материала, как местного, так и иноземного) носит глава, касающаяся источников по истории Средней Азии, поскольку в ней сведены воедино данные, разбросанные по сотням монографий, и особо подчеркивается роль данных античной традиции относительно древней истории Средней Азии. Наряду с такими известными источниками по истории Средней Азии, как «История» Геродота, в параграфе анализируется «История Персии» Ктесия Книдского. Г. А. Кошеленко вслед за И. В. Пьянковым полагает, что сообщения Ктесия о существовании Бактрийского царства до ахеменидского завоевания Средней Азии отражают историческую реальность, «...а ряд рассказов Ктесия, которые раньше воспринимались как занимательные вставные новеллы, в действительности оказались передачей местной народной традиции» (с. 252). Наряду с указанными источниками анализируются данные о Средней Азии, содержащиеся в «Исторической.

библиотеке» Диодора Сицилийского и в «*Historiae Philippicae*» Помпея Трога. Автор указывает на особую значимость сочинений Помпея Трога для освещения истории возникновения Парфянского царства, а также для изучения военно-политической истории Греко-Бактрии. Важно, что Г. А. Кошеленко не ограничивается перечислением и описанием источников по истории Средней Азии, а указывает также основные направления, на которые следовало бы обратить внимание при работе с указанными источниками (с. 255, 257). (Такой подход характерен и для главы XVII «Персидская держава», автор которой М. А. Дандамаев.)

Географическая и другая специальная античная литература о Средней Азии выделена в отдельный параграф. Наряду с «Географией» Страбона здесь приводятся данные таких редко используемых источников, как итинерарий Исидора Харакского и «География» Птолемея. Особый интерес представляет параграф, посвященный китайским источникам по истории Средней Азии, где рассматриваются «Исторические записки» Сыма Цяня, «История старшего дома Хань» Бань Гу, «История младшего дома Хань» Дань Хуа. Г. А. Кошеленко, указывая на важность сведений, которые можно почерпнуть из китайских источников для освещения динамики сложных процессов, которые происходили в Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э., отмечает некоторые специфические особенности, которые следует учитывать при работе с китайскими источниками. К числу их отнесены не только особенности официальной китайской идеологии, которые нашли отражение в историографии, но и лингвистические (проблема соотношения китайских названий с названиями, известными из античной письменной традиции).

Парфянский архив из Старой Нисы, архив из Топрак-Калы и так называемые «старые согдийские письма» вместе с Бехистунской надписью, греческими надписями Ай-Ханум, бактрийскими и индийскими надписями кушанского времени объединены в значительный по объему параграф «Документальные материалы», который позволяет составить довольно полное представление об этих источниках.

Нельзя переоценить значения археологических источников для изучения древней истории Средней Азии, ее ремесла, торговли, сельского хозяйства и других областей хозяйственной деятельности населения этой территории. Параграф, посвященный археологическим материалам из Средней Азии, содержит информацию о раскопках, произведшихся в последние десятилетия, и о способах интерпретации археологического материала.

Впервые в учебной литературе в рецензируемом пособии в IV разделе «Южная Азия» представлен индологический материал (автор — А. А. Вигасин). Этот раздел позволяет составить достаточно полную картину современного состояния данной отрасли индологии. Большое внимание уделено археологическому материалу, касающемуся индской цивилизации, а также периода середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э., нумизматическим источникам. В разделе о «ведийском периоде» подняты важные для современной индологии проблемы — отношение к комментаторской традиции и соотношение формы и общего содержания источника и характера сообщаемых в нем сведений. Обращает на себя внимание гл. XX, посвященная литературным источникам середины I тыс. до н. э. — середины II тыс. н. э. Значительное внимание уделено в ней грамматическим сочинениям, составным частям кальпасутр, литературе шастр. Касательно последней следует особо отметить поднятую автором проблему соотношения литературы артхашастры и дхармашастры (с. 285—286), подробно освещенную в недавно вышедшей книге⁸. Автор раздела справедливо указывает на то, что «...для большинства литературных источников древней Индии принципиально невозможно установление авторства и точной датировки» (с. 272), и в дальнейшем изложении придерживается выдвинутой им концепции в области относительной хронологии. В гл. XX преодевается взгляд на шастры как на «сборники законов», своего рода кодифицированное право, утвердившийся было в отечественной учебной литературе. Это позволяет обратить особое внимание на композицию шастр, ее логическую обусловленность, которая не оставляет места для «...беспорядочного смешения права с религиозно-этическими наставлениями»⁹. Особый параграф в гл. XX отведен Артхашастре.

⁸ Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 37—48, 220, 229.

⁹ Там же, с. 38—39.

Автор раздела неоднократно отмечает особенности вышеперечисленных видов литературных источников, прежде всего их абстрактный и теоретический характер, и затрагивает вопросы генезиса традиции шастр. Все эти проблемы имеют большое значение как в источниковедческом, так и в методическом плане¹⁰. Весьма обстоятельно рассмотрены в разделе буддийские (к которым можно было бы добавить санскритские джатаки Арья Шуры) и джайнские источники, изучение которых важно не только с точки зрения становления и развития соответствующих религиозных течений (с. 295, 298), но, как нам кажется, и для реконструкции ряда исторических деталей, касающихся ортодоксального брахманического общества, в частности, при рассмотрении ряда историко-хозяйственных и историко-правовых проблем. Это же уточнение мы относим и к материалам древнеиндийской драмы и литературно-дидактической прозы («Панчатантра»).

Оправдано большое внимание, уделяемое материалам эпиграфики, так как в условиях отсутствия в древней Индии собственно исторических повествований надписи представляют собой один из немногих примеров отражения реальных исторических событий, в частности маурийского и послемаурийского периодов.

Несомненная важность для изучения истории древней Индии иноземных источников, но также определенная тенденциозность и ограниченность последних обусловили их место в разделе IV рецензируемого учебника (с. 314—320). Прежде всего речь идет о работах античных авторов, начиная со Скилака Кариандского, Геродота и Ктесия Книдского. Заметное место в разделе об иноземных источниках по истории древней Индии отведено китайским (Фа Сянь, Сюань Цзан), сасанидским, армянским (Фавстос Бюзанд, Егише, Мовсес Хоренаци; здесь же следовало бы упомянуть и Зеноба Глака) материалам, а также средневековым источникам, причем последние три группы ранее в учебной литературе не рассматривались.

Важные методологические вопросы работы с источниками подняты в разделе VI — «Китай и Юго-Восточная Азия» (автор синологической части — М. В. Крюков). Прежде всего это вопросы «внешней критики» древнекитайских источников, проблемы, встающие при анализе эпиграфического и археологического материала, касающиеся, например, датировки, атрибуции археологических памятников доиньской и раннеиньской эпохи, развития общинных структур в раннем Китае. Изложение в разделе ведется по последовательной хронологической схеме, внутри которой рассматриваются видовые категории источников, причем письменные памятники, в свою очередь, в соответствии с методическими установками, которых придерживается автор раздела, подразделяются на три основные логические группы: собственно исторические сочинения, произведения древнекитайских философов и литературные памятники. Особо выделяются «Исторические записки» Сыма Цяня, подчеркивается примененный им историко-критический метод. Обращает на себя внимание ряд посылок, касающихся развития социального расслоения древнекитайского общества, возникновения и развития отношений зависимости (и связанного с ними дуализма «китайцы — варвары»), различных форм эксплуатации и их отражения в источниковом материале разных видов (с. 355, 362, 364—367, 371). Следует признать удачным выделение автором круга материалов, которые могут служить этнографическими источниками (с. 361, 368).

В методическом плане важно отметить возможность комплексного использования синологического материала «Источниковедения...» и ряда древнекитайских документов из хрестоматийных изданий последних лет¹¹. Необходимо отметить, что часть этих документов относится к тем источникам, перевод которых на русский язык ранее не выполнялся.

¹⁰ См. материалы дискуссии о проблемах истории права — НАА, 1984, № 2, с. 88—110; № 3, с. 62—87; особенно выступления Л. Б. Алаева, А. А. Вигасина, Л. С. Васильева и ответ В. А. Якобсона.

¹¹ См. Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 2. М., 1982, с. 156—222. Необходимо упомянуть также изд.: Крюков М. В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М., 1978; это первое на русском языке пособие для изучения ваньяня; тексты, содержащиеся в этом учебнике, охватывают всю историю древнекитайского языка (XIV в. до н. э. — V в. н. э.), представлены в определенной хронологической последовательности и могут быть использованы в качестве иллюстративного материала при рассмотрении многих проблем, затрагиваемых в «Источниковедении...».

В главе XXV (автор — Д. В. Деопик), посвященной источниковедению истории древней Юго-Восточной Азии, обращает на себя внимание имеющий принципиальное значение вывод о возможности и необходимости компенсировать недостаток нарративных источников данными этнографии (с. 371). Заслуживают внимания соображения о причинах отсутствия в странах Юго-Восточной Азии сложившейся хроникальной традиции (с. 372—373), в частности, широко признанное в современной зарубежной литературе мнение о значительном индийском и китайском культурном влиянии, а также о воздействии этих культурных волн на дальнейшее развитие различных видов нарративных источников в странах региона.

Нам кажется, что автор главы не совсем последовательно проводит точку зрения о значимости для исторического исследования стран Юго-Восточной Азии этнографических источников. Так, он ссылается, например, на важнейшие публикации камбоджийских надписей — книги Ж. Кёдеса (в тексте ошибочно — Ж. Сёдес — с. 373) и Р. Маджумдара, но ни словом не упоминает такой первостепенной важности источник по этнографии Индокитая, как документы миссии О. Пави¹². Следует, однако, отметить, что, как верно указывается на с. 380, изучение источников по древней истории стран Юго-Восточной Азии только начинается. Глава XXV рецензируемого учебника в целом адекватно отражает современное состояние этой отрасли источниковедения истории древнего Востока.

К числу несомненных достоинств рецензируемого учебника следует отнести определенное отступление от традиционных канонов построения подобного рода пособий. Это выразилось, в частности, в том, что учебник содержит целый ряд принципиально новых глав (гл. VII — «Государства Мари и Митанни», авторы — Р. А. Грибов, С. С. Соловьева; гл. X — «Древнейшая Малая Азия», авторы — С. С. Соловьева, А. А. Вигасин; материалы по Троянскому и Фригийскому царствам в гл. XII, автор — С. С. Соловьева; гл. XV — «Аравия», автор — С. С. Соловьева; гл. XXV — «Юго-Восточная Азия», автор — Д. В. Деопик; материалы по Закавказью в гл. XIII — «Государства Закавказья второй половины I тыс. до н. э.>). В ряд разделов внесены новейший археологический материал (например, данные о раскопках в Вади-Хадрамаут в Южной Аравии, проводившихся в 1983 г., и др.). Однако учебник не лишен некоторых досадных пробелов. Так, явно недостаточен материал, касающийся Куша и Мероз, хотя эта проблематика в настоящее время чрезвычайно актуальна и в советской историографии ей уделяется большое внимание.

Одним из успехов авторского коллектива во главе с редактором учебника В. И. Кузициным следует считать введение в ряд разделов дискуссионного материала. Например, в разделе III, в тех местах, где речь идет об Авесте, Г. А. Кошеленко приводит в качестве общепринятой точки зрения позицию некоторых советских исследователей по вопросу о происхождении этого источника, суть которой состоит в локальной определенности ее генезиса (Средняя Азия либо Систан — с. 262). Но М. А. Дандамаев полагает (гл. XVII, § 2, с. 236), что традиция Авесты зарождалась разновременно и, возможно, в различных областях Ирана и Средней Азии.

Незначительные упущения разного рода не умаляют достоинств нового учебного пособия; они свидетельствуют скорее о том, что авторы его стремились не только констатировать достижения современной науки о древнем Востоке, но и осветить ряд проблем, до сих пор не нашедших своего решения. И это им, безусловно, удалось. «Источниковедение истории древнего Востока» представляет собой работу, несомненно удачную и состоятельную как с научной, так и с учебно-методической точки зрения. Следует полагать, что книга окажется полезной для тех, кто хочет расширить свои знания в области древней истории.

К. А. Аветисян, В. В. Симонов

¹² Mission Pavie. Indo-Chine. Etudes diverses. 3 vols. P., 1898—1919; Mission Pavie. Indo-Chine. Géographie et voyages. 8 vols. P., 1898—1919.

«ФИНИКИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ». МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В КЕЛЬНЕ

С 24 по 27 апреля 1979 г. в Кёльне (ФРГ) проходил Международный симпозиум по проблеме «Финикийская экспансия в Средиземноморье»; доклады его участников и дискуссии по ним были опубликованы в 1982 г. в VIII томе «Мадридских сообщений»¹. Доклады, как это явствует из содержания, довольно часто выходили за пределы указанной тематики и в этой связи размещены в томе в соответствии с четырьмя основными разделами: История и археология финикийцев в метрополии (с. 15—94); Финикийцы и финикийские поселения на Западе (с. 95—236); Финикийцы и греки: партнерство и конкуренция (с. 237—308); Иберийский полуостров и крайний Запад (с. 309—444).

Большинство поднятых на симпозиуме тем составляют так называемый «финикийский вопрос». Его основные аспекты по-разному освещены в томе и могут быть сформулированы следующим образом: исторический фон финикийской колонизации и экспансии в Средиземноморье; основные направления, структура и масштабы финикийской колонизации; этнические и социокультурные контакты; международные связи в ходе колонизации. О сложности этого «вопроса» и актуальности его изучения свидетельствует многочисленная специальная литература, появившаяся в последнее время, в том числе и ряд защищенных диссертаций².

Историческим условиям в метрополии накануне колонизации и ее причинам посвящен основной доклад В. Реллига «Финикийцы метрополии ко времени колонизации». Автор ограничивает хронологические рамки своей темы XIV—VIII вв. до н. э., что в общем соответствует поднятой им проблематике. Весь этот период автор довольно традиционно разделяет на три этапа: XIV—XIII вв., XII—X и X—VIII вв. На первом из этих этапов финикийские центры, судя по данным амарнского архива, были довольно многочисленны и значительны. Письменные источники содержат вполне определенную информацию о заселении левантийского побережья, о внешних связях Финикии, однако несут в себе практически нулевую информацию о структуре городов и их экономике. Еще одно «темное пятно» — нашествие «народов моря» и последующий за ним период. Для этого времени, правда, уже известно, что крупные финикийские центры (подобно Библу) занимались торгово-посреднической деятельностью. Они экспортировали сырье, прежде всего древесину (кедр), а ввозили драгоценные металлы. На исходе «темных веков» (IX в., судя по контексту, см. МВ, с. 23—25) в финикийской торговле наметились значительные структурные изменения: происходит переход от экспорта сырья к экспорту готовых продуктов (Fertigware). Именно благодаря этому повороту в торговле, полагает автор, финикийцы обращаются к колонизации. Уже у Гомера финикийцы упоминаются в качестве торговцев и ремесленников. В этом смысле основным стимулом финикийской колонизации следует считать поиск не «рынков», а «источников сырья» (с. 26).

Для решения вопроса о том, была ли тяга к источникам сырья главным и единственным стимулом финикийской колонизации, автор обращается к анализу ассиро-финикийских отношений. Изменения культурного и политического ландшафта на Ближнем Востоке в результате ассирийской экспансии, подчеркивает он, не могли не сказаться на эволюции Финикии (в частности, это привело к политической переориентации ее городов), однако этот процесс никак не сказался на торговле, поскольку структурные изменения в ней произошли несколько раньше ассирийской экспансии. И в этом плане финикийская колонизация не была простым продолжением ассирийской экспансии в Левант.

¹ Phönizier im Westen. Die Beiträge des Internationalen Symposiums über «Die phönizische Expansion im Westlichen Mittelmeerraum in Köln vom 24. bis 27. April 1979. — Madrider Beiträge. B. VIII. Mainz am Rhein, 1982. 456 S. (далее — МВ).

² См., к примеру, Циркин Ю. Б. Финикийцы в Испании. К проблеме культурных контактов в древнем Средиземноморье. Л., 1978; Lindemühl G. Westphönikische Keramik des 7. und 6. Jhs. Diss. Freiburg, 1972; Grau-Zimmermann B. Phönikische Bronzekannen. Diss. Köln, 1977; González Wagner E. C. Fenicios y Cartagineses en la Península ibérica: ensayo de interpretación fundamentado en un análisis de los factores internos. Diss. Madrid, 1983, и др.

Уже в ходе дискуссии по докладу В. Реллига участниками симпозиума было обращено внимание на искусственность авторской схемы. Так, Г. Нймайер подчеркнул, что одной причиной никак нельзя объяснить финикийскую колонизацию и что следует принимать во внимание целый ряд коррелирующих факторов. К их числу в равной степени должны относиться поиск рынков сбыта, источников сырья, демографический рост метрополии и др. (с. 30). Но даже после этой оговорки анализ причин колонизации остается далеко не завершенным. У нас нет данных о демографическом росте финикийских центров на протяжении IX—VIII вв. до н. э., чтобы по аналогии с предколониационной Грецией можно было бы выделять «демографический взрыв» в качестве одной из магистральных предпосылок последующего колониационного движения. Более того, исследование Л. Марфоу долины Бекаа показали, что население там сокращалось от железного века I ко II, так что объяснение причин финикийской колонизации давлением хинтерланда на прибрежную зону также не может быть принято³.

Так или иначе в ходе дискуссии не удалось создать новой «синтетической» объясняющей модели финикийской колонизации. Очевидными для участников симпозиума остались стимулы, связанные с торговлей, в форме поиска как рынков сбыта финикийской ремесленной продукции, так и источников сырья для нее же. Эта традиционная схема «торговой колонизации» повисает в воздухе, поскольку вовсе не выясненной остается предыстория структурных изменений в финикийской торговле, если таковые вообще были⁴.

Одним из ведущих докладов можно считать доклад С. Москати «Финикийская экспансия в Западное Средиземноморье». Главное место в нем занимает вопрос о ее структуре. Автор продолжает развивать свою идею о том, что нормой финикийской колониационной практики являлась организация ряда крупных поселений, игравших роль форпостов в проникновении финикийцев в важные сырьевые районы Запада, и затем — множества мелких поселений, группировавшихся вокруг них и являвшихся основными хозяйственными единицами сельского или городского типа (с. 6). Если в предыдущие годы С. Москати высказывал эту идею, не имея серьезной аргументации, то теперь она находит, по его мнению, солидные подтверждения на материале раскопок в Южной Испании (прежде всего в районе Соле), а также в Тунисе и Сардинии. Со временем основным центром и опорой финикийской колонизации Запада становится Карфаген (с. 7).

Не меньшее значение С. Москати придает вопросам периодизации и хронологии финикийской колонизации Западного Средиземноморья. В отличие от Дж. Бордмана, А. Дж. Грейэма и их сторонников-эллинофилов, стремящихся синхронизировать начальный период финикийской и греческой экспансий в западном направлении в рамках VIII в.⁵, С. Москати продолжает опираться на сведения античных авторов о появлении здесь финикийцев еще в конце II тыс. Современная археология, по его мнению, начинает добывать финикийский материал этого раннего времени: бронзовая статуэтка финикийского божества XIV—XIII вв. из Южной Сицилии, ряд финикийских изделий X—IX вв. из Сицилии, Сардинии и Южной Испании (с. 8—9). К тому же, резонно замечает автор, создание колонии почти никогда не совпадает по времени с возникновением первопоселения, от которого если и сохраняется археологическая документация, то обычно крайне незначительная (с. 8). После эпохи «народов моря» начинается период самостоятельного существования финикийской цивилизации на Западе. Оказавшись «оторванной от сиро-палестинского побережья», она «существенно меняет свое лицо» (с. 9). Логически связанным с этим представляется С. Москати другой вопрос: где проходил водораздел между собственно финикийским и карфагенским? В равной мере он отвергает и традиционную точку зрения об особой роли Карфагена на

³ Этот материал был приведен в выступлении Л. Стагера (МВ, S. 30).

⁴ Справедливости ради следует отметить, что В. Реллиг, не отрицая в принципе контактов Финикии с Западом во II тыс. до н. э., утверждает, что колонизация имела место лишь в железный век и началась с Кипра. Так, Б. Шефтон указал, что в таком случае придется отказаться от письменной традиции (*Diod.*, V, 20; *Mel.*, III, 46; *Strabo*, I, 2, 3; *Vel. Pat.*, I, 2), относящей начало колонизации Испании, в частности основание Гадеса, к концу II тыс. до н. э. (МВ, S. 29).

⁵ Boardman J. *The Greeks Overseas*. L., 1980, p. 210 f.; Graham A. J. *The Western Greeks*. — САН, v. III. 3. Camb., 1982, p. 186—188.

Западе со времени возникновения города ⁶, и получающую все большее распространение идею о его усилении после обоснования на Балеарах в 650-х годах ⁷. Наиболее приемлемым ему представляется VI в., открывший эру собственно карфагенского завоевания Западного Средиземноморья. К этому времени он относит основание карфагенянами целой сети пунктов в стратегически важных местах: на Мальте, Сицилии, Сардинии, Пантеллерии, в Иберии (с. 10). Не позднее рубежа VI—V вв. в непосредственной близости от Карфагена возникают три крепости, располагавшиеся в устьях рек, на мысах, удобных для контроля над плодородными землями округи. Именно с этого времени полностью меняется характер пунийского освоения Запада. Если финикийцы видели основной смысл своей деятельности в приобретении металлов Иберии с их последующей перепродажей, то карфагеняне наладили их самостоятельную добычу и сделали многое для развития сельскохозяйственного производства (с. 12).

Не отказываясь от традиционной оценки финикийской колонизации Западного Средиземноморья как значительного явления в античной истории, С. Москати считает целесообразным подходить дифференцированно применительно к каждому из двух ее самостоятельных этапов. Это означает для автора, что до VI в. финикийцев интересовал только дальний Запад как богатый и никем не освоенный источник сырья. Они добывали серебро в Южной Иберии, олово — в Иберии, Бретани и Корнуэлле, золото — в Африке. Карфаген же всячески стремился создать такую мощную экономическую основу, которая позволила бы ему автономное и благополучное существование за счет господства в Западном Средиземноморье (с. 7, 11). В этом плане С. Москати даже считает возможным называть Карфаген предшественником Рима и его завоевательной политики (с. 12).

Авторы последующих выступлений трактуют проблемы финикийской колонизации Средиземноморья сообразно региональному принципу. Этот «цикл» открывается докладом В. Тузы «Финикийское и пунийское присутствие в Сицилии», где главным можно считать вопрос типологии финикийских колониальных оснований на Сицилии. Автор специально оговаривает, что в понятие «финикийское» он вкладывает все, появившееся с сирийского побережья, а родиной пунийского считает Карфаген (с. 95). С конца II тысяч. финикийцы имели на западном побережье острова серию крупных центров типа Мотия, Солутта, Панорма. На рубеже VIII—VII вв. они были добровольно уступлены грекам (с. 96). Финикийские поселения последующего периода не были столь значительными и оказали лишь культурное влияние на туземную округу. Карфагеняне, утвердившись в Сицилии, отвоевали у греков к середине VII в. Панорм и отвели ему роль посредника в торговле с греками и туземцами. В ином статусе существует с начала VI в. Мотия, ибо в этом центре наблюдается определенный симбиоз финикийцев с элимами, являющимися посредниками их торговой деятельности не только с туземцами, но и с греками (с. 103). Современная археология обнаружила на Сицилии еще несколько поселений типа Мотия: Маринео, Ерисе, Монте Полиссо и др. Контакты с греками характеризуются автором как враждебные, ибо уже в момент их появления в Восточной Сицилии финикийцы были вынуждены уступить им свои ведущие центры, а впоследствии греки предпринимали регулярные экспедиции завоевательного характера (Пентатл в начале VI в., Дорией в VI в., Дионисий в IV в.).

Идеи В. Тузы относительно Мотии получили развитие в работе Б. С. Дж. Иссерлина «Мотия: урбанистические черты». Автор стремится отобразить сумму аргументов для подтверждения тезиса В. Тузы о трансформации Мотии VII в. в торговое поселение (*trading post*) (с. 116). К основным археологическим показателям нового статуса поселения он причисляет сооружение в нем «оффиса» (*counting house*), возведение фортификации (с. 115, 117). Археологическое отсутствие рынка компенсируется, по его мнению, наличием стелы со сценой у городских ворот, где изображены торговые заведения и лавки. Широко используются Иссерлином типологические параллели с Тоска-

⁶ Эта точка зрения по-прежнему встречается как в советской, так и зарубежной литературе. См. Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976, с. 25, 95; Шифман И. Ш. Карфагенская держава в Западном Средиземноморье (I тыс. до н. э.). — В кн.: История древнего мира. Т. II. М., 1982, с. 439; Blázquez J. M. Panorama general de la presencia fenicia y púnica en España. — Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punic. V. II. Roma, 1983, p. 312.

⁷ См. Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983, с. 146—155.

носом, а также сопоставление некрополя Мотии с некрополями Трайамара, Утики, Карфагена и Кипра.

В докладе Ф. Барреки «Новые данные о финикийско-пунийской колонизации Сардинии» приводится материал раскопок автора 1978—1980-х гг., дополняющий картину семитского освоения Сардинии. Наличие в прибрежных поселениях типа Бифия архаической поры железного оружия и кремации (в качестве ведущего погребального обряда некрополя Бифии) является для автора достаточным аргументом в пользу раннего обоснования здесь финикийцев (с. 181). Он не сомневается в значительности их торгово-посреднической деятельности, так как в поселении помимо собственно финикийских присутствуют этрусские, греческие предметы и их туземная имитация конца VII — первой половины VI в. (с. 182). Автор приводит материал вновь раскопанных пунийских поселений (Кальяри IV—III вв., Сенобри V—III вв.) и их некрополей. В одной из пунийских могил типа *pozzo verticale* некрополя Кальяри была вскрыта роспись техникой *dipinto*. Роспись является первой на Сардинии и вообще одной из немногих пунийских IV—III вв. (с. 182). Приведенные данные, суммированные с ранее опубликованными⁸, позволяют автору сделать вывод о существовании двух семитских колонизаций Сардинии: финикийская датируется периодом до середины VI в., после чего начинается карфагенское освоение острова. Финикийцам удалось освоить лишь узкую прибрежную полосу острова, так как их поселения никогда не удалялись на расстояние более 20 км от берега моря. Карфагеняне, напротив, углублялись в горы, строили укрепления, создавали долговременные некрополи.

В плане типологизации финикийских поселений крайнего Запада несомненный интерес представляют исследования двух известных западногерманских археологов, ведущих раскопки в Южной Испании, — Х. Нимайера и Х. Шубарта. Х. Нимайер в докладе «Финикийское поселение Тосканос: предварительные итоги», не отказываясь от своего тезиса об особой роли Тосканоса в финикийской посреднической торговле, сформулированного им еще в 60-е годы⁹, предлагает весьма значительный материал для изучения эволюции Тосканоса из изолированного эмпория в «столицу эмпориев». Время возникновения этого эмпория датируется им IX—VIII вв. по аналогии жилой архитектуры эмпория с палестинскими строениями (с. 187). С середины VIII в. Тосканос вступает в урбанистический период своей истории: застраивается его торговая часть, возводятся складские помещения, развиваются ремесла и производство, в частности металлургия. Х. Нимайеру представляется возможным идентифицировать поселение этого периода с греческой Майнаке. В VII в. наблюдается распространение финикийского влияния из Тосканоса на прилегавшую к нему округу. Это фиксируется автором на основании раскопок военного, по его мнению, пункта, располагавшегося к северо-западу от Тосканоса и возведенного финикийцами для осуществления контроля над рядом небольших туземных поселений этой зоны типа *Serea Nuebla* (с. 204). Особо Х. Нимайер останавливается на выявлении связей Тосканоса с его прямым соседом, основанным финикийцами в VII в. Ему представляется возможным назвать это поселение «эмпорием эмпория Тосканос». Хотя для обоих и была характерна тождественность с точки зрения хронологии, происхождения и типологии, но Тосканос располагался непосредственно на побережье, а его «спутник» — в глубине долины. О постоянном присутствии в этой зоне финикийцев, как считает Х. Нимайер, говорят большой по площади некрополь, располагавшийся по обоим берегам Велеса, от которого к настоящему времени раскопано более 40 захоронений общей площадью 350 м² (с. 190).

Х. Шубарт в докладе «Финикийские поселения в Южной Испании» предлагает некоторое обобщение своих предшествующих работ по финикийской колонизации Испании, видя основную задачу в типологизации финикийских поселений на основе определения их хронологии, топографии, характеристики городского устройства и некрополей. Если к рубежу 1950—1960-х годов в Испании археологи определяли как чисто финикийское лишь одно поселение — Гадес, а остальные как соединение финикий-

⁸ *Barreca F.* La Sardegna fenicia e punica. — Simposio de colonizaciones. Barcelona, 1974, p. 23 f.; *idem.* Le fortificazioni settentrionali di Tharros. — *Rivista di Studi Fenici*, Roma, 1976, v. IV, p. 215—228.

⁹ *Niemeyer H. G., Schubart H.* Toscanos. B., 1969, S. 121—123.

ских и карфагенских элементов, то к настоящему времени исследовано по крайней мере 13 финикийских центров и ряд некрополей VIII — первой половины VI в. (с. 210 сл.). Наряду с городами, развивавшими торговлю и ремесло, выявлен ряд сельскохозяйственных поселений, находившихся в прямой зависимости от города (с. 210). Наиболее ранним из карфагенских образований Х. Шубарту представляется Эбес (с. 225). Специальное внимание автор уделяет характеристике финикийской деятельности в Восточной Испании. Он определяет ее как торговую и на основании ее многочисленных следов считает, что в будущем должны быть обнаружены и соответствующие по характеру поселения вплоть до Ульястрета на севере (с. 229). В попытке выяснения этнического типа колонистов-обитателей основных западнофиникийских центров автор не отказывается от традиционных представлений о тирийцах как основным этническим компоненте западнофиникийских колоний, но одновременно приводит значительный материал в пользу активной роли финикийских киприотов и северных семитов (с. 231). Сумма всех конкретных наблюдений приводит автора к подтверждению вывода, который уже завоевал определенные позиции в науке благодаря работам М. Альмагро Горбеа и Х. Феррона¹⁰, а именно: в создании западнофиникийской цивилизации большую роль наряду с Тиром и Сидоном сыграли северные районы Леванта (Аль Мина), южные (Akhziv, Khalde) и Кипр (с. 231—232).

В докладе М. Э. Аубет Землер «К проблематике ориентализирующего горизонта на Иберийском полуострове» была поставлена чрезвычайно актуальная проблема выяснения сущности ориентализма как культурного феномена и приведена характеристика его конкретных проявлений в Греции, Этрурии, Лации и главным образом в Тартессе. Автор считает, что в Греции ориентализирующее влияние ощущалось в заимствовании и развитии сюжетов, тем и идеологии, осуществлявшихся самими греками в силу их постоянного присутствия в Леванте (с. 309—310). В Этрурии и Лации ориентализация — более сложный феномен как «результат греческих, сирийских и финикийских влияний и импульсов, начавшихся прямым или косвенным образом с VIII в.». При этом в качестве доминирующего элемента исследовательница выделяет греческий, как уже испытанный определенное восточное влияние и преломивший его в той или иной степени. Носителями этого влияния в Этрурии и Лации автор считает греков Питекусс и Кум (с. 310). В Тартессе определяющим компонентом ориентализации выступает финикийский, из-за чего феномен становится гораздо более восточным, нежели ориентализирующим (*orientalischen als orientalisierenden*). Основным эффектом ориентализации в Тартессе М. Аубет считает эволюцию иберийского протогорода в собственно город в VII — VI вв. (с. 311, 320). Ведущим механизмом этого процесса она признает аккумуляцию.

Доклад Х. Бласкеса и Х. Вальенте ознакомил слушателей с материалами археологических раскопок поселения Ла Муэла (пров. Хаэн)¹¹ последних лет. Использование этих материалов вкуче с данными раскопок других поселений Верхнего Гвадалквивира позволяет ученым прийти к вполне аргументированным выводам о характере и степени ориентализации Северной Андалузии в сравнении с южной (см. с. 425—426). По их мнению, ориентализирующий период в Северной Андалузии начинается поздно и является как бы вторичным, развиваясь под влиянием одного из крупных центров Нижнего Гвадалквивира типа Уэльвы. Это влияние проявилось в интенсификации торговли с Южной Андалузией верхов туземного общества, желавших приобретать заморские либо имитировавшие их предметы роскоши, а также вино и масло, в последовательно развивавшемся процессе социальной стратификации и во все более регулярной «контрактации» специалистов-южан туземными вождями и жрецами для сооружения усыпальниц, святилищ, фортификаций. Свидетельством развития указанного варианта торговли Х. Бласкес и Х. Вальенте считают действительно красноречивое соотношение кружалной и лепной керамики (40:1, с. 425), а реальное подтверждение

¹⁰ *Almagro Górbеа M.* El Bronce final y el período orientalizante en Extremadura. Madrid, 1977, p. 149, 491; *Ferron J.* À propos de la civilisation phénicienne d'Occident.— *Latomus*, 1970, № XXIX, S. 1026 ff.

¹¹ *Blázquez Martínez J. M., Valiente Malla J.* El poblado de La Muela y la fase orientalizante en Cástulo (Jaen).— *MB*, S. 407—426. Сравнительную картину ориентализации Северной и Южной Андалузии подробнее см. *Blázquez*. *Panorama...*, p. 312—373.

присутствия ремесленников-строителей они находят в совпадении техники кладки стен туземных поселений Верхнего Гвадалквивира и Тосканоса, возведенных на рубеже VII—VI вв. и в VII в. соответственно (с. 426).

Изучению вещественных следов финикийско-пунийской деятельности в Марокко посвятил свое выступление М. Понзиш¹². Марокко представляется автору связанным с зоной Гадеса не только географически, но и исторически, так как они были одинаково сильно семитизированы еще в доримскую эпоху (с. 429—430). Финикийцы колонизовали их из необходимости максимально приблизиться к источникам сырья (с. 429), карфагеняне же наладили в плодородных долинах испанского Гвадалквивира и африканского Лукка развитое сельское хозяйство. В результате треугольник к западу от Гибралтара с углами в Танжере, Волюбилесе и Салэ был активно освоен. Об этом свидетельствуют более 20 пунийских поселений, вскрытых к настоящему времени, и порядка 10 предполагаемых на основании подъемного материала (с. 433). В отличие от Х. Шубарта (с. 228) М. Понзиш считает затруднительным отделение финикийского от пунийского. Распространенный до недавнего времени критерий — краснолаковые блюда¹³ — представляется ему недостаточным, так как все возрастающее число их прекрасных имитаций, осуществленных карфагенянами и туземцами, действительно ослабило его значение. Поэтому автор поддерживает традиционное представление о пунизации как о финикийско-карфагенской деятельности по освоению дальнего Запада и датирует ее VIII—VII вв. (с. 443—444).

Исследование этнических и социокультурных контактов в Средиземноморье в ходе финикийской колонизации на симпозиуме в основном сузилось к анализу греко-финикийских контактов. Центральное место в изучении этой проблемы занимает выступление Дж. Н. Колдстрима «Греки и финикийцы в Эгейде».

Историография этого вопроса прошла как бы две фазы. Первоначально, когда исследование велось преимущественно на базе письменной традиции, большинство специалистов постулировали как финикийские плавания, так и финикийскую колонизацию Эгейды. В дальнейшем, когда в результате археологических раскопок не удалось подтвердить ни одного из упоминаемых, в частности Геродотом, финикийских поселений, наступил период скептицизма. Факт присутствия финикийцев в Эгейском бассейне все больше подвергался сомнению, хотя невозможно было огульно отрицать очевидное заимствование греками финикийского алфавита, обильный восточный импорт и ориентализирующий стиль в искусстве. В 30-е годы скептицизм усилился, когда было выяснено, что финикийское искусство само страдало несамостоятельностью, а на греческое в свою очередь большее влияние оказало искусство Северной Сирии. Позитивный сдвиг наступил после открытия Аль Мины — греческого эмпория в устье Оронта. Многие эллинисты стали полагать, что инициатива в возрождении греко-восточных контактов принадлежит скорее грекам, нежели финикийцам. На посредническую роль Аль Мины списывали весь восточный импорт, заимствование многих идеологических представлений и идей, включая и алфавит. Так что возникла угроза свести финикийские плавания в Эгейде вообще на нет. Дж. Н. Колдстрим предлагает новую постановку этой проблемы и пытается решить ее в свете последних археологических открытий.

Автор выдвигает два аспекта проблемы: финикийцы-торговцы и финикийцы-ремесленники. Причем, как он утверждает, и в первом и во втором случае финикийцы опережали любую из самых ранних акций греков в Леванте (с. 263). Левантский импорт в Греции концентрируется в основных центрах: Керамик (Афины), Лейфанди (Эвбея), некрополи Коса и Кносса. Ранний импорт выпадает уже на IX век, что свидетельствует о регулярной финикийской торговле. Синхронный греческий материал на Ближнем Востоке слишком незначителен, чтобы можно было судить о его регулярности (с. 265). Более документально подтверждается им вторая гипотеза — о присутствии в Эгейде восточных ремесленников, вероятнее всего, оседание их происходило в первую

¹² Ponsich M. Territoires utiles du Maroc punique. — МВ, S. 429—444.

¹³ Историю возникновения этого критерия и имена его создателей см. *Guadrado E. Origen y desarrollo de la cerámica de barniz rojo en el mundo tartésico. — Tartessos y sus problemas. Barcelona, 1969, p. 257—258, 271.* В советской литературе этого критерия придерживается Ю. Б. Циркин (Финикийская культура, с. 51—52).

очередь на островах Крит, Кос, Родос¹⁴. В силу этого автор считает возможным сделать два основных вывода на предложенном им материале. Во-первых, налаживание контактов между греками и финикийцами в IX в. следует рассматривать лишь как своеобразную прелюдию к грандиозному ориенталистическому движению. Во-вторых, уже в середине IX в. существовал тесный контакт между греками и финикийцами, частично благодаря грекам, осевшим в Северной Сирии, но большей частью благодаря финикийским мастерам и торговцам, регулярно посещавшим Эгеиду (с. 272).

Концепция Дж. Н. Колдстрима в целом не вызывает особых возражений, хотя далеко не все участники симпозиума согласились с его трактовкой всего материала как финикийского; частично он был произведен в Египте и попал в Грецию через финикийское посредничество (с. 272). Но и это не принципиально. Колдстрим, как кажется, слишком преуменьшает значение раннегреческого материала в Восточном Средиземноморье, ибо геометрическая керамика обнаружена в значительном числе ближневосточных центров. Этот материал указывает на присутствие греков уже в IX в. в некоторых из этих центров. Не исключена возможность, что именно ими была привезена большая часть восточного импорта в Грецию.

Проблемам греко-финикийских контактов в Леванте посвящен доклад Р. Рийса «Греки в Финикии». Автор подводит итог более чем 50-летнему исследованию восточного направления греческой колонизации и на базе накопившегося материала пытается определить некоторые ее общие черты. Главная особенность левантийских греков, по мнению автора, заключается в том, что они не основали ни одного самостоятельного поселения, а вселялись в уже существующие восточные центры. Подобная практика основания квартала или части порта засвидетельствована уже для минойско-микенского освоения Леванта (с. 238).

Автор приводит каталог греческих поселений на левантийском побережье, на основании которого выдвигает интересную гипотезу о двух волнах греческой колонизации Востока. Первая (IX—VIII вв.) — ионийская. На этом этапе греки, преимущественно островного происхождения, осуществили некоторое число вселений, причем в это время они пребывали на Востоке в качестве наемников. Вторая волна наступает в конце VIII в. и представлена уже двумя линиями — дорийской (эгида Родоса) и ионийской (эгида Милета). На этом этапе греками на Леванте преследуются чисто торговые интересы (с. 253).

Концепция П. Рийса отличается большой самобытностью, хотя страдает излишней генерализацией. Далеко не все левантийские греки вселялись в восточные центры. Насколько можно судить по археологическому материалу из Аль Мины, она скорее всего была основана как самостоятельная урбанистическая единица, поскольку ее нижние слои содержат исключительно греческий материал¹⁵. С другой стороны, предположение П. Рийса о существовании первой волны греков-наемников на Востоке остается не более чем оригинальной гипотезой. С уверенностью можно идентифицировать лишь один памятник как форпост наемников, да и тот функционировал в последней трети VII в., а судя по материалу, его населяло смешанное иудейско-греческое население (восточные греки)¹⁶. Пока еще не известно, участвовали ли кикладцы в наемническом движении вообще и тем более на Востоке в IX—VIII вв.

Проблема контактов эвбейской колонии Питекуссы с северо-западом Леванта во второй половине VIII в. посвящен доклад Дж. Бухнера¹⁷. Автор стремится систематизировать и типологизировать материал, который был найден его экспедицией за время раскопок на о-ве Иския, для того чтобы обосновать идею о постоянном присутствии восточного этнокультурного компонента в Питекуссах, который, по его расчетам,

¹⁴ Гипотеза о миграции восточных ремесленников в Грецию высказывалась еще Г. Данбэбином (*Dunbabin T. J. The Greeks and Their Eastern Neighbours. L., 1957, p. 41 f.*). Однако он говорил о VIII—VII вв. до н. э., в то время как Колдстрим предлагает отодвинуть хронологические рамки этого процесса к IX—VIII вв.

¹⁵ *Gjerstad E. The Stratification at Al Mina (Syria) and its chronological Evidence.— Acta Archaeologica, 1974, v. 45, p. 118.*

¹⁶ *Naveh J. The excavations at Meşad Hashavyahu.— IEJ, 1962, v. 12, p. 98—99.*

¹⁷ *Buchner G. Die Beziehungen zwischen der euböischen Kolonie Pithekoussai auf der Insel Ischia und dem nordwestsemitischen Mittelmeerraum in der zweiten Hälfte des 8. Jhs. v. Chr.— MB, S. 277—298.*

составлял порядка 10% всего населения колонии, занимался простыми видами хозяйственной деятельности и имел статус типа метеков (с. 294). К концу VIII в. ряд северосемитских семей, населявших Питекуссы, мог эллинизироваться, о чем свидетельствуют два десятка алфавитных граффити, которые в равной степени могли принадлежать грекам и семитам. Так что присутствие восточных метеков в западных греческих колониях было таким же естественным явлением, как их присутствие в Греции в IX—VIII вв.

Б. Б. Шефтон в докладе «Греки и греческий импорт на юге Иберийского полуострова» стремится доказать наличие прямых греко-финикийских контактов на дальнем Западе в архаическую эпоху. Он систематизирует и картографирует весь имеющийся по этому поводу керамический и иной материал, располагая его по синхронистическому принципу (см. карты на с. 340, 347 и 349). Специальное внимание автор уделяет поиску и локализации аналогий. Избранная методика приводит его к заключению, что начиная со второй половины VII в. греческий импорт регулярно присутствует на дальнем Западе. Это аттические амфоры типа SOS, коринфская керамика, кипрская бихромная керамика. Ареал распространения этого материала охватывает Южную Испанию и атлантическое Марокко (с. 337—339). Основной морской путь, по которому он поступал, включает, по мнению Б. Б. Шефтона, Родос — Эгеиду — Южную Италию и Сицилию — Южную Испанию (с. 339). Поскольку этот итinerary обычно считается финикийским, то Б. Б. Шефтон соглашается с теми исследователями, которые утверждают, что ранняя греческая продукция должна была поставляться на Запад на финикийских и кипрских кораблях, а поздняя, аттическая — самими греками так называемым островным путем (с. 338—340). Не отказывается автор и от настойчиво развивавшейся в 1960—1970-е годы идеи о регулярном присутствии греков в Северной Африке (Ж. Берар и др.)¹⁸, хотя не считает возможным характеризовать это присутствие как колонизацию. Исключение составляют Кирена и ее округа (с. 353).

Выводы Б. Б. Шефтона находят полное одобрение со стороны ведущего испанского специалиста по керамике Южной Испании М. Палисера, написавшего доклад о керамике Нижнего Гвадалquivира¹⁹. Путем соотнесения материала одного из 39 раскопанных в бассейне Гвадалquivира поселений — Серро Макарено (провинция Севилья) — с общепринятой в современной испанской науке периодизацией истории доримской Испании (с. 373)²⁰ М. Пеллисер утверждает, что греки проявили свою максимальную самостоятельность и активность в Южной Испании в 500—425 гг., оставив немало следов своего присутствия (с. 395). В более раннее время они сотрудничали с финикийцами, а позднее — с пунийцами (с. 403)²¹.

Новые аспекты проблемы международного положения Карфагена на раннем этапе его истории выдвинула в докладе «Плавания Карфагена на Западе. Карфаген и Тартесс в VIII—VI вв.» К. Пикар²². По ее мнению, археологический материал позволяет говорить о «партикуляризме» Карфагена, т. е. о его независимости от союза финикийских колоний Южной Испании и Марокко и о наличии у него собственного круга союзников в зоне Туниса. Наиболее репрезентативным ей представляется керамический материал этих двух «секторов». Если южноиспанские финикийцы рано начали

¹⁸ *Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. P., 1960, p. 65.

¹⁹ *Pellicer Catalán M.* Las cerámicas del mundo fenicio en el Bajo Guadalquivir: evolución y cronología según el Cerro Macareno (Sevilla).— MB, S. 371—403.

²⁰ *Blázquez J. M., Presedo F., Javier Lomas F., Fernández Nieto J.* Historia de España antigua. T. I. Protohistoria. Madrid, 1983; *Almagro Górrbea.* El Bronce final..., p. 491—492.

²¹ Впервые это предположение было обосновано еще в 1960-х годах (*Maluquer de Motes J.* Fenicios en Cataluña.— Tartessos y sus problemas. Barcelona, 1969, p. 246 sg.). В настоящее время данная точка зрения получила развитие как в работах испанских специалистов (см., к примеру, *Arteaga O., Padro J., Sanmarti E.* El factor fenici a les costes catalanes y del de Lio.— *Els pobles pre-romans del Pirineu.* Puigcerdà, 1978, p. 129 sg.; *Els Orígens del món ibèric.* Simposi Internacional.— Ampurias, Barcelona, 1976—1978, passim, но особенно с. 157—210), так и французских: *Clavel-Lévêque M.* Marseille grecque. La dynamique d'un impérialisme marchand. Marseille, 1977, p. 19—20.

²² *Picard C.* Les navigations de Carthage vers l'Ouest.— MB, S. 167—171. На южноиспанском материале они получили самостоятельное развитие в исследовании Э. Гонсалеса (*Fenicios y Cartagineses...*, p. 26 sg.).

производить собственную керамику, о чем говорит керамика Тосканоса и карта ее распространения, то Карфаген зависел от поставок из метрополии и, шире говоря, с Востока вплоть до середины VII в. (с. 168). Значительно различается и греческий керамический импорт: в Испании и Марокко гораздо меньше коринфского, нежели в Карфагене и его округе, зато превалирует аттическая геометрическая керамика и амфоры типа SOS. Дополнительные подтверждения автор видит в архитектуре погребений и особенно в религии. В Гадесе основным божеством был Мелькарт, а в Карфагене большую роль играл Баал Хаммон (с. 169), следы Астарты более заметны в испано-финикийском ареале (подобно Сицилии и Сардинии), а Танит — в Карфагене (с. 169). Существенные различия демонстрирует западнофиникийское письмо, южноиспанский вариант которого (как и письмо Сардинии) представляется К. Пикар гораздо более близким к собственно финикийскому, чем к карфагенскому (с. 172).

Самостоятельное место уделено в докладе проблеме торговых связей Карфагена в VIII—VII вв. По характеру К. Пикар определяет их как посреднические, ибо морской транзит «Восток — Запад — Восток» включал на обратном пути обязательный заход в Карфаген (с. 170 сл.). На основе пока крайне немногочисленных находок раннекарфагенских ювелирных изделий в Тартессе и тартессийских вещей в древнейшем некрополе «колонии Дидоны» автор допускает наличие самостоятельных контактов между двумя зонами, основу которых составляли руды Тартесса (с. 170). Второстепенную роль по сравнению с двумя этими магистральями играл маршрут «Финикия — Египет — Сардиния — Карфаген», по которому обычно транспортировалась египетская продукция низкого качества (с. 171). Думается, что основная мысль исследовательницы покажется свежей советскому читателю, поскольку в отечественной литературе Карфаген и испано-финикийские города изучаются обычно в рамках единого стереотипа, без предложенной автором попытки противопоставления: «Гадес — Карфаген» для периода ранней истории последнего²³.

Ж. Ш. Пикар в своем сообщении «Перипл Ганнона»²⁴ вновь возвращается к проблеме аутентичности Ганноновой «лоции» западноафриканского «золотого пути». Напомним предысторию проблемы. Дискуссия по поводу подлинности памятника была открыта еще в 1880-х годах автором его первого стилистического анализа А. Токсье, осуществленного по единственно имевшейся в те времена византийской рукописи X в.²⁵ С новой силой полемика развернулась после публикации второго варианта Перипла Ганнона — так называемого Гейдельбергского манускрипта IX в.²⁶ Основной спор ведется вокруг вопроса о времени создания памятника и степени достоверности содержащейся в нем информации, а ключ к решению проблем видится современным исследователям, во-первых, в реконструкции конкретных условий плавания вдоль побережья тропической Африки и, во-вторых, в углублении лингвистического анализа Гейдельбергской версии²⁷. Ж. Ш. Пикар по первому пункту является противником R. Mauny, который, разобрав по древнепунийским лоциям естественные течения, ветровые режимы, конфигурацию западноафриканского побережья, а также реконструиро-

²³ См., к примеру, *Циркин. Финикийцы в Испании...*, с. 14: «На Западе тесные связи объединяли (курсив наш.— В. К., А. С.) финикийские города Южной Испании и Северо-Западной Африки. Время расцвета торговли с нею — VII—VI вв. В VI в. сюда проникают карфагеняне, которые несколько оттесняют финикийцев». См. также *Циркин. Финикийская культура...*, с. 20, 24—25 и др.

²⁴ *Picard G. Ch. Le Périphe d'Hannon.*— MB, S. 175—180. Впервые эта попытка была предпринята еще в 1960-е годы (*Picard C., Picard G. Ch. The life and death of Carthage. L., 1968, p. 92 f.*).

²⁵ *Tauxier H. Les deux rédactions du Périphe d'Hannon.*— *Revue africaine, Alger, 1882, p. 15—37.* Подробную библиографию см. *Diller A. The Tradition of the minor Greek Geographers. Oxf., 1959, p. 48—99 et p. 179 (Addenda).* Новую литературу см. *Desagnes J. Recherches sur l'activité des méditerranéens aux confins de l'Afrique (VI s. av. J. C.— IV s. ap. J. C.). Lille, 1982, p. 32, not. 2 et chap. VI, passim.* В советской литературе краткую справку о дискуссии на основании работ И. Ш. Шифмана (*Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.— Л., 1963; он же. Из истории пунийской литературы.— В кн.: Фольклор и литература народов Африки. М., 1970, с. 13—17*) см. в кн.: *История Африки. М., 1979, с. 23 сл.*

²⁶ Подробнее об этом и литературу см. *Diller. Op. cit., p. 12—13; Desagnes. Op. cit., p. 39 suiv.*

²⁷ Формирование этого метода исследования принадлежит такому крупному специалисту по морским итинерариям древности, как Ж. Дезань (*op. cit., p. 39*).

вав технические возможности древних кораблей, отрицает возможность возвращения из плавания, плавание так такое и, следовательно, аутентичность Перипла Ганнона ²⁸ (с. 177). Сам Пикар продолжает поддерживать мнение Дж. Каркопино и особенно Р. Лони ²⁹ (с. 177), которые утверждают, что в определенное время года в наиболее трудном для плавания районе (мыс Jubu — мыс Blanc) происходила благоприятная смена ветра, что позволяло грести против него, изменив предварительно позицию весел и выпустив прямоугольный парус по типу «манипуляций» судов на пути из Александрии в Афины при преодолении эфесских ветров. Он приводит также выводы специалистов о том, что пунийские суда были оснащены аналогичным римскому поворотным рулем ³⁰ (с. 177). Но даже, говорит Пикар, если принять мнение Ж. Дезаня об использовании руля-ахтерштевня ³¹, то расчеты показывают, что он не намного уступал по эффективности поворотному (с. 177—178) ³².

Осуществленный Ж. Ш. Пикаром текстологический анализ Гейдельбергского манускрипта приводит его к повторению вывода 1960-х годов о двухчастной структуре памятника (с. 179). Первая часть (§ 1—6) является собственно периплом или даже соединением двух пунийских итнерариев. Автору Гейдельбергского манускрипта она могла быть известной благодаря сохранившейся в Карфагенском святилище надписи, *gravée par Hannon*. Вторая часть представляется автору переводом фрагмента «Комментариев» Ганнона, упоминаемых Плинием (NH, V, 7, VI, 200). Ж. Ш. Пикар считает, что попытки его противников найти греческие первоисточники текста ³³ обречены на неудачу, за исключением § 7 рукописи, который является «неудачным истолкованием» Геродота (IV, 171—173). Принимаемая ими дата (200-е годы до н. э.) кажется Пикару неприемлемой для § 1—6 как крайне поздняя (с. 176). Ей не соответствует палеография, ее опровергает находка в 1974 г. клада римских монет IV в. до н. э. в Сан-Педро (с. 178). Сумма приведенных аргументов позволяет Ж. Ш. Пикару считать плавание Ганнона к Гвинейскому заливу реальным фактом карфагенской истории, а составленный им перипл — подлинным документом доримского времени, дошедшим, однако, лишь в конспективном варианте благодаря неизвестному автору III в. (с. 179—180).

Подводя итоги обзора основных работ, нашедших освещение в VIII томе «Мадридских сообщений», следует отметить, что большинство из них построено на удачном сочетании данных письменной традиции и массового археологического материала, частного источникового анализа при самой широкой постановке проблем. Это характерно в первую очередь для исследований Дж. Н. Коддстрима, П. Рийса, В. Реллига, В. Тузы, Ф. Барреки, Х. Нимайера, Х. Шубарта. Но даже те доклады на симпозиуме, в которых трактуются частные аспекты «финикийского вопроса» (доклады Б. Б. Шефтона, Х. М. Бласкеса, М. Аубет Земмлер, Дж. Бухнера и др.), представляют собой результат фундированного анализа археологического материала как основного, а нередко единственного источника его изучения. Не могут остаться без внимания сообщения К. и Ж. Ш. Пикаров, поскольку, несмотря на их лаконичность, они являются глубоко научными и проливают свет на проблемы контактов ведущих финикийских колоний Запада с туземным миром Испании и Африки вплоть до Гвинейского залива. При этом участниками симпозиума опускались и не обсуждались вовсе про-

²⁸ *Mauny R. Le Périphe d'Hannon, un faux célèbre.* — *Archaeologia*, P., 1970, XXXVII, p. 76—80.

²⁹ *Carcopino J. Le Maroc antique.* P., 1947² (Chap. «Le Marché punique de l'or (V—III s. av. J. C.)», p. 73—163); *Lonis R. Les conditions de la navigation sur la côte atlantique de l'Afrique dans l'antiquité: le problème de retour.* — In: *Colloque de l'Afrique Noire et monde méditerranéen dans l'antiquité.* Dacar, 1976, p. 147—162.

³⁰ *Rouge J. L'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire Romain.* P., 1966, p. 61; *Foucher L. Navires et barques figurés sur les mosaïques découvertes à Souste et aux environs.* P., 1957, p. 21 suiv.

³¹ *Desagnes.* Op. cit., p. 43.

³² Эти расчеты были приведены Пикаром раньше (*Picard G. Ch. La vie quotidienne à Carthage au temps d'Hannibal.* P., 1958, p. 228—239). На афинской триере, по его мнению, можно было плыть на юг со скоростью 5—7 узлов, а на обратном пути — по 2 узла. На пентеконтере средней скоростью он считает 4 узла. Эти скорости требовали, как указывает Пикар, двух месяцев для покрытия расстояния от Дакара до мыса Noun.

³³ *Desagnes.* Op. cit., p. 31 suiv.; *Germain G. Qu'est ce que le Périphe d'Hannon? Document, amplification littéraire ou faux integral?* — *Hespéris*, 1957, XLIV, S. 205—248.

лемы терминологического порядка. Очевидно, не всегда оправдан простой перенос категориального инструментария из исследовательских работ по истории эллинической колонизационной практики на финикийскую, поскольку, несмотря на определенную типологическую близость этих процессов, они достаточным образом отличались друг от друга.

Несмотря на большое значение работы специалистов в плане изучения «финикийского вопроса», он еще далек от разрешения. Это явствует уже из того, что не вполне выясненными остаются как общие вопросы финикийской колонизации (причины, цель, характер, периодизация, хронология), так и конкретные, такие, как организация финикийской колонизационной практики (участники, их состав и организация, пути и средства экспансии), вопросы типологии финикийских колоний и проблемы их внутреннего развития на каждом конкретном этапе истории, проблемы внешних контактов западнофиникийских колоний, их связей между собой, с туземцами, греками и этрусками, проблема водораздела между финикийской и карфагенской колонизацией Запада. Наконец, заключительным можно считать вопрос о сущности ориентализма и особенностях его проявления в центральном и Западном Средиземноморье.

Только посредством решения проблем, поднятых на симпозиуме и отмеченных в качестве перспективы изучения «финикийского вопроса»³⁴, можно выяснить подлинное значение финикийской колонизации Средиземноморья как историко-культурного феномена. Видимо, это станет возможным также лишь после того, как произойдет объединение усилий специалистов по этим проблемам с исследователями другой, не менее значимой для истории древнего Средиземноморья проблемы — греческой колонизации.

В. И. Козловская, А. Ю. Согомонов

³⁴ Отметим, что ведущие специалисты сами отметили наличие ряда серьезных лакун в поднятом ими «финикийском вопросе». См. Abschlussdiskussion (MB, S. 445—450); Nachwort (MB, S. 451—455).

C. BRICHNE, M. LEJEUNE. *Corpus des inscriptions paléophrygiennes*. T. I. Texte, p. 297; T. II. Photos, 133 planches. Paris, 1984

Рецензируемый «Корпус старофригийских надписей» — работа, которую давно ждали ученые различных специальностей: исследователи древнебалканских языков и культур, индоевропейцы, палеографы и историки письма. Сложность предпринятого издания потребовала от К. Брикса и М. Лежена почти 15 лет для его окончательного завершения. Составление общего плана труда и его редактирование осуществлялись при участии Э. Лароша. Большая часть надписей была проверена издателями по оригиналам (это относится ко всем памятникам старофригийской письменности, находящимся ныне на территории Турции), что же касается немногочисленных памятников, хранящихся в европейских музеях, они сверялись по фотографиям.

Издание состоит из двух томов. Первый том содержит прориси, транслитерации, а также разного рода комментарии и конкордансы; во втором томе даны фотографии памятников, к сожалению, не всегда достаточно четкие, хотя во многих случаях и служащие полезным подспорьем для читателя. Более длинные надписи представлены во втором томе не только фотографиями общего вида памятника, но и воспроизведены более крупно отдельные части надписей. В основном (первом) томе надписи расклассифицированы по географическому признаку, на основе которого введена рациональная и удобная «открытая» нумерация. Выделены следующие ареалы распространения надписей (в скобках указан принятый в работе код): Западная Фригия (без «города Мидаса») (W), «город Мидаса» (M), Центральная Фригия без Гордиона (C), Гордион (G), Вифиния (B), Птерия (P), Тианида (T). Отдельной группой даны нелокализованные памятники («Documents divers» — Dd). В рамках каждого региона описываются сначала лапидарные надписи (номера — 01, —02 и т. д.), затем — instrumenta (номера —101, —102 и т. д.). Таким образом, новые находки не приведут к хаосу в нумерации.

Каждой региональной группе надписей в корпусе предпосланы подробная карта с указанием расположения памятников, палеографическая таблица и краткое описание памятников в целом. Относительно каждой надписи сообщается подробнейшая (по лаконично поданная) информация: местонахождение памятника, описание объекта, на

котором выполнена надпись, ее датировка (которую пока, как правило, затруднительно дать исходя из палеографических соображений и которая — когда это возможно — определяется по косвенным археологическим свидетельствам), литература с указанием предшествующих публикаций и комментариев, воспроизведений и аналитических исследований, прорись, транслитерация и ее обоснование, подробный палеографический и краткий историко-лингвистический комментарий. В конце первого тома читатель найдет конкорданс, устанавливающий соответствие между нумерациями издателей, И. Фридриха, О. Хааса и В. П. Нерознака, довольно несовершенные и неполные указатели фригийских форм (прямой и *a tergo*), а также сводную палеографическую таблицу и ключ к фотографиям второго тома.

Свод старофригийских надписей вводит в научный оборот качественно новые данные об этом малоизученном языке, притом — в огромном объеме. Исключительная тщательность издателей и аналитический подход к материалу привели к появлению очень большого числа новых чтений, убедительность которых несомненна. Эти чтения, естественно, дают в руки лингвистов новые, ценнейшие данные о структуре и словаре старофригийского языка, нередко целиком отменяя принятые ранее интерпретации, в том числе считавшиеся безусловно верными. Некоторые достижения следует отметить и в историко-лингвистическом анализе надписей, хотя здесь и обнаруживается больше спорного. Что же касается старофригийской палеографии, не будет преувеличением сказать, что в этой области издателями создана (впервые в науке о фригийцах) полноценная научная дисциплина.

Таким образом, благодаря усилиям К. Брикса и М. Лежена наконец появились необходимые предпосылки для обоснованного сплошного анализа старофригийских надписей в историко-лингвистическом плане и серьезного языковедческого описания старофригийского. Авторы данной рецензии непосредственно после выхода в свет труда К. Брикса и М. Лежена поставили перед собой задачу последовательного лингвистического изучения изданных надписей и в настоящее время подготовили к печати «Очерк языка старофригийских надписей», в котором соответствующие вопросы рассматриваются достаточно подробно. Здесь же представляется целесообразным остановить внимание лишь на нескольких надписях и показать на их примере достижения издателей и потенциальные возможности дальнейшей интерпретации, заложенные в старофригийских текстах.

Остановимся прежде всего на интересной надписи из Гордиона (G—02), выполненной на плите из белого известняка и датируемой (весьма неопределенно) временем от VI до IV вв. до н. э. В правой части плиты находится изображение двух стоп, окаймленное надписью. Сама надпись состоит из трех частей, которые издатели читают следующим образом:

A	agartioi iktes adoikavoi
B	iosoporokitis[i
C	kakoioitovo podaska—{

Данная транслитерация в целом полностью подтверждается и приводимой издателями прорисью, и достаточно четкой фотографией. От последнего знака строки C сохранилась лишь вертикальная черта, находящаяся у самого края обломленного камня. Комбинаторно-лингвистические соображения заставляют нас предполагать здесь *ḱ* (точка под буквой означает, что соответствующий знак плохо читается), что вполне возможно исходя и из палеографических соображений. Данные К. Брикса и М. Лежена исключают прежнее прочтение первого слова строки A как *agart̄ iōi*, а конца строки C как *ke* (и далее, последнего знака перед обломом как *ḱ*), что, конечно, меняет и лингвистическую интерпретацию соответствующих мест.

В первой строке безусловно выделяется личное имя посвятителя *iktes* в им. пад. ед. ч. Это имя не только имеет прозрачные малоазийские параллели, но и было, видимо, достаточно распространено у фригийцев, о чем можно судить по надписям G—264 (где содержится начало имени *ik*) и G—273 (сокращенное написание имени обладателя — *ik*). Так же безусловно определяется форма дат. пад. ед. ч. в *agartioi* и *adoikavoi*: попытка видеть в первом из них форму им. пад. мн. ч.¹ не находит себе достаточного оправдания ни в синтактико-семантической структуре надписи, ни в старофригий-

¹ Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978, с. 96.

ской грамматике, где не засвидетельствовано ни одного случая им. пад. мн. ч. существительных на -oi. В данном случае обе формы — имена адресата надписи, вторая из них, возможно, патроним того же типа, что βοποκαυα (M—01c), соотносительное с личным именем βοποκ (W—01a). «Непроективная» последовательность 'дополнение + + подлежащее + дополнение' находит мало аналогий в других надписях. Что же касается основы adoikavo-, то она неоднократно встречается в старофригийском (ср.]doikavos в G—146 и]doikay[в G—153).

В строке B членение надписи на слова определяется высокой частотностью относительного местоимения ios и наличием в ряде других надписей указательного местоимения si (ср. M—01b, M—01d, B—01). Остающаяся в результате выделения этих слов форма orotokiti проблематична в чисто этимологическом плане (и, возможно, содержит в начале какой-то префиксальный комплекс или наречие), но бесспорна семантически (аналогия с новофригийскими надгробиями показывает, что данный глагол обозначает какой-то способ нанесения ущерба памятнику или усопшему) и грамматически: это 3 л. ед. ч. настоящего времени, ср. deiati 'дает, посвящает', dakati 'устанавливает', nati 'ведет'. В местоимении si мы склонны видеть скорее продолжение и.-е. основ *so-, *sjo- (ср., в частности, имеющиеся от этой основы feminina на *-i), чем отражение *k̂o-, *k̂jo-, поскольку выбор той или иной интерпретации не меняет существа дела, а объяснение из *k̂(i)o- было бы е д и н с т в е н н ы м в материале надписей указанием на возможную сатемность старофригийского (при наличии ряда противоречащих примеров), см. также ниже.

Наибольший интерес представляет, безусловно, строка C. Изображение на плите конечно, сразу же подсказывает понимание podas, следующего после интерпункции, как им. или вин. пад. мн. ч. от индоевропейского названия 'ноги', 'стопы'. Мы, однако, думаем, что с этим изображением содержательно соотносится и начало строки, которое мы членим как kakoio itovo. Для корректной трактовки этого сочетания (как грамматической, так и смысловой) необходимо, чтобы читатель располагал некоторыми сведениями историко-фонетического характера, которые, как кажется, впервые отмечаются здесь. Во-первых, в интервокальной позиции и.-е. *s в старофригийском было утрачено (в отличие от конца и начала слова, где — за вычетом положения перед *v оно сохраняется), ср. хотя бы многочисленные сложения с ей- 'благой, хороший' < и.-е. *esu-. Во-вторых, особый фонологический статус ст. фриг. у и v (дополнительно распределенных с i и u, что хорошо отражено в графике) привел, с одной стороны, к их неустойчивости в позиции между гласными, а с другой — к появлению их в гиатусе (в зависимости от тембра гласных выбирался и соответствующий сонант). Сказанное позволяет нам грамматически охарактеризовать kakoio itovo как согласованные формы род. пад. прилагательного и существительного, причем форму на -oio следует понимать как продолжение *-osjo, в то время как для формы на -ovo (из более раннего *-oo) напрашивается объяснение из *-oso. Таким образом, положение с родительным падежом в старофригийском разительно напоминает архаический греческий, где также сосуществуют продолжения *-osjo и *-oso (гомер. -oio и -oo из *-oso), с той лишь разницей, что в старофригийском употребление соответствующих показателей функционально распределено: формы на -oio имеют лишь прилагательные ².

То, что в kakoio itovo мы имеем формульное выражение, доказывается не только повторением той же структуры в P—04: kakoio i[(с частым в старофригийском варьированием u/o) и наличием антонимической конструкции evvuio itovo в P—01, но и тем, что у данного сочетания есть полное соответствие за пределами фригийского — в гомеровском греческом, где имеется известная формула κακὸς οἶτος 'злая судьба'. В свете общепринятой этимологии греч. οἶτος (распространяемой теперь и на фриг. tito-), связанного с и.-е. *ei- 'идти', ясно, что употребление этой формулы в соседстве с изображением ног — не случайность. Очевидно, для автора надписи и изображения еще не была утрачена внутренняя форма слова itovo.

² За пределами данной надписи как продолжения *-oso встречаются не только формы на -vo (gelavo, atevo, kopovo, itovo), но и формы на -o (modro, род. пад. от названия фригийского города Μῶδρα), также реально отражающих -oo, поскольку старофригийская графика не терпела стечения одинаковых букв в рамках одного слова (-o, однако, может отражать и стяжение *-oo).

Все сказанное позволяет рассматривать данную надпись как смысловое целое. Ее примерный перевод: «Икт — Агартию Адойкаву. Кто причинит вред (?) этому, (тому) злые/дурные шаги злой судьбы».

Следующая надпись, на которой хотелось бы здесь остановиться, — ранняя надпись на скальном фасаде из Западной Фригии (W—01b). Новое чтение издателей внесло лишь некоторые поправки в принятую ранее транслитерацию:

yoosait materey eveteksetey ovevin onoman da \checkmark et la \checkmark kedokey venavtun avta \checkmark materey

Не останавливаясь на ошибках в предшествующих толкованиях, заметим сразу, что целый ряд форм и основ, содержащихся в надписи, был идентифицирован верно. Так, в *yos* первой строки правильно усмотрено относительное местоимение³ (ср. *ios* выше); сочетание *esait materey* истолковано как дат. пад. указательного местоимения *esai* и существительного *materey*⁴ (можно лишь заметить, что за указательным местоимением следует энклитика *t*, отражающая *ti*, сохранившееся в новофригийских надписях, а основа *matere-* склоняется, как и в других случаях, по атематическому типу — в тематическом типе имели бы *-au*); в целом, на уровне этимологических сближений (но не грамматической интерпретации) следует принять и понимание *ovevin* как указательного местоимения (дальнего дейксиса), *onoman* как соответствия греч. $\delta\omicron\upsilon\alpha$ 'имя', *da \checkmark et-* как формы глагольного корня **dhē-* с велярным расширителем⁵. С начала века в науке принято и сопоставление форм *venavtun* и *avta \checkmark* как рефлексивного и притяжательного местоимений с греч. $\acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu$ и $\alpha\upsilon\tau\acute{\eta}$ ⁶.

Тем не менее в надписи оставались и куда более трудные, «темные» места, которые определяли и неудачи в интерпретации текста как целого, что хорошо видно из предлагавшихся переводов: «*Vivus huic matri (et) sibi exculpfit, eisdem nomen fecit... sibi (et) suae matri*»⁷ — «То, которое положил матери, родила ему его имя, сделает она и как я сделал сам своей матери»⁸.

Надпись представляет собой сложноподчиненное предложение, начинающееся с придаточного относительного (до слова *da \checkmark et*, выступающего в роли сказуемого, включительно), подлежащее которого — *yos*. В качестве прямого дополнения при глаголе выступает сочетание в вин. пад. *ovevin onoman* 'это имя', а сам глагол имеет форму имперфекта (в отличие от форм настоящего времени с первичными окончаниями, перечисленных выше), ср. еще *asperet* (B—01), *deiket* (P—06) и т. п. В целом группа сказуемого восходит к древней индоевропейской формуле со значением 'устанавливать имя', о которой неоднократно писали в научной литературе⁹. Косвенное дополнение в придаточном предложении выражено группой в дат. пад. *esai-t materey eveteksetey*, где *eveteksetey* — склоняющийся по атематическому типу характерный эпитет Богини-Матери с начальной морфемой *ev-* (см. о ней выше), ср. другие эпитеты того же типа: *evkobeu* (B—01), *evtevey* (B—03). Таким образом, если принять предположение В.¹П. Нерознака об этимологической связи корневой морфемы в *eveteksetey* с греч. $\tau\acute{\iota}\mu\omicron$ 'рождать', общий смысл придаточного предложения можно выразить таким образом: «(Тот), кто дал такое имя благорожженной (Богине-)Матери».

В главном предложении подлежащее отсутствует. Сказуемое выражено группой *la ke dokey*, где собственно глаголом является *dokey*, в котором следует видеть тот же корень, что и в *da \checkmark et*, но с другой огласовкой. В *dokey*, как и в *aeu* (B—01), *aeu* (B—03) и т. п., естественно видеть 3 л. ед. ч. опатива на *-e/ou* (другой показатель опатива — *-toy*). Что касается *ke*, то эта частица многократно встречается в надписях и выполняет функцию факультативного показателя опатива. Наконец, *la* представляет собой показатель приглагольного отрицания, аналогичное по своей роли и.-е. **mē* и имеющее специфическое соответствие в анатолийском (другой слу-

³ Нерознак. Ук. соч., с. 78.

⁴ Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966, S. 195.

⁵ Ibid.; Нерознак. Ук. соч., с. 78—79.

⁶ Литературу см.: Haas. Op. cit., S. 196.

⁷ Ibid., S. 195.

⁸ Нерознак. Ук. соч., с. 77.

⁹ См., в частности, Иванов Вяч. Вс. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. — В кн.: Индия в древности. М., 1964; Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. (Имена), там же литература.

чай употребления Ia находим в В—03). Прямым дополнением к сказуемому служит вин. пад. ед. ч. *venavtun* 'такое же', 'то же самое' (имя), а косвенным — группа в дат. пад. ед. ч. *avtau materey* 'своей матери'. Теперь поддается пониманию и общий смысл надписи: «Кто дал такое имя благородной (Богине-)Матери, да не даст такого же (имени) своей матери». Надпись, следовательно, предостерегает от употребления сакрального эпитета богини по отношению к человеческому существу.

Еще одна надпись, которой хотелось бы здесь коснуться, весьма кратка, но, на наш взгляд, очень существенна. Эта надпись (G—136) выполнена на алебастровой фигурке сокола и относится, видимо, к VI в. до н. э. Текст гласит:

tadoy iman bagun

Для формы *bagun* уже давно предложена верная интерпретация: это, несомненно, вин. пад. ед. ч. от основы, этимологически тождественной др. инд. *bhāga-* 'часть', 'доля'. Достаточно определенно можно высказаться и относительно *tadoy*, в котором мы видим графический вариант *datoy* (W—01a), 3 л. ед. ч. опатива на -(t)ou от корня *dō- 'давать'. Сложнее обстоит дело с формой *iman*, одним из самых частотных существительных в старофригийском. В грамматическом плане *iman* в данной надписи естественно понимать как им. пад. ед. ч. Анализ других старофригийских надписей, в которых появляется слово *iman*, позволяет предположить, что это было обозначение некоторого сакрализованного предмета, который, будучи посвящен божеству, приобретал вследствие этого магическую силу, становясь в определенном смысле субститутом данного божества. В таком случае кажется перспективной этимология, связывающая *iman* с хеттским термином *ḫimma-*, который Вяч. Вс. Иванов переводит как 'культовое подобие'¹⁰. Эта этимология хорошо согласуется и с тем, на каком объекте выполнена надпись, поскольку для *iman* мы можем предполагать значение, близкое к значению хеттского слова: 'культовое подобие', 'изображение того или иного божества'. По всей видимости, данная надпись именует этим словом саму статуэтку сокола, ожерелье на шее которого, как считают, указывает на то, что птица является священным символом Богини-Матери. Таким образом, в целом надпись может быть истолкована так: «Пусть даст (это) изображение (= *iman*) счастье!».

В некоторых случаях анализ прорисей и сверка с фотографиями приводят к уточнению чтений отдельных знаков. Так, надпись из Гордиона на фрагменте верхней части большого сосуда (G—113) у издателей транслитерируется как...] *astoipitave*[... Однако знак, принятый за *a*, в действительности является лигатурой *io* (ср. сходную ромбовидную форму второго *o* в этой же надписи), и вся последовательность приобретает следующий вид: *ios toi pitave*[... Надпись, очевидно, представляет собой начало распространенной в старо- и новофригийском формулы с вводящим относительным местоимением *ios* и переводится так: «Кто этому сосуду...». Ср. начало другой надписи на пифосе (G—117): *ios ais*[

Любопытна впервые публикуемая надпись из Гордиона на небольшой статуэтке, изображающей антропоморфное существо (*petite idole anthropomorphe*) — G—178, VI в. до н. э.): *eumivaki* [Издатели приводят надпись без словораздела, однако несомненная связь текста и изображения позволяет читать ее как *eumi vaki*, где *eumi* — 1 л. ед. ч. наст. вр. от глагола со значением 'быть', ср. н. фриг. императ. буд. вр. *estō*, возможно, к и.-е. *ei- 'идти' → 'стать, быть'¹¹, если допустить для старофригийского сходное семантическое развитие, или же к и.-е. *es- 'быть', но последнее объяснение связано с трудностями фонетического характера (*-s- в старофригийском не исчезал перед согласным). Что касается имени *vaki*, оно может быть сопоставлено с лид. *vakiva-* (ср. еще греч. βᾶκχος).

Заслуживают внимания две надписи из Западной Фригии, которые имеют четкую метрическую структуру.

¹⁰ См. Иванов Вяч. Вс. Проблема происхождения и в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 81; см. также Oettinger N. Die militärischen Eide der Hethiter. Wiesbaden, 1976, S. 61—64.

¹¹ Haas. Op. cit., S. 49.

Наскальная надпись W—08 содержит четыре строки: 18ates agomoi 2^s ̣ atatae alus si ̣ eto 48ateles 8a8a. В ней присутствуют некоторые специфические знаки, которые оказалось возможным идентифицировать.

Из сравнения западнофригийской формы 8a8a с личным именем Baba-, известным из других надписей, следует, что знак 8 был графическим вариантом b; важно отметить, что сам знак b в надписях Западной Фригии отсутствует. Все слова из W—08 со знаком 8 — личные имена (8ates, 8a8a либо их производные (8ateles — видимо, патроним¹²). В слове sa ̣ tat издателями не идентифицирован третий от начала знак, который напоминает *копну* других малоазиатских алфавитов. Однако соотнесение знака 8 данного текста с b заставляет думать, что ̣ может быть окказиональным вариантом знака g, выполненным в той же манере, что и 8. Синтаксически sartat — прямой объект глагола edaes 'посвятил' и, вероятно, содержит суффикс -tat, параллельный др.инд. -tāt-, иран. -tāt-, греч. -τῆτ-, лат. -tāt-. Ст. фриг. sartat (<*sarptat?) находит прямые аналогии в позднеанатолийских языках, ср. лид. ēn-sarbt(a)- 'высечь (надпись)', лик. zrbbla 'надпись', к и.-е. *ser-p- 'вырезать'.

Форма si ̣ eto (вариант — si ̣ ido в G—105) — императив буд. вр. от глагола *sēidh-, ср. др. инд. sādih- 'идти, вести к цели', греч. ἴθός 'прямой, правый', ἴθω 'идти прямо'. Ст. фриг. alus (им. пад. ед. ч.) — эпитет или титул; если принять связь с и.-е. *alu- (греч. ἀλλύω 'быть вне себя, неистовствовать', хет. алца- 'волшебство, магия'¹³, лик. (e)lbbe- 'закливание, мольба'), то его возможное значение — 'жрец'.
Перевод: «Батес посвятил надпись Агому. Да преуспеет Баба(с), сын Батеса, жрец!».

В метрическом отношении надпись организована таким образом, что каждая строка представляет собой пятисложник дактилического типа с двумя ударными слогами. Из этого, в частности, следует, что -oi в окончании дат. пад. ед. ч. является дифтонгом, в то время как -ae- в edaes — двусложное сочетание (хотя ст. фриг. ae может также передавать дифтонг ai).

Вторая метрическая надпись из Западной Фригии (тоже наскальная, W—10) представляет интерес и с точки зрения грамматических форм: 1atai edae ge[l]avo vi ̣ ete atevo atoiōs 3alus si ̣ eto das. В этой надписи встречаются род. пад. ед. ч. на vo (см. выше) — gelavo (личное имя) и atevo (личное имя либо апеллатив со значением 'отец'), вин. пад. мн. ч. atoiōs < atoiō- 'предок'. Заслуживают внимания глагольные формы. Ст. фриг. vi ̣ ete — императ. 2 л. ед. ч. *ceid/*cid- 'смотреть, знать (ср. н.фриг. оптатив 3 л. ед. ч. ouitatou¹⁴). Аугментная форма edae, совершенно очевидно, входит в систему аориста и устроена аналогично 3 л. ед. ч. аориста edaes. Соображения комбинаторного характера и наблюдения над старофригийской исторической морфологией заставляют видеть в этой форме 3 л. ед. ч. аориста страдательного залога на*-ē-.

Перевод: «(Это) было посвящено отцу Геласа. Смотри (знай?) предков отца! Да преуспеет жрец (по имени) Дас!».

Первая и вторая строки надписи — восьмисложные, а третья — семисложная; в каждой из строк по три ударных слога. Словораздел проходит после восьмого слога, т. е. после третьей (неполной) стопы.

Наконец, еще одна метрическая надпись на андзитовой плите происходит из Восточной Фригии (Птерия, P—04a): 1otuvōi vetei etlnaie 2ios ni akenan egeseti 3otir terko[ve-] tekmo[an] 4ot[e ege]seti vebri. Надпись распадается на две формально-смысловые части; первая соотносится со строкой 1, вторая охватывает строки 2, 3, 4. В строке 1 выражение otuvōi vetei, в отличие от Мейстера (BSGW, LXIII, 22), предложившего перевод 'octavo anno', мы понимаем как косвенный объект при глаголе etlnaie¹⁵; otuvōi — дат. пад. посессива от личного имени (ЛИ) Otys¹⁶ (типа

¹² Ср. модель образования патронимов с суффиксом -l- в лидийском: *Gusmani R. Lydisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1964, S. 36 (где, однако, все формы -l- называются посессивными, хотя наличие патронимов среди них несомненно).

¹³ См. *Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar*. I.— Innsbruck, 1977, S. 20 (там же дальнейшая литература).

¹⁴ *Haas*. Op. cit., S. 114.

¹⁵ Нельзя принять точку зрения Мейстера о том, что otuvōi — локатив ед. ч., где otu-<*oktō 'восьмь' с ассимиляцией kt>tt, так как ст. фриг. k в группе ktne имеет обыкновения ассимилироваться, ср. формы anepaktoy, apraktneni и др.

¹⁶ *Haas*. Op. cit., S. 180.

ст. фриг. *bonokaana* от ЛИ *bonok*). *vetei* — атематический дат. пад. аппеллатива *vet-*, сопоставимого с греч. *ἑταῖρος* 'товарищ; человек, принадлежащий к тому же роду/социальной группе' (к и.-е. **sue-* 'свой'; ср. рефлекс этого же и.-е. корня в ст. фриг. *ven* < **suen*). Глагольная форма *etlnaie*, как и *edae* (см. выше), — 3 л. ед. ч. аориста страдательного залога, возможно, от глагола **tel-* 'нести', с суффиксальным *-*ne(i)-*.

Вторая часть начинается с относительного предложения (стк. 2), вводимого местоимением *ios* с последующей частицей *pi* (ср. н.фриг. *ai-u* и др.). Для *akēna* комбинаторно выводится значение 'памятник', которое находит подтверждение в его этимологии (**akēno-* < **ak-* 'острый, остроконечный', ср. др.инд. *aśan* 'камень', греч. *ἀκίνα* < **ak-*-*n-i-* 'шип; стрекало', *ἀκόνη* 'точильный камень', мил. *ekāne* 'памятник; (каменная) плита'¹⁷. *egeseti* — 3 л. ед. ч. будущего времени от глагола *ege-* 'делать' < **ag-*, ср. греч. *ἄγω*.

Строки 3 и 4 устроены синтаксически сходным образом и связаны начальными элементами *zoti-g ... zot[ē...*, параллель которым можно видеть в гомеровских конструкциях типа *ὅτε δὴ ῥα...*, *καὶ τότε ἄρα* «и вот когда... тогда-то...». Заключают строки формы в вин. пад. ед. ч. — *vebru* (стк. 4) 'проступок; вред, ущерб', ср. греч. *ὑβρις*, и *tekmor[* (стк. 3), ср. гомер. *τέκμων* 'предел, конец, грань'. Соображения размера заставляют думать, что в слове *tekmor[* не дописано окончание вин. пад. -*an*; хотя издатели отмечают, что за последним знаком -*r(?)* — край плиты, но нам известны случаи, когда в ст. фриг. не дописывались в конце строки знаки, для которых не хватило места (например, *vte* вместо *vtekup* 'памятник' в В—03)¹⁸.

Глагольные формы в обеих строках предшествуют прямому объекту. В стк. 4 это буд. вр. *egeseti* 'сделает, совершит'; в стк. 3 — *teko[ve-]* (комбинаторно установленное значение — 'нарушать'). Если почти не читаемый последний знак слова — действительно *sigma*, как допускают издатели со ссылкой на своих предшественников, то это — 3 л. ед. ч. аориста без аугмента, подобно ст. фриг. *tiyes* 'он поставил'. Не исключено, однако, что слово могло оканчиваться не на -*s*, но на -*t*, в таком случае перед нами — нормальный ст.фриг. имперфект (с показателем -*t* в 3 л. ед. ч., ср. *tut-tut* 'высек (надпись)', *asperet* 'унес' и др.). В пользу этого как будто говорит и сама семантика фрагмента: из контекста не следует, что действие, обозначаемое глаголом *teko[ve-s/t]*, каким-то образом соотносится с прошлым (см. ниже перевод), но скорее (или в равной степени) с настоящим либо будущим. А именно такая расплывчатость временных границ и характеризует отдельные употребления ст.фриг. имперфекта, что хорошо согласуется с выведением его из и.-е. пильюктива.

Перевод: «(Это) было принесено (?) сородичу Отиса. (Тот), кто сделает памятник, если /когда он нарушит/-л границу, то/тогда он совершит проступок».

Первая и вторая строки надписи — девятисложные, но отличаются распределением ударных и безударных слогов. Третья и четвертая строки — восьмисложные. Более конкретная метрическая характеристика трех рассмотренных выше старофригийских надписей затруднена тем, что неизвестно, какого типа ударение существовало в этом языке и, следовательно, какой принцип — акцентуационный или количественный — лежал в основе ст.фриг. метрической системы. Тем не менее очевидно, что основные метрические схемы этого языка восходят к общиндоевропейским¹⁹.

Как мы уже подчеркивали выше, благодаря изданию корпуса старофригийских надписей в научный оборот введено огромное количество новых языковых фактов. Их рассмотрение, естественно, приводит к определенным выводам общего характера относительно исторической грамматики и ареально-генетической характеристики старофригийского языка. Эти вопросы достаточно подробно рассматриваются нами в ука-

¹⁷ Это же слово было, вероятно, и в новофригийском, ср. *πανταχουαν* 'весь памятник' (Haas. Op. cit., S. 119).

¹⁸ В качестве альтернативы можно было бы допустить, что о в *tekmor* — долгий гласный, который считался за два слога, но у нас нет ни одного примера, свидетельствующего о противопоставлении ст. фриг. гласных по количеству.

¹⁹ См. о последних, в частности, West M. L. Indo-European metre. — Glotta, 1973, V. LI, № 3—4, p. 161 ff., см. также Иванов В. В. Происхождение древнегреческих эпических формул и метрических схем текстов. — В кн.: Структура текста. М., 1980, с. 59 слл.

занной выше работе, подготовленной к печати. Здесь, в рамках рецензии, хотелось бы — в тезисной форме — остановиться на некоторых связанных с этим проблемах.

В науке получил известное признание взгляд, согласно которому фригийский язык имеет тесные связи с армянским. Если ограничиваться данными надписей (а не основываться на значительно более шатких показаниях античных глосс, в которых языковая принадлежность негреческих слов часто может оказаться далекой от точности), от этого взгляда в настоящее время необходимо решительно отказаться. Основанная на некоторых общих эпизодах в исторических судьбах фригийцев и протоармян, гипотеза о специфической языковой фриго-армянской близости (понимаемой вплоть до отождествления) не имеет никаких серьезных оснований, а все общие черты армянского и фригийского (как, например, аугмент) охватывают значительно более обширную языковую зону. Для установления более тесного родства таких данных недостаточно: среди них отсутствуют как раз наиболее важные — совместные инновации армянского и фригийского языков в грамматике и лексике. Между тем таких инноваций фригийские надписи не содержат.

Для непредвзятой оценки ареально-генетических связей фригийского желательно обратиться к списку фонетических, морфологических и синтаксических особенностей этого языка, а также к его лексике и только на этом основании устанавливать отношения фригийского языка к другим индоевропейским. Ниже мы приводим предварительный список таких особенностей.

В области фонетики

1. Неслоговые сонанты, в частности *и, во всех позициях остаются без изменений.
2. Слоговые сонанты развиваются в сочетании с тембром а, причем *п дает ап в позиции перед согласным и в ауслaute, но а в позиции перед согласным.
3. В середине слова, а также в аплауте перед v, утрачивается *s (это, однако, не распространяется на -s- как грамматический показатель, ср. форму будущего времени *egeseti* (P—04a)).
4. Звонкая индоевропейская серия представлена звонкими смычными; и.-е. глухие отражаются как глухие, тогда как и.-е. звонкие придыхательные передаются знаками как для глухих, так и для звонких смычных.
5. Все три типа заднеязычных согласных (палатальные, веларные и лабиовеларные) в старофригийском представлены одним типом в каждой серии, т. е. и.-е. *k, *k̂, *k^h > ст.фриг. k, и.-е. *g, *ĝ, *g^w > ст.фриг. g, и.-е. *gh, *ĝh, (*g^wh) > ст.фриг. g/k.
6. Хорошо сохранен унаследованный вокализм. Рефлексы старых кратких и долгих гласных совпали у а и о (при сохранении тембра), но различаются для *е (>e) и *ē (>i).

В области именной и глагольной морфологии

1. В старофригийском представлены основы на *ā мужского рода.
2. Родительный падеж характеризуется показателями -оуо (<*osio) и -во, -о (<*oso).
3. Дательный падеж множественного числа имеет флексию -ois.
4. Морфема -bi < *bhi функционирует как показатель непарадигматических адвербиальных форм.
5. В глагольной морфологии наиболее характерная черта — наличие аугмента, который всегда занимает место непосредственно перед глагольным корнем.
6. Система времен, в основе которой лежит оппозиция презенс: аорист, включает также будущее время (сигматическое) и имперфект, отдельные формы которого по своей семантике приближаются к инъюнктивным.
7. Известен опатив на -e/ou и (вторичный) на -toy. |
8. Императив на *-tō(d) (и.-е. imperat. fut.). |

Наиболее существенное заключение, к которому можно прийти, сводится к следующему: за некоторыми исключениями все специфические черты старофригийской

фонетики, морфологии и словаря²⁰ образуют изоглоссы с греческим, причем либо эксклюзивные, либо такие, в которых греческий принимает участие, что является бесспорным свидетельством их особой близости. Что касается других языков аугментного ареала, и в частности армянского, то необходимо иметь в виду главную особенность, которая отличает их от старофригийского, а именно — отсутствие в последнем ассимиляции палатальных смычных²¹.

В заключение отметим, что наши замечания по отдельным надписям, как и наблюдения более широкого плана целиком подтверждают общую весьма высокую оценку нового старофригийского свода, данную в начале настоящей рецензии. Изданию К. Брикса и М. Лежена присущ строго научный подход: в публикации старофригийских текстов верно соблюдено соотношение между воспроизведением и интерпретацией при том, что последняя — впервые в истории изучения старофригийского — лаконична и содержательна одновременно. Значение данного труда далеко выходит за пределы собственно фригийских исследований; как образец научной строгости и высокого эдичионного качества, как ценный источник сведений о древней культуре Малой Азии, этот труд представит большой интерес и для специалистов по другим индоевропейским языкам, и для историков, интересующихся этим регионом.

Л. С. Баюн, В. Э. Орел

²⁰ Выявлено более 30 эксклюзивных греческо-старофригийских лексических изоглосс, полный список которых приводится в статье, подготовленной авторами рецензии.

²¹ Интересно, что в старофригийском отсутствуют знаки для передачи таких звуков, как *s*, *z*, *ž* и т. п., что для любого сатемного языка в целом невероятно.

F. LE ROUX, CH.-J. GUYONVARCH. *La Civilisation Celtique*. Rennes, Ogam — Celticum, 1982, 167 p.

Кто такие — кельты? Когда и откуда появились они в Европе? Применимо ли само понятие кельтская «цивилизация»? В чем причина почти полного их исчезновения? Все эти вопросы, стоящие перед учеными вот уже более двухсот лет, до сих пор не имеют окончательного и однозначного решения и до сих пор, говоря о кельтах, употребляют слова «загадка, тайна, секрет». Огромный археологический, историографический, лингвистический и фольклорный материал, накопленный за эти годы, остается по-прежнему лишь материалом, на базе которого возникают разнообразные и часто противоположные друг другу гипотезы. Потребность обобщить их, пересмотреть, проанализировать и по-новому взглянуть на имеющиеся в распоряжении ученых данные назрела давно. Попытка подобного обобщения и одновременно новая и оригинальная интерпретация хорошо известных фактов содержится в книге известных французских кельтологов Франсуазы Ле Ру и Кристиана Гуйонварха, в книге, призванной «не упростить материал как таковой, но представить его в максимально ясной форме» (с. 11). Рецензируемая книга содержит две части: 1. Кельты во времени и пространстве. 2. Духовный мир кельтов.

«Изучение кельтов состоит не столько в открытии новых данных, сколько в правильном использовании данных, уже известных», — справедливо отмечают авторы во введении к книге (с. 11). Свою основную задачу они видят не столько в создании еще одной теории, объясняющей особенности этногенеза и исторических судеб кельтов, сколько в попытке по-новому интерпретировать сохранившиеся источники, в первую очередь греческие и римские свидетельства, во многом поверхностные и тенденциозные; по их мнению, сама система «искажений», которые присутствуют в исторических сочинениях античных авторов, оказывается для современного историка необычайно интересной, так как именно в ней проявляется глубокое типологическое несходство между греко-римской и кельтской цивилизациями. Так, по мнению авторов, наименее поверхностно и наиболее полно описано кельтское общество у Цезаря, однако и ему,

с их точки зрения, не удалось до конца понять социальную сущность института друида: его мышление в этом отношении подчинялось иным законам.

Этногенетические корни кельтов уходят в глубокое индоевропейское прошлое. Западная волна крупных миграций, начавшихся, по мнению авторов, четыре тысячи лет назад на севере Евразии¹, довольно быстро распространилась почти по всей Центральной и Западной Европе и положила начало возникновению этнической общности, получившей потом название кельтов. В ходе своего распространения они встречали и частично ассимилировали коренное население занимаемых территорий, население, о котором нам известно еще меньше, чем о самих древних кельтах, и память о котором сохранилась благодаря загадочным монументальным мегалитическим сооружениям — менгирам, дольменам, кромлехам. Докельтская культура Европы получила в книге название «неолитического субстрата», и отделение возможных элементов этого субстрата от явлений чисто кельтских авторы считают одной из важнейших задач исследования. Однако постановка вопроса, пусть даже верная, не есть его решение, и связанные с этим трудности (все они проанализированы в книге) делают данную задачу практически невыполнимой, к тому же сами авторы предостерегают от слишком поспешных выводов, например, от стремления увидеть реликт палеолита в кельтском обычае отрубать и хранить головы врагов. Впрочем, надо отметить, что сама идея докельтского субстрата не так уж нова и встречается в трудах ученых-кельтологов довольно часто. Так, например, Ян Филип в книге «Кельтская цивилизация и ее наследие» пишет: «В IV—III тысячелетиях до н. э. на плодородных и равнинных местах Подунавья мы встречаемся с древнейшими земледельцами, крупные поселения которых, по всей вероятности, стали субстратом, на котором формировались отношения и связи в более позднее время. Их культура в настоящее время нам сравнительно хорошо известна, но их этническая принадлежность не совсем ясна и с помощью средств, которыми мы располагаем в настоящее время, ее восстановить нельзя»².

Говорить о кельтах как этнической общности можно с относительной определенностью лишь с середины I тыс. до н. э., т. е. с начала так называемой латенской культуры (V—I вв. до н. э.). Именно на этот период и приходится время наибольшего распространения кельтов в Европе.

Каковы же источники, по которым мы можем судить о том, что представляло собой кельтское общество того времени, его культура, язык, социальное устройство? Кроме античных источников, обладающих своей спецификой и требующих необычайно осторожного обращения, авторы выделяют и источники чисто кельтские — эпиграфические памятники, вырубленные на территории Галлии при помощи латинского алфавита (к ним относятся в первую очередь латинские подписи под изображениями кельтских богов), а на островах — так называемым огамическим письмом (сочетание точек и поперечных линий разной длины и наклонов; надпись обычно наносилась на вертикально установленный камень и читалась снизу вверх). К источникам авторы относят также реликты древних верований, сохранившиеся в современной обрядности и фольклоре, и, что особенно важно, древние эпические предания островных кельтов, валлийцев и ирландцев. Последние представляют для истории наибольший интерес, так как в них в своеобразно трансформированной форме сохранились коллективные воспоминания о каких-то реальных событиях. Особенно интересны с этой точки зрения, как отмечают авторы книги, два цикла ирландских эпических преданий-саг: мифологический, повествующий о волнах поселенцев, по очереди вторгавшихся в Ирландию (основной памятник цикла — «Книга захватов Ирландии»), и уладский, рассказывающий о событиях, происходивших в период с I в. до н. э. до конца I в. н. э. на территории современного Ольстера (центральная эпопея цикла — сага «Похищение быка из Куальнге», основа сюжета которой — война между Уладом и другими «пятинами» Ирландии, в первую очередь; Коннахтом). Безусловно, эпос и история] находятся в довольно сложной взаимосвязи, однако в эпических преданиях, на наш взгляд, можно найти иногда ключ

¹ Вопрос о том, где была прародина индоевропейцев, сам по себе является предметом не прекращающихся дискуссий; в любом случае точка зрения авторов представляется малообоснованной.

² Филип Ян. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 15.

к объяснению реальных исторических явлений, так как именно в них наиболее ясно проявляется дух народа, его система ценностей, его способ жизни и мировосприятие.

Что же представляло собой кельтское общество в период своего расцвета и можно ли усмотреть в нем причины его будущего упадка? В своих «Записках» Цезарь писал, что в Галлии общество делилось на «друидов и всадников», кроме того, существовали еще и «плебеи». На самом деле, как отмечают авторы книги, все обстояло немного иначе: основной производительной силой общества были крестьяне, причем свободные (чего не смог понять Цезарь). В Ирландии, несколько отстающей от Галлии по социальному развитию, эта обширная группа населения носила специальное название *bó aete*, букв. «коровьи люди», так как скотоводство было основным их занятием, а сам скот — основной мерой всех материальных благ. Между крестьянами и «всадниками» в приципе не было такой уж резкой границы. Это утверждение авторов книги можно подтвердить фактами из того же ирландского эпоса. Так, например, в саге «Недуг уладог» крестьянин Крунху сидит за одним пиршественным столом с королем; в других сагах описаны войны, занимающиеся разведением коров, и т. д. Общество еще не вступило в стадию расслоения по принципу отношения к средствам производства и, как может показаться, как будто и не спешило в нее вступать.

Наиболее интересной из выделенных Цезарем групп населения, несомненно, представляются друиды. Встречающийся практически у всех народов, институт жречества у кельтов отличался особой численностью, масштабностью, эзотеричностью и иерархичностью, сопоставимой разве что с местом и функциями в обществе жрецов-брахманов в древней Индии. Именно друиды оказываются у кельтов (особенно в Галлии) носителями и исполнителями не только чисто религиозной, но частично и государственной власти. С этим, как пишут авторы книги, связано «отсутствие юридического понятия государства в том смысле, в каком звало его римское право» (с. 61). Эта мысль представляется очень интересной и проливает свет на некоторые особенности исторической судьбы кельтов. Действительно, кельтское общество, каким оно предстает в местных эпических преданиях, ориентировано в первую очередь на межличностные отношения, понятие верности государству и соблюдение государственных интересов выражено чрезвычайно слабо по сравнению с идеей личной верности своему вождю, тоже весьма относительной. В качестве иллюстрации данной мысли авторы приводят сугубо личную причину начала войны между Уладом и Коннахтом в саге «Похищение быка из Куальнге»: желание королевы Медб иметь чудесного быка Бурого из Куальнге. Подобных примеров в ирландском и валлийском эпосах можно встретить еще множество, но наиболее ярким нам кажется поведение Фергуса, одного из героев уладского цикла, в саге «Изгнание сыновей Уснеха»: узнав о том, что король уладов Конхобар нарушил данное им Найси и его братьям слово, Фергус со своими сторонниками поджигает стелю уладов Эмайн Маху, а затем переходит на сторону коннахтов, т. е. своих бывших врагов. Следует вспомнить, кстати, что этот же Фергус был до Конхобара королем уладов, но затем по просьбе матери Конхобара (!) уступил ему свое место. Подобная слабость государственной власти у кельтов, отсутствие самой идеи отечества послужили, по мнению авторов книги, одной из важнейших причин столь легкого и быстрого завоевания Галлии Римом, представлявшим собой образец совершенно другого социального устройства. Кельты легко теряли политическую независимость, потому что не имели собственной четкой политической системы. При этом в книге подвергается резкой критике широко распространенная в литературе мысль о том, что одной из основных причин упадка кельтов было отсутствие единства среди кельтских племен. На наш взгляд, обе эти идеи не противоречат друг другу, но, напротив, оказываются тесным образом связанными: именно отсутствие ориентации на твердую государственную власть и преобладание личных интересов по сравнению с государственными делами практически невозможным объединение нескольких племен в крепкий политический союз.

Утрата политической независимости еще не означает утрату независимости культурной. Почему за завоеванием Галлии Цезарем последовала ее романизация, затронувшая практически все сферы жизни, включая религию и даже язык населения? Авторы книги считают, что причина этого — в элитарности кельтской культуры, в гипертрофированной эзотеричности друидов, сосредоточивших в своих руках весь духовный багаж племени. С изменением политического устройства институт друидизма оказался «вне закона» и автоматически «вне закона» оказалась и вся национальная культура.

Хотя наиболее распространенные формы античной цивилизации не прослеживаются в кельтском обществе даже в период его максимального расцвета, но цивилизация, по мнению авторов книги, может выражаться и в другом — в создании, совершенствовании и хранении глубокой религиозно-философской доктрины, доступной для немногих. Именно этим общество древних кельтов отличалось не только от общества своих «цивилизованных врагов» — греков и римлян, но и ближайших соседей — германцев.

Духовному миру кельтов целиком посвящена вторая часть рецензируемой книги. В ней авторы подвергают сомнению многие «традиционные» с точки зрения современных ученых элементы религиозных представлений кельтов — пережитки тотемизма, антропоморфизм, политеизм, метемпсихоз. Вместо этого в книге выдвигается интересная, хотя и спорная мысль о тяготении религиозных представлений кельтов к монотеизму, воплощаемому не в антропоморфном образе (антропоморфные изображения богов они считают целиком результатом античного влияния), но в некоем идеальном представлении о божестве как высшей духовной силе. Кроме того, в книге содержится новая трактовка представлений древних кельтов о загробной жизни: отвергая традиционную идею о вере кельтов в переселение душ, авторы пытаются найти и находят в фольклорных и эпических преданиях реликты представлений о некоей чудесной стране, куда уходят после смерти души земных людей. Такая страна действительно существует в кельтских легендах — расположенная на островах, дне озер или в недрах холмов она представляет собой своеобразный «рай», где царят изобилие и вечная молодость, где не движется время и иначе устроено пространство. Однако, как нам кажется, «иной мир» кельтских преданий параллелен миру земному, а не следует за ним. Он в отличие от германской Вальгаллы, греческого Тартара или христианского Рая населен не душами умерших, а особыми существами — сидами, чудесным «народом богини Данан». Смертные в преданиях, как правило, лишь посещают этот мир и возвращаются назад. С другой стороны, приводимые авторами доводы против веры кельтов в переселение душ (эпизодичность и исключительность этого явления в преданиях) убеждают читателя. Таким образом, проблема представлений кельтов об ином мире, как, кстати, и их космогонические представления, остается открытой и ждет дальнейших исследований. Тяготение к монотеизму, с одной стороны, и элитарность духовной культуры — с другой, явились, по мнению авторов, решающими факторами быстрого распространения среди кельтов христианства, положившего конец их национальной самобытности.

Во второй части книги дается также детальное описание структуры «сакрального класса» кельтов, состоявшего из друидов, филидов (поэтов-сказителей) и пророков³.

В «Заключении» к книге авторы еще раз формулируют свои основные выводы: 1. Между кельтами и античным миром никогда не было и не могло быть антагонизма варварского и цивилизованного обществ. Кельтская цивилизация, несомненно, существовала, но была иной, чем греческая и римская: как сказали бы современные психологи, не «экстравертной», а «интравертной». 2. Неверно говорить, что кельты не были способны объединиться. Их объединение было не политическим, а духовным. 3. Наибольший свет на особенности духовного мира кельтов может пролить его сопоставление с древнеиндийским обществом⁴.

Причины упадка кельтов авторы книги видят в их романизации, христианизации и германских завоеваниях.

Книга Ф. Ле Ру и К. Гуйонварха, на наш взгляд, являет пример того, как можно совершенно по-новому интерпретировать хорошо известный и устоявшийся материал. Полная остроты полемики, иногда спорная и не свободная от элементов проявления кельтомании, она показательна для современного уровня мировой кельтологии и будет интересна всем, кого привлекает история кельтов и шире — история древнего мира и средневековья.

Г. А. Михайлова

³ Более подробно этот вопрос освещен в недавно вышедшей книге этих же авторов: *Les Druides*. Rennes, 1982.

⁴ Проблема кельтско-индийских параллелей встречается в трудах ученых довольно часто. Этому специально посвящена книга: *Dillon M. Celts and Aryans*. Dublin, 1975.

Великий испанский архитектор Антонио Гауди говорил: «Чтобы быть оригинальным, нужно повернуться к истокам»¹. И сегодня, задумываясь о происхождении и характере культурной самобытности Латинской Америки, особенно стран со значительной долей индейского населения, мы снова и снова обращаемся к жизни и искусству доколумбовых цивилизаций. Они не только постепенно возвращаются к нам сквозь столетия забвения как одно из величайших проявлений человеческого духа, но их наследие оказало мощное воздействие на сложение культуры и самих народов континента.

Несомненный интерес поэтому как для ученых, так и для массового читателя представляет рецензируемая работа доктора исторических наук В. И. Гуляева. Прекрасно изданная и богато иллюстрированная, книга развивает и дополняет предыдущие публикации автора. В то же время В. И. Гуляев дает в тексте и ссылках обзор широкого круга литературы, объективно освещая различные, подчас полярно противоположные точки зрения, показывает вклад, внесенный в науку о майя советскими учеными Р. В. Кинжаловым, Ю. В. Кнорозовым и др. В ней освещаются также новейшие археологические находки, исследования и публикации зарубежных ученых.

Хотя книга посвящена в основном проблемам искусства и архитектуры майя, автор, развивая свои предшествующие исследования², освещает важнейший методологический вопрос о характере и роли города у майя. На поставленный в названии главы II вопрос «Города или ритуальные центры?» В. И. Гуляев уверенно заявляет, что «утверждение многих зарубежных майянистов в том, что в I тыс. н. э. на Юкатане и в Петене не существовало «подлинных городов», а были лишь малолюдные „ритуальные центры“ во главе с теократической элитой, носит ошибочный характер» (с. 39), хотя и отмечает своеобразие майяского города. Этот вопрос интересует не только историков, но и градостроителей. Аргентинский исследователь Х. Э. Ардой пишет: «Система сельского хозяйства, преобладающая в тропических низинах Петена, в долине реки Усумасинта, на Юкатане и на побережье Мексиканского залива, делала предпочтительной крайне рассредоточенное расселение (разрядка наша. — В. Х.). Почвы, используемые там для сельского хозяйства, бедны и испытывают недостаток поверхностной воды. Характер поселений майя был результатом подсечно-огневой культуры земледелия и проводил к низкой плотности населения, дома располагались без какого бы то ни было порядка вокруг церемониальных и административных центров, замысел которых представляет один из лучших примеров гражданского проектирования в истории»³.

В анализе функций городов майя интересны рассуждения В. И. Гуляева о специфическом характере их оборонительных возможностей. Плодотворна попытка автора выделить «столичные центры майя I тысячелетия» на основе сформулированных им археологических признаков (с. 60) и поставить «вопрос относительно их принадлежности к городам-государствам» (с. 61). Многолетние исследования дали ему «все основания рассматривать их как наиболее ранний вариант города» (с. 62).

Традиционен для советской археологии, основанной на марксистско-ленинской методологии, интерес автора к экономическим проблемам общества майя, к жилищу и быту простых тружеников. Убедительно его сравнение остатков жилых построек майя с современными жилыми домами на Юкатане и приусадебными участками вокруг них. В связи с анализом жилых построек В. И. Гуляев справедливо отмечает явно недостаточное внимание к ним археологов, главным образом американских.

Кратко и точно охарактеризованы основные типы сохранившихся общественных сооружений майя и их историческое развитие (главы II и III). Значение, далеко выходящее за рамки изучения зодчества Мезоамерики, имеют разработанные автором новые представления о функциональном назначении и генезисе пирамид майя, их связи с усыпальницами правителей и жрецов и с храмами, возводившимися на их вершинах,

¹ Цит. по *Hardoy G. E. Notes for a History of Latin American Urbanism.* — In: *Architecture in Latin America.* Berlin [West], 1982, p. 34.

² См., например, *Гуляев В. И. Города-государства майя.* М.: Наука, 1979.

³ *Hardoy.* Op. cit., p. 21.

Очень существенна неоднократно подчеркиваемая В. И. Гуляевым геометричность объемно-пространственных композиций и строгая ориентация зданий и общественных комплексов по странам света, получившая, как известно, своеобразное развитие в имеющей, бесспорно, иные истоки планировке городов Испанской Америки и в архитектурных ансамблях наших дней. В то же время, как повсюду в поселениях древности, природные факторы оказывали заметное влияние на планировку городов майя. Публикация и анализ архитектурных образцов построек майя, так же как ацтеков или инков, тем более необходимы, что дают возможность и исследователю современной архитектуры и искусства увидеть и понять, какими образцами и традициями вдохновляются в поисках своеобразия латиноамериканские архитекторы и художники в наши дни.

Книга содержит глубокий и многосторонний как сюжетный, так и стилистический анализ изобразительного и прикладного искусства майя: полихромной керамики, скульптуры с рельефных каменных стел и резьбы по дереву и камню на фасадах дворцов и храмов, монументальной живописи. Особое внимание В. И. Гуляева как историка и археолога привлекает расписная и монохромная терракота, часто представляющая изображение жизни и быта майя.

В искусстве майя, как и других цивилизаций древней Америки, поражает удивительное соединение условности и традиционности, с одной стороны, с конкретностью, доходящей до натурализма, — с другой. Очень важны и приводимые автором сведения о генеалогии форм и символике майяского искусства и архитектуры (см., например, с. 27), необходимые, в частности, для построения и проверки современных семиотических концепций.

Но, конечно, наибольший интерес автора и читателей вызывает проблема «Люди и боги древних майя» (гл. IV). В ней излагаются наиболее современные воззрения ученых на мифологию и космогенетические представления древних американцев.

Представляется очень важной и заслуживающей одобрения и поддержки позиция В. И. Гуляева, отстаивающего светский характер власти и ее носителей у майя. В то же время при неизбежной у майя сакрализации власти одной из главных ее функций была ритуальная — общение с поту торонными силами, от которых, как считалось, зависел урожай, а следовательно, и жизнь (с. 111). Может быть поэтому в искусстве майя так многочисленны сцены ритуального сева.

Книга дает цельное представление о творчестве майя, но автор вынужден констатировать относительно слабое археологическое освоение территории майя. «Девять десятых из них (археологических объектов. — В. Х.) никогда не подвергались систематическим раскопкам и, в лучшем случае, обследованы лишь поверхностно» (с. 59). Конечно, такое положение во многом объясняется спецификой их расположения, затерянностью руин среди бурной тропической растительности. И тем не менее современное состояние науки настоятельно требует немедленного расширения раскопок, повышения их научного уровня и (что, может быть, главное) усиления охраны памятников, тем более что ценнейшие материальные свидетельства исчезнувшей цивилизации безвозвратно утрачиваются, уничтожаются или безжалостно расхищаются. Не случайно повторяющиеся в подписях под иллюстрациями фразы (примечания): «Место находки неизвестно», что, увы, во многом обесценивает их с точки зрения исторической науки.

Концентрация внимания автора на новых исследованиях и открытиях, как ни странно, несколько обеднила книгу для широкого читателя: не репродуцированы некоторые известные шедевры майяского искусства, даже фрески Бонампака. Они знакомы читателю-специалисту, многократно публиковались, но их следовало ввести в книгу для достижения большей полноты и цельности восприятия. Создает неудобство и отсутствие полной карты расселения майя. Приведенные в книге карты составлены по различным признакам. Жаль, что экспликации сопровождают не все планы центров городов, а имеющиеся составлены по-разному. Некоторые иллюстрации дублируются или неоправданно разнесены. Имеются (впрочем, малочисленные) терминологические неточности.

Одна из площадей сегодняшнего Мехико носит глубоко символическое название — площадь Трех Культур: древней — доколумбовой, культуры колониальной эпохи и современной. Книга В. И. Гуляева также раскрывает читателю не только древнее искусство Латинской Америки, но и истоки его подъема в наши дни.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С. Л. УТЧЕНКО

2 декабря 1985 г. в секторе древней истории Института всеобщей истории АН СССР состоялись ежегодные научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко. В них приняли участие историки институтов Академии наук СССР, МГУ им. М. В. Ломоносова, ВГИК и других научных учреждений и вузов.

Во вступительном слове зав. сектором древней истории *Е. С. Голубцова* говорила о большом вкладе С. Л. Утченко в изучение истории античного мира, особенно в изучение истории общественно-политической мысли.

Затем был сделан ряд научных докладов.

Доклад *Е. М. Штаерман* (Москва) был посвящен вкладу С. Л. Утченко в изучение проблем истории античной культуры. Она отметила, что С. Л. Утченко всегда уделял большое внимание вопросам идеологии. Уже в своей первой книге об идейно-политической борьбе в Риме накануне падения Республики он проследил шедшую в Риме борьбу между филэллинской и охранительной тенденциями, между идеологией, призывавшей к консолидации интересов всех граждан Рима, и идеологией, выдвигавшей на передний план интересы какого-то определенного общественного слоя. Считая, что наиболее ярким представителем первого направления был Цицерон, второго — Саллюстий, С. Л. Утченко детально проанализировал эволюцию их взглядов в связи с эволюцией политической обстановки в Риме, разложением полисных институтов и обострением классовой борьбы, показал значение и классовую сущность теории «упадка нравов» и политической концепции Саллюстия, и учения о смешанном государственном устройстве и «согласии сословий» в концепции Цицерона.

Докладчик считает большой заслугой С. Л. Утченко тонкий анализ кризиса идеологии социальных слоев, сложившихся на основе полиса, в связи с кризисом самого полиса. Вместе с тем его исследования показали, насколько живуча была полисная идеология и сложившаяся в условиях полиса система ценностей.

С особенной убедительностью продемонстрировал С. Л. Утченко плодотворность своих принципиальных установок в подходе к анализу деятельности и значения исторической личности в монографиях «Цицерон и его время» и «Юлий Цезарь».

В заключении своей последней книги «Политические учения древнего Рима» С. Л. Утченко пишет об эволюции римского общества «от полиса к империи, от гражданина к подданному», нашедшей отражение в идеологии. В этой работе проблемы идеологии рассматриваются в более широком плане. Центральное место в ней занимает история проникновения в Рим эллинистической культуры и ее трансформация под влиянием римского мировоззрения. В противоположность тем исследователям, кто видит в Риме лишь сторону, пассивно воспринимавшую эллинистическую культуру, С. Л. Утченко показал самобытность римской идеологии и культуры, подчеркнул вклад Рима в синкретическую античную культуру.

С сообщением на тему «Римская система ценностей в работах С. Л. Утченко и понятие престижности» выступил *Г. С. Кнабе* (Москва). Проблема общественных ценностей древнего Рима занимала С. Л. Утченко на протяжении всей его научной деятельности. Ей специально посвящена большая, разделенная на две публикации работа, напечатанная в ВДИ, № 4 за 1972 и 1973 гг. Докладчик попытался развить некоторые положения, высказанные в этих статьях.

Многочисленные суждения римских писателей о том, что мы сейчас называем «римской системой ценностей», не оставляют сомнения в том, что вплоть до II в. н. э. основа этой системы оставалась неизменной — такой, какой она сложилась в ранние периоды существования гражданской общины. Она включала признание долга перед Римом высшим долгом человека; реализацию его в военной доблести, магистратском служении и политическом красноречии; благоговейное уважение к традиции, предкам и заповедям консервативной морали; возделывание земли и умножение семейного достояния на этой основе.

Отличительная черта римского общественного мышления, однако, состояла в сочетании определенных констант, идеальных норм, противостоявших течению жизни, с постоянными коррективами к ним, продиктованными верностью этому течению жизни: «Древностью, — говорили они, — должно восхищаться, но сообразовываться приходится с нынешними условиями» (Tac., Hist. IV, 8, 2). В той мере, в какой гражданская община сохраняла в сознании римлян значение вечного эталона, ее ценности продолжали играть роль нормы; поскольку же она приходила в углубляющееся противоречие с реальным общественным развитием, ее нормам начинают следовать лишь лицемерно, напоказ — из реальных ценностей они все больше становятся престижными, т. е. условными канонами поведения. Под влиянием распатывания традиционных общественных структур, усиления вертикальной социальной подвижности, роста денежного богатства отдельных лиц в последние десятилетия республики и особенно в первые полтора столетия принципата римская система ценностей выступает в постоянном взаимодействии с системой престижных представлений и осложнена ею. Набор староримских *virtutes*, абстрактно оставаясь ценностью, в жизни становится ее престижным эрзацем, предметом стилизации. Престижное следование былым ценностям докладчик предложил называть престижностью I.

Рядом с престижностью I стояла престижность II. Дело в том, что независимо от консервативных стилизаций и рядом с ними утверждался стиль существования, отражавший крушение гражданской общины и ее норм. Он предполагал сверхпотребление и роскошь, насыщение жизни искусством, выражавшееся в приобретении и демонстрации баснословно дорогих статуй, кубков и чаш, предметов обстановки, предполагал влияние и власть, достигавшиеся в обход традиционных установлений. Этот стиль существования реально импонировал всем людям, жившим живой жизнью своего времени. Поскольку, однако, нормой, пусть абстрактной и наджизненной, деградировавшей до престижной стилизации, но тем не менее непреложной, оставалась совокупность представлений, коренившихся в гражданской общине, этот новый стиль тоже не мог возвыситься до подлинной новой системы ценностей, тоже оставался на уровне эрзаца ценности, тоже был не аксиологичен, а престижен, только особой, другой престижностью — престижностью II. Перед своим окончательным крушением римская система ценностей проходит стадию престижных эрзацев, взаимоисключающих и нераздельных, вместе образующих специфическую атмосферу, особый, превратный мир Ранней Римской империи I в. н. э.

В докладе Н. Н. Трухиной (Москва) «Римские консерваторы и эллинофилы II в. до н. э.» характеризуется общественно-культурная ситуация периода активного внедрения в Рим эллинистической цивилизации. Докладчик подвергает сомнению распространенный тезис о двух основных идеологических течениях этого времени — о «шартиях» врагов и друзей греческой культуры, представленных образами Катона Цензора и Спичиона Старшего. В качестве важнейшего общественного фактора выделяются патристические тенденции римской культуры, первые симптомы ее самоопределения, порождавшие своего рода соперничество латинских «учеников» с греческими «учителями». Н. Н. Трухина подчеркивает два момента: с одной стороны, мотивы, составляющие так называемую эллинофобию Катона, являются устойчивыми компонентами римской идеологии, прослеживаемыми через Цицерона до времен Тацита и Ювенала; их почвой была широкая социальная среда, из которой выдвигались неаристократические творцы латинской культуры — слой состоятельных землевладельческих фамилий италийских городов. С другой стороны, консервативные идеологические комплексы были присущи также лагерю признанных эллинофилов — глубоко образованных и знатных поклонников греческого гения. Докладчица считает, что в первой половине II в. до н. э. культурное римское общество разделялось не на противников и сторонников греческих

наук», но на «партии» старых и новых нравов, различаемые по их отношению к вульгарным и космополитическим формам иноземного влияния.

Л. Е. Семенов (Калинин), выступавший с докладом «О двух аспектах изучения культуры в трудах С. Л. Утченко» отметил, что С. Л. Утченко, как исследователь античной культуры проявлял деятельный интерес не только к ее конкретно-историческому изучению, но и осуществил постановку ряда вопросов теоретического характера. Он указал на oro-акустическую ориентацию полисной культуры классического периода, отметил наличие в античных политических представлениях двух различных традиций: мифо-поэтической и историко-философской. Наблюдения С. Л. Утченко имеют важное значение для исследования не только культуры позднереспубликанского Рима, но и античной идеологии в целом, в том числе идеологии христианского движения. Так, основанная на сочетании мифо-поэтического и понятийно-логического начал специфика христианского мышления способна дать ключ как к раскрытию гносеологических аспектов механизма «универсальности» христианства, так и к объяснению ряда существенных идейных противоречий в раннехристианской литературе (по вопросам об отношении к частной собственности, рабству, государству). Большую роль в дальнейшем изучении комплекса социальных воззрений раннего христианства играют полученные новейшей новозаветной критикой данные, позволяющие говорить, во-первых, о более ранней датировке отдельных христианских произведений и, во-вторых, о гетерогенности социальной базы христианства, включавшей и определенное число представителей азжиточных слоев. Новые наблюдения о наличии таковых в коринфской общине, сделанные А. Дж. Малербом, подтверждаются аналогичными выводами, полученными нами применительно к галатской общине.

Доклад *Н. М. Никулиной* (Москва) «Колонна как архитектурно-символический образ в искусстве Средиземноморья III—II тыс. до н. э.» был посвящен проблемам архитектуры трех важнейших регионов древнего мира (древнего Египта, Сиро-Финикии и Палестины, Эгейских центров). Предметом внимания докладчицы стала одна из форм древней архитектуры — колонна, в разных ее вариантах, распространенных на данных территориях; в докладе говорилось также о развитии архитектуры в названных областях в целом. Колонна рассматривалась не только как конструктивный элемент, но прежде всего как образ, рожденный определенным мировоззрением и художественным мировосприятием эпохи. Взаимосвязь между архитектурно-конструктивной формой и средой, духовной жизнью древнего общества, определилась в результате этого анализа более отчетливо и полно. Конструктивное, функциональное, как это было продемонстрировано в докладе, на определенном этапе, как правило, получало религиозно-символическое осмысление и толкование, рождало новый вариант архитектурного решения. Растительные колонны древнего Египта были первым шагом в развитии этой формы в истории мировой архитектуры; следующим этапом были разновидности растительной, зооморфной и антропоморфной колонны в Сиро-Финикии и Палестине и развивавшиеся параллельно с ними формы эгейских колонн (минойские и микенские). В заключении Н. М. Никулина коснулась и вопросов греческих ордерных систем, сложившихся во многом на основе достижений предшествующего периода. Основные ордерные системы греков (дорическая и ионийская) уже имели многое для своего развития не только в эгейской архитектуре, но и в архитектуре всего Средиземноморья II тыс. до н. э.

В. М. Смирин (Москва) выступил с докладом «О некоторых характерных чертах римского брака». Докладчик рассматривает эволюцию «законного брака» на фоне римской системы «гражданского» родства, антропонимии и наследования. Структурообразующим элементом этой строго патрилинейной системы оставалось положение детей во власти отца. Поэтому для жены — даже при браке с ее переходом в фамилию мужа — не находилось в ней собственного места. Оно парадоксальным образом уподоблялось «месту дочери» по отношению к мужу и «сестры» по отношению к детям. При браке «без перехода под власть» жена в фамилию мужа вообще не входила. Вся эволюция римского брака к пресловутому «свободному» касалась только положения жены (ее подвластности, имущественных прав, свободы развода) и не сказывалась на юридическом положении детей, в нем рожденных, т. е. именно на аспекте, непосредственно связанном с целью законного брака, в который мужчина вступал «ради рождения детей», продолжавших его фамилию и носивших его имя. Положение жены, всегда сохранявшей от-

цовское родовое имя, но рожавшей детей мужу, оставалось «пограничным» по отношению к фамилии¹ вне зависимости от формы брака. Это, по мнению докладчика, позволяет говорить о римском браке как о едином явлении, несмотря на его внешние метаморфозы.

Закрывая научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко, *Е. С. Голубцова* поблагодарила выступавших и отметила научный интерес всех заслушанных докладов.

¹ Каким оно было по отношению к роду в этруском обществе. См.: *Немировский А. И., Цымбурский В. Л.* Энгельс о римском роде и некоторые проблемы современной этрусологии.— ВДИ, 1984, № 3, с. 9—10.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРИЗИС III ВЕКА, ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ И ОТОБРАЖЕНИЕ В ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ»

(6 — 9 ноября 1984 г., Галле, ГДР)

6—9 ноября 1984 г. в г. Галле (ГДР) состоялась Международная конференция, посвященная кризису III в. в Римской империи и его отображению в идеологии и культуре. Конференция была организована Отделом древнего Востока и античности университета им. Мартина Лютера г. Галле. Она явилась продолжением Третьего коллоквиума по поздней античности, проходившего в 1982 г. в Лейпциге и посвященного идеологическому развитию в Римской империи в IV—V вв. В конференции приняли участие ученые 10 стран: СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Чехословакии, Австрии, Великобритании, Франции, ФРГ. Заслушано было 34 доклада. На пленарных заседаниях обсуждались вопросы социально-экономического развития Римской империи в III — начале IV в., ее социальной структуры, а также проблемы римской философии и религии, особенности развития римской историографии, литературы и искусства. На секционных заседаниях рассматривались проблемы эволюции римского права, особенности развития римских и греческих городов, эволюция войска, проблемы развития латинского и греческого языков; обсуждались изменения, происходившие в социальных слоях римского общества, а также роль спорта и отношение к нему в период поздней античности. Существенное внимание было уделено отображению процессов, связанных с кризисом III в., в сознании людей и искусстве того времени. Значительная часть докладов по этой тематике базировалась на анализе данных археологических раскопок, осуществляемых в различных регионах бывшей Римской империи и сопредельных с ней областей. В ряде докладов рассматривалась специфика развития Балкано-Дунайского региона в ходе кризиса III в. и в период временной стабилизации социально-экономического развития, имевшей место в начале IV в.

Конференция открылась докладом *Р. Гюнтера* (Лейпциг) «Социально-экономические отношения в Римской империи в III в.». Докладчик показал, что в основе кризиса III в. лежали разложение античного общественного строя, обострение всех социальных и классовых противоречий; из кризиса империя вышла значительно трансформированной, но она не стала ни феодальной, ни феодализирующейся — началась переходная эпоха, длившаяся до VI или даже VIII в., когда конституируется класс феодально-зависимых крестьян. По мнению Р. Гюнтера, рабство заменялось колонатом не потому, что труд колона был рентабельнее труда раба, а потому, что крупные хозяйства были автаркичны, мало связаны с рынком и не нуждались в квалифицированных, специализирующихся на отдельных видах работ рабах, производивших продукцию для рынка, а также потому, что с обеднением крестьян и развитием патронии эти хозяйства находили внутри общества рабочую силу. Колоны попадали во все большую зависимость, но они не представляли собой элемента феодализации, поскольку вписывались в общественный строй, базировавшийся на рабстве; если еще не юридически, то

фактически они сближались с посаженными на землю рабами. Соответствующие изменения стали заметны с конца III в., но кризис III в. уже обуславливался началом кризиса рабства.

Вторым основным докладом конференции был доклад *Е. М. Штаерман* (Москва) «Религиозные течения в III в.», который отличался широтой постановки проблемы и вызвал живой отклик аудитории. Докладчица отметила особую роль в III в. религиозно-философских систем, приобретших значение в связи с обострением идеологического нажима императоров на подданных, господ — на эксплуатируемые классы, протест которых также облекался в религиозную форму — культы близких трудящимся богов, не входивших в официальный пантеон. *Е. М. Штаерман* выступила против распространенной точки зрения, согласно которой, на религиозные верования римлян большое влияние оказывали восточные культы. По мнению исследовательницы, эволюция религиозных взглядов римлян была теснейшим образом связана с процессами, происходившими внутри самой империи, и эта эволюция была исконно римским явлением, в то время как влияние Востока в сфере религии было весьма и весьма поверхностным. В докладе было убедительно показано приближение раскола в области идеологии, выраженной в религии: классы, уходящие в прошлое, склонялись к наиболее пессимистически оценивавшим земной мир системам, в то время как новые, восходящие классы искали в религии оправдания активной борьбы со злом. Выход из многих проблем дало христианство, удовлетворившее запросы различных слоев: императорам оно дало догму и понятие «ереси», трудящимся — надежду на «тысячелетнее царство», новым классам — идею прогресса, т. е. возможности нового мирового порядка.

В ряде докладов были рассмотрены особенности социальной структуры Римской империи в III в. *К. П. Ионе* (Берлин) сделал доклад на тему: «Imperator et nondum senator. Сенаторы, всадники и первые императоры несенаторского происхождения». В докладе *А. А. Чекаловой* (Москва) «Кризис III в. и особенности формирования сенаторского сословия Константинополя» было показано, что основание новой столицы, Константинополя, и возникновение там сената и сенаторского сословия были непосредственно связаны с кризисной ситуацией на Западе, выразившейся в постоянных конфликтах между императором и его администрацией и римским сенатом. Создание сената в Константинополе решало проблему пространственного отделения родовитой аристократии от возросшей в своем влиянии в ходе кризиса III в. служилой знати. Причины возникновения сената в Константинополе повлияли на особенности формирования сенаторского сословия Восточной Римской империи в IV в., определив и его специфические черты: непрременную связь титула с должностью, мобильность, своеобразие материальной базы.

Социально-экономические аспекты кризиса III в. были рассмотрены и в докладе *А. Сусевяну* (Бухарест), который остановился на особенностях развития района Добруджи. Городу как носителю культурных традиций был посвящен доклад *Х. Фишера* (Берлин). Специфика войска находилась в центре внимания *М. Шпрингера* (Дрезден), прочитавшего доклад «Так называемая реформа императора Галлиена».

Эволюция римского права в период кризиса III в. была рассмотрена в докладах *И. Кэна* (Берлин), *Г. Хэртеля* (Лейпциг) и *Т. Штернберга* (Росток).

Большой интерес вызвал доклад *И. Буриана* (Прага) «Кризис III в. и средства пропаганды того времени». Докладчик проследил основные этапы формирования императорской пропаганды и ее отличие от сенаторской. Это отличие, по мнению исследователя, заключалось в большей последовательности и целенаправленности.

Особенностям идеологического развития империи в период кризиса III в. был посвящен также доклад *И. Кертеца* (Будапешт) «Провинция Азия в Римской империи». На примере Дунайского региона эти проблемы были рассмотрены в докладе *Р. Хозека* (Прага) «Римская армия в Дунайском регионе и ее религия», на примере Восточно-Балканского региона — в докладах *Н. Станева* (София) «Дунайский лимес во второй половине III в.», *Зл. Гочевой* (София) «Культ императора в Никополе на Истре» и *М. фон Цимински* (Галле) «Религия римской армии по раскопкам в Народной Республике Болгарии». Изменению понятия философского термина «эвтаксия» был посвящен доклад *И. Ирмшера* (Берлин).

Общекультурная ситуация в империи была рассмотрена в докладе *М. Опермана* (Галле) «Эволюция искусства в III в. на примере восточнобалканских провинций», ко-

торый явился плодом его многолетних раскопок на территории Болгарии. Анализу раскопок в Киренаике был посвящен доклад *А. Ляронда* (Париж). Докладчик пришел к убедительному выводу о сочетании ухудшения внешнеполитической ситуации в данном регионе Римской империи с обострением социально-политического положения в империи в ходе кризиса III в., выделив при этом отдельные этапы кризиса и показав их неоднозначность. К этим докладам примыкали доклады *Б. Андрес* (Марбург) «Кризис, осознание кризиса, преодоление кризиса на примере искусства саркофагов III в.», *К. Цимермана* (Росток) «Проблема саркофагов III в.», *Т. М. Шмидта* (Берлин) «Новый фрагмент саркофага с изображением колесницы из раннехристианско-византийского собрания» и др.

Проблемы искусства были рассмотрены и в докладах *В. Шиндлера* (Берлин) «Классицизм — симптом кризиса?», *Г. Цинзерлинга* (Иена) «К вопросу о двух направлениях стиля во второй четверти III в.», *Д. Рэслера* (Берлин) «Индивидуум — тип — эпоха. Городской портрет III в.», *А. Эфенбергера* «Христианское искусство III в.» и др.

Особенностям развития латинской литературы в период кризиса III в. были посвящены доклады *В. Курша* (Галле) «Перестройка латинской литературной системы в III в.», *П. Л. Шмидта* (Констанц) «Кризис языческой латинской историографии в конце III — начале IV вв.», *Ф. Кэрнса* (Ливерпуль) «Менандр Ритор. Риторика и культура конца III в.» и др.

Проблемы спорта в поздней античности были рассмотрены в докладах *И. Вайлера* (Грац) и *И. Эберта* (Галле).

Доклады и оживленные дискуссии, развернувшиеся на конференции, показали, что III век не был лишь временем постоянного упадка, но что в ходе кризиса имели место отдельные периоды временной стабилизации, открывавшие путь росткам будущего.

А. А. Чекалова

ВОЗМОЖНО ЛИ ЕДИНООБРАЗИЕ В ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИМЕН?

Воистину новое — хорошо забытое старое. Когда я в мае 1984 г. выступал на IX Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ с предложением об унификации греческих имен собственных хотя бы в пределах одного журнала, я не помнил, что чуть ли не полвека назад вопрос этот уже обсуждался на страницах «Вестника древней истории», и только благодаря указанию Э. И. Соломоник (которой я за это искренне благодарен) нашел статью М. Протасова (в остальном мне совершенно неизвестного) под заглавием «Об упорядочении и унификации транскрипции собственных имен и исторических терминов в истории античного мира» (ВДИ, 1940, № 1, с. 102—113). Уже тогда автор отмечал, что доставшаяся нам в наследство «хаотическая, неряшливая, разнородная и случайная» транскрипция нуждается в упорядочении; здесь же приводилось множество примеров действительно вопиющего разноречия в передаче античных имен собственных и делались довольно капитальные предложения.

Нельзя сказать, чтобы положение с тех пор совсем не изменилось. Так, почти повсюду в древнегреческих именах утвердилось в интервокальном положении глухое «с» (Гесиод, Писистрат), и никто, кажется, не переводит «центурион» как «фельдфебель». Нельзя также утверждать, что в статье М. Протасова все было бесспорно, не говоря уже о некоторых прямых ошибках (так, например, рекомендовалось совершенно неправильное написание «Кай» и «Кней» вместо единственно возможного «Гай» и «Гней»). Вместе с тем ясно, что вопрос был возбужден с полным основанием и что в целом статья М. Протасова осталась — увы! — гласом вопиющего в пустыне. И до сих пор всякий, кому приходится читать издаваемые у нас книги и статьи по древней истории, античной литературе и другим областям античной культуры, включая переводы древнегреческих авторов, не может не обратить внимания на царящий в них разноречие при передаче древнегреческих имен собственных (и не только собственных).

Так, например, в гомеровском эпосе действуют два Аякса — с Саламина и из Локриды, и специалисты по мифологии полагают, что эта пара возникла из раздвоения первоначального одного образа. На страницах же наших книг и журналов вместо одного героя разгуливают целых три: Аякс, Аянт и Эант. Право на существование имеют только первая (латинская) форма и последняя (от греческого родительного падежа Αἴαντος). Что касается «Аянта», то он обязан своим появлением лишь филологической беззаботности такого крупного знатока античности, каким был Ф. Ф. Зелинский. Вводя форму «Аянт», он, по-видимому, думал, что приближает ее к оригиналу, не замечив, однако, того, что греческий дифтонг *ai* никогда не передается на русский язык через «ай»: никто не говорит и не пишет «айстетика», «Айсхил», «Айгейское море» и т. п. Впрочем, ту же ошибку повторил недавно автор одной работы, введя термин «пайдагог» и «пайдотриб», сохранив, впрочем, правильное написание «пропедевтика». Из этого ясно, что от «Аянта» и «пайдотриба» надо избавиться как можно скорее, поскольку эта транслитерация является совершенно субъективной и противоречащей всей отечественной традиции. Что касается форм «Эант» и «Аякс», то первая вполне соответствует принятой у нас транслитерации с древнегреческого (она используется, кстати, в издании «Мифологической библиотеки» Аполлодора, выполненном В. Г. Боруховичем для «Литературных памятников»), и предпочтение, отдаваемое второй, объясняется только тем, что в такой форме это имя укрепилось у нас благодаря переводам гомеровских поэм Гнедича, Жуковского и Вересаева.

Сложнее обстоит дело с разночтениями, восходящими к традиционному различию между так называемым эразмовым и рейхлиновским произношением, осложненному к тому же западным влиянием. Как известно, первое произношение является для России в значительной степени «литературным»; второе поддерживалось давними связями с Византией, нормами церковного языка и было общепризнанным еще на протяжении всего XVIII в. Соответственно греческая *эта* передавалась тогда через «и» (Омир), начальное придыхание не воспроизводилось (отсюда Иракл, Иродот, «ирои», т. е. «герои»). Придыхательная *тэта* передавалась через прокланяемую многими поколениями гимназистов *фиту*, а когда ее заменили на русское «ф», возникли написания «Афины», «Фивы», «Феодор» и т. п. Со временем, однако, в передаче *эты* возобладало русское «е», придыхание стали воспроизводить через «г»; *тэту* — по западному образцу — через «т». Так появились «Гомер», «Геродот» (но сохранился Ирод) и дублеты вроде «Тесей» и «Фесей», «Прометей» и «Промифей».

С дифтонгами дело обстояло как будто бы проще. *Ai* в начале слова стали передавать через «э», в середине — через «е»: напомним уже приводившиеся выше примеры (Эсхил, Эант), к которым можно прибавить «Эгея» и «Гэфеста»; такая же судьба постигла дифтонг *oi* (Эдип, Энона, метеки). Дифтонг *ei* закрепился в форме русского «и» (Фидий, Писандр, Гиперид; написание «Посейдон» (при том, что известного философа мы все-таки называем «Посидонем») — реверанс в сторону «западной» традиции. Наиболее неустойчивой оказалась судьба дифтонга *eu*: никто, конечно, не пишет и не говорит «Эвропа» и «Эвгений», но разночтения «Еврипид» и «Эврипид», «Евбея» и «Эвбея» могут попасться на страницах одного и того же журнального номера.

Еще одним источником непоследовательности служит передача имен то по форме именительного падежа, то по форме основы косвенных падежей. Так возникают пары «Креон» и «Креонт», «Тевфис» и «Тевфида» и т. п.

Есть ли возможность и надобность какой-либо унификации в этом вопросе? Что система и порядок в любом деле лучше хаоса и бессистемности, ясно каждому. В нашем случае приходится, однако, сталкиваться с таким мощным фактором, как традиция, упразднить которую нельзя и не нужно. Было бы чудовищно, если бы пушкинский юродивый не соглашался «молиться за царя Герода», коль скоро Ирод не только вошел в русский язык как имя собственное, но и стал именем нарицательным¹. Никому не придет в голову переименовать Теодориха в Феодориха, Париса в Париду (по основе косвенных падежей, как, например, Артемида) или знаменитую «ойкосную» теорию Бюх-

¹ Стилистическую окраску позднего «и» на месте классического «ге» хорошо почувствовал М. Булгаков, введя в лексику «Мастера и Маргариты» написание «игемон», — для современного читателя «гегемон» обозначает не «начальника», а «руководителя, предводителя» в широком общественно-политическом смысле.

нера в «эксную» (хотя в «экономике», «экологии» начальное *oi* передается через «э»). Конечно, написание и произношение имен и терминов, имеющих за собой многовековую или хотя бы достаточно длительную традицию, сохранится независимо от любых предложений. Но транслитерация сотен имен собственных и нарицательных, употребительных только в специальной литературе или не имеющих достаточно устоявшегося начертания, от разумной унификации только выиграет.

На мой взгляд, разумными можно считать следующие правила:

1. Греческую *tetu* передавать через «ф»: пусть наряду с «Афиной» звучит «Афинея» (а не «Атенея»²), «Фасос», «Орфия», «Радаманф» и не будет нелепостей, когда сына Фиста называют Эгистом, хотя в греческом в обоих случаях — один и тот же звук.
2. Дифтонги *oi* и *ai* передавать через «э» в начале слова и «е» — в середине: «Эномай», «Энофиты», «периеки» (исключением, может быть, явятся слова, где гласные *o* и *i* произносились раздельно: Оилей, Оилид). Примеры на передачу *ai* приводились выше; можно добавить «Эгиу», «Энея», «Эака» и «Панетия», «Исея», «Гемона».
3. Дифтонг *eu* передавать через «ев»; у нас уже приобрел права гражданства Еврипид (см. БСЭ, Краткую литературную и Театральную энциклопедии, издания его трагедий 1960, 1969 и 1980 г.) Почему не последовать его примеру и не писать «Евмениды», «Еврип», «Евримедонт», «Евбея» и т. п.?!
4. Исходить из формы основы косвенных падежей, как мы это делаем, говоря «Артемиды» или «гиганты». Тогда правильными будем считать формы «Гевфида», «Алкестида», «Анакреонт» и т. п.

Разумеется, я далек от мысли, что в этой краткой заметке я исчерпал все трудности, которые могут возникнуть при попытке хотя бы относительной унификации греческих собственных имен и терминов. Читатели ВДИ, наверное, найдут еще другие примеры непоследовательности, существующей в этой области. Тем не менее надо постараться привести в ней хоть какой-нибудь порядок хотя бы на страницах одного журнала. Если высказанные здесь соображения будут сочтены заслуживающими внимания редакцией ВДИ и читателями (на что можно надеяться в свете их обсуждения на упоминавшейся выше IX Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ), то было бы целесообразно довести их до сведения авторов (это облегчило бы труд редакции) и заинтересованных организаций — Госкомиздата СССР, издательства «Русский язык», Института языкознания АН СССР, принявших участие в обсуждении сходной проблемы на страницах «Литературной газеты» (№ 49, 7 декабря 1983 г., с. 5).

В. Н. Ярго

² Так передает это имя, как, впрочем, *tetu* почти во всех других случаях употребительный у нас «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого. Причина этого мне непонятна. При наличии давней традиции и вошедших в русский язык написаний типа «Афина», «Парфенон», «Фивы» какая необходимость в «западной» транскрипции?

ПРИЛОЖЕНИЕ

CENSORINUS DE DIE NATALI LIBER

ЦЕНЗОРИН

КНИГА О ДНЕ РОЖДЕНИЯ

Перевод с латинского и комментарии В. Л. Цымбурского

XII. И, право, нет ничего невероятного в том, что к нашему рождению причастна музыка. Заключается ли она только в звуке, как говорит Сократ²⁰, или в звуке и в движении тела, по Аристоксену, или в них обоих и еще — в движении души, как думает Феофраст,— определенно, много в ней божественности и всего более властна она в движении душ. Потому что, не будь она мила бессмертным богам, состоящим из божественной души, то явно ради убогатворения богов не были бы введены игры на сцене, и не было бы флейтиста при всех молениях в святых храмах, и не справлялся бы с флейтистом Марсов триумф, ни Аполлону не была бы придана кифара, ни Музам — флейты и прочее в том же роде, ни флейтистам, которыми убогатворяются божества, не было бы позволено устраивать публичные игры и трапезовать на Капитолии, или в Малые Квинкваторы, то есть в июньские иды, бродить по городу одетыми, во что захотят, ряжеными и хмельными. Да и сами души людей — божественные, хотя против и кричит Эпикур,— природу свою познают через песни. Чтобы легче сносить тяготу,

²⁰ Ср. *Plat.*, *Symp.* 215c 6; *Philb.* 17b.

например, в корабельном плавании — у корабельщиков музыка; и когда легионы бьются в строю, даже смертный страх прогоняется трубой. Потому Пифагор, как рассказывают, чтобы проникся дух своей божественностью, имел обыкновение, прежде, чем предаться сну, и после пробуждения играть на кифаре, и врач Асклепиад разум душевнобольных, возмущенный недугом, часто симфонией возвращал к его природе. А Герофил, наставник в том же искусстве, говорил, что пульс в венах бьется в музыкальных ритмах. Итак, коль скоро в движении и тела, и души есть гармония, — без сомнения, музыка не чужда нашему рождению.

XIII. Сюда присоединяется и то, о чем возвестил Пифагор, — будто весь этот мир основан на музыкальном порядке, и семь подвижных планет между небом и землей, которыми управляемы рождения смертных, имеют движение *ἑρμῆον* [в ритме] и промежутки, соразмерные музыкальным диастемам; и все они, подобно со своими высотами, издают разные звучания, сливающиеся так, что вместе льются сладчайшей мелодией, неслышной нам из-за мощи звука, не вмещающегося в узкие отверстия наших ушей. И как Эратосфен из геометрических выкладок вывел наибольшую окружность земли в 252 000 стадиев, так и Пифагор указал, сколько стадиев между землей и каждым из светил. А под стадием при этом измерении мировых расстояний понимать следует преимущественно тот, который зовут италийским, — в 625 футов; потому что есть и другие различной длины, например, олимпийский в 600 футов, а также пифийский — в 1000.

Итак, Пифагор предполагал между Землей и Луной 126 000 стадиев, промежутков, равный тону; а от Луны до светила Меркурия, которое зовут Стилбоном, — половина этого, как бы полутон; а отсюда до Фосфора, светила Венеры, почти столько же, то есть еще полутон; отсюда до Солнца в три раза больше, словно полтора тона. Значит, солнечное светило отстоит от Земли на три с половиной тона, что зовется *διὰ κέντε*, а от Луны — на два с половиной (это значит — *διὰ τεσσαράων*). От Солнца же до Марсова светила, которому название Пироент, такой же промежуток, как от Земли до Луны, составляющий тон; отсюда до светила Юпитера, что зовется Фэтон, половина этого, равная полутону; столько же от Юпитера до Сатурнова светила (имя ему — Фенон), значит, еще полутон, и так же полутон оттуда до высочайшего неба с созвездиями. Итого от высочайшего неба до солнца диастема *διὰ τεσσαράων*, то есть в два с половиной тона, а от того же неба до поверхности Земли шесть тонов, в которых заключаются симфония *διὰ πασῶν*²¹.

И многое другое, о чем говорят музыканты, он соотнес с иными светилами и показал, что весь этот мир — *ἑναρμόνιος* [гармоничен]. Потому и написал Дорилай, будто мир — инструмент бога, а другие добавляли, что он — *ἑπτάχορδος* [семиструнный], оттого что имеются семь светил, более всего пребывающих в движении. Но здесь не место подробно разбираться во всем этом. Если бы захотел я это отдельно собрать в одну книгу, то и тогда мне показалось бы мало места. Лучше уж — и поскольку слишком далеко увела меня сладость музыки — вернуться к намеченному.

XIV. Изложив то, что предшествует дню рождения, расскажу, как определяются годы, называемые *ἡλικιαστῆρικος*²², и какие есть мнения о ступенях человеческой жизни. Варрон думает, что существуют пять равномерно распределенных ступеней жизни, и каждая, кроме последней, — по 15 лет. На первой ступени до 15-го года — *pueri* «дети», называемые так, поскольку они чисты (*puri*), то есть безбороды; на второй — до 30 лет — *adolescentes* «подростки», прозванные так оттого, что они растут; на третьей ступени пребывают до 45 лет, именуясь «юношами» (*iuvenes*), ибо могут государству помогать (*iuvare*) в военном деле. На четвертой вплоть до 60-го года — величаемые «старейшинами» (*seniores*), потому что тогда тело впервые начинает стариться. А отсюда до конца жизни у каждого — пятая ступень, а тех, кто на ней, именуют «стариками» (*senes*), так как в этом возрасте тело уже страдает от старости.

²¹ Исходная величина Пифагора — расстояние до Луны (один тон) — составляет около 23 400 км, при реальной величине от 3 564 000 до 406 800 км; не лучше, на современный взгляд, обстоит дело с пропорциями: ср. минимальное расстояние от Земли до Солнца 147 117 млн. км при трех с половиной «тонах» по Пифагору.

²² Собственно, «возрастные ступеньки» (следом дается точная латинская калька *gradus aetatis*).

Врач Гиппократ расписал возраст по семи ступеням. Концом первой он счел седьмой год, второй — 14-й, третьей — 28-й, четвертой — 35-й, пятой — 42, шестой — 56-й, седьмой — последний год человеческой жизни²³. Солон же образовал десять частей, разделив пополам третью, шестую и седьмую гиппократовские ступени, чтобы в каждом возрасте было по семь лет²⁴. Перипатетик Стасей к этим десяти семилетиям Солона прибавил еще два и сказал, что полная протяженность человеческой жизни — 84 года, а если кто минует этот срок, то поступает так же, как бегуны и колесницы, проскакивающие за финишную черту. Как упоминает Варрон, в этрусских книгах судеб человеческая жизнь тоже расписана по 12 семилетиям. В то время как она²⁵... может продлеваться обрядами, отвращающими роковой час, до десяти семилетий, а с 70-го года не следует ничего просить, да и нельзя ничего добиться у богов; наконец, после 84 лет люди выживают из ума и не бывает им знамений.

Из всех наиболее приблизились к природе те, что измерили человеческую жизнь семилетиями. Ведь почти после каждого седьмого года создает природа некие члены тела или являет что-то новое в них, как можно узнать и из элегии Солона. Говорит он: ведь в первое семилетие падают зубы, во втором — появляется пушок, в третьем — растет борода, в четвертом — силы, в пятом — созреваем для того, чтобы оставить потомство, в шестом — умеряются страсти, в седьмом — преисполняемся благоразумия и красноречия, в восьмом — то же самое (иные говорят, что в это время притуляется зрение), в девятое все слабеет, в десятое — человек созревает для смерти... но во второе семилетие или в начале третьего голос делается грубым и неровным, что Аристотель зовет *τραγίσειν*, а наши в древности — *irquitallire*²⁶, и потому, как думают, самих тогда называют ирквиталлами, потому что тело начинает пахнуть козлом (*ircum*). А из третьего, подросткового возраста в Греции образовали три ступени, предшествующие возмужалости, ибо зовут в 14 лет — *πῆζ*, а в 15 — *μελλέφηρος*, затем в 16 — *ἔφηρος* и в 17 — *ἔξ ἔφρω*.

И много еще о семилетиях внесли в книги врачи и философы, откуда явствует, что как при болезнях седьмые дни вызывают беспокойство и зовутся *κρίσιμος*, так и в течение всей жизни каждый седьмой год опасен и как бы *κρίσιμος* и зовется «климактерическим». Но составители гороскопов говорят, будто одни из этих лет тяжелее других, и, как полагают некоторые, особенно надо иметь в виду те, которыми завершаются третьи семилетия, а это — годы 21-й, 42-й, потом 63-й и последний 84-й, где Стасей положил предел жизни. А другие — и их немало — передают, что есть лишь один, тяжелейший из всех *κλῆρακτῆρ*, и это год 49-й, который образует семизды семь лет. К их мнению согласно склоняется большинство: ведь квадратные числа считаются самыми могущественными. Наконец, пусть выступит и Платон (эта святая древней философии!), мысливший, что жизнь человеческая завершается хотя и квадратным,

²³ *Hippocr.*, *sepd.* 5; переворачивая хронологию, Цензорин трактует солоновскую схему в качестве логического развития гиппократовской. На самом деле, не менее вероятно обратное развитие: обе схемы основаны на операциях с семеркой, но если у Солона видим механический счет по семилетиям, то гиппократовская схема, будучи более согласованной с реальным биологическим циклом за счет ослабления формальной жесткости § (интеграция нескольких семилетий в одну ступень, неограниченность последней ступени, как и в схеме Варрона), компенсирует это размывание структуры введением «магической семерки» на другом уровне (общее число ступеней).

²⁴ Фр. 19 (по антологии Э. Диля).

²⁵ В заполнение лакуны предложены следующие конъектуры: 1) *quae dum<anos habent quatuor et octoginta tamen homines aetatem suam>* «...хотя они включают 84 года, но люди могут свою жизнь и т. д.» (Ф. Хульч и др.); эта конъектура согласуется лишь с появляющимся в отдельных поздних списках *proferge* «продлить», «отсрочить» (вм. *proferri* «продлиться», «быть отсроченным»); 2) *quae dum<ad novies septenos annos prodigiis privatum factis proferretur>* «которая до 63-х лет длится при являющихся частным образом знамениях» (Н. Зальманн), что совсем плохо, так как рядом прямо говорится о знамениях, бывающих до 84-х лет, т. е. до конца разумной жизни человека (по Цензорину).

²⁶ У Аристотеля это выражение находим в *gen. an.* 5, 7 (788a, 1) и *hist. an.* 7, 1 (581a, 19), в сочинениях, возможно, цитируемых Цензорином по некоему промежуточному источнику (см. выше). Если, что довольно правдоподобно, из того же источника пришло и глоссирующее аристотелевский термин архаичное латинское словечко, — это могло бы быть определенным указанием в пользу идентификации источника-посредника с Варроном.

но девятиричным числом лет, каковое составляет 81 год²⁷. А были также и такие, которые принимали оба числа — и 49 и 81, и меньшее связывали с ночными рожденьями, а большее — с дневными. Большинство же тонко различает чередование этих двух чисел, говоря, будто семерка касается тела, а девятка — души; та относится к телесной медицине и Аполлону, а эта к Музам, поскольку болезни души, называемые *πάθη*, принято музыкой смягчать и целить. Итак, возвещают, что первый *κλιρ ακτήρ* — это год 49-й, а последний — 81-й, средний же, где перемешано и то и другое, приходится на год 63-й, который образуют либо девять семерок, либо семь девяток. Хотя иные и зсвуют его опаснейшим, так как он связан и с телом, и с душой, я, однако, полагаю его немощнее прочих. Ведь хотя он и содержит оба названных числа, но ни одного — в квадрате; и как ни тому, ни другому он не чужд, так и ни в одном не властен. И явно, не многих, почтенных в древности славой, унес этот год. Вспоминаю Аристотеля Стагирита; но, говорят, он так долго доблестным духом противостоял врожденной немощи желудка и частым недугам болезненного тела, что удивительнее, как он дожил до 63 лет, чем то, что не пережил их.

XV. Потому, священнейший Церелий, коль скоро ты безо всякого ущерба миновал этот год, опаснейший для тела, меньше опасаясь за прочие твои «климактеры», которые полегче, — прежде всего зная, что владевает в тебе более природа духа, нежели тела; а мужи, бывшие таковыми, не раньше прощались с жизнью, чем достигали того, 81-го года, где Платон и полагал законный конец жизни и обрел законный конец. В этот год и Дионисий Гераклеийский отказался от пищи, чтобы проститься с жизнью, и, напротив, киник Диоген от сырой пищи заболел холерой. Также и измеритель земли Эратосфен, и платоник Ксенократ, глава старой Академии, прожили до этого же года. Немало также и тех, кто, пересилив крепостью духа тяготы тела, перешли этот порог, как, например, Карнеад, от которого пошла третья Академия, называемая Новой, и который жил до 90 лет, или Клеанф, которому одного года не хватило до ста. А Ксенофан Колофонский был старше ста лет. Демокрит Абдерский и Исократ также, как говорят, почти достигли того же возраста, что и Горгий Леонтийский; а о нем известно, что из всех, живших в древности, был он самым глубоким стариком и насчитывал восемь лет выше ста.

А если почитателям мудрости за доблесть ли духа или по закону судеб выпадала долгая жизнь, не расстаюсь я с надеждой, что также и тебе, долго здравствующему духом и телом, тоже предстоит продолжительная старость. Кого из древних, перебрав в памяти, поставим мы впереди тебя по благоразумию или воздержанности, или справедливости, или мужеству? Кто из них, если бы он был здесь, не передал бы тебе честь всех добродетелей? Кто постыдился бы уступить твоей славе? То, полагаю несомненным, достойно хвалы, что если почти всем им, хотя и благоразумнейшим и далеким от дел государства, не случилось, по большей части, провести жизнь без ущерба и жестокой вражды, то ты, отправляя муниципальные должности, выделяясь жреческим саном среди главенствующих у тебя на родине и даже превзойдя в блеске всаднического сословия ранг провинциалов, не только всегда был в стороне от зависти и упреков, но вместе с высочайшей славой снискал и всеобщую любовь. Кто не добивался знакомства с тобой из блистательного сенатского сословия, а из низкого, плебейского — кто не жаждал этого? Кто из смертных, увидав тебя или узнав твое имя, не привечает тебя как родного брата и не почитает как отца? Кто не знает о безупречной честности, величайшей надежности, невероятной благодетельности, редчайшей скромности и простоте и прочих проявлениях прекрасной человеческой природы, собранных в тебе одном, — и даже о большем, чем кто-либо способен достойно поведать? Потому я и прекращаю это перечисление. Умалчиваю также о красноречии; его знакт в наших провинциях все трибуналы и все восседавшие в них; ему удивились, наконец, и город Рим и священное собрание. Оно само себя довольно прославляет и в настоящем и на будущие века.

XVI. Теперь же, пока я пишу о дне рождения, попытаюсь выполнить мой долг и это, нынешнее время, когда ты — в наибольшем расцвете, обозначу, насколько смогу, яснейшими приметам, откуда легко будет опознан и тот, твой первый день рождения.

²⁷ Ср. *Plat.*, Pol. 10, 615a — b.

²⁸ *Annus vertens* — дословно «оборачивающийся год» (ср. *Cic.*, nat. deor. 2, 53; *Manil.*, I, 516 и т. д.), обычное обозначение текущего времени, у Цензорина — тер-

Временем же я называю не только день или месяц, или годичный оборот²⁸, но и то, что некоторые зовут люстром или великим годом, и то, что именуют веком²⁹.

Впрочем, о вечности, которая вся — единое и величайшее время, сейчас будет сказано лишь немного. Она безмерна, без начала и конца, она — то, что всегда было и всегда будет одним и тем же, и ни одного человека не затрагивает больше, чем другого. Она делится на три срока: прошлое, настоящее, будущее. Из них прошлое не имеет истока, будущее — исхода. А настоящее, которое посреди, до того незначительно и неуловимо, что не имеет никакой протяженности, и кажется, будто оно — не что иное, как соединение минувшего и будущего и притом до того непрочное, что никогда не остается на том же месте; но все пробегающее оно отрывает от будущего и прибавляет к ушедшему. Между собой эти сроки — я говорю о совершившемся и о грядущем — и не равны и не так, чтобы один был длиннее или короче другого. Ведь все, не имеющее предела, не находит и меры для сравнения. Оттого я и не буду пытаться измерять вечность числом лет или веков или, наконец, любой меркой конечного времени. Ведь все это перед бесконечным сроком не составит даже и часа в кратчайший из зимних дней³⁰.

XVII. Чтобы я смог пробежаться по векам и обозначить наш нынешний, начну, оставив в стороне золотые с серебряными и прочие поэтические в этом роде, с основания города Рима, общего нашего отечества; и коль скоро века бывают или естественные, или государственные, расскажу сперва о естественных.

Век — это длиннейший срок человеческой жизни, ограниченный рождением и смертью. Поэтом те, кто считает веком 30 лет, думается, сильно заблуждаются. По Гераклиту этот срок зовется *γενεά*, так как в этом промежутке заключен круг поколения; а кругом поколения он называет время, пока природа обратится от одного человеческого посева к следующему. Впрочем, этот срок — *γενεά* — другие определяют иначе: Геродик пишет, что *γενεά* называются 25 лет, а по Зенону — 30. А что такое век, — я полагаю, до сих пор не исследовано в точности. Правда, много невероятного написали поэты и не меньше — греческие историки, хотя этим и не подобало бы отступать от истины: таков, например, Геродот, у которого читаем, что якобы Аргантоний, царь Тартеса, был 150 лет³¹, или Эфор, передающий со слов аркадян, будто бы цари у них в древности жили до 300 лет. Оставлю это в стороне как явные басни. Но среди самих астрологов, выслеживающих истину в порядке светил и звездных знаков, также не выходит согласия. Эпиген определил длиннейшую жизнь в 110 лет, а Бероз — в 116, другие верили, что она может продлиться до 120 лет, а некоторые — даже и больше. А были и такие, кто думал, будто не для всех мест это одинаково, но по-разному в различных областях соответственно тому, каков в них наклон неба к кругу горизонта³², называемый «клима».

мин, равный простому annus в смысле «минимальный годичный цикл» и в противопоставлении циклам более крупным (anni magni).

²⁹ По старой, очень убедительной реконструкции О. Группе, распределение материала в этой части цензориновского трактата точно соответствует структуре «хронологического» шестикнижия из «Человеческих древностей» Варрона (*Gruppe O. Über die Bücher XIII bis XVIII der «Antiquitates humanae» des Varro's.* — *Hermes*, 1875, X, S. 53 f). Однако не ясно, в какой мере может восходить к Варрону развернутая цензориновская типология «больших лет».

³⁰ ...*unius brumalis instar horae*... — собственно, «как один час в зимнее солнцестояние», когда день включал $9\frac{3}{4}$ равноденственных часа (*Mart. Cap.*, VIII, 346), — сравнение, целиком вытекающее из определения римского «дневного часа» как $1/12$ светлой части суток, «естественного дня», по Цензорину (XXIII); откуда эффект «сжатия» «естественного часа» в зимнее время. Интересно сравнить анализ трехчастного членения времени у Цензорина с аналогичными высказываниями Секста Эмпирика (*Adv. math.* VI, 63, 66; X, 197 sq.), исходящего из нереальности прошедшего и будущего, которой якобы определяется нереальность времени в целом. Для Цензорина реальность будущего и прошлого не подлежит сомнению, а самым низким онтологическим статусом обладает как раз настоящее.

³¹ *Herod.*, I, 163; но у Геродота говорится о 120 годах! Однако цифру 150 со ссылкой не на Геродота, а на Анакреонта находим у Плиния Старшего (VI, 48); остается предположить, что эта цифра рядом с неясной «подкрепляющей» ссылкой на Геродота могла присутствовать уже в «Человеческих древностях», общем источнике для Цензорина и Плиния, у которого перечень аналогичных курьезов намного подробнее цензориновского (*Gruppe. Op. cit.*, S. 55).

³² *Circulus finitor* — калька с *κύκλος ὀρίζων*.

Но хотя истина и скрывается во тьме, однако о том, каковы естественные века в каждом государстве, учат как будто ритуальные этрусские книги. Говорят, в них написано, что начала столетий определяются так: «В который день основывается город или государство,— проживший дольше всех из рожденных в этот день определяет днем своей смерти размер первого века; а из тех, кто в этот день остается в государстве, опять же смерть прошедшего самую долгую жизнь есть конец второго века. И затем так же размечаются сроки остальных. Но поскольку люди о том в неведении, посылаются божественные знамения, указывающие, что каждый из веков окончен». Эти знамения этрусские, опытные в гаруспиции и в своей науке, усердно наблюдая, занесли в книги. Потому в «Тускской истории», написанной, по Варрону, в восьмом их веке, содержится и то, сколько веков было дано этому племени, и сколько уже миновало, и каков был каждый из них, и какими знамениями были отмечены их исходы. И написано так, что четыре первые века были по 100 лет, пятый — 123, шестой — 119, седьмой — столько же, восьмой тогда еще длился, оставались девятый и десятый, по истечении которых должен был наступить конец этрусскому имени.

А у римлян, по мнению некоторых, века разграничивались вековыми играми. Но если этому верить с определенностью, то неопределенной окажется сама величина римского века. Ведь не только не известно, сколько было в прошлом промежутков времени, которые должны бы знаменоваться этими играми, но даже сколько их должно было быть. Ибо, если по Анциату и другим историкам, учреждены они были с тем, чтобы справляться каждый сотый год, то и Варрон в книге первой «О началах сценических представлений» оставил такую запись: «Когда было много знамений, и стена и башня, что между Коллинскими и Эсквилинскими воротами, испытали прикосновение неба, и посему 15 мужей обратились к Сибиллиным книгам, те возвестили, дабы отцу Диту и Прозерпине на Марсовом поле три ночи совершались Тарентинские игры и приносился в жертву черный скот и дабы каждый сотый год совершались игры». О том же Тит Ливий в книге 136: «В тот же год Цезарь с огромными приуготовлениями справил вековые игры, которые был обычай — ибо ими отмечались века — совершать каждый сотый год». Напротив, комментарии 15 мужей, так же как эдикты Божественного Августа, очевидно, свидетельствуют, что повторялись они каждый 110-й год, а к тому же и Гораций Флакк в гимне, исполнявшемся на вековых играх, следующим образом обозначил это время:

«Круг в сто десять лет да вернет обычай
Многолюдных игр, да поются гимны
Трижды светлым днем, троекратно ночью
Благоприятной»³³.

И это разногласие во времени, если развернуть старинные анналы, оборачивается намного большей неясностью.

Ведь первые вековые игры были введены после изгнания царей в год от основания Рима 245, а по комментариям 15 мужей — в год 299-й при консулах Марке Валерии и Спурии Вергинии, «вторые» игры были во второе консульство Марка Валерия Корва с Гаем Пегилием в год от основания города 408-й, а в комментариях 15 мужей написано, что в год 410 «в третье консульство Гая Марция Рутила с Титом Манлием Империзом», третьи игры были, по Анциату и Ливию, при консулах Публии Клавдии Пульхре и Луции Юнии Пулле «в год 505-й, а по комментарию 15 мужей» в год 518-й при консулах Публии Корнелии Лентуле и Гае Лицинии Варе. О четвертых играх существует три мнения; ибо Анциат и Варрон и Ливий сообщают, что они были объявлены при консулах Луции Марции Цензорине и Мании Манлии в год от основания Рима 605-й, а Пизон Цензорий и Гней Геллий, а также и Кассий Гемина, живший в то время, уверяют, будто они устроены спустя три года, при консулах Гнее Корнелии Лентуле и Луции Муммии Ахейском, то есть в год 603-й; в комментариях же 15 мужей они отмечены под годом 628 при консульстве «Марка» Эмилия Лепида и Луция Аврелия Ореста. Пятые игры устроили Цезарь Август и Агриппа при консулах «Гае» Фурнии и Гае Юнии Силане в год 737-й. Шестые же устроил Тиберий Клавдий Цезарь в свое

³³ *Hor., carm. saec. 21—24* (перевод Н. Гинцбурга).

третье консульство с тоекратным консулом Луцием Вителлием в год 800-й, седьмые — Домициан в свое 13-е консульство с Луцием Минуцием Руфом; восьмые — императоры Септимий и Марк Аврелий Антонин при консулах Килоне и Либоне в год 957-й ³⁴.

Отсюда можно видеть, что не было установлено объявлять эти игры ни через 100, ни через 110 лет. Даже если принимать в расчет оба этих срока, не будет достаточно оснований утверждать, что якобы ими постоянно размечались века, — особенно из-за того, что никто не говорит об их устройстве с основания города до изгнания царей, в течение 244 лет, а этот срок, вне всякого сомнения, больше любого естественного века. А если кто верит, будто века разделялись вековыми играми, убеждаемый в том одним лишь возникновением названия, пусть знает; они могли быть названы вековыми оттого, что происходили обычно в человеческой жизни лишь однажды, подобно тому как о многих других редких вещах принято говорить, что они бывают раз в сто лет.

Но предки наши, не зная, каков век по природе, ввели государственный с постоянной величиной в 100 лет. Свидетель тому Пизон, у которого в седьмой книге анналов написано так: «В 600-й год от своего основания Рим вступил в седьмой век в перерыв между консульствами, следующий за консульством Марка Эмилия Лепида, сына Марка, и вторым консульством отсутствовавшего в Риме Гая Попилия». Но то, что у нас ввели такое число лет, произошло не без причины: во-первых, потому что видели среди своих сограждан многих доживавших до этого возраста, затем — оттого, что и здесь, как и в большинстве других дел, хотели подражать этрускам, у которых в первых веках было по сотне лет. А кроме того, как говорит Варрон, могло это случиться из-за того, о чем писал астролог Диоскорид: будто известно в Александрии среди бальзамирующих покойников, что человек не может прожить больше 100 лет, и об этом свидетельствуют сердца тех, кто умирает без всякого телесного повреждения и порчи. Ибо в течение многих лет взвешивая сердца всех возрастов, замечали их прирост и уменьшение: у годовалого оно весит две драхмы ³⁵, у двухлетка — четыре и так каждый год вплоть до 50 лет прибывают по две драхмы; а из этих 100 драхм с 50-ти лет всякий год также убывает по две. Отсюда ясно, что на сотом году сердце возвращается к весу первого года и больше жить не может. Итак, поскольку государственный век у римлян продолжается 100 лет, значит, и первый твой день рождения и сегодняшней приходится на десятый век. А сколько веков предназначено городу Риму — не мое дело говорить об этом. Не умолчу, однако, о прочитанном у Варрона, который в 18-й книге «Древностей» говорит, что был в Риме некий Веттий, небеславный в птицегадании, муж больших дарований, не уступавший ни одному ученому в разборах и толкованиях. Варрон слыгал его слова: если правда, что передают историки о гадании Ромула при основании города и о 12 коршунах, то, мнявав невредимо 120 лет, пребудет римский народ до 1200 ³⁶.

XVIII. Довольно сказано о веке. Теперь расскажу о «больших годах», длина которых до того по-разному соблюдалась племенами и указывалась авторами, что одни видели «большой год» в двух годичных оборотах, а другие — во многих тысячах лет. А как это получалось — прямо сейчас попытаюсь объяснить.

Когда в древних государствах Греции заметили, что, пока солнце в годичном движении совершает свой круг, новая луна появляется то 12, то 13 раз попеременно, тогда решили, будто 12 с половиной лунных месяцев соответствуют естественному году,

³⁴ Издатели обычно вносят в цензориновский перечень множество более или менее вероятных, однако при этом весьма ответственных конъектур, включая ссылки на Анциата при датировках первых двух игр и т. п.; из них мы взяли в перевод лишь необходимые вводные слова о вторых играх и несомненно пропущенные при переписывании данные (имена консулов, годы консульств), надежно восстанавливаемые по фастам.

³⁵ Если счет ведется в римских драхмах (3,37 г), вес сердца должен был колебаться между 6—7 и 340 г. По упоминанию грамматика Диомеда (I, 375 К) о бальзамировщиках трупов говорилось в XV книге «Человеческих древностей»; согласно реконструкции О. Груше, это именно та книга «О веке», которую Цензорин цитирует в XVII, 6.

³⁶ Итак, Риму предстояло погибнуть на 13-м веке; в пересчете на наше летосчисление пророчество Веттия означало, что город должен был пасть между 447 и 547 гг. н. э. (см. *Reinach S. Une prediction accomplie.— Revue de Histoire des Religions*, 1907, 54, p. 1—9).

и так ввели государственные годы, чтобы с дополнениями они составляли то 12, то 13 месяцев; по отдельности их называли годичными оборотами, а соединив попарно, — «большим годом». И назывался этот срок — *τριετηρίς* [трехлетие], поскольку дополнялся также третьим годом, хотя на самом деле двухлетний кругооборот — это *διετηρίς*; отсюда мистерии, через год устраивавшиеся в честь Либера, поэтами называются «триэтерики». Затем, распознав ошибку, удвоили этот срок и образовали тетраэтериду, но называли ее пентаэтеридой из-за того, что повторялась она каждый пятый год. И этот большой год, включающий четырехлетие, казался удобнее, ведь, как известно, солнечный год состоит из 365 дней и примерно четвертой части дня, что составляет один день в четырехлетие. Потому с возвращением пятого года в Элиде справлялся агон в честь Зевса Олимпийского, а в Риме — в честь Юпитера Капитолийского. Но и этот срок, казавшийся согласованным только с движением солнца, но не луны, был удвоен и образована октаэтерида [восьмилетие], которая звалась тогда эннеаэтеридой, так как первый год ее тоже возвращался в виде девятого года. Этот кругооборот считала поистине «большим годом» большая часть Греции оттого, что он состоял из полных лет <и полных месяцев³⁷> как, собственно, и должно быть в большом году: ведь в нем полных дней <2922, полных месяцев³⁸> 99 и восемь полных годичных оборотов. Повсюду верят, будто эту октаэтериду ввел Эвдокс Книдский, но другие передают, что впервые ее составил Клеострат Тенедский, а затем другие по-своему, разнообразно дополняя месяцы, ввели свои октаэтериды, как поступили Гарпал, Навтел, Менестрат и прочие, в том числе Досифей, чья октаэтерида чаще всего приписывается Эвдоксу. Оттого в Греции многие обряды отправляются с величайшей торжественностью через этот промежуток времени, так же и игры в Дельфах, что зовется Пифийскими, некогда устраивались через восемь лет. Ближайшая по протяженности — так называемая додекаэтерида из 12-ти годичных оборотов. Имеется халдейское название у этого года, соотнесенного составителями гороскопов не с движением солнца и луны, но с другими приметами, поскольку за этот срок, говорят, происходит кругообращение погоды, урожая и бесплодия, а также болезней и здоровья³⁹.

Много есть и помимо того «больших лет», как, к примеру, Метонов год, составленный Метоном Афинским из 19 лет; оттого он называется эннеадекаэтеридой и пополняется семь раз, и дней в этом году 6940. Имеется и год пифагорейца Филолая из 59 лет, где 21 дополнительный месяц; также Каллиппа Кизикского из 76, где дополнительно 28 месяцев; и Демокритов из 82 лет — в нем, соответственно, дополнений 108; но еще и Гиппархов из 304 лет, куда дополнения вносятся 112 раз. Из-за того эти годы различны по величине, что нет согласия между астрологами, насколько у солнца в году больше 365 дней или у луны в месяце меньше 30. Но к египетскому большому году луна не имеет отношения. Мы зовем его по-гречески *χρονίον*, а по-латыни каникулярным, так как начинается он, когда восходит созвездие Пса, — в первый день того месяца, который египтяне зовут *θωρηί*. Этот год насчитывает 365 полных дней без единого дополнения. Значит, четырехлетие у них на один день меньше естественного четырехлетия, и потому происходит так, что все возвращается к началу в год 1461-й. Этот год некоторыми именуется *ἡλιακός* [«солнечный»], а другими — *θεοῦ ἐνιαυτός* [«год бога»]. А кроме того, есть год, каковой Аристотель зовет «скорее величайшим, чем большим» и который описывают круги солнца, луны и пяти подвижных светил, сойдясь вновь в том знаке, где некогда были вместе. Глубокая зима этого года — *κατακλυσμός*, что у нас зовут потопом, а лето — *ἐκπύρωσις*, то есть мировой пожар (в эти чередующиеся вре-

³⁷ Очень удачная вставка Зальманна.

³⁸ Конъектура Скалигера — <MMDCCCXXII, menses solidi> — удачнее, чем у Линденброга, восстанавливавшего за числом дней лишь слово menses; в ряду, включающем *anni solidi... dies solidi...*, третий член, естественнее всего, — *menses solidi*. А. Грилли (In: Istituto Lombardo. Rendiconti, 1963, 97, p. 162) предлагает *lunae cursus solidi*, ссылаясь на любовь Цензорина к слову *cursus* для обозначения оборота светил, отмеряющих время. Однако у Цензорина мы ни разу не встречаем этого слова при обозначении счетных отрезков времени (невозможно — **cursus lunae intercalares*, **dies in cursu lunae* и т. п.).

³⁹ См. *Boll F. Dodekaeteris*. — In: RE, Hbd. 9, Sp. 1254 о связи додекаэтериды с зодиакальным кругом («круг 12 зверей») при широко известных параллелях в календарях Восточной Азии.

мена мир словно исходит то огнем, то водой). Аристарх думал, будто в нем 2484 годичных оборота, по Арету из Диррахия — 5552, по Гераклиту и Лину — 10800, по Диону — 10884, по Орфею — 120000, по Кассандру — 3600000. Другие же считали, будто он бесконечен и никогда не замыкается в себе.

Но из всех этих сроков греки в счете времени наиболее учитывают пентаэтериды, то есть четырехлетние кругообороты лет, которые они называют *δωδεκάετας*; теперь у них насчитывается 254-я олимпиада и ныне — второй ее год. «Большой год» такой же величины был и у римлян, называвших его «люстром» [очищением]; по крайней мере, Сервием Туллием он был введен с тем, чтобы каждый пятый год после переписи граждан совершалось очищение, но потомки его в таком виде не соблюли. Ибо между первым люстром, совершенным царем Сервием, и тем, что был проведен императором Веспасианом в его пятое консульство с консулом в третий раз Титом Цезарем, лежит немногим меньше 650 лет, люстров же за это время было проведено не больше 72⁴⁰, а после этого они вовсе прекратились. Однако тот же «большой год» вновь и усерднее начал блюстись благодаря Капитолийским агонам. Первый из этих агонив был устроен Домицианом в его 12-е консульство с Сервием Корнелием Долабеллой, и, значит, агон, справлявшийся в нынешнем году, по счету 39-й. Что касается больших лет, уже сказано достаточно; теперь уместно поговорить о годичных оборотах.

XIX. Годичный оборот по природе — это пока солнце, пройдя 12 знаков, вернется туда, откуда начало путь. Сколько дней в этом сроке — астрономы еще не смогли узнать в точности. Филолай объявил, что в естественном году 364 с половиной дня, Афродисий — 365 $\frac{1}{8}$ дня, а Каллипп — 365, Аристарх Самосский — столько же и $\frac{1}{1623}$ дня, Метон же 365 и $\frac{5}{19}$ дня, Энонид — 365 $\frac{22}{59}$, Гарпал — 365 и 13 равноденственных часов, а нац Эний — 366. Большинство прочих, хотя полагает эту величину неуловимой и невыразимой, но принимает за истину, считая это хорошим приближением: дней — 365.

Коль скоро среди ученейших мужей такое разногласие, что удивительного, если государственные годы, которые по-разному вводили невежественные общины, каждая — сама для себя, настолько же разнились между собой, насколько расходились и с этим естественным годом. Некоторые сообщают, что якобы в Египте древнейший год был из одного месяца, затем царем Исоном он сделан четырехмесячным и окончательно доведен Армином до 13 месяцев и пяти дней. Также и в Ахайе у аркадян, говорят, сперва был трехмесячный год, и прозваны они *πρόσέληνος* не оттого (как кое-кто полагает), что родились прежде, нежели лунное светило появилось в небе, но потому, что год у них был раньше, чем в Греции его сообразовали с движением луны. А есть такие, что передают, будто этот трехмесячный год установил Гор, и из-за этого весна, лето, осень и зима именуется *ῥάρας*, и Год — *ῥρον*, и греческие анналы — *ῥρους*, и составители их — горографами. И кругооборот четырех лет по образу пентаэтериды называли большим годом. А у карийцев и акарнавцев годы были шестимесячные и неравные между собой — дни в них то возрастали, то шли на ущерб, и, соединив их, получали большой год вроде триэтериды.

XX. Но даже если я опущу все эти виды лет, покрытые мглой глубокой древности, — какое разнообразие в тех, что введены на свежей памяти и в согласии с движением луны или солнца, легко увидеть хотя бы тому, кто захотел бы исследовать это по одним лишь племенам Италии (не говорю уже о чужестранцах). Ведь как разные годы были у ферентинцев и лавинян, у албанцев и римлян, — то же самое и у других племен. Но задачей было у всех, — по-разному вводя дополнительные месяцы, выправить свои государственные годы по тому одному, истинному и естественному. Так как долго будет распространяться обо всех, перейдем к году римлян.

По крайней мере, Лициний Макр и позднее Фенестелла писали, будто годичный оборот в Риме с самого начала состоял из 12 месяцев. Но верить скорее следует Юнию Гракхану, Фульвию, Варрону и Светонию, полагающим, что месяцев было десять,

⁴⁰ В тексте LXXV. На самом деле полный список люстров насчитывает лишь 72; отсюда — вполне оправданная конъектура Б. Боргеаи и О. Яна, восстанавливающих LXXII, предполагая, что две наклонные черты были ошибочно приняты за цифру V (см. *Jahn O.* — In: *RhM*, 1848, 5, S. 635 f.; *Berve H.* *Lustrum.* — In: *RE*, Hbd. XXVI, Sp. 2053).

как было в ту пору у албанцев, от которых пошли римляне. Эти десять месяцев следующим образом содержали 304 дня: март — 31, апрель — 30, май — 31, июнь — 30, квинтилий — 31, секстилий и сентябрь по 30, октябрь — 31, ноябрь и декабрь — по 30; из них четыре месяца назывались «полными», остальные шесть — «ущербными». Позднее или Нума, как говорит Фульвий, или, по Юнию, Тарквиний положили 12 месяцев и 355 дней. Хотя очевидно, что луна описывает свои 12 месяцев за 354 дня, но один день оказался лишним, и вышло это то ли по недосмотру, то ли — во что я верю больше — из-за предрассудка, по которому нечетное число считается «полным» и более благоприятным. Как явствует, к прежнему году присоединился 51 день. Поскольку двух месяцев они не покрывали, то из тех шести ущербных месяцев было взято по одному дню и, прибавив их, получили 57 дней, а из них два месяца — январь из 29 дней, февраль — из 28. Итак, все месяцы стали «полными», с нечетным числом дней, за исключением февраля, который один остался ущербным и из-за этого был сочтен несчастливейшим.

Затем, когда представилось удобным вводить каждый второй год дополнительный месяц, чтобы год государственный уравнивался с естественным, дополнения вносились по преимуществу в феврале, между Терминалиями и Царским бегством, и так делалось долго, пока не заметили, что государственные годы оказались несколько больше естественных. Обязанность исправлять это упущение была возложена на понтификов, и порядок восполнений был препоручен их усмотрению. Но большинство из них, из прихоти внося дополнения большие или меньшие — по вражде или благожелательству, с тем, чтобы кто-нибудь быстрее ушел с должности или отправлял ее подольше, либо чтобы откупщик из-за длины года оказался в выигрыше или в убытке, — еще сверх того испортили дело, доверенное им для исправления. Отклонение дошло до того, что великий понтифик Гай Цезарь в свое третье консульство с Марком Эмилием Лепидом, дабы вновь исправить упущенное, вставил два дополнительных месяца из 67 дней, присоединив их к ноябрю и декабрю, — уже после того как пополнил февраль 23 днями; он получил в этом году 445 дней позаботившись вместе с тем об избежании ошибок на будущее: ибо, устранив дополнительный месяц, приспособил год к движению солнца. К 355 дням он добавил десять, которые распределил между семью месяцами, имевшими по 29 дней, так что к январю, секстилию и декабрю присоединились по два дня, к прочим — по одному; и приставил он эти дни к концам месяцев — для того, стало быть, чтобы обряды в каждом из месяцев не сдвинулись с места. Из-за этого теперь, когда в семи месяцах по 31 дню, четыре месяца, бывшие такими с самого начала, распознаются по тому, что ноны у них на седьмой день, а в трех прочих, как и во всех иных месяцах — на пятый.

Кроме того, вместо четверти дня, которая по замыслу должна была восполнять истинный год, он постановил по истечении четырехлетнего круговорота вставлять один день там, где некогда вставляли месяц — после Терминалий. С этого года, так упорядоченного Юлием Цезарем, последующие на нашей памяти называются юлианскими, открываясь четвертым консульством Цезаря. Однако не они одни — хотя они и лучше всего — согласованы с годом природы. Ведь и прежние годы, даже будучи десятимесячными, не только в Риме или в Италии, но и у всех народов также выправлялись, насколько это бывало возможно. И потому, когда здесь будет говорить о каком-то числе лет, не следует предполагать иных, кроме естественных.

XXI. Если бы людям было известно начало мира, мы бы начали оттуда; а ныне рассмотрим тот отрезок времени, который Варрон называет *ιστορικόν*. Он сообщает, что времена делятся на три: первое — от происхождения людей до предыдущего катаклизма, которое из-за неведения нашего зовется *ἄδηλον* (темное), второе — от предыдущего катаклизма до первой олимпиады, под названием *μυθικόν*, ибо много о нем передается сказочного, третье — от первой олимпиады до нас, о котором говорят *ιστορικόν*, потому что совершившееся в это время содержится в подлинных исторических сочинениях⁴¹. Имело ли первое время начало или было всегда, — однако, очевидно, что точно узнать, сколько в нем было лет, невозможно. Второе, хотя его и представ-

⁴¹ По Августину (*de civ. dei* VI, 5; XVIII, 8) это разделение времен давалось Варроном в трудах «*De antiquitatibus divinis*» и «*De gente populi Romani*».

ляют неясно, но верят, что длилось до 1600 лет. От предыдущего катаклизма, который еще зовут Огигиевым⁴², до царства Инаха — около 400 лет, «отсюда до падения Трои — 800⁴³», а от него до первой олимпиады немногим более 400. Только эти последние, как наименее удаленные от памяти историков, хотя и лежащие в конце мифического времени, кое-кто пытался определить точнее. А именно, Сосибий писал, будто их — 345, а Эратосфен — 407, Тимей — 417, Арег — 514 и многие другие — по-разному; само их разногласие говорит об отсутствии ясности.

А относительно третьего времени у авторов тоже были кое-какие разногласия, однако всего лишь в шесть-семь лет; и то всю неясность здесь рассеял Варрон и с обычной своей проницаемостью, то сопоставляя годы различных государств, то пересчитывая затмения и промежутки между ними, извлек истину и явил свет, при котором можно распознать точное число не только лет, но и дней. Согласно с его выкладками, если не ошибаюсь, этот год, для которого как бы примета и заглавие — консульство славнейших мужей Пия и Понтиана, от первой олимпиады — 1014-й, во всяком случае с тех летних дней, когда справляются олимпийские игры; а от основания Рима — 991-й, именно — с Парилий, откуда отсчитываются годы этого города. А из тех лет, которые зовутся «юлианскими», он 283-й с январских календ, где Юлий Цезарь положил начало введенному им году. Из тех же, что называют «годами Августов», он 265-й и тоже с январских календ, хотя император Цезарь, сын Божественного, стал именоваться сенатор и прочими гражданами Августом (по предложению Луция Мунация Планка) с 16-го дня до февральских календ в свое седьмое консульство вместе с консулом в третий раз Марком Випсанием Агриппой. Но египтяне, попав за два года до того во власть и распоряжение римского народа, считают этот год годом Августов 267-м. Ибо как и у нас, у египтян годы заносятся в некие списки: таковы годы, называемые «Набонназаровыми», открывающиеся первым годом его царствования, из которых теперь 986-й; также «Филипповы» годы, что исчисляются от кончины Александра Великого и, будучи доведены до нынешнего, составляют 562 года. А за начало их всегда принимается первый день месяца, которому у египтян название Тот. И было это в нынешнем году в седьмой день до июльских календ, тогда как ста годами раньше, во второе консульство императора Антонина Пия с Бруттием Презентом, тот же день был 13-м до августовских календ, а в это время в Египте восходит созвездие Пса⁴⁴; отсюда можно вывести, что ныне исполняется сотый годичный оборот того большого года, который, как сказано выше, зовется солнечным, каникулярным и годом бога.

А начала отсчета этих лет я указал затем, чтобы никто не подумал, будто все они вместе начинаются с январских календ или с какого-нибудь иного времени; ибо прихоти их учредителей разнились не менее, чем взгляды на это философов: одним казалось, что естественный год начинается вместе с новым солнцем, то есть с зимнего солнцестояния, другим — с солнцестояния летнего, множество — с весеннего равноденствия, а некоторым — с осеннего, иным — с появления Плеяд, а кое-кому — с их заката и многим — с восхода Пса.

XXII. Месяцев два вида: одни — естественные, другие — государственные. Естественные бывают двойными: часть из них — солнечные, часть — лунные. Соответственно солнцу месяц — это пока солнце проходит каждый из знаков в зодиакальном круге, а лунный — это промежуток от новолуния до новолуния. Государст-

⁴² По имени древнего царя беотийских Фив Огига, якобы предвидевшего и пережившего потоп (ср. *Nonn.*, *Dion.* III, 204—208; *August.*, *de civ. dei.* XXI, 8, 2, по Варрону). Пересказ Цензорина расходится в датировке Огигиева потопа со словами самого Варрона в *Rust.* III, 1, 2—3: в первом случае мифический катаклизм приходится на XXIV в. до н. э., во втором — на два века позже; но по Арнобию (V, 8) опять же со ссылкой на Варрона, к 43 г. до н. э. второе тысячелетие после потопа еще не истекло.

⁴³ Лакуна однозначно, иногда в примечаниях, заполняется издателями. Любопытна близость даты полусказачного «царства Инаха» (XX—XVIII вв. до н. э.) к исторической датировке продвижения греческих племен в Центральную и Южную Грецию в начале среднебронзовой эпохи.

⁴⁴ Таким образом, Цензоринем использовался некий источник календарно-хронологического типа, созданный после 138 г. н. э.; из авторов этого времени он цитирует только Светония, почему и предполагается, что его источником мог послужить «Римский год» или «Prata». О хронологических соответствиях в этой главе Цензорина см. подробнее *Grafton A. T., Swerdlow N. M. Technical chronology and astrological history in Varro, Censorinus and others.*— *ClQ*, 1985, v. 35, № 2, p. 454 sqq.

венный месяц — это некое число дней, учитываемое всяким государством в согласии с его установлениями, например у римлян сейчас — от календ до календ. Естественные месяцы и древнее, и общи для всех народов, государственные введены позже и относятся лишь к каждому государству в отдельности. Небесные месяцы, будь то солнечные или лунные, и между собою не равны и не складываются из полных дней. Потому что в Водолее солнце пребывает примерно 29 дней, в Рыбах — около 30, в Овне — 31, в Близнецах — почти 32, и столь же по-разному в остальных; но в отдельных месяцах число дней до того нецелое, что год свой — 365 дней и еще невесть какую частицу, до сих пор не исследованную астрономами, солнце делит между своими 12 месяцами. Луна же покрывает каждый свой месяц за 29 с половиной дней, но и здесь она между собой неравна, одни — длиннее, другие — короче.

А месяцы государств, хотя значительно расходятся между собой в числе дней, зато везде включают только полные дни. У албанцев в марте их 36, в мае — 22, в секстилии — 28, в сентябре — 16, у тускуланцев в квинтилии — 36, в октябре — 32, а у арицинов в том же октябре — 39. Думается, меньше всех ошибались те, кто приспособил государственные месяцы к движению луны, как большинство в Греции, у которых каждый второй месяц включал по 30 дней. В этом не уступали им и наши предки, имея год из 355 дней. Но Божественный Юлий, видя, что при таком порядке ни месяцы не соответствуют, как следовало бы, луне, ни годы — солнцу, предпочел выправить год, чтобы, таким образом, государственные месяцы неизбежно сходились с истинными, солнечными, если не по отдельности, то вместе взятые к концу года.

По Фульвию и Юнию, имена десяти древним месяцам положил Ромул⁴⁵, а именно первые два назвал в честь своих родителей — март в честь отца Марса, апрель — в честь Афродиты, то есть Венеры, от которой, как считалось, произошли его предки; следующие два в честь народа: май — в честь старших по рождению, июнь — в честь юных; остальные по порядку чисел, в котором они стояли, от Квинтилия до Декабря, — соответственно месту каждого. Но Варрон, полагая римлян перенявшими имена месяцев от латинян, весьма убедительно показывает, что создатели имен были древнее города. Так, он убежден, что март назван в честь Марса не потому, что тот был отцом Ромула, но оттого, что воинственно латинское племя; апрель же — не в честь Афродиты, но по «открыванию» (*aperiēdo*), ибо тогда чуть ли не все рождается и природа снимает с рождения затворы; а май — не по старшим получил имя, но по Майе, так как в этом месяце в Риме, как до того в Лации, совершались обряды в честь Майи и Меркурия⁴⁶; июнь также скорее по Юноне, чем по юношам, так как в этом месяце наивысшие почести воздавались Юноне; квинтилий — из-за того, что еще у латинян он стоял на пятом месте; так же и секстилий и далее, вплоть до декабря названные по числам. Наконец, январь и февраль добавлены, правда, позже, но названия их заимствованы еще из Лации: название января идет от Януса, которому он посвящен, а февраля — от слова *februum*: *februum* — это все, что освящает и очищает, и *februa-menta* — очистительные средства, и *februae* — «очищать, делать чистым». Не по-высшему одно и то же зовется *februum*; ибо при разных священных действиях «февруация», т. е. очищение, происходит по-разному. А в этом месяце на празднике Луперкалий, когда очищается Рим, несут горячую соль, ее и называют *februum*; отсюда день Луперкалий, собственно, — *februatus*, и от него далее месяц прозван февралем.

Из этих 12 месяцев названия переименованы только у двух: } квинтилий поименован июлем в пятое консульство Гая Цезаря с Марком Антонием — во второй юлианский

⁴⁵ Весь контекст *nomina... Romulum fecisse*, с высокой вероятностью восходящий через Варрона к самим цитируемым анналистам, представляет замечательное языковое свидетельство: переключаясь с плавтовским (*Vach. 945*) *ei... nomen facio*, он подтверждает бытование в ранней латыни конструкции, продолжающей индоевропейскую *(o) *nomen dhen* «класть имя», отраженную в санскрите (*nama dha*), древнегреческом (*ὄνομα τίθημι*) славянских (др. чеш. *dieti ime*), хетто-лувийских, иранских, фригийском языках (см. *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 140 сл., с литературой).

⁴⁶ Зальмани вслед за М. Шанцем предлагает снять имя Меркурия; однако отождествление римской Майи с матерью Гермеса — факт общеизвестный (*Fest.*, p. 134; *Corp. gloss. Lat. V, 82, 23; August.*, contra *Faustum XVIII, 5*).

Год, а тот, что прежде был секстилием, решением сената при консулах Марции Цензорине и Гае Азинии Галле в честь Августа назван августом — в год Августа 20-й, и в память об этом имена их пребывают и ныне. А после того, хотя многие принцепсы и переменили названия иных месяцев, нарекая их своими именами, но после или сами это поменяли обратно, или после их кончины те, прежние, названия возвращены их месяцам.

XXIII. Осталось немного рассказать о дне, который, так же как месяц или год, бывает либо естественный, либо государственный. По природе день — это время от восхода солнца до солнечного заката, и противоположное ему время — это ночь от заката солнца до восхода. А государственным днем называется время, за которое происходит один оборот неба, включающий и истинный день и ночь; например, когда говорим, что кто-нибудь прожил только 30 дней, то подразумеваются также и ночи. А день такого рода астрономы и государства определяют четырьмя способами. Вавилоняне установили день от солнечного восхода до следующего восхода того же светила, а большинство в Умбрии считает от полудня до полудня, афиняне же — от заката солнца до заката. Наконец, римляне полагают, что день — это от полуночи до полуночи. Тому свидетельство — общественные обряды и ауспиции магистратов, при которых, если что-то произойдет после полуночи, но до рассвета, то говорят, будто случилось в день, следующий за этой ночью. И то же самое означает, когда у рожденных за 24 часа — от полуночи до следующей полуночи — один и тот же день рождения⁴⁷.

Всем известно, что день разделен на 12 часов и ночь на столько же. Но я уверен, что в Риме это соблюдается с появления солнечных часов. А которые из них древнейшие, установить трудно: одни говорят, будто первые были установлены около храма Квирина, другие — что на Капитолии, а некоторые — что у храма Дианы на Авентине. Хорошо известно, что на форуме их не было раньше тех, которые Манлий Валерий, привезя из Сицилии, поместил на колонну возле ростров. Поскольку они, будучи размеченными согласно широте Сицилии, не совпадали с римскими часами, цензор Луций Филипп рядом установил другие. Затем, немного спустя, цензор Публий Корнелий Назика изготовил водяные часы; но даже их из-за привычки узнавать часы по солнцу стали звать солярием. Вероятно, слово «часы» не менее 300 лет оставалось в Риме неизвестным; ведь в XII Таблицах никогда не найдешь указания на час, как в других, позднейших законах, но только — «до полудня», видимо, потому, что полдень разделял части дня, в ту пору разбитого надвое⁴⁸. А другие разбивали день на четыре части, но и ночь также: об этом свидетельствует и подобный воинский обычай, когда говорится — «первая стража», «вторая», «третья» и «четвертая».

XXIV. Есть еще более сроков у ночи и дня под другими, отмечающими и различающими их собственными названиями, которые повсюду находим в писаниях давних авторов. Изложу их все по порядку⁴⁹. Начну с полуночи, которая — первый и последний срок римского дня. Ближайшее к ней время зовется «за полночь» (*de media nocte*); за ним следует «петушьё пение» (*gallicinium*), когда начинают петь пе-

⁴⁷ У Макробия (*Sat. I, 3—6*) и Авла Геллия (*III, 2, 4*) находим подборки варроновских цитат, почти дословно совпадающие с текстом Цензорина и, по свидетельству последнего автора, почерпнутые из «Человеческих древностей». Ср. также *Lyd., de mens., II, 1*.

⁴⁸ Плиний Старший (*HN, VII, 211—215*) передает рассказ о привозе часов из Сицилии и установке их вблизи ростров как выдержку из Варрона, но в отличие от Цензорина отрицает наличие упоминаний о полудне в законах XII Таблиц, считая выделение этого срока поздним нововведением (вопрос остается спорным); краткому упоминанию Цензорина о часах у храма Квирина соответствует у Плиния рассказ об установившем их цензоре Папирии со ссылкой на Фабия Вестала.

⁴⁹ Ф. Гинцель предполагает (для начала весны), что выделяемым у Цензорина частям суток соответствуют: «за полночь» — 1—2 часа ночи, «петушьё пение» — 3 ч. ночи, «умолкание» — 4—5 ч. утра, «перед рассветом» — ок. 6 ч. утра, «рассвет» — около 7½ утра, «утро» — 8—9 ч., «перед полуднем» — 10—11 ч., «полдень» — 12, «после полудня» — около 1 ч. дня, «крайний час» — около 4—5 ч., «вечер» — 6 ч., «потемки» — 6—7 ч., «при зажженном свете» — 8 ч., «отход ко сну» — 9 ч., «безвременье» — 10 ч., «перед полночью» — 11 ч., «полночь» — 12 ч. (*Ginzler F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Bd. II. Lpz, 1911, S. 164*). В ряде моментов изложение Цензорина очень близко к варроновскому в *L.L. VI, 2—7*.

тухи; потом «умолкание» (*conticium*), когда они смолкают; теперь — «перед рассветом» (*ante lucem*) и вот «рассвет» (*diluculum*), когда уже светло, хотя солнце не встало; время после рассвета зовется «утром» (*mane*), когда светло уже при солнце; после этого — «перед полуднем» (*ante meridiem*), далее «полдень» (так называется середина дня), а там — «за полдень» (*de meridie*). Отсюда уже — «крайний час» (*suprema*). Правда, большинство считает, что «крайний час» — это после заката солнца, потому что в XII Таблицах написано так: «Закат солнца пусть будет крайним сроком». Но уже после того трибун Марк Плеторий провел плебисцит, где было записано: «Городской претор, который ныне и всякий будущий, пусть имеет при себе двух ликторов и пусть он до крайнего часа — до заката солнца — вершит суд среди граждан». За «крайним часом» следует «вечер» (*vespera*), до восхода того светила, которое Плавт называет *Vesperugo*, Энний — Веспером, Вергилий — Геспером. Отсюда далее — «потемки» (*crepusculum*), названные так, пожалуй, из-за того, что вещи неясные зовутся «темными» (*сгеггае*), а это время — не ясно, ночное оно или дневное. После него следует время, которое мы зовем «при зажженном свете» (*luminibus accensis*), а древние называли «при первой лучине» (*prima face*); затем — «отход ко сну» (*concupitum*), когда идут спать; потом — «безвременье» (*intempesta*), то есть глубокая ночь, когда не время ничего делать; теперь — «перед полночью» и вот — полночь⁵⁰.

⁵⁰ На этой фразе текст обрывается, уже вплотную подойдя к логическому концу. Трудно представить, что в нем могло бы еще содержаться, — разве что заключительное хвалебное обращение к Квинту Церелию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВМУ — Вестник Московского государственного университета
 ВЯ — Вопросы языкознания
 НАА — Народы Азии и Африки
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 СА — Советская археология
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СЭ — Советская этнография
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
 ACF — Annuaire du Collège de France. Paris
 AR — Archaeological Reports
 BCMA — The Bulletin of the Cleveland Museum of Art. Cleveland
 BIFAO — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire
 BM — The British Museum
 BMMA — The Bulletin of the Metropolitan Museum of Art
 CAH — Cambridge Ancient History
 CM — Cairo Museum/Le Musée des antiquités égyptiennes du Caire
 DJD — Discoveries in the Judaean Desert of Jordan. Oxford
 EAA — Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. V. I—VII. 1958—1966
 ES — *Gerhard E., Korte G.* Etruskische Spiegel. Bd. I—V. Berlin, 1843—1897
 GNS — Gazette Numismatique Suisse
 IEJ — Israel Exploration Journal
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JQR — The Jewish Quarterly Review, Philadelphia
 LA — Lexikon der Ägyptologie. Bd. I. Wiesbaden, 1975
 LD — [*Lepsius C. R.*] Denkmäler aus Ägypten und Aethiopien nach den Zeichnungen der von Seiner Majestät dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV. nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842—1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition auf Befehl Seiner Majestät hrsg. und erläutert von C. R. Lepsius. Abt. III. Bd. 5—8, Denkmäler des Neuen Reiches. Berlin, 1849—1859
 LIMC — Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Zürich — München
 MDAI — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts
 MEFRA — Mélanges de l'Ecole Française de Rome, Antiquité
 PA — *Kirchner J.* Prosopographia Attica. Bd. I—II. Berlin, 1901—1903.
 PEQ — Palestine Exploration Quarterly. London
 RE — *Pauly's* Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 RT — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes
 RQ — Revue de Qumran. Paris
 SAK — Studies zur ägyptischen Kultur. München — Hamburg
 SE — Studi etruschi
Ulisse — *Ulisse (E. Cavaliere).* Figure mitologiche degli specchi etruschi. I—VII. Roma, 1929—1937
 WB. — *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. 1—7. Lpz—B., 1926—1963
 ZAS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde

О перспективном плане работы «Вестника древней истории» в свете решений XXVII съезда КПСС	3
<i>Моисеева Т. А.</i> (Воронеж) — К вопросу о характере Фригийского государства в VIII — начале VII в. до н. э.	9
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — <i>Traditio Heraclitea</i> (A). Свод древних источников о Гераклите. IV	33
<i>Андреев В. Н.</i> (Ленинград) — Проблема нестабильности крупных афинских состояний V—IV вв. до н. э.	68

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Богословский Е. С.</i> (Ленинград) — Статуя современника Тхутмосе IV в Музее зарубежного искусства Латвийской ССР	94
<i>Борисковская С. П.</i> (Ленинград) — Аттическая геометрическая керамика в Эрмитаже	110

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Воробьев В. А.</i> (Ленинград) — <i>Ποτί</i> у Гиппократа	117
<i>Мавлеев Е. В.</i> (Ленинград) — Вольсии в Самнитских войнах	120
<i>Амусин И. Д.</i> (Ленинград) — Кумранский антифарисейский памфлет	133
<i>Хачатрян Ж. Д.</i> , <i>Тонилян А. В.</i> (Ереван) — Античная баня в Гарни	141
<i>Климов Г. А.</i> (Москва) — Об ареальной конфигурации протоиндоевропейского в свете данных картвельских языков	150
<i>Джауцкая Г. Б.</i> (Ереван) — О так называемой «глоттальной теории» в индоевропеистике	160

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Молчанов А. А.</i> , <i>Цымбурский В. Л.</i> (Москва) — А. И. Немировский. Этруски: от мифа к истории. М., 1983.	167
<i>Аветисян К. А.</i> (Выборг), <i>Симонов В. В.</i> (Москва) — Источниковедение истории древнего Востока. Учебник для студентов исторических факультетов вузов. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1984	186
<i>Козловская В. И.</i> , <i>Согомонов А. Ю.</i> (Владимир) — «Финикийская экспансия в Средиземноморье». Международный симпозиум в Кельне	192
<i>Баюн Л. С.</i> , <i>Орел В. Э.</i> (Москва) — <i>S. V r i x h e, M. L e j e u n e. Corpus des inscriptions paléophrygiennes. T. I—II. Paris, 1984</i>	202
<i>Михайлова Т. А.</i> (Москва) — <i>F. Le R o u x, Ch.-J. G u y o n v a r c'h. La Civilisation Celtique. Rennes, Ogam — Celticum, 1982</i>	210
<i>Хайт В. Л.</i> (Москва) — В. И. Гуляев. Забытые города майя. Проблемы искусства и архитектуры. М., 1984	214

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чтения памяти С. Л. Утченко	216
<i>Чекалова А. А.</i> (Москва) — Международная конференция «Кризис III века, его последствия и отображение в идеологии и культуре» (6—9 ноября 1984 г., Галле, ГДР)	219
<i>Ярго В. Н.</i> (Москва) — Возможно ли единообразие в транслитерации древнегреческих имен?	221

ПРИЛОЖЕНИЕ

Цензорин. Книга о дне рождения (К Квинту Церелию). Перевод с латинского и комментарии <i>В. Л. Цымбурского</i> (Москва)	224

C O N T E N T S

Plan Perspectives for the VDI in the Light of Decisions by the XXVII Congress of the CPSU	3
<i>S. N. Mouraviev</i> (Moscow) — <i>Tradition Heraclitea</i> (A). Corpus fontium ueterum de Heraclito. V	9
<i>T. A. Moiseyeva</i> (Voronezh) — The Phrygian State in the Eighth and Early Seventh Centuries B. C.	33
<i>V. N. Andreyev</i> (Leningrad) — The Instability of Wealth in Fifth and Fourth Century Athens	68

PUBLICATIONS

<i>E. S. Bogoslovsky</i> (Leningrad) — The Statue of a Contemporary of Thoutmose IV in the Latvian Museum of Foreign Art	94
<i>S. P. Boriskovskaya</i> (Leningrad) — Attic Geometric Ceramics in the Hermitage	110

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>V. A. Vorob'ev</i> (Leningrad) — <i>Ποτι</i> in Hippocrates	117
<i>V. V. Mavleyev</i> (Leningrad) — A New Source for the History of Etruria in the Fourth Century B. C.	120
<i>J. D. Amussin</i> (Leningrad) — A Qumran Anti-Pharisaic Pamphlet	133
<i>Kh. D. Khachatryan, A. V. Tonikyan</i> (Yerevan) — The Ancient Bath in Garni	141
<i>G. A. Klimov</i> (Moscow) — Area Contours of Proto-Indo-European in the Light of Data from the Karthvelian Language	150
<i>G. B. Dzhaukyuan</i> (Yerevan) — About the so-called «Glottal Theory» in Indo-European Phonetics	160

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>A. A. Molchanov, V. L. Tsymbursky</i> (Moscow) — A. I. Nemirovsky. <i>Et-ruski: ot mifa k istorii</i> . M., 1983	167
<i>K. A. Avetisyan</i> (Vyborg), <i>V. V. Simonov</i> (Moscow) — <i>Istochnikovedeniye istorii drevnego Vostoka. Uchebnik dlya studentov istoricheskikh fakul'tetov vuzov</i> . Pod red. V. V. Kuzishchina. M., 1984	186
<i>V. I. Kozlovskaya, A. Yu. Sogomonov</i> (Vladimir) — «Phoenician expansion in the Mediterranean». International symposium in Köln	192
<i>L. S. Bayun, V. E. Orel</i> (Moscow) — C. Brixhe, M. Lejeune. <i>Corpus des inscriptions paléophrygiennes. T. I—II</i> . Paris, 1984	202
<i>T. A. Mikhailova</i> (Moscow) — F. Le Roux, Ch.-J. Guyonvarc'h. <i>La Civilisation Celtique</i> . Rennes, Ogam — Celticum, 1982	210
<i>Khait V. L.</i> (Moscow) — V. I. Gul'yayev. <i>Zabytye goroda maya. Problemy iskusstva i arkhitektury</i> . M., 1984	214

SCIENTIFIC EVENTS

Papers Read in Honour of S. L. Utchenko	216
<i>A. A. Chekalova</i> (Moscow) — International Conference: «The Crisis of the Third Century, Its Consequences Reflectans in Ideology and Culture» (6—9 November 1984, Halle, DDR)	219
<i>V. N. Yarko</i> (Moscow) — Is Unified transliteration of Greek names possible? .	221

SUPPLEMENT

Censorinus. De die natali liber. Translation from the Latin and Commentary by <i>V. L. Tsymbursky</i> (Moscow)	224

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.05.86 Подписано к печати 04.08.86 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 21,0 + 2 вкл. Усл. кр.-отт. 132,4 тыс. Уч.-изд. л. 24,8 Бум. л. 7,5
 Тираж 6149 экз. Зак. 2516

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6